

Сказки про Сталина
Часть третья

Марк

Агриппа

Пантелей

Annotation

Приключения Счастливчика Майкла О Лири. Начало в двенадцатом году до Рождества Христова. Рим начала эпохи Принципата. Вбоквел "Сказок про Сталина".

Пролог.

Сентябрь 1977 года, мир Ордена Сталина.

Майкл О Лири, основатель и первый магистр Ордена Сталина, основатель и первый король Далкиленда, ирландец, рождённый шестьдесят один год назад в Филадельфии, штат Пенсильвания, путешествовал. Путешествовал за рулём «Далки-Мобиля», полноприводного дома на колёсах, изготовленного в единственном экземпляре, специально для этого путешествия из Дублина в Монтевидео.

С чего его вдруг обуяла неодолимая тяга к этому путешествию, Майкл не мог объяснить даже сам себе, обуяла и всё тут. Он просто чувствовал, что это очень важно, спинным мозгом чувствовал, а своей «чуйке», «Счастливчик» привык доверять на сто процентов. Разум может ошибаться, «чуйка» — никогда.

Движимый этой тягой, он передал корону старшему сыну Патрику, разделил бизнес и имущество между детьми, а сам отправился навстречу, настойчиво зовущей его, Судьбе. Обрато он уже не вернётся. Это он откуда-то точно знал, но каких-то сожалений по этому поводу у ирландца не возникало, а уж тем более не было страха.

Дублин — Эдинбург — Лондон — Берлин — Москва — Сталинград — Челябинск — Томск — Якутск — Вышинский* (*город на берегу Берингова пролива, крайняя точка Евразии, азиатский выход межконтинентального тоннеля имени Сталина). Два месяца пути, два месяца ночёвок в своём, довольно комфортабельном, правда, фургоне, возле автозаправочных станций, заезжать в города, ему почему-то очень не хотелось. Не хотелось отвлекаться от изучения истории древнего Рима.

Точнее сказать, он не мог от изучения этой самой истории оторваться физически, как не мог перестать дышать. На звонки отвечал, как будто нырял без акваланга — по-быстрому, только по делу, только суть. Всё остальное время, бортовой компьютер «Далки-Мобиля» сам выбирал, что зачитать по этой теме из интернета. Случались серьёзные лекции, а попадались и весьма забавные — сетература, в не слишком популярном фантастическом жанре альтернативной истории и путешественниках во времени в прошлое, которые эту самую историю делают альтернативной. Бессмысленная чушь, но эта чушь сразу запоминалась наизусть, будто записывалась в память компьютера.

Никогда ирландец не интересовался — ни историей древнего Рима, ни, тем более, его альтернативной историей, и вот поди-ж ты, вдруг, ни с того, ни с сего, возникла натуральная физиологическая потребность в этой информации. Как и в этом абсолютно бессмысленном в этой жизни путешествии.

«Сегодня». — мысль-озарение не испугала, — «Сегодня, так сегодня». — ответил Майкл О Лири сам себе и вызвал на связь старшего сына.

— Привет отец. Давно ты сам не звонил. Случилось что-нибудь?

— Въезжаю в тоннель, меня не теряйте, у меня всё хорошо. Поцелуй за меня мать, Патрик, — Магистр Ордена Сталина, не прощаясь, отключил связь.

Из тоннеля имени Сталина, Майкл О Лири выехал... выехал... сложно сказать, куда он выехал. Интернета здесь точно нет, как нет и мобильной связи. А ещё здесь нет солнца, но светло, нет атмосферы, но это нисколько не мешает дышать, нет твёрдой поверхности, но «Далки-Мобиль» продолжает куда-то ехать. Хотя, как он может продолжать ехать, если

здесь нет ничего — ни материи, ни времени, ни пространства?

«А ведь едет же как-то... Ага, приехал».

Цель своего путешествия Майкл узнал сразу, — «Кузница у Горна Судьбы». Почему меня это не удивляет?»

Под навесом, в шахматы играли кузнец, неопределимого возраста, и здоровенный ворон, размером с королевского пингвина.

— Проходи, не робей, — пригласил кузнец, — уступи гостю место, Хугин, потом доиграем, — огромный ворон истаял вместе с шахматной доской и всеми фигурами.

— Привет, — поприветствовал кузнеца ирландец, усевшись в появившееся кресло, — это Рай, или Ад?

— Привет, Майкл. Это и Рай, и Ад — для кого как.

— И как тут для меня?

— Пока никак. Ты здесь проездом. Уже догадался куда?

— Куда — догадался. А вот зачем?

— На месте сам определишься. Конкретных заданий у меня для тебя нет. Делай — что должен, и будь — что будет. Хочешь меня о чём-нибудь попросить?

— Пожелай мне удачи, кузнец.

— Считаешь, мало её у тебя?

— Хватает, но лишней удача никогда не бывает, сам понимаешь...

— Понимаю. Удачи тебе, Феликс! — на латыни пожелал кузнец и даже не то улыбнулся, не то усмехнулся на прощание.

Часть первая. *Principes et Felix** (*Принцепс и Счастливчик, лат.)

Февраль, 741 года от основания Города (12 г. до н. э.), Рим (Республика, Принципат Октавиана Августа).

Марк Випсаний Агриппа, зять и лучший друг Принцепса Римского Сената, Октавиана Августа, болел тяжело и долго, очень тяжело и очень долго — месяц, два, может больше, счёт времени он давно потерял, как и всякую надежду на исцеление. Он заболел в Паннонии, где покорял власти Рима очередную провинцию, сразу почувствовал, что дело серьёзно, передал Тиберию командование над Паннонскими легионами и велел везти себя в Рим.

На вилле в Кампании, к его приезду, собралась вся большая фамилия Октавиана. Сюда же, для консультаций, привезли лучших лекарей Рима, но и их рекомендации ничем не помогали, легче больному не становилось. Иногда Агриппа приходил в сознание, общался с близкими и читал в их глазах свой приговор — его уже мысленно похоронили, осталось лишь исполнить формальности. Его жалели, но в него уже не верили, по нему уже скорбели. Ну что-ж, значит пришло его время познакомиться с Хароном.

Почувствовав чей-то пристальный взгляд, Агриппа очнулся и открыл глаза. Перед ним стоял трёхлетний сын Друза и Антонии-младшей — Тиберий Клавдий Нерон и очень внимательно, можно сказать, изучающе на него смотрел. Молча смотрел, этот странный ребёнок умудрялся вообще не производить звуков, с самого рождения, даже не плакал ни разу.

Увидев, что больной очнулся, мальчик нисколько не смутился, присел рядом, обтер больному лицо влажной тканью и напоил водой. Не успел Агриппа как следует удивиться происходящему — с чего бы этому ненормальному ребёнку так о нём заботиться, да ещё и, судя по всему, глубокой ночью, как услышал вопрос, даже не вопрос, а, скорее, констатацию.

— Не хочешь умирать?

Умирать и правда не хотелось, но ведь не из-за страха же, столько ещё осталось незаконченных дел, не свершённых планов, но поди, объясни это ребёнку, да ещё и, как говорят, ненормальному.

— Не хочу, но на всё воля Богов.

Тиберий, не отводя глаз, усмехнулся. Так усмеваются центурионы, выслушивая забавные отмазки своих легионеров.

— Не на всё, Марк Випсаний Агриппа. Далеко не на всё, и в твоём случае боги точно не причём. Тебя травят люди. Травят ядом, маленькими дозами, чтобы было похоже на тяжёлую болезнь. Не шуми.

Нереальность происходящего привела Агриппу в замешательство, наяву это всё, или в бреду? Маленький ребёнок ведёт себя как взрослый, говорит как взрослый. Травят? Очень может быть. Бред это, или нет, а вреда от этого разговора точно не будет. Видимо все размышления были слишком отчётливо написаны у него на лице — маленький Тиберий ободряюще кивнул и продолжил.

— Травят люди, травят каким-то растительным ядом с Востока. Ты ведь догадываешься, кто приказал тебя отравить и почему?

Если точно травят, то по приказу этой злобной ведьмы Ливии Друзиллы, других вариантов просто нет. Интересно...

— Октавиан знает?

— Если до сих пор не знает, значит очень хочет этого не знать. На его месте, для этого нужно сильно постараться.

Вот значит как. Травят как крысу. Ну и зачем он мне всё это рассказывает? Не от скуки же ночью тайком прокрался.

— Ты кто?

Странного посетителя вопрос совсем не удивил.

— Я Феликс. Мне сам кузнец пожелал удачи, — снова усмехнулся странный ребёнок.

— Какой ещё кузнец?

— Которому ваши боги кузню прибирают и инструменты чистят.

— А ваши?

— А нам боги не нужны, мы с кузнецом напрямую взаимодействуем. Я не бог, — опередил вопрос Тиберий, — такой-же человек, как и ты.

Не соврал, но сказал явно далеко не всё.

— Говорят, что ты ненормальный.

— Правильно говорят. Я и есть ненормальный. Свою первую жизнь я прожил почти две тысячи лет спустя. Это точно ненормально. Только ты никому об этом не рассказывай.

— Не расскажу. И как там, две тысячи лет спустя?

— Неплохо. Это мы после обсудим, если ты выживешь.

— Можешь мне помочь?

— Помогу, если попросишь, отчего бы не помочь хорошему человеку. Только учти, что моя помощь — это смерть Октавиана и Ливии. Сам понимаешь — по-другому никак не получится. Теперь, или ты, или они.

В то, что этот непонятный Феликс запросто угробит Божественного Принцепса и собственную бабу, Агриппе поверилось почему-то сразу, стоит лишь его попросить.

— Как они умрут?

— Да от твоей болезни и умрут, чего мудрить-то в таком простом деле. Заразной

болезнь окажется, вот они и заболеют. Ты покрепче — поэтому выкарабкаешься, а они через пару дней попадут на отчёт к кузнецу.

— И что я тебе буду должен, Феликс?

— Договоримся, Марк Агриппа. Когда-то у меня был отличный друг по имени Марк. Почему бы мне и с тобой не подружиться? Ты на него чем-то похож.

— Прошу твоей помощи, Феликс.

Феликс встал, ещё раз напоил больного.

— Пару дней ты должен изображать, что лежишь при смерти. Не давай себя ничем поить никому, кроме меня. Дотерпи до следующей ночи.

Луций Домиций Агенобарб, экс-консул и свояк Октавиана Августа, находился при дворе Принцепса в ожидании дальнейшего назначения, ему предстояло получить опыт управления одной из провинций. Не то Африкой, не то Сирией, это должно было выясниться в самое ближайшее время, а пока он выполнял личные поручения Божественного Принцепса и, конечно, божественной Ливии. Как ей можно отказать? Великая женщина и замыслы у неё великие, одна только задумка о формировании преторианской гвардии чего стоит. Вместо нынешних жалких придворных когорт — настоящие легионы, формируемые из проверенных опытных легионеров. Август пока морщится, личная гвардия — это уже царский атрибут, а он всё ещё играет в республиканца, но вот Ливия, что называется, зрит в корень.

Когда пришли известия о болезни Марка Агриппы, мудрая Ливия настояла, чтобы именно ему, Луцию Домицию Агенобарбу, было поручено командование личной охраной Октавиана Августа и его большой фамилии. Агенобарб на самом деле был верен и предан обоим Августам и вот, наконец, его старание заметили и оценили, вознаградив доверием. И что в итоге? Оба благодетеля мертвы, от чего — непонятно, а отвечать теперь ему.

Допрошенный личный лекарь Ливии — Страбон запыраться не стал и сразу признал, что они отравлены, причём, скорее всего, тем самым ядом, который он, по приказу самой Ливии, купил у проезжего синдского колдуна полгода назад. Допрос поганца палачом ничего полезного для следствия не дал. Приказала — купил, для чего — не знал. Правда навёл на мысль, что у Марка Агриппы тоже симптомы отравления таким же ядом, а яд этот очень редкий. **ОЧЕНЬ.**

Луций Домиций Агенобарб был отмечен Божественным Августом не только за преданность, он действительно был умён, хорошо образован, обладал широким кругозором и богатым жизненным опытом. Разумеется, он догадывался — от чего вдруг приболел Марк Випсаний Агриппа, лучший друг, зять и наследник Божественного Принцепса, к тому-же, и отличие от самого Октавиана Августа, здоровый как бык и плодовитый как кролик.

Но кто мог отравить сразу и Ливию, и Агриппу, и Августа? Только сама Ливия и могла, больше никому. Что на неё вдруг нашло? Колдовство какое-то, или вмешательство богов?

Антония была для Агенобарба не просто любимой женой, без совета с ней, он никогда не принимал никаких важных решений. Это не подкаблучничество — она племянница Божественного Октавиана и дочь Марка Антония, тоже божественного, наверное... неспроста ведь он объявил себя сыном Осириса... Антония-старшая была для Агенобарба счастливым талисманом, с ней и только с ней он связывал все свои удачи. Её вывод несколько Агенобарба не утешил.

— Получается, теперь ты во всём виноват, Луций. Ты организовывал их охрану и

командовал людьми. Никто не поверит в колдовство, даже я в него не верю. И в то, что Ливия отравила Августа с Агриппой, а потом отравилась сама — я тоже не верю. Это сделал кто-то другой, а самый главный подозреваемый теперь — ты.

— Ты же знаешь, что я командовал людьми, которых подбирали сами Август и Ливия. У меня была чисто символическая, церемониальная должность.

— Знаю. И даже уверена в том, что ты не стал бы их убивать, не посоветовавшись со мной. Но остальные то этого не знают, Луций. Это правда, что Агриппа пришёл в себя?

— Правда. Ему стало лучше. Хотя и очень слаб пока, но теперь он, скорее всего, выживет. Как очнулся, сразу приказал сменить охрану на своих ветеранов, а значит помирать не собирается.

— Это к лучшему. Ты, конечно, в дурацком положении, но со смертью Агриппы, оно стало бы вообще безвыходным. Ты ведь против него ничего не предпринимал?

Луций Агенобарб обиженно вскинулся, но встретив внимательный взгляд супруги, задумался. Впрямую, конечно, нет, но кое-что знал, кое-о-чём догадывался, да и шито всё белыми нитками, наверное, при всём дворе Божественного Принцепса, только этот маленький идиот Тиберий не догадывался, кто на самом деле травил Марка Агриппу. Но впрямую — нет, не злоумышлял. Антония понаблюдала за душевными терзаниями мужа, кивнула понимающе и продолжила.

— Ты немедленно отправишься к Агриппе и доложишь ему о ходе расследования. Всё доложишь, Луций, и свои догадки в том числе. Агриппа благородный человек и за то, что ты мог ему помочь, но не помог, наказывать тебя не станет, а если ты станешь недоговаривать и темнить, он это сразу почувствует. Вот тогда — берегись.

— Агриппа наказывать не станет? Мясник Марк Агриппа проявит благородство? Я чего-то не понимаю?

— Разумеется, не понимаешь, ты вообще ничего не понимаешь, Луций. Агриппа служил мяснику и живодёру. Да-да, дорогой. Мой покойный дядюшка был именно таким, наш Божественный Октавиан был божеством зла и ужаса. К тому же старая мерзкая ведьма Ливия постоянно накачивала его ненавистью и подозрительностью. Слава Богам, теперь можно называть эти вещи своими именами. А Агриппа... Он просто был верен дружбе и выполнял приказы. Ты тоже выполнял приказы... Ступай, Луций, не спорь со мной.

Агриппа выглядел сильно исхудавшим и был очень бледен, но при этом умирать, очевидно, не собирался. У его ложа уже расположились два секретаря, со своим хозяйством, и что-то сосредоточенно писали. Не исключено, что составляли проскрипционные списки. Уж точно не завещание... Агенобарб поёжился. Он и сам не был слюнявым гуманистом, мотивацию Агриппы прекрасно понимал, что называется — сам такой, потому шансы свои расценивал не очень высоко. Несмотря на невесёлые мысли, доложил ситуацию он очень подробно, как и советовала Антония, вскрылся, как говорится, по полной. Что-ж, теперь или лев сыт, или... Агриппа выслушал его признания в дурости и некомпетентности с абсолютно равнодушным видом.

— Луций, ты ведь понимаешь, что сенаторов не устроят твои объяснения? Я бы не поверил не единому твоему слову, если б не знал точно, что ты в этом не замешан.

Такого Луций Домиций Агенобарб никак не ожидал. Точно знает? Значит, знает кто? Но как, он же только что очнулся, до того лежал бревно-бревном. Уже доложили?

«Да, это я вовремя зашёл, молодец Антония».

— Преклоняюсь перед твоей мудростью, Агриппа. Но я тебе рассказал всё, что знаю.

Все свидетели живы, дежурную смену я арестовал. Прикажешь пытать?

— Выпусти. Людей только зря потеряешь, ничего нового они не скажут.

— Прости, Агриппа, мне ничего другого в голову не приходит. У тебя есть подозрения, кто мог это сделать?

— Есть, Луций. Более того, я точно знаю, что это сделал сам Марс. Только это тебе ничем не поможет, доказательств у меня нет.

Он не сумасшедший, и не врёт, по спине Агенобарба пробежал холодок. И вроде хочет помочь.

— А тебя он спас?

— А меня спас.

— За Пантеон?

— Не знаю, но думаю, что теперь я ему изрядно должен.

Помолчали. Задолжать такому богу, почётно, конечно, но...

— Что посоветуешь, Агриппа?

— Мы пока скроем, что мне стало лучше. Обязательно заговоры начнутся, вот и посмотрим, кто у нас самый неугомонный, того и назначим виноватым. Приглядывай за Юлом Антонием, он вляпается обязательно, очень уж деятельный идиот, а как завязнет — бери. Пусть во всём признается. Ты ведь временный префект претория? Ну, значит, полномочий хватит.

В принципе должно получиться.

— Почему Юл?

— Он самый бесполезный. Его держали, чтобы прямая линия Антония не прервалась. Не прервалась и ладно, аж два раза, на всякий случай. Теперь пусть дурачок для пользы дела послужит, хоть и в тёмную, конечно. А если не он, то ты. Понимаешь?

Луций Домиций Агенобарб понимал. Как понимал и то, что должен теперь Агриппе, как Агриппа Марсу. А всё-таки он благородный человек, права Антония.

— Благодарю тебя Марк Випсаний Агриппа, я твой должник.

Юл Антоний, разумеется, вляпался. Уже на третий день безвластия, он рассылал верным «антонианцам» воззвания и инструкции, для пущей важности говоря намёками и выпячивая свою выдающуюся роль в известных событиях. Дурак и есть дурак. Письма перехватывались, подшивались в юридически безупречное дело, списки верных «антонианцев» уточнялись и дополнялись ежедневно. Через две недели, Юла арестовали и предъявили доказательства, его-же собственные письма. Спросили, сразу чистосердечно сознаешься, или палача звать?

Сознался, конечно. Два раза-то всё равно не казнят, на один и заговора хватает, а палач — это аргумент очень серьёзный, даже для суровых римских заговорщиков.

«Да, убил обоих колдовством. Да, отомстил за отца».

Казнь отложили, предстоял ещё процесс над верными «антонианцами». Заслушав доклад о расследовании, сенаторы выразили Агенобарбу благодарность от имени Сената и Народа Рима и единодушно избрали выздоравливающего Агриппу на вакантные должности Принцепса и Цензора Сената заочно.

— Что говорит твоя жена? Всё-таки, Юл её брат.

Агенобарб усмехнулся.

— Говорит, что теперь этот дурачок хоть и так по-дурацки, а войдёт в историю положительным героем.

— Тиберию и Друзу это тоже покажется странным.

— Не каждый день Боги вмешиваются в нашу жизнь, Принцепс. Не хочешь им рассказывать?

— Не хочу, но придётся.

В последнее время они сблизились, общая тайна поспособствовала. Разумеется, Агриппа не рассказал поделельнику про Тиберию-младшего, но намекнул, что контакт с Марсом пока не потерян.

Из мальчика удалось вытянуть кое-какую полезную информацию. Они по-прежнему общались по ночам, и вопросы задавал, в основном, Феликс. Его интересовало буквально всё, и на огромное множество вопросов у Агриппы просто не находилось ответов.

Например: «Что будет, если не удастся задуманное покорение Германии? Вместо изящного *veni, vidi, vici* — кровавая мясорубка лет на двадцать-тридцать? Причём, чем дальше, тем кровавее, ведь дикари сейчас ещё и друг дружку режут, а тут объединятся и все разом навалятся. Дикарей миллионы, десятки миллионов, а на германской границе лишь, жалкие на этом фоне, шесть легионов Друза».

Вопросов он задавал много, но и подсказку, между делом, уже выдал шикарную. Увезённый чуть не в Паннонию голубь* (*голубей римляне разводили для еды) вернулся в своё гнездо, с закреплённой на лапе запиской. Всего за шесть часов долетел до самого Рима. Практически молниеносная связь получится. А что значит связь для войны, Агриппа, почти всю свою жизнь проведший в походах, понимал лучше других.

— Придётся, потому что у нас проблемы. Мы не справимся с германцами. Не дожмём, не хватит сил, а они не сдадутся. Мы только разозлим и сплотим их. В лоб задача не решается.

Действительно проблемы. Германцев ведь предполагалось воевать не от хорошей жизни. Взять с них нечего, их земли холодные — леса, да болота. Но дикари, оказавшись соседями богатых римлян, этим подарком географии начали пользоваться сполна. Грабили всё и вся, нападая даже на отдельные гарнизоны, о гражданских объектах и вспоминать не хочется. Из таких набегов с добычей возвращался, хорошо, если каждый пятый, но они становились дома Героями и примерами для подражания. Все германцы, от мала до велика, мечтали хоть раз в жизни сходить в набег за Рейн чтобы пограбить богатеньких ромеев. Скоро банды в этих набегегах станут армиями.

Планировали-то как с Галлией, по-быстрому самых свирепых перебить, а остальных примучить, длительная бойня в эти планы никак не вписывается. Не сдадутся, значит? Агенобарб не сильно расстроился.

— Хорошо, что нас предупредили. Надо думать, как их всех вырезать.

— Надо. После похорон все вместе и подумаем.

Сам того не замечая, Марк Агриппа, как само-собой разумеется, начал советоваться с маленьким Тиберием по самым разным вопросам. Иногда случались откровенно дурацкие советы. Например — перенести столицу из Рима, чтобы не было нужды кормить и развлекать столько неблагодарных и буйных бездельников.

Но как столицей Рима может быть не Рим? Ведь столько поколений предков жили и отдавали свои жизни исключительно ради вящей славы Вечного Города на семи холмах.

Ради чего тогда жить и воевать? Только ради добычи, как эти косматые дикари германцы? Должно же быть хоть что-то святое, мы ведь не варвары-полузвери, а люди... А иначе, зачем вообще жить-то? Гений Рима нельзя предавать и неважно — что там «кузнец» по этому поводу думает!

Но гораздо чаще советы были очень дельные. Особенно в долгосрочном плане. Да, Марк Агриппа уже достаточно окреп для того, чтобы строить долгосрочные планы. Оружие, которое сможет покорить весь мир, создать можно. Не прямо завтра, конечно — нужно много горючей китайской соли, серы, меди, олова, железа, мастеров, рабов и укромное место, но это всё раздобыть-организовать вполне реально, это просто деньги — а вот где взять человека, который будет всем этим управлять? Не самому же Принцепсу этим заниматься.

«Кадры решают всё».

Банальная сентенция, это и без «кузнеца» было давно известно. А вот кому можно доверить ТАКУЮ тайну, Феликс? Не знаешь. Вот то-то и оно. Я должен знать? Ладно, будем думать.

Будем думать, а пока нужно разгромить племена германцев между Рейном и Вистулой* (*Вислой). Разгромить, пока они враждуют между собой с неменьшей страстью, чем грабят Римские владения.

Тиберий Клавдий Нерон-старший смотрел на расстеленную на столе карту и не верил своим глазам. Великая и могучая держава грозных римлян, на этой карте была настолько маленькой и жалкой, что становилось тоскливо. Он поднял глаза на Агриппу.

— Невероятно.

— Это ещё не всё, Тиберий. На этой карте только наш континент, за западным морем есть и другие.

Тестю Тиберий поверил сразу.

Ну покарал Марс отчима и мать, несколько необычно, конечно, но видать были у него на это веские основания. Ливия, в последнее время, здорово доставала сына своими интригами, пытаясь поссорить с любимой женой, с Агриппой, Агриппу с Августом и вообще всех со всеми. Видать и богов достать умудрилась, а с ними шутки плохи. Как сын, он, конечно, скорбел, но одновременно и вздохнул с облегчением, жить теперь станет намного проще.

Но этой картой Марк Агриппа удивил Тиберия по-настоящему. Паннония, где в бесконечных стычках с дикарями истекали кровью его шесть легионов, в лучшем случае, её тысячная часть. Даже не считая западных заморских земель...

— На всё это нам понадобятся шесть тысяч легионов* (*римский легион — пять тысяч человек).

Агриппа усмехнулся, ход мыслей своего зятя он понял сразу.

— Не так много, Тиберий, в большей части земли суровы и пустынно, населены лишь дикими зверями, но триста легионов, как минимум, нам понадобится. И ещё флот. Вот и считай.

Тиберий по жизни был реалистом-прагматиком. Он слишком хорошо знал ситуацию внутри Рима, чтобы понимать, что это невозможно. Уже сейчас, в легионы принимали кого попало — беглых преступников, слабо, а то и вовсе неграмотных, уже значительно снизились требования по здоровью. Набрать в десять раз больше? Даже не принимая во

внимание фактор экономики, людей брать просто негде. Но ведь и Агриппа всё это понимает.

— Надеюсь, Марс подсказал тебе, где набрать эти легионы. И чем им платить.

— Подсказал. Но это мы обсудим, когда приедет Друз. Хочу тебя попросить переговорить с ним заранее, по-братски. Антония-младшая на него слишком сильно влияет, ещё внушит, что с Юлом поступили несправедливо. Сейчас не время скандалить по глупым поводам.

Любимый братец Друз, конечно, неисправимый идеалист, но из-за скотины Юла в бутылку точно не полезет, тем более что Юл всё равно виноват — мятеж-то ведь он готовил, в этом сомнений нет. А Антонии и знать ничего не надо.

— Поговорю. Проблем не возникнет.

Проблем не возникло. Друз, не долго ломаясь, согласился, что в целом все получили по заслугам, а выпячивать правду матку в данном конкретном случае — просто не разумно.

Августов похоронили. Пышно, торжественно — с трёхдневными играми, недельным пиршеством, богатыми подарками гражданам. Это-же просто праздник какой-то! Сразу забылось, что начиналось всё с печального повода. Римляне славили Марка Агриппу, проклинали коварных «антонианцев» и в целом были счастливы.

Агриппа выступил на форуме с прекрасной речью, пообещал продолжить славное дело Цезаря и Августа, и вести римлян от победы к победе. Тиберий и Друз присягнули первыми, искренне и решительно. За ними Сенат и легионы. Нигде не возникло никаких проблем.

Маленький Тиберий-Феликс понял, что круг посвящённых необходимо расширить, когда они мастерили по ночам глобус. Вернее, раскрашивали деревянный шар, диаметром примерно с полметра. Шесть ночей на это ушло, а ведь Агриппе ещё огромной страной руководить надо. Не крохотным королевством Далкиленд, а единственной Сверхдержавой текущей современности. А Агриппа всякими новинками увлекается так, что точно в гроб себя загонит недосыпами.

Марк Випсаний Агриппа действительно очень увлёкся. Непростая работа для военного — шарик раскрашивать, но до чего же интересная. Надо же, оказывается Земля — это шар и он летает во Вселенской пустоте. Причём, шарик у нас маленький, в триста тридцать тысяч раз (сдуреть!) меньше Солнца. В триста тридцать тысяч раз меньше крохотного кружочка небесного светила. Кажущегося крохотным, настолько мы от него далеко. Далеко по сравнению с Луной, но в бесконечной Вселенной, мы с Солнцем практически слиплись в один механизм. Уму ведь непостижимо.

Марк Агриппа гордо демонстрировал соратникам почти собственноручно разрисованный глобус и читал лекцию:

— ... летает вокруг Солнца по кругу, как на нитке. И Марс — такой же шар, и он так же летает, а если с Марса глядеть на нашу Землю, то увидишь голубую звезду, как мы видим красную. Луна тоже шар, но маленький и близко, он летает уже вокруг Земли.

Агриппа закончил, промочил горло и окинул взглядом «Марсианский комитет». Выступать никто не спешил, присутствующие слишком его уважали, чтобы опускаться до банальных реплик — «не верю».

Первым нарушил молчание Публий Квинтилий Вар. Ещё один зять Агриппы, муж его второй дочери — Випсании Марцеллы. Он больше других интересовался естественной

философией, и считался довольно хорошим архитектором и инженером.

— Извини мне мои сомнения, благословенный Принцепс, но почему тогда с шара не стекает вода?

— Её держит сила Земли, Вар. Вода не утекает, мы не падаем, хотя Земля не только летает, но ещё и вращается. Всё держится этой самой силой Земли. Разумеется, все эти наши новые знания требуют тщательного изучения и проверки. Именно ты этим займёшься, Публий Вар, собирай в Рим всех астрологов, алхимиков, философов, механиков и инженеров, и ставь им задачу — осознать этот, открытый нам самим Марсом, неоспоримый факт, осмыслить его, и найти ему применение. И молодёжь собирай, которая тянется к таким знаниям, будем её учить. Организуем Universitas* (*совокупность, общность — латынь), для обмена знаниями и взаимной помощи в постижении истины. Деньги — будут, — опередил Агриппа вопрос Вара, — Марс сказал мне, что раздобыть деньги — это самая лёгкая, из стоящих перед нами задач, так что собирай всех, кого найдёшь.

Агенобарба больше заинтересовал религиозный аспект. То, что их божественный покровитель оказался летающим космическим шаром, ломало ему всю привычную картину мироздания.

— Шар, значит... А как это люди воспримут? Смуты бы какой не случилось, Принцепс. Надо всё это в тайне держать.

Агриппа, разумеется, и этот злободневный вопрос с Феликсом обсуждал. Уповал на важность религии для римлян и Рима, приводил в пример себя, благочестивого римлянина, которому бог Марс послал Феликса за Пантеон и другие заслуги, но Тиберий-младший был к этим доводам равнодушен:

«Ваших богов вам придумали греки. Греки ленивы, лживы, похотливы и трусливы, поэтому и боги у них — полные ничтожества. Ничего не сделали и не собираются, живут как животные. Риму нужна другая религия».

Тяжело с ним... Но идею в очередной раз подал отличную. Оказывается, уже этой осенью, Риму будет знамение — на небе появится хвостатая звезда* (*комета Галлея, описана во многих источниках), которую увидят все, и это событие можно и нужно использовать с пользой именно в вопросе религии. Красивое знамение, если его вовремя предсказать и правильно истолковать, станет неубиваемым аргументом в любых теологических спорах. Ну, почти в любых.

— До осени будем держать в тайне. Осенью нам будет знамение — в небе появится хвостатая звезда. Я уже начал думать — как нам это событие обратить себе на пользу, думайте и вы. Религией теперь тоже придётся заниматься нам.

— Не было печали, — тяжело вздохнул Тиберий.

— И не будет, если мы все очень постараемся. Я понимаю, что всё встаёт с ног на голову, но мы обязаны этот процесс переворота контролировать. Мы в сложном положении, но мы об этом уже знаем, и заранее примем меры. К большой нашей удаче, Марс нас совсем не оставил, продолжает подсказывать. Но побеждать вместо нас германцев, или растолковывать знамения он не будет. Да и не все его подсказки, я, к сожалению, понимаю.

— А что на самом деле означает появление хвостатой звезды, Принцепс? — поинтересовался Публий Квинтилий Вар.

— Ничего не означает. Это оказывается тоже космический шар, только поменьше и летает по-другому, но об этом знаем только мы впятером, и поэтому имеем возможность толковать знамение как пожелаем, лишь бы нам самим на пользу пошло. Марс не против

этого.

Друза эта ситуация позабавила.

— Запугать всех можно будет до энуреза, если тонко сработать. Значит, Агриппа, ты у нас теперь оракул Марса?

— Не я, но я с его оракулом общаюсь. Теперь ко мне подключится Публий Вар...

Когда, умучившись с глобусом, Тиберий-младший согласился, что доверенный помощник не помешает, попросил подобрать кого-то из ремесленников, но Агриппа воспротивился категорически. Ещё чего не хватало. Тут нужен был свой, близкий, верный и надёжный как добрый римский гладиус. Ремесленников он потом уже сам озадачит, а если чего и придётся своими руками сделать — тоже ничего страшного. Агриппа, вон, глобус сам разрисовывал, Вар тем более не сломается. Главное — что ему можно доверять, он не подкаблучник, как тот же Агенобарб, жене ничего не разболтает. Отцу ты открываться не хочешь, значит, и Тиберию нельзя, у них друг от друга с самого детства тайн нет.

На том и порешили, Вар, так Вар. Оно даже и к лучшему, полководец он бездарный, зато инженер хороший и к учёности стремится.

— ...который и будет разбираться с силой Земли и прочими новыми знаниями, — продолжил Марк Агриппа после короткой паузы, — для которых я уже слишком стар. Кто наш Оракул — пока тайна даже от вас. ПОКА тайна. Ладно с этим закончили. До знамени семь месяцев, начинайте над этим думать, потом ещё раз посоветуемся. Давайте о насущном. Германский вопрос. Тиберий? Тиберий, очнись!

Не проронивший до этого не звука, Тиберий Клавдий Нерон-старший где-то витал, поглощённый своими мыслями, и Агриппе пришлось его приземлить.

— Не знаю, Принцепс. Если их там и правда двадцать-тридцать миллионов, да все сплотятся... К тому-же они слишком быстро учатся, вон, брат рассказывал, некоторые банды уже пытаются строем воевать, когда их прижимают. Рано, или поздно, все научатся, если ничего не предпринять. Сейчас мы размениваемся погибшими один к двадцати... Не знаю... Ты обещал рассказать, Агриппа, где можно набрать легионы.

— Расскажу, ещё успеется. Война с германцами нам предстоит не завтра. Предварительно наметим её на семьсот сорок седьмой год* (*от основания города, 6 г. до н. э.), так что шесть лет у нас есть. Это время мы должны использовать с толком. Если вы обратили внимание, то я сказал — что деньги для нас больше не проблема.

— Обратили, — подтвердил Тиберий, — ты хочешь поднять легионерам жалование?

— И это тоже, но не сразу. Мы будем покупать легионеров у германцев. Вы не ослышались. Мы будем покупать у них пятнадцати-шестнадцатилетних юношей и воспитывать из них граждан Рима. Если за них хорошо платить, то дикари с удовольствием займутся добычей собственных сородичей из других племён. Мира у них между собой нет, и не будет, если всё пойдёт дальше по нашему плану. Займёшься этим ты, Друз.

— Ты уверен, Агриппа? Не взбунтуются потом эти легионы? Всё-таки кровь у них...

Друз держал границу с германцами, насмотрелся всякого больше остальных, он вообще сомневался в том, что это люди.

— Уверен. Мало того, это будут наиболее верные наши люди на Востоке, на границе с Парфией, а кровь...

Этот вопрос они тоже уже обсуждали с посланцем «кузнеца». Как раз его пример пригодился.

— ...вот, к примеру, у вас с Тиберием кровь вполне может быть разная, а с самым

лютым германским дикарём — одинаковая. Кровь бывает четырёх разновидностей, и кому какая достанется — дело случая, так и у нас, и у дикарей, и у негров. Вар потом это вам докажет опытным путём, а пока поверьте мне на слово.

Это было кощунство, святотатство и сокрушение основ. За это в приличном обществе кишки выпускали на раз. Цезарь за куда меньшее пострадал, он всего лишь нескольких варварских вождей-галлов в Сенат ввёл. Да-да, его убили именно за это, диктатуру ему простили бы — после Мария и Суллы, Цезарь выглядел диктатором очень великодушным и справедливым.

А тут не пяток варваров в Сенате, а полное разрушение основ римского мировоззрения. За такое убивают самые близкие, и Агриппа это хорошо понимал. Понимал, но делать нечего — основы придётся разрушить и создать новые.

— Когда Вар подберёт подходящего дикаря, я перелью себе его кровь. Это послужит вам доказательством.

Агриппа рисковал, но именно так ему предложил доказать это Тиберий-младший, только предлагая себя для эксперимента. Отозвался Тиберий старший.

— Мы не подвергаем твои слова сомнению, благородный Марк Агриппа. Уверен, тебе самому было не легко принять это знание, но тем не менее ты его принял. В этом случае, затея с покупкой германцев выглядит красиво, дикарей ослабляем, а себе, по цене рабов, получаем настоящих граждан и пополнение в легионы. Придётся вложиться в их воспитание и обучение, но и отдача будет ого-го какая. Только я бы об этом больше никому ни в коем случае не рассказывал, не все тебе верят так, как мы, Агриппа, это просто опасно. Нас всех пятерых за такое перебьют, и легионы не помогут. Деньги у нас есть свои, сенатские не потребуются, наследство Августа и матушки приятно удивило величиной. Я, признаться, даже не предполагал, что наши Августы настолько богаты. Начнём втихаря, мало ли зачем мы рабов покупаем, а потом, глядишь, и рассосётся. После хвостатой звезды вопросов остаться не должно, или их будет уже гораздо меньше. Брат?

Агриппа взглядом выразил Тиберию благодарность. Политик, рассудительный и не склонный к поспешным действиям, практически направил буйного братца в правильное русло.

— Да уж, лучше по-тихому. Такое... Лучше бы я и сам этого не знал... Никому нельзя говорить. Агриппа, надеюсь, что это последние плохие новости? Мне нужно как можно скорее напиться вдрызг, иначе я точно сойду с ума.

— Плохие последние. Уладим ещё наши семейные вопросы, и после напьемся все вместе. Не думай, что меня всё это радует, Друз, мне, старику, ещё тяжелее всё это принимать. Значит семейное. Все благоглупости покойного Октавиана Августа, со всеми его усыновлениями-переусыновлениями, канули в лету вместе с ним и его дурацкими планами. Однако, младшее поколение нужно правильно воспитывать, чтобы они чувствовали себя членами одной большой семьи. В этом Октавиан был прав, хоть и действовал по-дурацки. Друз, ты возьмёшь на воспитание моего Гая, ты, Тиберий — Луция и Гнея Домиция, ты, Агенобарб — Друза-младшего, а я — Тиберия-младшего. Согласны?

Согласны, конечно. Договорились сразу, а потом случилась пьянка, на которой один «маршал» и четыре «генерала» нарезались истинно по-солдатски, как после тяжёлого боя — в хлам.

Первое заседание Сената в качестве Принцепса и Цензора, Марк Випсаний Агриппа

провёл двадцать второго апреля* (*все даты даются по новому стилю) 741 года от основания Города.

Первым делом, новый Принцепс и Цензор Сената предложил провести реформу календаря. Новый календарь делил год на двенадцать месяцев по тридцать дней, разделённых на три декады, и пяти-шестидневную предновогоднюю неделю. Неделю подведения итогов года в Сенате и праздничную для римских граждан. Отцы-сенаторы обещали подумать-обсудить. Пусть думают, это уж точно не горит.

Второе предложение — воссоздание семи легионов Марка Красса, уничтоженных парфянами в битве при Каррах: Legio IV Parthica* (*IV Парфянский легион), Legio V Syriaca* (*V Сирийский легион), Legio VII Paterna* (*VII Старейший легион), Legio VIII Syriaca* (*VIII Сирийский легион), Legio XI Pia Fidelis* (*XI Верный и преданный легион), Legio X Antiqua* (*X Старый легион) и Legio XIV Martia Victrix* (*XIV Марса Победоносного легион), «Орлы» которых вернул в Рим покойный Октавиан Август. Раз «Орлы» вернулись, значит, Богам угодно воссоздание этих легионов. На эти цели предлагалось направить средства, конфискованные у угодивших под проскрипции «антонианцев».

Чтобы сенаторам думалось веселее, Агриппа пообещал сделать проконсульскими* (*сенатскими провинциями) Лузитанию, Терраконскую Испанию, Лунгдунскую Галлию, Цезальпийскую Галлию, Нарбонскую Галлию, Галлию Аквитанию, а, после уже скорого покорения Паннонии, ещё и Далмацию. Очень щедрое предложение. Сразу его не приняли только потому, что это несолидно.

Зато империиумы* (*право формирования новых легионов), которые Агриппа запросил для себя, Тиберия и Друза, Сенат предоставил сразу, единогласно, причём самому Агриппе пожизненный. Хотите потратить наследство покойных Октавиана и Ливии на солдатиков — в добрый путь, ничего не имеем против.

От титула Август* (*Божественный), Марк Випсаний Агриппа отказался, обосновав это тем, что нового Римского Августа уже выбрали сами Боги, а людям их выбор станет известен в своё время. Когда? Скоро. Уже очень скоро. Этой осенью нам будет знамение, тогда о выборе Богов узнаю я. Какое знамение? Увидите, его все увидят. Когда вы узнаете о выборе Богов? Когда Боги разрешат мне вам об этом рассказать, тогда и узнаете. Вам-то куда торопиться?

Ещё одну, освободившуюся после смерти Октавиана, должность — Верховного понтифика, Агриппа занял, но сразу оговорился, что не пожизненно, а только на время. Как только Боги откроют римлянам свой выбор, Верховным понтификом станет новый Август. Так — правильно, так — победим!

Назначения Публия Квинтилия Вара префектом Претория и Луция Домиция Агенобарба пропретором всего Востока (Египта, Иудеи, Сирии, Киликии и Галатии) возражений у отцов-сенаторов не вызвали. Оба они экс-консулы и в полном праве претендовать на управление проконсульскими сенатскими провинциями, да ещё и близкие родственники Принцепса, так что претенденты из первых-главных, а тут такая удача, нашим больше достанется. Если сам Агриппа не опасается доверять им такую власть, то и нам опасаться нечего.

В общем, после этого заседания, все остались друг другом очень довольны. Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, не продавливал своих решений, а предлагал решать сенаторам, которые, в свою очередь, снова почувствовали себя действительно Отцами. Впервые, после убийства, по приказу бешеного пса Антония, Марка Туллия Цицерона.

Антония-старшая находилась в смешанных чувствах. С одной стороны, вроде всё хорошо, её Луций не только не пострадал во время последних событий, но и возвысился, его кандидатуру в пропреторы всего Востока продавил сам Агриппа, при полной поддержке Тиберия, Друза и Вара. Но, с другой стороны, это был уже не её Луций, он замкнулся, начал от неё что-то скрывать. Первая мысль пришла тривиальная — завёл себе похотливый мерзавец любовницу, но нет, в этом он оказался чист. Тайна была другого уровня — это и пугало, и интриговало одновременно. Младшая сестрёнка, понимала не больше.

— Друз мне ничего не рассказывает, — жаловалась сестре Антония-младшая, — говорит, что это тайна, которую пока нельзя никому раскрывать. Никому! Даже мне, ты представляешь? Сказал, что Гай Випсаниан будет воспитываться у нас, а Луций у Тиберия, но почему — не объяснил. Всё это очень похоже на обмен заложниками. Но зачем?

— Это какой-то заговор, дорогая. Агриппа, Тиберий, твой, мой и Публий Вар — эти точно участвуют. Будем наблюдать. Если что-то заметишь — сообщи мне сразу, я с тобой тоже поделюсь.

— Заговор? Но против кого? Против Республики? Зачем им это? Ведь Агриппа и так уже Принцепс, Цензор и Верховный Понтифик. Даже наш покойный дядюшка не был Цензором Сената...

— Не знаю, милая. Заговор, очевидно, есть, но цели его мне пока не понятны. Против кого могут тайно сговариваться пять самых влиятельных людей Рима, причём в такой секретности, что даже мы с тобой ничегошеньки не знаем? Ходят все хмурые, будто их любимые легионы вот-вот взбунтуются...

— Ты меня пугаешь. Я видела, что Друз чем-то встревожен, но он говорил про германцев, что их сильно недооценили и что на самом деле опасность куда серьёзнее. Думала, что всё из-за этого.

— Твой Друз бы этому только порадовался, милая моя, чем больше врагов, тем больше у него будет побед и славы. А мой? Стал бы от меня скрывать какие-то дурацкие военные секреты? Уверяю тебя, даже если бы они планировали резню в Сенате — я бы это знала. А как тебе Марк Випсаний Агриппа — Верховный Понтифик? Очень сильно сомневаюсь, что он понимает разницу между Венерой и Вестой, или Юноной.

Антония-младшая округлила глаза и перешла на шёпот.

— Ты думаешь, что они готовят заговор против кого-то из Богов?

— Предположи что-нибудь другое?

— Но зачем им это?

— Не знаю, не знаю, не знаю. Но заговор есть, и мы в нём участвуем, в качестве массовки. И наши дети тоже с нами, дорогая сестрёнка.

Дети — это для любой ответственной матери очень весомый аргумент. Но ведь и для отцов тоже. Те хоть и мрачные ходят, но явно не испуганные, скорее злые на что-то. Видимо, не всё так страшно. Своего мужа, Антония-младшая любила и доверяла ему.

— Мы должны их поддерживать, хоть они нам и не доверяют. Если заговор есть, он должен победить.

Старшая вздохнула.

— Ты права. Ещё бы знать, на что они замахнулись.

— Узнаем. Им скоро станет стыдно нам не доверять.

Лектика опустилась на землю возле Виллы Клавдиев, и разговор пришлось прервать,

Антония-младшая с сыном приехали.

— Тиберий, поцелуй тётю Антонию.

Антония любовалась сыном. Хороший мальчик, послушный и ласковый, никогда не капризничает. Наговаривают на него. Да, на остальных не похож, но не хуже, а лучше. Жалко его Агриппе оставлять, совсем коротко повидались, но придётся...

— Пойдём сынок, нас ждёт твой отец.

Публий Квинтилий Вар оказался очень талантливый учёным, сегодня он доказал Силу Воды.

— ... бабахнуло, как гром с небес, котёл разорвало и одним из кусков рабу пол башки снесло, да ещё и стену потом пробило. Хорошо, что Тиберий-младший нас предупредил беречься — никто не пострадал.

Агриппа постучал пальцами по лежащему на столе пергаменту со схематичным изображением парового двигателя.

— Значит, всё это и правда возможно, и корабли без гребцов, и повозки без волов?

— Несомненно, Агриппа, теперь, несомненно. Раз эта сила есть, значит можно её использовать. Но мы от этого ещё очень далеки, механизмы слишком сложные. Мы их себе уже представляем, но сделать пока не можем.

Глаза у Вара горели, трудности его совсем не пугали.

— Тиберий говорит, что начинать нам нужно с другого. С силы ветра и течения реки, они послабее и механизмы там потребуются гораздо менее сложные. Ты представляешь, Агриппа, что это нам даст? Например — когда река крутит мельницу, вместо волов? Без остановки работает, есть не просит, отдых ей не нужен, нужен будет всего один управляющий-счетовод и пара рабов, чтобы мешки заполнять и оттаскивать. А молот ведь можно не только зерно. Вот...

Он извлёк из складок тоги невзрачный сероватый лист с неровными краями.

— Это называется бумага. Её можно делать даже из старых тряпок, основные расходы в этом производстве на помол. Мы можем делать её много и дешево. Очень дешево.

Агриппа повертел образец, бумага его не впечатлила. Вар это заметил.

— Это очень плохое качество, Принцепс. Хорошая бумага будет лучше папируса и в разы его дешевле. Тиберий-младший говорит, что со временем, бумага станет настолько дешёвой, что продавцы на рынке будут в неё для покупателей рыбу заворачивать. И даже, извини, задницу ей подчищать.

Из-за дороговизны папируса и пергамента, в широком ходу до сих пор находились глиняные таблички, тяжёлые и неудобные в хранении. Бумага — это хорошо. Тиберий-младший много раз про неё упоминал, но Агриппа не придавал этому значения, а Вар вон сразу ухватился, есть у него чутьё. Талант...

— Но при этом, из бумаги же можно делать деньги.

— Кому нужны такие деньги, которые ничего не стоят?

— Я тоже удивился, Агриппа, но объясняет он толково, правда, слишком уж заумно для меня. Может Тиберия-старшего привлечь?

— Не нужно пока. Этим вопросом я сам займусь.

Чудно, конечно, но сразу списывать идею в сумасшедшие, Агриппа уже не спешил. Насмотрелся чудес, и не такое бывает, как выяснилось.

— Продолжай, Публий.

— Ещё силой реки можно раздувать меха и поднимать кузнечный молот, тяжёлый молот, в разы тяжелее, чем человек поднимает. Бум-бум и гладиус готов, бум-бум-бум и готова лорика-сегментата. Такие механизмы мы создавать уже можем.

— Отлично. Что-то ещё?

Вар усмехнулся. Это только начало.

— Математика. Нам всем придётся переучиваться на десятичную разрядную систему. Тиберий-младший считает, что именно это нас больше всего тормозит. Я стал у него учиться, уже неделю занимаемся. Рекомендую тебе тоже взять несколько уроков, Агриппа. Хоть и знаю, что ты очень занят.

— Что можно понять за несколько уроков?

— Поймёшь, что переучиваться нужно обязательно.

— Заинтриговал. Хорошо, попробую. Это ещё не всё?

— Не всё. Много разного, но всё пока в начальной стадии осмысления и проверки. «Химия» всякая, кислоты, нитрирование... Докладывать подробности?

— Уволь. Лучше скажи мне, к чему всё это нас приведёт? Все эти новые знания, ты лучше других сейчас способен оценить перспективу.

Вар, разумеется, размышлял над этим не раз и не два.

— Это даёт нам большие возможности, но, к сожалению, не нам одним. Чем дольше мы удержим всё в тайне, тем лучше. В том числе и от своих, Агриппа. А иначе, лучше даже не начинать, тот-же чудо-молот запросто построят себе даже германские дикари. Хорошо бы всё это спрятать на каком-нибудь острове.

— Все острова в Нашем море под управлением Сената, — а Сенат куда опаснее каких-то там дикарей, Агриппа отлично помнил гражданскую, — ты спрашивал совета у Феликса?

— Конечно, спрашивал, Принцепс. Он ответил, что плохо себе представляет наши возможности по обеспечению секретности.

— Потому, что их у нас нет, Публий Вар. Нет у нас таких возможностей, все наши секреты на год, хорошо если на два. Благодарю тебя, я должен подумать. Есть над чем.

Маленький Тиберий лежал на заваленном свитками полу большого таблиния Виллы Юлиев, увлечённо читал один их них, периодически хмыкал и бормотал что-то себе под нос. Услышав шаги, он повернул голову, и на вопросительный взгляд Агриппы, пояснил.

— Мне так удобнее, мебель пока высоковата.

Агриппа понимающе кивнул и не чинясь присел рядом на пол.

— Нашёл что-нибудь интересное?

— Очень интересное. Только не знаю, насколько этому можно верить. Надо будет людей с проверкой послать.

Агриппа кивнул, обычное дело. Посланец Марса перевернулся на спину и сладко потянулся.

— Больше всего мне у вас нравятся тёплые полы. А меньше всего попка. Ну и гадость... Нужно как можно скорее найти кофе и чай. И виски сделать, конечно. Мне то пока рано, но хоть ты порадуешься.

— Что нашёл-то?

Тиберий-младший встал и подошёл к висящей на стене карте Материка.

— Это Волга, греки её называют Ра. Судя по всему, она сейчас гораздо полноводнее, чем должна быть. Похоже, сейчас, в половодье, имеется проход между Каспием и Балтикой,

даже каналы строить не придётся. Хорошо бы нам всё это дело заранее проверить. Только мирно проверить, чтобы не насторожить там никого раньше времени, лучше всего отправить торговый караван с охраной. Туда, на Волгу, будем расширяться в первую очередь, очень уж сильное место, река не хуже Нила. От неё погоним кочевников на восток, пока у них всякие Атиллы и Чингисханы не народились.

Вот как, оказывается река должна быть другая, а ведь сам же её рисовал, вот и понимай как хочешь.

— Ты же говорил, что в первую очередь — Германия?

— Германия — вне очереди. Германия — это ваша проблема уже вчерашнего дня, это уже ваш долг перед грядущим, если хотите сохранить свой любимый Рим. Я про первоочередную задачу будущего говорю, про развитие. Если восточные степи не взять под контроль и не заселить, оттуда постоянно всякая зараза будет лезть — то дикие Орды кочевников, то эпидемии разных болезней.

— Наш долг? А твой?

— Вообще-то, мне здесь всего три года, так что долг этот только ваш, я не оговорился. А мой? Наверное, он в том, чтобы продвигаться на восток. На Волгу-Ра, в Сибирь, в Китай, в Тихому океану. Очень важная река, Волга, поверь мне. На её левом притоке — Каме, есть горячая китайская соль-селитра. Из Камы, по её левым притокам, можно добраться уже до Урала, а там нас ждёт самая настоящая сокровищница. Там есть всё — и золото, и серебро, и медь, и железо. Холодно только зимой, зато всё до сих пор нетронуто, нас ждёт. Обязательно нужно людей послать.

— Пошлём кого-нибудь. В Боспорском царстве у нас большое влияние, они помогут.

— Тогда я подготовлю список вопросов, на которые нужно обратить особое внимание.

— Составляй. По поводу того, что уже узнал Публий Вар..., он предлагает спрятаться на каком-нибудь острове, но все острова в Нашем море* (*Mare Nostrum — Средиземное море) под управлением Сената. Нам очень сложно будет сохранить тайну.

— Прятаться, на самом деле, лучше всего в самом Риме. Просто нужна хорошая легенда прикрытия, чтобы всем быстро стало неинтересно. Возится себе чудак Публий Вар со всякой вонючей ерундой, никому не мешает и ладно. Время от времени, он будет удивлять всех бесполезными диковинами, вроде механических театров и музыкальных шкатулок. Заодно и Службу Внутренней Безопасности создаст, обкатает её на досужих зеваках. А когда научимся, будем готовы к большому рывку, нужно уходить сюда.

Он указал на карте точку на берегу Волги-Ра.

— Самый центр Европы. Географический центр. Здесь и будет наша новая столица. Вторая столица. Новый Рим, промышленный и финансовый центр всего Мира.

— А Рим? Старый Рим? Наш Рим?

— И Наш Старый Рим никуда не денется. Сохраним для потомков культурное-архитектурное наследие, не дадим варварам его разрушить-разграбить. Будет тут культурная историческая столица. Столица старого Римского Мира, столица всего Средиземноморья. Не пропадёт Старый Рим, не беспокойся. Продолжат здесь отцы-сенаторы свои игры и интриги, продолжит ваш донельзя обнаглевший плебс требовать у них своих «законных» хлеба и зрелищ. Порочные продолжают предаваться порокам, а целомудренные с ними бороться — всем занятия найдутся. Но новое дело лучше сразу начинать на новом месте.

— Какое ещё новое дело?

— Ну, ты же собираешься весь Мир покорять? Начинать лучше всего отсюда. Или у тебя

теперь другие планы?

— По плану, у меня было начать с усмирения германцев.

— Это само-собой, про это уже говорили. В тылу эту дикую сволочь заповедником оставлять нельзя. Лет пять у них юношей-тиронов* (*тирон — легионер новобранец) повыкупаем, а потом ударим. К тому времени, там уже все со всеми воевать будут — так что войдём как по маслу. За пять лет мы правильный флот построим и с устьев, с севера, в реки войдём. Но чтобы всё получилось, как нам надо — германцы должны верить в то, что мы, дурачки, планируем с ними вечный мир и совместное вторжение в Британию. На это денег жалеть ни в коем случае нельзя.

Агриппа был опытным политиком и полководцем, идею ухватил сразу.

— Если в реки с устьев войдём и разом все броды захватим, то деваться им будет некуда.

— В том то и дело. Все броды. И разом. И неожиданно. А у вас разведка...

Тиберий-младший нашёл один из свитков и начал читать.

— «Со слов торговца янтарём варвара Угрома ликсе Семпронию...» Никуда не годится такая разведка, — свиток полетел в кучу себе подобных, — всю разведку и контрразведку нам придётся создавать с нуля. Где это видано, чтобы таким важным, даже, пожалуй, важнейшим на войне делом, занимались обозники* (*разведкой в Римской армии занимались фрументарии-снабженцы)? Причём, не по легенде-прикрытию обозники, а заодно, в нагрузку к своей основной деятельности? Доведи обоз снабжения и заодно, по пути, всё нам разведай. Это же дикая дикость, самый настоящий позор. Если мы хотим победить, то разведку придётся создавать с нуля. Кто этим займётся?

— Если ты объяснишь, что конкретно нужно делать, толковый человек найдётся.

— Через неделю приготовлю наставление с общими принципами и основными требованиями. Но человек этот должен быть талантливый, одарённый. Разведка — это не ремесло, это творчество, искусство. Кстати, Вар толковый. Раз уж ты ему доверяешь, можно доверить и это. С ним мы уже хорошо сработались.

В конце июня 741 года от основания Города, Марк Випсаний Агриппа овдовел. Его третья жена, Юлия, единственная дочь Октавиана Августа, умерла при родах. Странно, в той истории родила она благополучно, а после смерти Агриппы вышла замуж за Тиберия-старшего.

— Нет больше той истории, — прокомментировал эту странность, не слишком-то опечалившийся, вдовец, — там не было тебя, и я не выжил. Боги не повторяются. Не важно какие Боги — наши, или твой. Теперь всё пойдёт по-другому.

Несмотря на октябрь, погода стояла ясная и довольно тёплая, тонкий серп Луны не давал много света, и хвостатая звезда была отлично видна из атриума виллы, которую Ирод Иудейский снимал для своего посольства. Пророчество сбылось, это теперь неоспоримый факт. Агриппа теперь Пророк. Пророк, но иудеи его не признают, это тоже факт. Для них Агриппа и человеком то не считается, не то, что Пророком. Как, впрочем, человеком эти фанатики-иудеи не считают и его самого, царя Ирода.

Римский гражданин, Ирод, был по происхождению идумиянином, иудаизм принял его дед, вынужденно принял, дабы не потерять трон Идумеи, а его отец помогал Помпею брать Иерусалим. Если римлянам придётся его брать ещё раз, Принцепс Марк Випсаний Агриппа

по голове царя Иудеи точно не погладит.

Рим, судя по всему, готовится покорять Британию. Друз строит большой флот и ведёт переговоры с германцами о найме ауксилариев для Британской кампании. Всё это делается тайно, но от информаторов Ирода тайны в Риме сохранить очень трудно, информаторов у него много, и они очень влиятельны. Если очередной бунт иудеев сломает Агриппе планы, отвечать за это придётся ему, иудейскому царю.

— Хорошо рассмотрели?

Двенадцать самых авторитетных раввинов города Рима дружно кивнули. Они отправлялись в Иудею. Они свидетели, все они собственными ушами слышали пророчество, оглашённое на форуме Августа ещё месяц назад, а теперь увидели и саму звезду.

Задач им Ирод не ставил, просто отобрал тех, кто из-за бунта в Иудее многое потеряет в Риме. Их свидетельство, как минимум, породит сомнения и долгие обсуждения, что позволит выиграть время, и даст возможность манёвра, а может даже вызовет раскол в стане врагов. Агриппа Пророк, вот она — хвостатая звезда — напророченное знамение, что сами Боги выбрали Риму нового Августа. Попробуйте теперь это оспорить. Кстати, имя нового Августа, Пророк Агриппа так и не назвал, сказал только — время ещё не пришло. Когда придёт — узнаете.

Время-время-время, сейчас оно дороже всего, нужно успеть подготовиться. И нужно предупредить Принцепса Агриппу, что бунт скорее всего случится, теперь он стал ещё вероятнее, пусть учтёт это в своих планах.

— Вы поедете и расскажите то, что видели и слышали лично сами, не нужно ничего добавлять и приукрашивать, говорите только правду.

Снова покивали. Интересно, они понимают, на что идут? Должны понимать.

— В Остии вас уже ждёт корабль, отправляйтесь немедленно.

— Ты нужен Риму, Гай.

Первым, кого навестил Агриппа в новом статусе Пророка, был Гай Цильний Меценат. В последние годы они очень мало общались, Агриппе было больно видеть, как его старый друг и соратник постепенно теряет человеческий облик. Но Меценат нужен, он лучше всех сможет понять Феликса, у него мозги по-другому работают.

— Мне нужна твоя помощь. Мне нужна помощь друга, того самого Гая Мецената, каким ты когда-то был. Неужели тебе самому не противно так жить?

Жизнь, состоящая из сплошных наслаждений и удовольствий, превратила Мецената в боровоподобное создание — с необъятным пузом и тремя подбородками. Он уже и сам не помнил, когда в последний раз садился верхом на коня. Гай Меценат вспомнил былое и невольно взгрустнул. Агриппа и сейчас выглядел как тридцать лет назад. Если издалека смотреть, конечно.

Гай Меценат представил, как выглядит в глазах друга:

— Противно. Что ты предлагаешь?

Происходящие в последнее время события, не оставили равнодушными никого, и Меценат не был исключением. Он знал про, тайно заказанную Горацию, поэтическую форму пророчества и даже ехидно подумал про старого друга — «и ты, Агриппа?», но дальнейший ход событий заставил этих мыслей устыдиться. Заставил искренне устыдиться старого циника Мецената, который искреннего стыда не испытывал с юного возраста.

Хвостатая звезда — это вам не те дешёвые фокусы с гаданиями, которые показывали

людям Цезарь и Август, такое не подделаешь, это действительно воля Богов. Боги признали Агриппу. Если и не совсем равным себе, то, как минимум, приближенным. Возвысили его над остальными людьми.

— Поклянись, что от тебя об этом никто не узнает ни слова.

Гай Цильний Меценат стал третьим (после самого Марка Випсания Агриппы и Публия Квинтилия Вара), посвящённым в тайну посланца «кузнеца», третьим «официальным наставником» Тиберия-младшего. Агриппа уже привычно легендировал любые мероприятия в два, а то и в три слоя.

Основной задачей Мецената было разобраться с высшими материями, всеми этими сингулярностями, попытаться понять замысел, отправившего Феликса, «кузнеца», а также суть взаимоотношений этого самого «кузнеца» с Римскими Богами и, на основе этого, готовить реформу религии, на которой настаивает Феликс. Может, это и правда необходимо, но разобраться, так ли это, и что именно нужно в религии реформировать, должен не «залётный экстремист-радикал», а истинный римлянин. Самый умный из доверенных друзей Агриппы.

Бумажные деньги, похоже, блажь, но тоже пусть разберётся, у него на деньги особый нюх. Не зря ведь именно Меценат стал богатейшим человеком Рима.

— ...поблажит немного, объявит себя иудейским Машиахом, а потом его распнут, по требованию самих же иудеев. Там, у них это породило религию, очень странную, надо сказать, религию, однако, распространилась она очень широко, Рим поглотила.

— Что в ней странного?

— Всё. Начиная от единобожия совсем немого иудейского божка, который не смог запугать даже египетского фараона, заканчивая полной никчёмностью его, якобы, сына-Машиаха, посланного спасать иудеев. Он там вообще никого не спас. Иудеи его отвергли, а Рим принял. Почему — не спрашивай, для меня самого это очень большая загадка.

— И кто этот Машиах иудеев?

— Пока никто, он должен родиться только через одиннадцать лет, а заблажит и вовсе только через сорок с лишним.

— Через одиннадцать лет... Семьсот пятьдесят третий год... Мне тогда будет уже шестьдесят три.

— А мне шестьдесят семь. Вряд ли доживу.

— Доживёшь. К тебе довольно быстро возвращается человеческий облик. Ещё на коня снова сядешь. Подробности про этого иудея выяснил?

— Должен родиться в самом конце 752-го, в Назарете, в семье плотника Иосифа и его второй жены Марии. Они должны сойтись, когда Мария будет уже беременна, якобы непорочным зачатием, Божьей волей.

— Людей отправил, чтобы поискали?

— Конечно отправил, только как этого Иосифа-плотника сейчас отличить от других Иосифов-плотников? Имя это в Иудее совсем не редкое, а плотников в Назарете сотни. Да и толку от него?

— Через него мы найдём того самого неудавшегося Машиаха. Пусть твои люди обживаются в Назарете. Феликс всё равно будет его искать, да и мне теперь очень любопытно.

— Мои люди уже обживаются, именно это я им и велел, только этот Иешуа-Иисус

теперь может и не родиться вовсе. По моим сведениям, Иудея уже на грани бунта, который мы будем подавлять легионами, а война ведь — это дело такое, далеко не все плотники её переживают. Феликс говорит, что может быть и так, теперь у нас уже совсем другая история. Это теперь твоя история, Агриппа, я в этом уверен. Будет у нас религия Агриппинство, вместо Христианства. Толковые идеи мы сами используем.

— Есть там толковые идеи?

— Очень даже. Идея разделения загробного мира на миры вечного блаженства и вечного страдания очень толковая. Пророк у нас теперь есть — это ты, вот и будем постепенно строить новую религию через твои пророчества. Через книги-заветы. Скоро мы эти книги миллионами издавать сможем.

— Если Пророк — я, то религия наша будет называться Марсианство. С бумажными деньгами пока не разобрался?

— С деньгами, как раз, разобрался. Это в религии Феликс дилетант, а деньгах он большой специалист.

— И что? Это действительно реально? Бумажные деньги?

— Более чем. Нужно время на подготовку, но не сказать, чтобы много. Бумажные деньги мы с тобой точно застанем, они появятся ещё до рождения иудейского Машиаха, я лично этим займусь.

"...говорят, что Агриппа его заколдовал, хоть все и признают, что это только к лучшему. Теперь Меценат каждый день делает гимнастику и совершает пешие прогулки, в еде соблюдает умеренность, видно, что у него появилась новая цель в жизни, и я связываю это с твоим Тиберием, мне кажется, что остальных учеников он себе взял только для вида. Но чему можно учить такого маленького, ему же всего четыре годика? Тем более, что Тиберий до сих пор молчит. Я подошла к Гаю и прямо спросила, всё-таки мне не безразлична судьба родного племянника. А он, хам такой, говорит, что воспитание мужчин — не бабьего ума дело, чему надо — тому и учит. Ты представляешь? На свои занятия он разрешил приходить только Агриппе и Вару, даже Октавию прогнал, причём, почти теми же словами, что и меня. Целую, твоя сестра, Антония».

Почти незаметно пролетел год, "Марсианский комитет" собрался на второй пленум. Отсутствовал пропретор Востока, Луций Домиций Агенобарб, у него, на подотчётных территориях, сейчас очень беспокойно — иудеи готовят мятеж, а парфяне готовятся урвать с этого мятежа свой кусок. Агенобарб даже свою семью с собой в Антиохию не взял, сам живёт в претории, как во время войны.

— Что с нашими германскими делами, Друз?

Друз довольно оскалился, ему было чем гордиться. В прошедшее лето, произошло всего шестнадцать крупных набегов, а уйти удалось только одной банде, да и то налегке, бросив всю добычу. Голубиная почта оказалась для дикарей очень неприятным сюрпризом. К счастью, её сразу засекретили. Голубей держали якобы для еды, а служба фурументариев теперь была полностью подчинена тайно созданной армейской разведке.

— Перед самым отъездом доложили — лангобарды сцепились с маркоманами, а союз ингвеонов вовсе распался, идёт грызня всех со всеми. Тиронов приводят всё больше, теперь в среднем по пять-шесть в день покупаем. Самых лучших выбираем. К моему отъезду, было уже больше полутора тысяч, уже есть юноши из всех известных нам племён. Некоторых

продали свои-же родственники, но в основном они взяты с боем. На содержание, как ты и велел, выделили по три асса в день каждому. У меня легионеры не жрут так, как эти...

Друз возмущённо глянул на Агриппу, но в ответ на него глянул «Кремень».

— Как ты и велел, учим их языку, я нанял тринадцать учителей, пока тринадцать, которые минимум по два денария в день получают, да и то с трудом уговорил — не много желающих со зверьками возиться...

Уже даже не поднимая глаз на Агриппу, Друз понял, что перебрал.

— Так они говорят. Про зверьков. А мы ходим и учим их, и я, и Антония, и твой Гай. Как ты и велел. Его мнение, что там есть хорошие ребята, и не подумаешь, что варвары. Я считаю, что выводы делать рано.

— А Антония?

— Она тоже говорит, что дети как дети, все разные, как и у нас. Агриппа, я тут прикинул, следующим летом уже можно ударить. Зимой набегов совсем мало ожидается, из Речия уже сейчас можно два легиона снять и флот строить. Два из Испании, там почти тихо, а к лету брат закончит в Паннонии и ударит им в спину. Они и взвизгнуть не успеют.

Друз с надеждой посмотрел на Агриппу.

— Именно так мы и сделаем, только года через три-четыре. Продолжай покупать наших будущих легионеров, веди с германскими вождями переговоры о совместном вторжении в Британию, и начинай потихоньку заготавливать лес. Пусть он хорошенько просохнет. С кораблями не спеши, Вар ещё чего-нибудь за это время придумает...

Публий Квинтилий Вар занимался техникой, материализовывал идеи «пришельца из будущего». В его ведомстве «научного и технического прогресса» сейчас трудились почти две сотни инженеров, архитекторов и философов-натуралистов, лучших специалистов Римской Ойкумены. Дорого они обходились, очень дорого, но Агриппа финансировал всё без проволочек. Он получил большую часть наследства Октавиана Августа, самого богатого человека Рима, а то и всего мира, получил, понятно, благодаря кому, поэтому оплачивал все счета, даже не вникая в подробности. Забот у Агриппы и без того хватало — именно он взял на себя организацию военной разведки нового типа. Структуры, не подчинённой никому, кроме него самого, Верховного главнокомандующего-Принцепса.

Да и Вар теперь занимался не только «научным и техническим прогрессом», помимо того, он ещё командовал шестью когортами преторианцев и создавал тайную от всех, даже от самых близких из «Марсианского комитета», Службу Внутренней Безопасности. Об этой Службе знали только четверо — сам посланник «кузнеца» и трое посвящённых в его тайну: Агриппа, Вар и Меценат. Агриппе было очень неприятно держать что-то в тайне от своих близких, но убедить его удалось — каждый должен знать только необходимое в рамках своих служебных полномочий. Лишние знания — лишние проблемы. Не во вред же им это делается, а на пользу.

— ...как бы всё заново переделывать не пришлось...

Все посмотрели на Вара, тот только пожал плечами.

— Говорю же, каждый день что-нибудь новое узнаю. Будто я раньше в замочную скважину подглядывал, а теперь дверь вдруг открылась, а там чудеса со всех сторон. Тоже считаю, что торопиться не стоит. Мы становимся сильнее каждый год. Значительно сильнее.

Подвёл итог старший Тиберий.

— Мы всё сделаем неспеша, как тот бык, про которого ты рассказывал, Агриппа...

Трое заулыбались, а Друз попытался сохранить невозмутимый вид, но покраснел, и

вдруг заржал. Его дружно поддержали. Невозмутимым остался лишь Тиберий-старший.

— ...наведём окончательный порядок в Паннонии. Испанию, через пару лет, вообще можно будет всю Сенату передать, легионы там станут больше не нужны, один разве что можно оставить, на всякий случай. Семь легионов Красса доведём до готовности, сформируем шесть новых, «германских», для востока, заменим там ими наши, соберём силы, тридцать с лишним легионов, в кулак, и получим возможность за одно лето решить германскую проблему раз и навсегда. Сразу со всех сторон навалимся и броды перехватим — не дадим дикарям соединиться, будем их поодиночке бить. А пока нужно готовиться, строить большой флот и вести разведку. Полезные ты инструкции, Агриппа, прислал, пойдём как по Виа, и где-чего полезного лежит заранее будем знать. Даже с бешеных германцев можно будет кое-что состричь, если всё с умом сделать, как наш знаменитый бык. Ну, выпьем, что ли?

Выпили. В этот раз весело, то и дело из малого триклиния доносилось громкое ржание. Женщины, собравшиеся «поткать» неподалёку, слышали это, переглядывались и улыбались. Тиберий-младший тихонько «играл» в атриуме, держа под визуальным контролем обе компании. Тихий и незаметный, как обычно. Покойная Ливия, царствие ей подземное, называла его ящерицей.

«Вроде всё, можно идти работать дальше, эх, кофейку бы сейчас... А боевой дух у них что надо — такими ничтожными силами, такие ресурсы контролировать. Ста таких легионов на всю Европу точно хватит, до самого до Урала. Да ещё и на Азию с Африкой останется. Очень реально. Полумиллионная армия — это всего четверть процента нынешнего населения Республики-Принципата. Дорогая армия, профессиональная, но она того стоит. Вся это армия целиком самый настоящий Спецназ».

В июле 743 года от основания Города, Принцепс и Цензор Сената, Верховный Понтифик и пожизненный Народный Трибун, Марк Випсаний Агриппа женился в четвёртый раз. Снова женился на своей второй жене, Клавдии Марцелле-старшей, овдовевшей после казни Юла Антония. Детей Клавдии от Антония, Агриппа, разумеется, усыновил и тоже распределил между воспитателями. Тринадцатилетний Юл-младший поехал к Луцию Домицию Агенобарбу в Антиохию, а одиннадцатилетний Луций Антоний к Друзу, в Колонию Агриппину* (*современный Кёльн).

В августе, у Публия Квинтилия Вара и Випсании Марцеллы родилась дочь, Квинтилия Агриппина, первая внучка Марка Агриппы. Внук у него уже имелся, сын Тиберия-старшего и Випсании Агриппины — Друз-младший, а теперь ещё и внучка родилась.

Тиберий-старший покорял Паннонию; Друз-старший занимался политикой на Германской границе, скупал германских юношей, будущих легионеров, обучал их латинскому языку, римскому порядку и приучал к воинской дисциплине; Агенобарб с большим трудом удерживал Иудею от бунта; а Марк Агриппа, Гай Меценат и Публий Вар, с подачи «Счастливчика», готовили революцию. Сначала экономическую революцию — промышленную и финансовую. Экономическую революцию решили устроить первой, чтобы подготовить базис для остальных — научной, культурной, религиозной и социальной. Именно в таком порядке, социальная революция пойдёт самой последней.

— Нет хороших форм общественного устройства, как нет и плохих. Они все чем-то хороши, а чем-то плохи. Всё зависит от соответствия текущему моменту. Республиканский Рим уже достиг пределов своего расширения, именно из-за этого чередой пошли гражданские войны: Суллы с Марием, Цезаря с Помпеем и Октавиана с Антонием. В той нашей истории, Республику, де-факто, похоронил Октавиан. Его Принципат, на самом деле — был одной из форм монархии. Пожизненный Принцепс и Народный Трибун, по сути, монарх и есть, причём монарх абсолютный. Да и здесь вы этого монархического зародыша уже успели увидеть, именно он тебя чуть не утробил, Агриппа. Ты мешал ему расти, этому зародышу.

— И правильно делал, что мешал, — вставил Гай Меценат, — Октавиан был той ещё сволочью, особенно, в паре со своей злобной ведьмой-Ливией.

— Правильно, — охотно согласился «Счастливчик», — но только в части персоналий. Монархия Октавиана продлила Риму жизнь почти на пять веков. Республика бы рухнула уже в следующей гражданской войне, лет через сорок-пятьдесят.

— Почему? — поинтересовался Агриппа, — Ведь без царей Рим развивался и расширялся без малого семь веков.

— Развивался, как новорожденный ребёнок развивается во взрослого человека. Как не старайся, а человек не может вырасти размером со слона. Рим уже вырос до своих естественных пределов и начал стареть. Старики консервативны и не хотят ничего нового, даже новых владений. Всё новое, для них — это хлопоты и проблемы. Вы ведь сами свидетели того, как Сенат противился экспансии Цезаря в Галлии и Красса на Востоке. Отцам-сенаторам было гораздо важнее сохранить статус-кво во власти, чем расширить пределы Рима. Их личные интересы вступили в противоречие с интересами государства. Если бы Сенат тогда оказал полную поддержку Цезарю и Крассу, мы бы сейчас не думали

над проблемами Германии и Парфии.

— Ну, Красс-то — сам дурак. Никто ему сильно не мешал, — хмыкнул Меценат.

— Сильно не мешали, но и не помогали ведь совсем, да и по мелочи пакостили постоянно, он всё двигал исключительно личной инициативой, преодолевая противодействие мелких пакостников. Красс, несомненно, был не самым благородным из людей, да и полководцем бесталанным, но его успех, вполне реальный тогда успех, стоит отметить, возвеличил бы Рим. Цезарь добился большего, но и ему не дали воплотить все свои замыслы. Республика состарилась и стала пожирать самых предприимчивых и инициативных, они нарушали её старческий покой. Старики превыше всего ценят покой и уже имеющийся комфорт, это вполне естественный процесс. Изменения неизбежны. Если Рим не переродится в новую форму государственного устройства и снова не начнёт расти, он просто умрёт от старости.

— Это будет уже совсем другой Рим, — мрачно оценил перспективу Агриппа.

— Другой, — согласился «Счастличик», — но это будет всё ещё Рим. Рим, который больше, чем один Город, больше, чем вся нынешняя Республика. Это будет уже Римская Цивилизация, *Rex Romana** (*Римский мир). Да и республиканский заповедник можно будет сохранить. Нужно только сразу обозначить его границы и охранять их. В этом заповеднике будем черпать кадры для новых свершений. Тех самых Цезарей. Самых талантливых, предприимчивых и амбициозных, которые мешают старости наслаждаться покоем и комфортом, а нам они очень пригодятся.

— То есть, Республику сохранить можно? — уже не с таким мрачным выражением лица поинтересовался Принцепс, Цензор, пожизненный Император и Народный Трибун.

— В качестве заповедника, в качестве нашей кузницы кадров — сохранить можно и даже нужно. Только Республике нужно сразу очертить границы, в которых она продолжит наслаждаться своим комфортом и покоем. Отдать ей всё, что есть теперь и даже можно ещё немного добавить. Пусть в республиканский заповедник войдёт вся Галлия, до Рейна, все Балканы, до Дуная, вся Африка, до Сахары, вся Малая Азия до Кавказа и... нет, больше они не удержат. Всё остальное должно стать добычей молодых и сильных. Добычей самых предприимчивых и амбициозных. Феодалной собственностью удачливых императоров и их верных сподвижников-соратников-вассалов — имперских герцогов, маркизов, графов, и, подчинённых им, вассалов нижнего уровня — виконтов и баронов. Такое социальное устройство сложилось в той истории после падения Рима и развивалось больше тысячи лет. Само сложилось, а значит — это естественный процесс.

— Если всё отдать Республике, да ещё немного сверху того, то нам самим-то что тогда останется? — поинтересовался Гай Меценат — Нет, я не против этого «Пакс Романа» и всего такого остального хорошего и возвышенного, очень даже за, но свой-то интерес тоже должен быть. Я ведь тоже амбициозен и тоже хочу попасть в историю.

— Ты обязательно попадёшь в историю, как самый жадный из людей, Гай, — пообещал Меценату Марк Агриппа, с очень серьёзным выражением лица, — мне другое интересно, Феликс — почему эти феодальные Империи, всякие герцогства и так далее, не будут воевать между собой?

— Они обязательно будут воевать, — подтвердил «Счастличик», — такова уж человеческая природа, таков замысел нашего Создателя. Человек — существо военное. Существо агрессивное и амбициозное. Войн нам никак не избежать, мы можем только отодвинуть их на далёкие окраины. Чем дальше нам удастся их отодвинуть, тем лучше для

Римского Мира, сами понимаете. Наша задача — отодвигать войны всё дальше от центра — от Рима, от нашей планеты Земля, от нашей Солнечной системы, от нашей Галактики, от нашей Вселенной, в конце концов. Рим не может больше расширяться как Республика, значит это должны сделать Римские Империи. Другая форма управления всё той-же Цивилизации. Только так Рим может сохраниться, только сделав весь остальной Мир Римом. Тогда уже будет неважно, кто именно придёт к власти, он всё равно будет римлянином, а не варваром.

— Интересно, — задумчиво произнёс Публий Квинтилий Вар, глядя на карту Евразии где в цвета Рима была окрашена небольшая область на северо-западе, — и как нам этот Мир сделать Римом, с сорока легионами?

— С сорока — точно никак. На Германию, от Рейна до Вистулы, этого хватит, но и только. Легионов понадобится гораздо больше, больше сотни, именно поэтому мы должны начать с развития экономики, с технического прогресса. Для этого у нас есть всё — стартовый капитал, власть и знание прорывных направлений.

В октябрьские календы семьсот сорок третьего года, к годовщине знамения, жители Вечного Города увидели новое чудо — отпечатанные типографским способом газеты.

В первом номере газеты «Veritas»* (*«Правда») напечатали пророчество Марка Випсания Агриппы о знамении в виде хвостатой звезды, в поэтической форме авторства Горация, уже по новым правилам орфографии и пунктуации — с пробелами, заглавными буквами и знаками препинания.

Первым редактором «Правды» сам Гораций и стал. Первым редактором и главным сторонником новых правил латинский грамматики. Реформа латинской письменности попала в хорошие руки. Нужна эта реформа? Гораций считает, что нужна обязательно. По его мнению, поданные в новом формате тексты становятся ёмче, образнее.

Газеты вызвали, даже не бурный всплеск эмоций у римлян, а натуральный социальный оргазм, их бурно не обсуждали только глухонемые. Прямоугольные листы из незнакомого материала, ровные строчки, одинаковые яркие буквы, каждый из листов был бы настоящим произведением искусства каллиграфии, если б такое искусство было кем-нибудь признано.

Мало того, все эти газеты были абсолютно одинаковыми, и хоть они стоили по целому денарию, многие покупали по несколько экземпляров, потом накладывали газеты друг на друга и внимательно изучали на просвет, в поисках хоть каких-то отличий. Отличий не находили. Чудо! Как есть, настоящее Чудо!

Эти листы-газеты «Правда» появились на Форуме с раннего утра, при этом сразу у нескольких торговцев и сразу во множестве. Уже половина жителей Рима ходила с одинаковыми листками, но они всё не кончались, несмотря на ажиотажный спрос. Торговцы объявили, что хватит всем желающим, поэтому не стоит драться в очередях, однако драки продолжались, это ведь тоже развлечение, причём одно из самых любимых развлечений жителей Вечного Города.

— «...Публий Квинтилий Вар выкупил Тибрский остров и занимается там чем-то непонятным, то ли колдовством, то ли алхимией, разницу между ними я не очень понимаю. Теперь с обеих сторон острова, в реке вертятся четыре огромных колеса, а из здания в центре торчит высоченная труба, из которой постоянно валит вонючий дым как из вулкана. Всё это так интригующе! На острове очень оживлённо, там чем-то заняты десятки людей и сотни

рабов, всё время туда-сюда снуют лодки, но что там происходит, никто толком не знает. Агриппа провёл через Сенат реформу календаря и счёта времени, сенаторы спорили, но Агриппа продал. Теперь у нас часы всегда будут одинаковыми. В сутках по двадцать четыре часа, как и раньше, но всегда одинаковых, зимой и летом, как во время солнцестояний, а отсчитывать эти часы теперь будут специальные механизмы, которые изготовит Вар на своём Тибрском острове. Календарь же почти не изменился, я так и не поняла, чего из-за такой мелочи они столько спорили, подумаешь, все месяцы теперь стали по тридцать дней и разделены они на три декады. Своим именем, новый календарь Агриппа называть не стал, а велел именовать его Новым Римским. Твоего Тиберия, Агриппа брал с собой в Сенат на эти дискуссии и многим показалось, что они что-то тихонько обсуждали. Причём, обсуждали именно дискуссию в Сенате. Вряд ли, конечно, но показалось так многим. Твой Тиберий такой лапочка, только всё время молчит, хотя сенаторам он понравился. Целую. Твоя сестра, Антония.»

Антония-младшая закончила читать письмо сестры и посмотрела на мужа.

— Зачем он водил ребёнка в Сенат?

Друз пожал плечами.

— Он воспитатель Тиберия, водит его туда, куда считает нужным. Чем тебе Сенат не угодил?

— Ему только недавно шесть лет исполнилось, зачем? Зачем мы покупаем юных германцев? Почему мы с ними возимся, почти как с собственными детьми? Заботимся как о родных... Что вообще происходит, Друз?

Она так болезненно переживала все недомолвки последнего времени, так явно страдала, что Друз не выдержал.

— У Агриппы есть оракул Марса. Мы узнали просто невероятные вещи...

На протяжении всего фантастического рассказа об устройстве механизма Вселенной в целом и Земли, как крохотной, но неотъемлемой части этого грандиозного механизма, о настоящих размерах этой самой «крохотной» Земли, которая, на самом деле, оказалась невообразимо огромной и многолюдной, Антония с трудом контролировала челюсть, разинуть от удивления рот, ей не позволяло воспитание, но удерживала она себя с большим трудом. Наконец Друз закончил.

— На Тиберия у него какие-то особые планы. Ты же понимаешь, что он мог забрать наших детей так же просто, как Октавиан Август. Легко мог, но он этого не сделал, и даже наоборот — сам отдал нам на воспитания Гая и Луция Антония. Тебе не стоит конфликтовать с Агриппой. Он точно не желает нам зла.

Первого января 744 года от основания города (9 г. до н. э.), пятидесятивосьмилетний Гай Цильний Меценат занял должность претора* (*Одна из ключевых магистратур, заключающаяся в исполнении судебно-прокурорских функций). Свою первую официальную должность в гражданских магистратах. Первую должность и сразу претором, первые две ступени «Cursus honorum»* (*»Путь чести», последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера древнеримских политиков сенаторского ранга) сенаторы зачили ему после свидетельства Агриппы, что Гай Меценат, во время гражданских войн 709–723 годов, исполнял должность легата, хоть и не командовал лично каким-то конкретным легионом.

Меценат, прежде равнодушный к республиканской карьере, убеждённый противник

всех болтунов-сенаторов, не важно из каких они политических партий, вдруг решил войти в их число. Не вдруг, конечно, но об этом в Риме знали только трое, кроме него самого: Принцепс, Марк Випсаний Агриппа; префект Претория, Публий Квинтилий Вар; и шестилетний Тиберий Клавдий Нерон-младший.

Гаю Цильнию Меценату предстояло стать одним из императоров, расширяющих пределы Римской Цивилизации, а для получения законного империума, *Cursus honorum* нужен обязательно, нужно было стать одним из сенаторов. Конечно, не всем сенаторам предоставляли империум, но Меценат не все, он особенный, ему точно не откажут.

Консулами 744 года, отцы-сенаторы избрали Клавдия Нерона Друза, командующего армией на Рейнской границе (по представлению Принцепса Агриппы), и Африкана Фабия Максима, карьериста из своих рядов. Такой сложился негласный консенсус между Принцепсом и остальным Сенатом — сенаторы единогласно голосовали за выдвиженцев Агриппы, а он не вмешивался в их внутреннюю борьбу за вакантные должности консулов и проконсулов* (*экс-консулов, управляющих сенатскими провинциями). После Октавиана Августа, который согласовывал Сенату буквально каждый шаг, это было самым настоящим самоуправлением. Тем более, что Агриппа выдвигал своих кандидатов в магистраты не каждый год.

Кроме Сената, относительную самостоятельность получили трибунные комиции Рима, избирающие Народных трибунов* (*магистрат имеющий право накладывать вето на любые решения властей, кроме диктаторских, и обладающий судебным иммунитетом), с ними Агриппа тоже поделился честно — шесть на шесть. Шесть пожизненных трибунов-императоров и шесть выборных из римского плебса. С Агриппой плебеям делить было нечего, а вот с сенаторами очень даже — те же консульские и проконсульские должности, то есть, банальные деньги, упрощая максимально. В общем, политическая борьба в Риме снова перешла к традиционному противостоянию демократов-плебеев и республиканцев-патрициев, снова все партии оказались при деле и были этим обстоятельством очень довольны.

В марте семьсот сорок четвёртого года от основания Города, Публий Квинтилий Вар подарил Октавии-младшей* (*сестра Октавиана Августа, в моменте тёща Агриппы, Друза и Агенобарба; жена Вара, Випсания Марцелла, её внучка) уникальное зеркало из стекла большое и очень ровное, которое произвело в обществе фурор. Ирод Иудейский предложил ей за это зеркало два веса золота, но Октавия предложение отклонила, не задумываясь. Общество кинулось к Вару, но и того золото не сильно заинтересовало, что ещё сильнее подогрело слухи, будто он научился превращать в золото другие металлы. Кто-то говорил про любые металлы, кто-то про конкретные медь, олово и свинец, но какая, в сущности, разница? Золото есть золото...

Вара теперь подозревали в одновременной связи с Нептуном и Вулканом, в храмы которых тот ежемесячно присылал по жертвенному быку, и гадали — что может получиться из этого странного и противоестественного союза.

Агриппа посещал Тибрский остров довольно часто, каждый месяц, но к воню привыкнуть никак не мог, к тому-же, ему казалось, что эта вонь с каждым новым посещением становится ещё более мерзкой.

Не одному ему было противно, на это и строился расчёт, при выборе Тибрского острова в качестве первичной базы. Вонючий научно-технический прогресс должны возненавидеть

все жители Рима, чтобы принять его перенос куда-нибудь подальше в качестве награды. Кроме того, Тибрский остров делил реку на два узких рукава, с довольно хорошим течением, выступая в качестве естественной плотины. Неполюценной плотины, но и крутить этой воде нужно не турбины мегаваттных электрических генераторов, а деревянные колёса механических приводов. Конструкции из дерева большей мощности потока не выдержат, при большей они просто развалятся, а тут в самый раз.

Большого пока и не требуется, для обучения и экспериментов, этого хватает вполне. Сам Нептун крутит колёса, сам Вулкан дымит вонью из трубы, всё именно так — вот и попробуй что-нибудь возрази. Такое возражение запросто могут счесть богохульством, так что перенос производства из Рима, все обязательно сочтут наградой

— Ну и вонища. Как ты тут не задыхаешься.

— Здесь ещё свежо, — хохотнул Вар, — вон там, где зелья готовят, по-настоящему ядовитый смрад, рабов каждый час меняем, чтоб не передохли слишком быстро. Зато и не лезет никто ко мне, боятся.

— Показывай скорей, я и часа не выдержу.

Вар с важным видом сдвинул занавеску, в закутке стояла стопка зеркал.

— Двенадцать пока. Пока одно в день выходит, остужать очень медленно приходится, чтобы не треснуло. Тяжеленные. Хорошо, что Тиберий подсказал потолще делать.

Намёк на Ирода был понятен. Конечно, никто не рассчитывал продать все зеркала по такой цене, постепенно она упадёт, но и один вес золотом это...

— Это наши легионы, для завоевания всего Мира, Публий Вар. Смотри, чтобы с твоего острова никто не сбежал, хоть на цепь их всех приковывай.

Публий Квинтилий Вар и сам всё отлично понимал.

— Не беспокойся, Принцепс, я лично всё контролирую.

А ведь здорово с подарком Октавии получилось. И снова Феликс подсказал этот ход. С Иродом Иудейским, Вар уже договорился, что изготовит большое зеркало специально для него, и даже часть золота предоплатой получил. Да уж, деньги и правда оказались самым лёгким вопросом, а самым сложным — «кадры», как и предрекал посланник «кузнеца». Где брать людей? Где? Вот же проблема. Стоящие люди есть, их довольно много среди центурионов в легионах, но в Риме они никто — безродные вояки, которым на «гражданке» вообще ничего не светит, их даже римские дармоеды-плебеи равными себе не считают. Неправильно всё это. Волей-неволей задумаешься о том самом естественном имперском феодализме.

Не смотря на своё первое консульство, в Рим Друз так и не поехал, остался в Колонии Агриппине, чем очень сильно расстроил свою, опять беременную жену, Антонию-младшую.

«...а Вар незадолго перед этим объявил на Форуме, что у него есть ещё несколько таких зеркал, какое он подарил Октавии, и кто желает купить, должен отправить ему письмом своё предложение цены, а через полгода Вар выберет лучшие предложения. Сколько зеркал не сказал, только, что немного. Я хотела с ним поговорить, мне ведь не тягаться со всякими богачами, а зеркало как у мамы — это же заветная мечта, но он сказал, что давал клятву молчать, и глаза у него при этом были грустные, ему правда было жалко меня. Это всё Агриппа! На Тибрском острове совсем не осталось свободного места, весь остров — уже одно огромное здание, кое-где в несколько этажей. Правда запахи там... Публий показал мне музыкальный сундучок, такая прелесть, что я даже не стала спрашивать цену. Он

заметил моё смущение, засмеялся и ПОДАРИЛ! Он чудо! Приезжай скорее, сестрёнка, мне не терпится похвастаться. Твоего Тиберия теперь учит только Гай Меценат, Публий с ним занимается только два часа в неделю. Мецената не узнать, он уже и конные прогулки совершает. Творится что-то странное, но что именно — я пока не разобралась. Целую. Твоя сестра, Антония».

— Что ты об этом думаешь?

Друз слушал в пол уха, параллельно он размышлял над, пришедшими с этой-же почтой, чертежами пилорамы и пояснительной запиской от Вара. Он мысленно перебирал в уме подходящие для устройства плотин места, перетасовывал когорты и целые легионы, поэтому среагировал с тормоза, с запозданием.

— А? Ты хочешь зеркало? В июле съездим в Рим, там я попрошу Агриппу, думаю, что он ими командует.

Антония натурально возмутилась.

— Причём тут какое-то зеркало? Там твой сын, чему его может научить этот гнусный развратник Гай Меценат.

Друз ненадолго задумался, потом хохотнул и проговорил примиряюще.

— Уверен, что не тому, о чём ты подумала. Тогда он и Агриппу с Варом не пускал бы. Да и рано ещё это Тиберию.

«Эти пилорамы просто чудо, не дай боги, такой секрет уйдёт к германцам, и правда ведь, ничего сверхсложного нет, могут и повторить. Вполне могут».

— ... ты совсем меня не любишь!

Антония заплакала и убежала. Сейчас её лучше не трогать. Да уж, жирный боров Меценат на конной прогулке — это зрелище, интересно будет посмотреть.

«А если всё затеять прямо здесь, в Нижней Германии? Не пытаться войти в реки с моря, всё-таки это действительно рискованно, море есть море, шторма там нередки, а наоборот. Корабли сделать совсем лёгкими, плоскодонными и войти с волоков в Везер и Альбис* (*Эльба)? Все волоки мы теперь знаем. А из Паннонии наступать на север, занимая броды на Одере и Вистуле и волоки уже между ними... Порежем германские племена на отдельные бурги, раньше, чем они успеют сообразить, что к чему, и опомниться. Должно получиться... В июле обсудим. И зеркала заодно обсудим...». Друз тяжело вздохнул.

Четвёртый пленум «Марсианского комитета» состоялся в Риме, в середине июля 744 года от основания Города. На этот раз собрались все. Тиберий-старший уже привёл к покорности Паннонию и теперь ожидал решения Сената насчёт триумфа; Агенобарб пока успешно маневрировал между иудейскими фарисеями и саддукеями, мятеж сдерживал, а большего от него и не требовалось; Друз-старший держал границу на Рейне, морочил головы германским вождям и тщательно готовил Германскую кампанию, в его зоне ответственности летом было спокойно, как во внутренних Римских провинциях, в летние набеги варвары совсем перестали ходить.

Кроме того, все они трое ожидали скорого прибавления в семействах, и привезли в Рим своих жён — в хорошей компании ведь даже рожать веселей, а какая компания лучше, чем родные сёстры? Сразу четыре родные сестры, дочери Октавии-младшей, жёны Агриппы, Друза, Агенобарба и Павла Фабия Максима собрались рожать в Риме, а кроме них, старшая дочь Марка Випсания Агриппы, жена Тиберия-старшего, тоже очень близкая родственница, тоже почти сестра — в общем, не заскучают.

«Марсианский комитет» пополнился Гаем Цильнием Меценатом, лучшим другом Принцепса, и Павлом Фабием Максимом, женившимся на овдовевшей Клавдии Марцелле младшей, и вошедшим в круг близких родственников Агриппы, из которых комитет и формировался. Не гарантия вечного мира, конечно, вечного вообще ничего не бывает, даже сама Вселенная имеет свой срок, но самый важный период, период создания и становления Империй, удастся прожить в мире и братской взаимопомощи, и то уже хорошо.

Идею расширения Римской Цивилизации Империями, Марк Агриппа, Гай Меценат Публий Вар и «Счастличик» сформулировали в понятной всем форме — воле Богов, продиктованной Марсом Агриппе, что, по сути, являлось чистой правдой, пусть и неполной. Каждый должен знать только то, что ему необходимо, это разумно и правильно. Воля Богов и всё тут, детали излишни.

Накануне, с этой волей Богов всех ознакомили: Агриппа — Друза и Тиберия, Вар — Агенобарба, а Меценат — Максима. Просто ознакомили и дали сутки на приведение мыслей в порядок.

— Империи... Я так понимаю, они станут нашими царствами? Наследными владениями? — первый вопрос задал Тиберий старший.

— Наследными владениями они станут, но называть мы их продолжим Империями, а себя Римскими императорами, — ответил зятю Агриппа, — так будет лучше.

— И Сенат с этим согласится?

— А куда он денется, если это воля Богов? — вопросом на вопрос ответил брату Друз, — Меня больше интересует — какими будут эти Империи? Боги определили их границы?

— Определили, — Марк Випсаний Агриппа расстелил на столе карту Мира, — но разыграть мы их должны по жребию. Сама Фортуна распределит эти Империи между нами.

На карте Мира, в цвета владений Римской Республики были закрашены все нынешние провинции, а том числе и пропреторские, кроме Иудеи, плюс Тракия, Галатия, Каппадокия и Мавритания. Приличный кусок, сенаторов это должно вполне удовлетворить, они ведь всю карту никогда не видели, поэтому даже не представляют себе всего размаха.

Иудея вошла в Империю с Аравией, Месопотамией, Кавказом и Парфией, Империк «Ближний Восток» — от Африки на западе, до Инда на востоке, от Большого Кавказского хребта и Амударьи на севере, до Индийского океана на юге. Не самая большая Империя, но самая хорошо изученная и самая богатая на этот момент. Очень солидное владение, если удастся покорить Парфию, самого грозного противника из известных.

Империя «Индия» с севера ограничивалась горами Гиндукуша, с юга океаном, с запада Индом, а с востока Меконгом. Плюс острова Шри-Ланка, Суматра и Калимантан. Про Индию римлянам было известно гораздо меньше, чем про Ближний Восток, но про её богатство ходили легенды с незапамятных времён. С кем там придётся сражаться — пока неизвестно, но придётся точно. Лёгкой прогулки по Индии не предвидится, сдерживает ведь чем-то сейчас эта Индия очень мощную Парфию.

Империя «Африка» — весь континент, кроме средиземноморских Римских провинций, плюс остров Мадагаскар, острова Кабо-Верде и Сан-Томе-и-Принсипи* (*континенты Нового Света и острова пока не имеют названий, я использую наши, для удобства). Из противников там хорошо известно Нубийское царство в верховьях Нила, но противник там точно не один.

Империя «Германия» — от Рейна на западе до Вистулы, Западного и Южного Буков на

востоке, от Данубия на юге, до Ледовитого океана на севере Скандинавского полуострова — в европейской части и Северная Америка за Атлантическим океаном. Огромная Империя, но в европейской части бедная и проблемная, а в заокеанской — «кот в мешке». Может быть там богатств больше, чем в Индии, а может проблем больше, чем в Германии.

Империя «Британия». Британские острова, Фолклендские острова, Исландия Канарские острова, Азорские острова, Карибские острова и Южная Америка. Кое-что известно только о самом большом из Британских островов, очень немного, но хоть что-то.

Империя «Океания». Материк Австралия, острова Новая Зеландия, Новая Гвинея Филиппины, Сулавеси, Ява и больше сотни мелких. Полная терра-инкогнита, о ней пока неизвестно вообще ничего, кроме того, что она тёплая, судя по широте на карте.

Империя «Северного и Дальнего Востока». Самая большая. От границ с «Германией» на западе, до Тихого океана на востоке, от Ледовитого океана на севере, до Большого Кавказского хребта, Амударьи, Гиндукуша и границы с «Индией» по Меконгу на юге, плюс Японские острова, Сахалин, Тайвань, Хайнань и полсотни мелких. Известно с существовании далеко на востоке весьма небедной Империи Хань и о бесчисленных ордах кочевников в степях на пути к ней, так что попробуй ещё доберись до этой самой Хань. Всё остальное — сплошные проблемы — холодные земли, населённые агрессивными дикарями.

— В этой вазе семь одинаковых шаров с нашими именами, а в этой, семь таких-же шаров с названиями Империй. Ты будешь доставать имена, Друз, а ты Империи, Тиберий. Начинайте.

— Павел Фабий Максим, — достал первый шар Друз.

— «Океания», — огласил первый жребий Тиберий, — извини, Максим.

— Ты-то тут причём? Фортуна так решила.

— Продолжайте, — скомандовал Агриппа, — после Фортуны обсудим.

— Публий Квинтилий Вар.

— «Северный и Дальний Восток».

— Тиберий Клавдий Нерон.

— «Индия».

— Гай Цильний Меценат.

— «Британия».

— Луций Домиций Агенобарб.

— «Африка».

— Клавдий Нерон Друз.

— «Германия».

— Марк Випсаний Агриппа.

— «Ближний Восток».

— Поздравляю, Агриппа.

— Кому из нас больше повезло, пока неизвестно, Друз. Зато теперь известно, что начинать наши имперские завоевания предстоит тебе. Я возглавлю восточную армию в Паннонии, но командующим будешь ты. Твой план Германской кампании мы обсудим после, рассчитывай на тридцать пять легионов.

— Как на тридцать пять? — удивился Агенобарб, — у нас же их всего тридцать пять. А кто будет охранять восток?

— Шесть новых легионов, Луций, которые мы сформируем из германцев. Хватает уже германцев, Друз?

- На шесть комплектных легионов — нет. Двадцать тысяч, чуть больше. В последнее время, покупаю мало. Говорят, обезлюдели места, население в бургах попряталось.
- Двадцать тысяч нам хватит. Пополним новые легионы призывом эвокатов.
- Дорого получится.
- Дорого, но деньги на это у нас теперь есть. Завтра сами всё увидите.

Вар заранее приостановил все работы на Тибрском острове, чтобы проветрить и не отравить ненароком родичей ядовитыми испарениями. Провёл экскурсию, чудом удержал Друза от сования пальца в кислотное зелье, кинул туда гвоздь. Гвоздь закипел — Друза это очень впечатлило. Железная дверь в хранилище с замками новейшей секретной конструкции тоже всех впечатлила, а отгороженный дубовым брусом угол, просто потряс. Там, как зерно в амбаре, были свалены огромной кучей серебряные денарии.

— Сколько здесь?

Вар вздохнул.

— Не считаем уже, некому. По весу должно быть больше четырёх миллионов. Это только от газет и кое-чего по мелочи. Зеркала ещё не продавали, кроме как Ироду. Их девяносто восемь. Одно у Октавии, одно уже купил Ирод Иудейский. Больше пока не делаем.

Друз вспомнил про Антонию, вроде она хотела зеркало.

— Нашим женщинам надо подарить. А чего вы такие сложности с продажей городите?

Агриппа с Варом переглянулись. Не ссылаться же в этом случае на оракул Марса.

— Ты представляешь, сколько здесь в золоте, Друз?

Агриппа кивнул на стоящие зеркала.

— Никто даже близко не должен знать, сколько их всего продано. Иначе нам придётся пару когорт на острове держать, что невозможно по определению. Своим женщинам зеркала, конечно, подарим, и не только зеркала. Ладно, хватит над златом чахнуть, веди нас Вар, где воздух посвежее, там сядем, тут не поговоришь.

Поднялись на третий этаж, сквознячок, отлично. Вар лично наполнил кубки. Начал Агриппа.

— Почти три года прошло, но нам до сих пор каким-то чудом удалось сохранить тайну, несмотря на прокол Друза, к счастью, наши женщины оказались не сильно болтливы...

Друз уткнул глаза в столешницу. Позор. Оказывается, он единственный проболтался, даже конченный подкаблучник Агенобарб умудрился удержать язык за зубами.

— ...а значит, такие подарки от нас они заслужили. — продолжил Агриппа после небольшой паузы, — по одному зеркалу получают все и, кроме зеркал, у Вара найдётся чем их порадовать. А пока вернёмся к нашим делам. Итак, деньги у нас есть, все вы это увидели своими глазами. Этой проблемы у нас больше нет. Этой нет, но есть другие, и наверняка я не все их вижу. Марс нам по мелочам подсказывать не будет. Начинайте.

— Каким образом мы зачислим в легионы рабов, Агриппа? Ведь германцы сейчас рабы. Можно всех их сделать вольноотпущенниками, но гражданами Рима они ведь от этого всё равно не станут, — Тиберий поднял очень важную проблему. В Римские легионы неграждан не зачисляли. Неграждане служили ауксилиариями во вспомогательных войсках. Задумались все. Первый вариант решения предложил Гай Меценат.

— Можно провести закон о вольноотпущенниках. Чтобы набирать их в легионы, с предоставлением Римского гражданства после службы. Сенат вряд ли будет этому сильно противиться. Сенаторы ведь не знают, что у нас уже есть больше двадцати тысяч таких вольноотпущенников. Обычно ведь на волю стариков отпускают, к службе уже непригодных.

— А дети вольноотпущенников в каком статусе будут? Их ведь много, — возразил Тиберий.

— Не так уж и много, Тиберий. К тому-же, все они чьи-то клиенты, сами принимать такие решения не могут.

Это действительно было так. Вольноотпущенники и всё их потомство, если таковое имелось, или появлялось после, становилось клиентелой бывшего господина. Кроме того, их и правда не так уж и много, да и захотят служить далеко не все, а из тех, кто захочет, не всем разрешат их патроны. Клиенты ведь не бездельничают, всех их пристраивают к различным делам. Отпустят самых никудышных, так ведь в легионы далеко не всех принимают, там тоже отбор, так что этим можно пренебречь.

— Закон проведём, — согласился Агриппа, — закон разрешает, но не обязывает, легионы мы сами набираем, лишних неграждан не возьмём.

— А потом, после нас? — поинтересовался Максим.

— И после нас в легионы кого попало принимать не будут. Если вольноотпущенник годен и желает послужить Риму — не вижу оснований такому отказывать. Кто выживет — станет гражданином. Это справедливо.

— Рим бы давно закончился, если бы не предоставлял гражданство достойным негражданам, — добавил Меценат, — мы с Агриппой тоже потомки далеко не самых первых римских граждан.

— Это так, — кивнул Принцепс Римского Сената, — наши предки гражданами стали намного позже. К тому-же, мы ведь собрались расширяться Империями, а в Империях нам никто не будет указывать — кого считать гражданином. Это будет решать каждый сам у себя, по собственному разумению.

— Всё равно, шесть легионов, да ещё и новых легионов, не хватит, для удержания Востока от бунта иудеев, — Агенобарб переживал за вверенные ему территории, — сейчас девять старых легионов с этим едва справляются.

— Не хватит, — согласился Агриппа, — но нам и не нужно уберечь Восток от бунта. Пусть иудеи бунтуют. Пусть этот проклятый нарыв наконец вскроется. Нам нужно сохранить порядок в Сирии и Египте, а для этого шести легионов будет вполне достаточно. С Иудеей будем разбираться уже после Германии. А может и ещё позже, там посмотрим. Если иудейский мятеж затронет Парфию в Ктесифоне, Селевкии и Хатре, а он обязательно её затронет, ведь мы позволим этому мятежу как следует разгореться, то нам это будет только на руку. Привыкайте мыслить в новой парадигме. Из Иудеи нам нужно заранее вывести всех римских граждан, а потом защитить от взбесившихся иудеев Сирию с Египтом. Как раз наши новые легионы на границах опыта наберутся. А иудейский мятеж мы даже поддержим деньгами, если он будет распространяться в правильном для нас направлении. Тайно поддержим, разумеется. Пусть Парфия ослабнет.

— Большой риск, Принцепс. Так мы можем потерять Александрию. Иудеев в городе почти половина.

— Риск есть, — согласился Агриппа, — но мы на него пойдём сознательно, Луций Агенобарб, Германия сейчас гораздо важнее для нас. Потеряем, так потеряем, потом вернём, иудеи её с собой не заберут. Заодно и навсегда очистим город от этой буйной нечисти.

— Испанию без легионов тоже опасно оставлять, — вставил своё мнение будущий командующий Германской кампанией.

— Оставлять без легионов всё опасно, Друз, даже Италию, но мы на это всё равно пойдём. Усилим службы вигилов на местах, отправим в главные города по центурии преторианцев, соберём значительные вексилации всадников-ауксилиариев. Деньги на это

есть. Всадники нам потом ещё не раз пригодятся, нам весь Мир предстоит покорить, помните об этом. «Цель оправдывает средства»* (*девиз Ордена Иезуитов).

— Хорошо сказано, — оценил Друз.

— Мне тоже понравилось, — согласился Агриппа.

Зеркало, музыкальный сундучок и часовой механизм с маятником и мелодичным боем, Антонию не отвлекли от главного, она буквально сверлила Друза взглядом.

— Ты узнал, чему этот сумасшедший развратный мерзавец учит моего сына?

— Гай Меценат не сумасшедший, дорогая, — примирительным тоном попытался отбиться от агрессии жены пьяный Друз, — Агриппа его полностью контролирует, он в курсе, нам не о чем беспокоиться.

— Они два сумасшедших, Друз! Бедный мой Тиберий.

Антонию не подкупили ни зеркало, ни музыкальный сундучок, ни часы. Тиберий сильно подрос и начал говорить, это радует. Очень чистая речь, без каких-либо дефектов, приятный голос — да, мама, нет, мама, да, нет, нет, да. Но ведь видно, что хочется ему поболтать, глаза-то озорные. Хочется, но не может. Что-же творят с ним эти сумасшедшие?

— Следи за своим языком, женщина.

В другой раз, Друз, скорее всего, бы постарался облечь эту фразу в более обтекаемую форму, но сегодня он сначала вытерпел небывалый позор, как раз из-за Антонии, а потом ещё и выпили прилично. В общем, сказал то, что сказал, отвернулся и захрапел, Антония-младшая полночи проплакала.

Гай Юлий Гигин, ещё совсем недавно был просто рабом Гигином, но незадолго до своей кончины, божественный Октавиан Август даровал ему вольную, назвал Гаем Юлием и назначил управлять Палатинской библиотекой. После смерти Божественного, события понеслись запалённым галопом.

Сначала, его в библиотеке посетил зять нового Принцепса, Марка Випсания Агриппы — Публий Квинтилий Вар. С Публием Варом, они были старыми знакомыми, ещё будучи одним из секретарей божественного Августа, Гигин знал Вара как неплохого инженера и архитектора, человека ума пытливого и открытого всему новому, беседовали они не чинясь, на разные темы, не раз и не два.

В тот памятный день, Вар принёс Гигину рукописный свиток, попросил ознакомиться и выдать своё резюме. Рукопись оказалась научным трудом о неизвестной математической системе. Очень интересной системе.

Гигин начал читать, и... в итоге просидел в библиотеке всю ночь. Приведённое в конце труда доказательство теоремы Пифагора новым методом, привело его в полный восторг. Казалось бы, хороший знакомый, Публий Вар, на проверку оказался не рядовым инженером, а настоящим математическим гением. Нет, просто Гением. Гением всех наук, поэтому отказаться от его предложения Гигин не смог — на предложение возглавить «Университет», он сразу ответил согласием.

Ну а что? Кому теперь нужна Палатинская библиотека? Это теперь мало кому интересный архив, ничего актуального в котором нет. Музей, не более того, хранилище древностей.

В августе, когда Публий Квинтилий Вар уехал в Нижнюю Германию, помогать Друзу

громить варваров, жизнь университета, хоть и не замерла совсем, но очень сильно замедлилась. При Варе самые удивительные открытия совершались буквально через день — на второй, много — третий. Вар поощрял исследования в самых разных областях, наводил на мысли, а задачу практически любой сложности мог решить всего за день-два. Ну как можно такого человека подвергать опасностям войны? Совершенно ведь не разбирается в людях Агриппа, ему лишь бы воевать. Принцепса Марка Агриппу и вообще всех военных дуболомов, вольноотпущенник Гай Юлий Гигин откровенно робел, исходило от них что-то такое, на уровне эфирного восприятия — очень сильно его пугающее.

Гай Цильний Меценат, сменивший Вара в качестве куратора Университета, таким дуболомом не был. Хоть и ему довелось, в своё время, повоевать во время гражданских войн, страшным для Гигина он почему-то не сделался. Меценат по праву считался главным покровителем всех творцов и учёных, всех искусств и наук. Хорошо, что именно ему доверили патронировать «Университет» во время отлучки Вара.

— Значит, ты утверждаешь, что, если эту медную нитку протянуть, например, в Паннонию, можно будет через неё поговорить с Агриппой?

Гигин задумался, а ведь действительно, можно ли так далеко-то, сигнал ведь будет постепенно угасать. Значит как-то надо его подпитывать, теоретически задача решаемая, но... Эх, как же не хватает Гения Вара, вот ведь дуболомы армейские...

— Да, в будущем это будет возможно. Все наши исследования и расчёты это подтверждают, Трибун.

— Прекрасно, друг мой. Тебе нужна моя помощь?

— Трибун, прошу тебя, умоляю, поговори с Принцепсом Марком Випсанием Агриппой. Публий Вар — это бесценное сокровище, неужели в Риме не хватает обычных крепких ребят, чтобы гонять по лесам дикарей?

— Ничего с твоим сокровищем не сделается, Гигин. Агриппа не хуже тебя понимает в чём ценность каждого из нас. А то, что ты уже и без Вара способен исследовать и творить, меня очень радует. Могу я помочь тебе чем-то другим?

Гигин вздохнул. Ну как они не понимают? А ведь этот ещё из лучших...

— Спасибо, Трибун, всего остального в достатке.

Гай Цильний Меценат остался в Риме единственным представителем «Марсианского комитета», поэтому он не только курировал хозяйство Вара на Тибрском острове, включающее Университет Гигина, но и заменил его в должности префекта Претория и Вигилов, а также в тайной должности начальника Службы Внутренней Безопасности.

Службы, о существовании которой даже не подозревал Сенат. Службы, финансируемой сначала из личных средств Марка Випсания Агриппы, а сейчас из доходов производств Тибрского острова. Службы, агентами которой являлись уже шесть тысяч человек различных социальных слоёв, родов занятий и национальностей — патриции, плебеи, неграждане и даже рабы; представители всех коллегий из всех триб Вечного Города; римляне, греки, сирийцы, галлы, иудеи и все остальные. Они собирали информацию и передавали её наверх. Каждый из агентов знал только своего непосредственного куратора, так что и они не представляли размера и мощи всей структуры, а уж тем более — для чего она на самом деле создана, и кто её возглавляет.

Служба Внутренней Безопасности постепенно брала под контроль всё Римское общество — заменяла невменяемых лидеров коллегий, гильдий и криминальных групп на

управляемых, формировала вертикаль управления, распределяла ресурсы, предоставляла «крышу», выступала арбитром в спорах, улаживала конфликты и, по сути, являлась классической мафией, решая все возникающие проблемы внесудебным порядком. Ничего не поделаешь — именно подобная организация самая эффективная для обеспечения внутренней безопасности.

«Не можешь запретить — возглавь» и «Цель оправдывает средства». Не было и не будет в мире людей эффективных служб безопасности, которые действуют исключительно по закону и не сотрудничают с криминалом. «Не мы такие — жизнь такая».

Меценат, на должность начальника, разросшейся и набравшей силу, Службы Внутренней Безопасности, подходил гораздо лучше Вара. И по деловым качествам, и по морально-этическим, и по возможностям. Он приобрёл необходимый опыт в бурный, подлый и очень опасный период гражданских войн, выполняя самые сложные и деликатные поручения Октавиана Августа, по убеждениям он был прожжённым циником, и обладал самой большой клиентеллой в Риме, а отношения патрон-клиент святы, они освящены самими Богами. Во всяком случае, здесь в это ещё верят.

Гаю Цильнию Меценату, Марк Агриппа поручил расширить деятельность Службы сначала на Италию, а потом и на всю Римскую Республику, на все проконсульские и пропреторские провинции. Уже скоро настанет момент принятия судьбоносных для Римской Цивилизации решений, и, к тому времени, Службе необходимо получить весомые аргументы для убеждения самых разных людей, поэтому досье собирались не только на всех сенаторов, но и на прочих влиятельных лиц. Пусть будут. С досье уже не об услуге будет идти разговор, а, как минимум, о взаимности, уж Меценат-то как никто другой сможет использовать собранный компромат в качестве аргументов.

А заодно, раз уж он всё равно занят в Риме, Гая Мецената назначили префектом Претория и префектом Вигилов, что, в сочетании с должностью Народного трибуна, давало ему практически полную власть над Вечным Городом. Рим оказался в надёжных руках самого доверенного человека и лучшего друга Принцепса, хоть за него теперь можно не переживать.

Марк Випсаний Агриппа с Павлом Фабием Максимом и Тиберием-младшим готовили большую Германскую кампанию в Паннонии, собирая восточную армию; Клавдий Нерон Друз и Публий Квинтилий Вар занимались тем-же в Нижней Германии — собирали и готовили западную армию к войне на реках, строили верфи и флот; Луций Домиций Агенобарб и Тиберий Клавдий Нерон-старший готовили Восток к неизбежному иудейскому восстанию, а Меценат координировал их действия и работал с Сенатом.

Закон о службе в легионах вольноотпущенников, в Сенате уже приняли, приняли не без дискуссий, но и без особых проблем, большинство удалось убедить без взяток и каких-либо обязательств ответных услуг, не только со стороны Принцепса, но даже Мецената. Какие деньги, какие обязательства? Это уже ваш долг, это лишь малая часть вашего долга, радуйтесь, что смогли отдать часть такой пустяшной услугой, да ещё и на благо Рима, и благодарить своих великодушных благодетелей не забывайте.

Двадцать две тысячи бывших германских рабов, теперь вольноотпущенников и клиентов Друза-старшего, переправлялись в Сирию и Египет, где вступали в строй шести формирующихся новых легионов, а встречным потоком, в Нижнюю Германию и Паннонию передислоцировались старые Римские легионы. Кампания по перебазированию затратная,

но её сочли необходимой. На Востоке легионеры-германцы точно сохраняют лояльность, а боевой опыт получают не меньший. Да и к климату пусть привыкают. Война с Парфией начнётся практически сразу, после подавления иудейского мятежа.

Именно так. Ещё не началась Германская война, а уже планируются Парфянская и Британская. Уже ведётся разведка — и политическая, через подкуп высокопоставленных должностных лиц, и тактическая, посредством торговых караванов. Уже планируется формирование новых легионов, уже началась газетная кампания по привлечению на воинскую службу римских граждан. Умная газетная кампания. Газеты не топорно агитировали, а рассказывали о героях, вроде легата Четвёртого Македонского, Децима Понтиуса Пилата, начинавшего службу легионером и прошедшим все ступени (иммуна, центуриона, примипила, трибуна-латиклавия) до легата по итогам Паннонской кампании. Децим Пилат теперь в Риме настоящая звезда, пример для подражания тысяч мальчишек.

Ещё бы. Теперь он богат, как сенатор, хотя ещё достаточно молод, всего тридцать семь. Сам Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, называет Пилата своим другом. Теперь перед ним открыты пути в любые Римские магистраты, а значит и сенатором он обязательно станет, если сам этого пожелает.

Легионерам ещё не повысили жалование, до этого дойдёт после Германской войны, а количество желающих поступить на службу в доблестные Римские легионы, где делаются такие выдающиеся карьеры, уже заметно прибавилось. Уже повысились требования к тиронам — и по физическому развитию (здоровью), и по уровню грамотности.

745 год от основания Города (8 г. до н. э.) получился довольно насыщенным на события.

В марте, Принцепс Марк Випсаний Агриппа провёл через Сенат военную реформу. Реформу, направленную уже в будущее, в великие степные просторы «Северного и Дальнего Востока», пустыни Африки, Аравии и Парфии, где без кавалерии воевать решительно невозможно. Успешно воевать невозможно, как Красс-то — запросто.

Формировать новые легионы, как классические, так и кавалерийские, хоть конные, хоть верблюжьи, хоть слоновые, имел право не только сам Принцепс, но и все его соратники-сподвижники-императоры из «Марсианского комитета», но проведение реформы через Сенат, Агриппа счёл необходимостью. Любую реформу должен освятить Гений Рима, а иначе нам удачи не видать.

Впрочем, проведение любых реформ через Сенат теперь не представляло сложностей. Партия сторонников Принцепса (искренних и принуждаемых Меценатом) включала в себя уже три четверти сенаторов, поэтому процедуры принятия решений превратились в ритуалы с заранее известным результатом, но для Агриппы и такие лукавые процедуры были святы. Пусть ему, его уже не перевоспитаешь.

Вместе с принятием военной реформы, Сенат выделил средства на формирование четырёх кавалерийских легионов — трёх конных: Двадцать девятого Испанского в Гиспалисе* (*современная Севилья), Тридцатого Галльского в Бурдигале* (*современный Бордо), Тридцать второго Скифского в Медиалануме* (*современный Милан) и одного верблюжьего, Тридцать первого Африканского, в Кирене* (*древний город на северо-востоке современной Ливии). Конечно, этих четырёх легионов не хватит для покорения Парфии, но они послужат сдерживающим фактором для особо буйных «товарищей», во время Германской кампании, когда все основные силы будет задействованы на севере.

Пусть это легионы новые, пусть они будут даже не полностью укомплектованные к тому

времени, но это уже легионы, внушающие страх одним своим существованием. Да и деньги Сената лишними не будут. Деньги есть, их хватает, но лишних всё равно никогда не бывает, такова уж их природа.

В июне, мятежниками был убит римский гражданин, царь Понта и Боспора, Полемон Первый. Как оказалось, хороший знакомый, можно даже сказать приятель, Принцепса, Марка Випсания Агриппы. Понтийское и Боспорское царства вышли из-под опеки Рима. Наметилась ещё одна война, на этот раз в будущем владении Публия Квинтилия Вара, Империи «Северного и Дальнего Востока». Война не первоочередная, но готовиться к ней начали сразу — выделили средства на ведение политической разведки, то есть на подкуп высокопоставленных должностных лиц, а заодно и на налаживание дружеских взаимоотношений с северными и восточными соседями будущих противников — кочевыми племенами скифов, сарматов и роксоланов.

В сентябре, в Риме, состоялся триумф Тиберия Клавдия Нерона за победу в Паннонии установившую лимес* (*границу) Римской Республики по всему протяжению Дуная до Понта Эвксинского* (*Чёрного моря) и принесшую Римскому Сенату в проконсульское управление, очень богатую и очень спокойную провинцию Далмация. Ещё одну жирную и безрогую дойную корову — дои её и наслаждайся.

Первый триумф в эпоху правления Принцепса Марка Випсания Агриппы и первый действительно заслуженный, после покорения Гаем Юлием Цезарем Галлии. Роскошествовать Тиберий не стал, игры устроил всего месячные, но и это граждане Рима, программируемые газетами Мецената, бурно приветствовали — скромность украшает.

Пятый пленум «Марсианского комитета» принял поправки к планам, в связи с событиями в Понтийском и Боспорском царствах. Решили немедленно начать формирование ещё семи легионов — именно столько их понадобится для покорения взбунтовавшихся на северо-востоке царств. Итого, теперь Римская армия будет располагать пятьюдесятью двумя легионами. Никогда ещё такая военная мощь не собиралась в прошлом, да и в несостоявшемся будущем тоже — больше четверти миллиона военных профессионалов высокого класса. Не мобилизованных, не срочников, а именно профессионалов, для которых война — кормилица.

На итоговом заседании Сената, в предновогоднюю неделю, Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, назвал Риму имя нового Августа — семилетнего Тиберия Клавдия Нерона младшего, теперь Тиберия Августа Феликса, сына Клавдия Нерона Друза и Антонии младшей. Тиберий Август Феликс был давно и хорошо знаком сенаторам, воспитанник Марка Випсания Агриппы, нередко вместе с Принцепсом присутствовал на заседаниях, все давно заметили необычность этого ребёнка, а теперь этой необычности нашлось объяснение — выбор Богов. Но как ребёнка неполных восьми лет выбирать в Верховные понтифики? Ведь это одна из высших должностей в Риме. Верховный понтифик входит в число сенаторов, помимо всего прочего, носит тогу, а значит он не просто самостоятельно дееспособен, то есть сам глава своей фамилии, но и претендент на любые должности Римских магистратов, в том числе и на консульство.

Агриппа только развёл руками — такой уж выбор Богов. Гневить Богов, естественно, не стали, Тиберия Августа Феликса выбрали Верховным понтификом и сразу получили от него пророчество об очередном знамении — в грядущем году в небе планируют сойтись отец Сатурн и сын Юпитер* (*Великое соединение 7 г. до н. э.), чтобы... Об этом пока рано говорить, пусть они сначала сойдутся.

Пользоваться сенаторскими привилегиями Счастливчик не стал, и в консулы свою кандидатуру не выдвинул, он попросил назначение трибуном-ангустиклавием* (*обычное начало карьеры для знатных юношей в Риме) в один из легионов Паннонской армии, чем немало порадовал отцов-сенаторов. А уж как будет Агриппа использовать восьмилетнего трибуна — это только его проблемы.

Консулами 746 года от основания Города (7 г. до н. э.), последнего года подготовки к Германской войне, сенаторы выбрали триумфатора Тиберия Клавдия Нерона (во второй раз), выбрали сами, без выдвижения его кандидатуры Агриппой, и Гнея Кальпурния Пизона.

В январе семьсот сорок шестого года от основания Города* (*7 г. до н. э.), Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, и трибун-ангустиклавий Четвёртого Македонского легиона, Верховный понтифик, Тиберий Август Феликс, вернулись в Аквинк (лат. Aquincum, современный Будапешт) к своей Паннонской армии.

Паннония уже была полностью покорена, усмирена и очень быстро развивалась. Развивалась в том числе и благодаря армии, Римские легионы ведь никогда не бездельничают, а в Паннонии их собралось целых пятнадцать. Несмотря на зимнее время, работа кипела — заготавливался и распускался на брус и доски лес, заготавливался и обтёсывался камень и мрамор, обжигались кирпич и черепица.

Аквинк, столица пропреторской провинции Паннония, уже настоящий Римский город, с форумом, термами и амфитеатром, заложенными ещё Тиберием-старшим, а потому носившими его имя. Красиво всё-таки римляне строят, дорого, не слишком практично для стран с холодным климатом, но красиво.

Тиберию Августу Феликсу, Тиберию-младшему, в прошлой жизни Майклу О Лири, и этой, через месяц, исполнится восемь. Прошло без полутора месяцев пять лет с тех пор, как он начал влиять на историю этого мира. Новая жизнь ирландцу очень нравилась. Нет, старая тоже была отличная, жаловаться грех, но только здесь он начал понимать — сколько же времени потеряло человечество, погрузившись на тысячелетие во тьму Средневековья, и сколько утратило помимо потерянного времени. К такому уровню развития, там вернулись только к девятнадцатому веку, да и то далеко не все. И вернулись только на уровень технологического развития, а что-то очень важное оказалось утрачено безвозвратно.

Что именно, Счастливчик пока не определил, но люди в массе здесь нравились ему гораздо больше, чем там. Другие здесь люди, здесь они по-настоящему благородные. Не праведные, люди есть люди, праведников среди них во все времена случается очень мало, но даже отпетые мерзавцы здесь люди благородные, у всех у них есть Цель, которую они ценят превыше жизни. Там таких буквально единицы остались, а здесь их ещё тысячи, если не десятки тысяч, вот это благородство в людях и нужно постараться сохранить. Очень сильно постараться сохранить и преумножить. Как? Пока непонятно, но всё ведь только начинается, понимание со временем придёт. Не нужно торопиться с реформами, кроме самых необходимых, чтобы ненароком не сломать систему, воспроизводящую в поколениях это самое благородство.

Реформы Феликса и Агриппы начались ещё четыре года назад — с календаря. Ещё через год, Рим перешёл на привычные Майклу О Лири цифры и алгебраические знаки — новую Римскую математику, а в письменности добавились пробелы, знаки препинания, кавычки, скобки и так далее, благо больше не было необходимости экономить дороговизну пергамента и папируса — производство бумаги, массовое производство, наладили в первую очередь.

Учёные будущего были правы — старая система счёта сдерживала развитие Рима очень сильно. Введение новой Римской математики вызвало взрывной рост в развитии всех наук, значительно упростило и ускорило инженерные расчёты, а главное — её, новую математику, ведь гораздо легче учить. Уже через год, это единодушно признавали все, даже самые яростные бывшие критики реформы — дремучие ретрограды, сторонники незыблемости всех традиций, даже самых дурацких.

Военная реформа тоже во вред благородству пойти не должна. Она разрешила служить в легионах негражданам, и назначать трибунами лучших центурионов, но это ведь не отменило обязанности служить для благородных. Как и раньше, все благородные юноши должны начинать *Cursus honorum* с воинской службы, трибунами в семнадцать лет, просто легионов теперь стало почти вдвое больше и одними только благородными все вакансии уже не закрываются. Благородных теперь нужно больше, как и граждан, и военная реформа этому поспособствует. Должна поспособствовать, по идее.

Центурионы — это уже капитаны-майоры, почему бы лучшим из них не выслужиться в полковники-генералы? Лучшим ведь, не худшим — положительный отбор. Элита должна постоянно пополняться свежей кровью, иначе ей конец. В Рима она и так всегда пополнялась, те-же Агриппа, Меценат, Гней Помпей Магн, Марк Антоний и так далее, ведь не из древних патрицианских родов выходцы, а из обычных плебейских. Военная реформа просто упорядочила этот путь наверх, только и всего.

Отслужил трибуном — получаешь право выдвигаться в эдилы, закончил службу легатом — в преторы. Получаешь право, но не гарантию, что тебя выберут, для этого снова нужно будет очень сильно постараться, нужно будет пройти уже второй круг отбора. Отбора в лучшие из лучших, в Отцы Римского Народа.

Следующая реформа будет уже социальной. Императоры получают огромные владения, передаваемые по наследству, а в этих владениях получают свои, тоже передаваемые по наследству, феодалы — герцоги, маркизы и графы. Тоже нужная реформа, без неё расширить пределы Римской Цивилизации на весь Мир невозможно, а это обязательно нужно сделать.

Появится владетельная элита, не сильно заинтересованная, если вообще хоть сколько-то заинтересованная, делать карьеру через традиционный *Cursus honorum*. Зачем он наследнику императора, или просто крупного и богатого феодала? Что для такого наследника место в Сенате, или даже консульство? Тут придётся подключать религию. Новую Римскую религию, реформа которой тоже необходима. Боги должны прямо указать, что наследует отцу не старший сын, по праву первородства, а добившийся большего на карьерной лестнице.

А если наследники ещё малолетние, или вообще дочери? А если владетель умрёт бездетным? Сложные вопросы. А ведь они уже насущные. Меценат бездетен, а у Вара только дочь, которая, похоже, так и останется единственной. Ладно, придумаем что-нибудь. Вопросы уже насущные, но время, чтобы подумать, ещё есть. Над этим нужно думать всем вместе, с Агриппой, Меценатом и Варом.

Ещё одна предстоящая реформа — денежная, но она исключительно техническая. Деньги выдумывать не придётся, только заменить их на более удобные. Это Агриппе кажется, что денежная реформа — самая сложная, а на самом деле — всё с точностью до наоборот. Денежная реформа пройдёт снизу, от частного банка-эмитента, а Сенат примет её уже по факту. Примет обязательно, никуда не денется.

«А пока начинаем делать классическую Римскую карьеру на ступенях *Cursus honorum*. Эталонную карьеру, оставляя значимый след на каждой ступени. Организм пока немощный, растущий, но трибуны ведь не в строю легионеров воюют, выдерживая натиск амбалов-варваров, так что справимся. У нас свои козыри, дружище Феликс» — закончил внутренний диалог Счастливчик Майкл О Лири и отправился представляться своему легату.

Децим Понтиус Пилат, легат Четвёртого Македонского, «гвардейского» легиона Принцепса, Марка Випсания Агриппы, испытывал двойственные чувства. С одной стороны

под его командование поступил сам Август, Верховный понтифик и Римский сенатор, причём поступил без каких-либо претензий на исключительность, обычным трибуном-ангустиклавием, а с другой — этому трибуно, всего-навсего, восемь лет. Где его такого можно использовать?

— Назначь его командовать сигниферами* (*знаменосцы и, по совместительству, казначеи), — посоветовал Агриппа своему бывшему примипилу* (*старший центурион легиона, командир первой центурии и первой сдвоенной когорты).

— Доверить ребёнку легионного орла?

— Смело, — усмехнулся Агриппа, — и орла, и казну. Этого ребёнка выбрали сами Боги, Понтиец. Он тебя ещё сильно удивит. Особенно с казной. Твоим легионерам все завидовать будут. Поверь моему слову — не пожалеешь.

В начале мая 746 года от основания Города, Марк Випсаний Агриппа и Павел Фабий Максим отправились в Колонию Агриппину, на военный совет к командующему Германской кампанией, Клавдию Нерону Друзу. Агриппе захотелось самому убедиться в готовности западной армии. В готовности к небывалой войне, молниеносной войне, с использованием крупнотоннажного речного флота.

Не то, чтобы он не доверял Друзу, скорее хотел помочь. Вдруг, молодой ещё совсем, тридцать один год ведь всего, и неопытный командующий что-то упустил. Для этого и нужны старшие товарищи — заметить упущение и указать на него.

Конную алу Четвёртого Македонского, составившую охрану командующего восточной армией и его заместителя, возглавил трибун-ангустиклавий Тиберий Август Феликс. Четыреста восемьдесят Римских лиг* (*примерно 1200 километров) за восемнадцать дней. Юного трибуна берегли все, и командующие, и легионеры, все о нём заботились, хотя виду и не подавали. Агриппа командовал остановками чаще, чем было запланировано изначально, поэтому в пути, вместо шестнадцати дней, провели восемнадцать.

Добрались, наконец. Счастливчик уснул прямо в термах. На следующий день, по прибытию, железный Принцепс велел своей охране отдыхать, а сам устроил строевой смотр шести легионам, размещавшимся вблизи Колонии Агриппины. А ведь ему уже пятьдесят шесть... Папа-Друз сопровождал Агриппу, а Тиберий Август Феликс достался на целый день маме-Антонии, и вытерпеть её заботу, сопровождаемую охами-вздохами, оказалось потруднее, чем выдержать конный марш.

Вот как этих баб понять? Твоего сына, в восьмилетнем возрасте, ввели в Сенат, признали Августом и выбрали Верховным понтификом, а ты всё чем-то недовольна. Счастливчику казалось, что в доспехах и шлеме с поперечным чёрным гребнем, он выглядит очень грозно и героически, но местная мать смотрела на него, как на жалкого мокрого котёнка, чудом выбравшегося на берег из стремительного потока. А ещё у неё поломались матримониальные планы. Антония-младшая, оказывается, уже подыскивала сыну невесту. Всё зря!

Тяжело пришлось. Никак не воспринималась эта, по сути, совсем ещё девочка, которой даже тридцати не исполнилось, матерью; и она это каким-то образом чувствовала. Чувствовала и винила во всём Друза, Агриппу и даже почему-то Мecenата. Такая вот женская логика...

Военный совет командующих Германской кампанией: Марка Випсания Агриппы,

Клавдия Нерона Друза, Публия Квинтилия Вара и Павла Фабия Максима, с привлечением Верховного понтифика, Тиберия Августа Феликса, устроили в Могонтиаке, где стояли лагерями восемь легионов и размещались главные верфи. Слияние Рейна и Майна, отсюда начнётся Германская кампания будущего года. Майн — река стратегически ключевая. Из правых притоков Майна, по волокам, легионы выйдут в Эльбу и Везер и осадят бурги варваров. Сразу все бурги, почти одновременно. А бурги — это ключевые тактические точки. Они построены либо в слияниях рек, либо возле бродов. В бургах сидят военные вожди германцев, со своими дружинами-бандами. Если их удастся блокировать, а это вполне реально, то проводить «мобилизацию» будет просто некому. Германцы очень воинственны, но и они не способны воевать без командиров.

Кроме того, через приток Майна — Редниц, по волоку можно перейти в приток Дуная — Альтмюль, в другой истории там даже прокопали канал. В общем, Могонтиак лучше всех подходит для строительства столицы Империи «Германия» и для размещения в нём главной производственной базы обеспечения дальнейшей экспансии Римской Цивилизации. Всё здесь неподалёку, всё можно доставлять по рекам, а значит очень дёшево. А главное — Могонтиак будет собственностью папы-Друза и наследством Счастливого, Сенат не пришлёт сюда своих чиновников-шпионов. В этом отношении, сенаторы гораздо опаснее любых варваров.

Звенели пилы, посвистывали ремённые приводы, шлёпало по воде огромное колесо, придающее всей этой хитрой механике силу. Досочка шла ровненькая, тоненькая, аж поцеловать её хотелось. Кораблики получатся на загляденье, лёгонькие (относительно, конечно) — на волоках не застрянут, даже если волов захватить на месте не удастся, стальным легионерам Нерона Клавдия Друза будет по силам перетащить их через волоки «пердячим паром».

Понятно, что они всего на один сезон, судёнышки эти — расшатается корпус, и дешевле будет новые построить, чем старые перебирать. Да и не нужны станут суда такого типа — плоскодонные галеры без парусного вооружения — пригодные только для рек и каботажного плавания в хорошую погоду — поэтому их сразу на одну навигацию и рассчитывали, максимально облегчая вес.

Тысяча кораблей, пусть и небольших, спроектированных для перевозки всего одной центурии с припасом на полгода, но ведь их целая тысяча — это очень впечатляющая мощь!

Германцев между Рейном и Вистулой (далее Западным и Южным Бугами), планировали покорить всего за одно лето. Следующее лето, лето семьсот сорок седьмого года от основания Города. Захватить и сжечь все их бурги, пленить и продать в рабство население этих бургов, а землешцев примучить и обложить налогом. Дальше пойдёт процесс романизации, уже отлаженный на множестве покорённых территорий процесс. Уже чисто технический процесс — строительство городов, дорог, мостов и каналов. Глазом эти варвары моргнуть не успеют, как их обложат такой инфраструктурой, что для контроля территории Империи с избытком хватит десятка легионов, а остальные пойдут дальше — в Скандинавию, Британию, Парфию, Понтийское и Боспорское царства.

На Рейнском и Дунайском лимесах, для Германской кампании собрали тридцать пять легионов из сорока одного, чем сильно напугали Сенат. Опасения сенаторов понять несложно, варвары ведь обязательно воспользуются ослаблением позиций Рима на юге — в Африке и юго-востоке — Сирии, да и Испания полыхнуть может. Агриппа остался непреклонен — воспользуются, конечно, и полыхнуть может, но выбора у нас нет — это

воля Богов, а их гнев намного страшнее каких-то варваров и повстанцев. Ещё одиннадцать легионов формировать уже начали, через год они будут условно боеспособны, а этот год — держитесь, как хотите. Преторианцы уже распределяются центуриями по ключевым городам, гарнизоны вигиллов усиливаются, а если всё равно боитесь — снизьте на пару лет налоги. Неужели даже такие простые ходы вам должны подсказывать Боги? В общем, готовьтесь. Война только начинается, и она надолго.

Марк Випсаний Агриппа, Клавдий Нерон Друз, Публий Квинтилий Вар и Павел Фаби Максим разрабатывали план совершенно новой войны. Войны, в которой разведка и подготовка занимает в десятки раз больше времени, чем, собственно, сами военные действия. Войны, которую Счастливчик назвал блицкригом.

«Veni, vidi, vici» великого Гая Юлия Цезаря, после этой Германской кампании, устареет точно так-же, как устарели фаланги гоплитов от вон того бархана до горизонта, в войнах великого Александра. Войны выходят на совершенно новый уровень планирования и управления — армия вторжения теперь будет дробиться на небольшие отряды, уже даже не на легионы, а на отдельные когорты, с командирами из лучших центурионов и собственными тактическими задачами.

К счастью, германцы пока так и продолжали резаться между собой. Давно распались племенные союзы ингевонов, гермионов и искевонов, а бывшие союзники стали лютыми врагами, и теперь яростно разоряли земли друг друга. Рим очень щедро платил за рабов, платил не только золотом и серебром, но и уникальными товарами — предметами роскоши и крепким алкоголем — коньяком и виски.

Концентрация Римских легионов на Рейне и Дунае, германцев пугала не сильно. Во-первых, всей картины они не представляли, а во-вторых, римляне строили флот. Огромный флот, довольно больших кораблей — а зачем они в Германии, такие громадины? Разве можно такую махину перетащить по волоку? Ещё как можно, но об этом они узнают, когда будет уже поздно.

— Хорошие механизмы, Вар, хвалю. Насколько они надёжны?

Лебёдки, обычные лебёдки, только изготовленные из бронзы.

— Германскую кампанию выдержат, Принцепс. Запасные части для них имеются в достатке, люди подготовлены — ремонтировать будем быстро.

Стандартизация — ещё один козырь новой Римской армии, армии, готовящейся покорить весь Мир. Стандартные корабли, стандартные лебёдки, стандартные запчасти к ним — людей стало готовить намного проще. Да и готовили их теперь централизованно.

Публий Квинтилий Вар — легат без легиона, получил под команду десятитысячный инженерный корпус, в который собрали большинство фабров* (*лат. Fabre — плотник, рабочий) из всех легионов, их и готовили. Готовили, разумеется, не только с лебёдками управляться.

— Хорошо, что быстро. Скорость — наше основное преимущество. Потеряем скорость — германцы сообразят — что к чему, и задавят нас числом. Если все успеют взяться за оружие, их будет от двух до трёх миллионов. Они нас просто завалят мясом.

— Не потеряем, Принцепс.

Скорость, скорость и ещё раз скорость. В течение одного месяца планировалось захватить все волоки и броды, обложить все германские Бурги, а к осени их все взять. Благо, располагались они все на судоходных для этих галер реках. Конечно, в Бургах жили далеко не все германцы, были у них и поселения поменьше, но даже свирепые германцы не смогут

воевать без вождей. Это только кажется, что нового вождя выбрать легко. То есть, выбрать то его действительно не трудно, только никакого авторитета у такого вождя не будет. Все авторитетные воины служат в дружинах, и будут блокированы в бургах в самом начале, а из кого выбирать в таком случае новых вождей? Из пахарей, или охотников? Да разве Боги станут помогать таким жалким вождям? Как уже развалились племенные союзы, так и племена рассыплются отдельными родами, а тем уже не останется другого выхода, кроме как покориться, или умереть. Римлян одинаково устраивало и то, и другое.

Совещались два дня, но в итоге согласовали всё до последних мелочей и даже действия в нештатных ситуациях. Мало ли, жизнь есть жизнь, даже в июне может случиться ливень с потопом. Вот и считали-прикидывали — кто, кого, где и чем будет подстраховывать в случае чего.

— Что для нас означает встреча Сатурна с Юпитером?

В отличие от мамы-Антонии, папа-Друз за сына искренне радовался. И гордился естественно. Было чем. Выбор Богов — это вам не шутки.

— Мы победим, отец. Победим весь Мир.

— А Сенат согласится с нашим планом раздела Мира на Империи?

Хороший вопрос. Его нужно задавать скорее Гаю Меценату.

— Согласится, отец. Это воля Богов, не жалким сенаторам с ней спорить.

— Хорошо. Конечно, Фортуна выбрала для нас с тобой не лучшую из Империй, но всё равно — хорошо.

— Наша Германия ничем не хуже Парфии, или Индии, отец. Мы здорово здесь всех удивим.

— Чем?

— Потом это обсудим, после войны. Могонтиак ещё станет больше и богаче Рима. Придумай ему достойное название.

— Как тебе *Roma Germanica*?* (*Германский Рим)

— Мне нравится.

Вечером, накануне возвращения, Антония поругалась из-за сына с Агриппой и, заодно, за компанию, чтобы молодец не расслаблялся, с собственным мужем-Друзом, а потом всю ночь плакала — по глазам видно. Друзу, по всему видать, эти истерики уже изрядно надоели, и его тоже можно понять.

«Как же хорошо, что мы так редко с вами видимся, дорогие мои малолетние родители».

Агриппа обнял на прощание своих сыновей: приёмного — Луция Антония Випсаниана и родного старшего — Гая Юлия Цезаря Випсаниана. Пятнадцать и тринадцать парням, уже воины, в Германской кампании наверняка поучаствуют. Возьмут их на службу раньше цензового возраста.

— По коням, — скомандовал Принцепс, — «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Маробод, сын вождя племени Маркоманнов — Вигитора, воспитывался в Риме. Он не был заложником, отец отправил его туда добровольно. Вигитор стал вождём своего племени не только из-за огромного роста и медвежьей силы, среди германцев таких хватало, он был хитёр, осторожен и довольно умён, чтобы понимать — ромеи сильны прежде всего своими знаниями, а значит у них нужно учиться.

Маробода приняли при дворе Октавиана Августа милостиво, учили, свободу не

ограничивали, он много путешествовал по огромной Римской Республике — побывал в Галлии, Греции, Сирии, Египте, Малой Азии и Африке — всё посетил, всё посмотрел. И вот вернулся домой.

Домой? Этот, окружённый деревянным частоколом, бург Хаттен, довольно большой по местным варварским меркам, но слишком убогий, для уже просвещённого Маробода, он своим домом больше не считал.

— Мы видели встречу Сатурна с Юпитером, отец, как раньше видели хвостатую звезду. Я лично всё видел.

Вигитор выслушал сына с невозмутимым видом. Хотя жрецы и нагадали ему, что будут знамения к удаче, ничего конкретного они, как обычно, не сказали. Ни какие знамения, ни что за удача ему выпадет. Оно, ведь, как всегда бывает — ты на развилке двух дорог, на обеих удача тебя не ждёт, только на какой-то одной, и её нужно выбрать правильно. А иногда удача приходит сама, тогда вообще — чтобы её не упустить, нужно сидеть на месте, ждать и никуда не ходить. Что именно нужно сделать сейчас?

Ромеи прекратили свои походы в германские земли ещё пять лет назад, но легче германским племенам от этого не стало. Коварные южане начали покупать рабов у германцев, покупать задорого, и сразу нашлись желающие с ними торговать. В Германии началась война всех со всеми. Распались племенные союзы, в том числе и союз гермионов, в который входили маркоманны. Бывшие союзники: свевы, лангобарды, херуски и квады, теперь злейшие враги. Такая же ситуация в союзах ингвеонов и искевонов. Всё это неспроста. Если ромеи ударят... А ведь они ударят, ударят обязательно...

Маробод сам видел оба знамения, а ещё он привёз очень интересные подробности. Знамения эти, оказывается, к удаче не только ему, славному вождю Вигитору, даже не столько ему, сколько главному ромею Марку Агриппе, который заранее предсказал хвостатую звезду, а значит, его заранее об этом известили Боги. Ну, а кто же ещё, если даже лучшие жрецы толком ничего не знали? Встречу Сатурна с Юпитером предсказал воспитанник Агриппы, сын военного вождя ромеев Друза, Тиберий-младший. Боги теперь уведомляют ромеев о своих планах, сын в этом уверен, поэтому нужно...

— Ты немедленно отправишься в Колонию Агриппину, Маробод. Ты знаком с военным вождём ромеев, он не откажется тебя выслушать. Скажи ему — мы готовы на союз с Римом на любых разумных условиях. Я думаю, что в Британию они не собираются, вся эта возня с кораблями — очередная ромейская хитрость. Они придут сюда, в Германию. Очень скоро придут, уже следующим летом. Мы должны успеть встать на их сторону, сын. Судьба нашего народа теперь зависит от тебя.

В Иудее полыхнуло в декабре. На этот раз ожидаемо и даже, в какой-то мере, управляемо. Двадцать шестой Германский легион ещё в начале октября ушёл из иудейской Кесарии в Египет, где император Африки, пропретор Востока, Луций Домиций Агенобарб, готовился отбивать вторжение нубийцев и подавлять восстание иудеев, во множестве проживавших в Александрии, Фивах и Мемфисе.

В конце октября, в Иудее объявили о повышении налогов на четверть. В Иудее на четверть подняли, а Египте и Сирии на десятую долю снизили.

В конце ноября, из самого Иерусалима к Сирийской границе вывели Двадцать третий Германский, вместе с легионом Иудею покинули римские граждане. Добропорядочные римские граждане, о которых было известно властям, а потому имелась возможность оповестить их об эвакуации, а недобропорядочных не жалко

Девятого декабря, в Кесарии, царь Ирод разъяснил первосвященнику Храма, Иоазару бен Симону, и семи авторитетнейшим иерусалимским раввинам причину повышения налогов — из-за постоянной угрозы иудейского мятежа, Риму приходится держать на Востоке два лишних легиона, а потому, оплачивать их содержание, впредь должны сами иудеи. Разъяснил, поднялся на один из кораблей Римской эскадры восточных морей и, с караваном судов, вывозящих из Кесарии всё ценное, отбыл в Селевкию Антиохийскую.

«Гори ярче и жарче, проклятая Иудея, не желающая жить по-человечески» — напутствовал своё собственное царство Ирод, с борта римской квадриремы. Последние три года жизни он чувствовал себя здесь как в жерле оживающего вулкана, но теперь всё позади. Всё вывезено, кроме дворцов и прочего недвижимого имущества. Их тоже жалко, конечно, но, во-первых, не факт, что их сожгут, а во-вторых, даже если и сожгут, то уже пустые. Переживём. Стены построим новые, лишь бы вас, проклятых иудейских фанатиков больше никогда не видеть. Риму его Боги точно помогают, а захочет ли вам помогать ваш?

Четырнадцатого декабря, в Храме произошла массовая драка, практически сражение фарисеев с саддукеями, с тремя десятками убитых и двумя сотнями раненых, а пятнадцатого полыхнуло, начались уличные бои в Иерусалиме.

— Кто из этих фанатиков возьмёт верх, царь?

Дважды консул Рима, триумфатор, зять Принцепса Марка Агриппы, назначенный прокуратором в Сирию, Тиберий Клавдий Нерон, выглядел величаво, и Ирод это оценил. Даже не подумаешь, что ещё буквально вчера этот самый Тиберий бегал со своими легионерами по лесам за дикарями, как будто всю жизнь, с самого рождения, правит.

— А какая нам разница, консул?

— Нам разница есть, царь. Мы собираемся поддерживать победителей и направлять их в правильную сторону. Надеюсь, у тебя в обоих лагерях есть свои люди?

— Конечно, консул.

Консулами семьсот сорок седьмого года от основания Города* (*6 г. до н. э.), отцы-сенаторы избрали Принцепса, Марка Випсания Агриппу (в третий раз), и Гая Цильния Мецената. Причём, Агриппа свою кандидатуру не выставлял, он выдвинул только Мецената, но сенаторы решили, что так будет лучше.

Во-первых, жрецам Сатурна и Юпитера, навестивших в Аквинке Верховного

понтифика, удалось выяснить цель встречи Богов — Сатурн и Юпитер договорились о назначении главным Богом всех людей — Марса, внука первого и сына второго, а голосом Марса* (*Vox Martis) среди людей — Марка Випсания Агриппы.

Во-вторых, голубиная почта, через Кипр, Крит и Тарент, принесла известие о начавшемся восстании в Иудее, которое поставило под угрозу поставки зерна из Египта и вообще... Провинция Сирия уже двадцать лет управлялась пропреторами, и Сенат не нёс за неё ответственности, но у многих сенаторов там имелся частный бизнес. Очень доходный частный бизнес, ведь Сирия — это ворота Рима на Восток, через Парфию в Индию, откуда приходят шёлк, драгоценные камни, пряности, специи и благовония. Агриппа человек ответственный, нужно только озадачить его заботами высшего Римского магистрата, чтобы не слишком увлекался этой никчёмной Германией, а уделял своё внимание действительно важным вопросам.

Ну, и, в-третьих, Гая Цильния Мецената в Сенате уже откровенно побаивались. Он слишком много знал. А кроме того, что он слишком много знал, он занимал должности Народного трибуна, префекта Претория и Эдилов, а теперь ещё и консула — то есть получил абсолютную власть в Республике, ни одному царю такая власть и не снилось. А сдерживать кровожадность циничного Мецената сможет только сам Агриппа. Принцепс и Цензор Римского Сената, пожизненный Народный трибун и император, Марк Вокс Мартиус Випсаний Агриппа.

В мае 747 года, легат Четвёртого Македонского, в котором нёс службу трибун Тиберий Август Феликс, Децим Понтиус Пилат, получил из дома два известия. Как обычно, одно радостное и одно печальное. У Понтийца наконец-то родился долгожданный сын, а вскоре после родов умерла жена.

— Как сына назвал, легат?

Понтиец получил персональное разрешение на брак ещё до похода в Понтийское царство и обретения там своего когномена, он уже тогда был легендой. За всю долгую и славную историю Римской армии, таких случаев было всего несколько, все их, пожалуй, по пальцам только рук пересчитать можно. В Риме, женатых центурионов было куда меньше, чем знаменитых полководцев. Сына Понтиец ждал долго, сначала родились две дочери, старшая уже невеста.

— Понтиус* (*моя версия происхождения странного преномена Понтия Пилата).

Обычное дело, когномен отца становится именем старшего сына, мог бы и не спрашивать, но надо же как-то отвлечь боевого товарища.

— Понтиус Пилат... Он обязательно станет знаменитым, легат. Не унывай — на всё воля Богов.

— Я не унываю, а скорблю, трибун, это разные вещи. Ты про моего сына просто так сказал, или что-то узнал у Богов?

— Узнал, не сомневайся. Имя Понтиуса Пилата станет известным каждому.

Точнее, стало в другой истории, но это уже несущественные детали.

Буквально накануне войны, за три дня до начала кампании, Друз и Антония-младшая разругались вдребезги. Прежде Антония всегда сопровождала мужа в походах, даже будучи в тягости Тиберием-младшим и Ливиллой, но в этот раз планировался очень необычный поход. Слишком необычный — в угоду скорости, Друз жертвовал буквально всем. Ничего

лишнего! Он сам, разве что весло тягать не будет, всё остальное — питание и быт наравне с обычными легионерами. Но этот гениальный план Антония сочла личным оскорблением — он специально так придумал, чтобы её побольнее обидеть.

Поэтому настроение у командующего Германской кампанией было дерьмовое, и он затеял ещё одно учение по вытаскиванию на берег и спуску на воду ушатанной учебной галеры, которая в поход уже не пойдёт. Больше для себя устроил, чем для легионеров, захотелось ему ещё раз лебёдку покрутить. Лебёдка его настроение заметно улучшила.

Теперь не нужно будет мучиться по грудь в воде, или по колено в грязи, вытягивая кораблики на волок.

«Даже ноги не намочим, фарбы Вара сами всё сделают».

Друз мечтательно хмыкнул, про Антонию он уже и думать забыл. Война теперь будет ещё быстрее, умнее и красивее — а это главное.

Антония даже не стала дожидаться отбытия Друза, и потребовала немедленно отправить её в Рим, к маме. Раз уж я тебе не нужна... Друз отправил, чего ей и правда одной здесь сидеть, там мать, сестра, подруги, езжай любимая, чмок. Секст Лициний, возглавишь отряд охраны. Развернулся и ушёл. Почти всю дорогу Антония проплакала. Успокоилась только в Риме, у мамы-Октавии.

— ... он меня больше не любит. Не знаю, что мне дальше делать.

Луций Антоний Випсаниан готовился принять свой первый в жизни бой. Его ввели в ценз раньше срока, назначили в армию трибуном и поручили командовать отдельным отрядом. Правда, придал ему командующий Клавдий Нерон Друз не абы кого, а вексилляцию из двух когорт Тринадцатого Парного, во главе с примипилом Титом Силексом. Легиона, когда-то считавшегося «личной гвардией» самого Гая Юлия Цезаря, того самого легиона, что высаживался с Цезарем в Британии, покорил Галлию, и перешёл с ним Рубикон.

Трибуны обычно не встают в строй легионеров, но для Луция это был первый бой, и он решил начать свою военную карьеру именно с этого. Его легендарный дед, Марк Антоний, поступал так в критические моменты не раз и не два, за что его обожали легионы, и высоко ценил сам Цезарь, а он ведь сейчас наверняка смотрит... Так надо. Надо...

Примипил заметил волнение молодого трибуна. Перед первым боем все волнуются, это нормально.

— Они только орут хорошо, трибун. Там бойцов, сотен пять-шесть, не больше, да и те дерьмовые — не воины, а гладиаторы, каждый у них бьётся сам за себя. А остальные только орать и могут.

Всё равно не по себе. Легионеров всего тысяча триста восемьдесят шесть* (*первая когорта легиона сдвоенная), а этих? Тысяч десять? Да, как минимум. И орут твари так, что аж уши закладывает. Скорее бы уже...

«Ну давайте, бросайтесь, чего орёте, как ишаки перед случкой, тупые дикари». «Что там ещё? Бабы что ли теперь визжат? До чего же мерзко».

Силекс глумливо хмыкнул.

— Мне германки нравятся. Хорошо, что они из своего бурга вылезли, на ограду лезть не придётся. И детей живых много захватим. За них нам отдельная премия будет, сверх уговора.

Да, за здоровых юношей двенадцати-пятнадцати лет пообещали премию. Их них будут готовить легионеров для войн на востоке. Хорошие премии обещаны, по сто денариев, но

Луций о деньгах сейчас думал меньше всего. Деньги ничто — слава всё.

О, кажись полезли. Тит Силекс рявкнул своё знаменитое.

— Львята! К нам идёт добыча, сама идёт. Фас!

И дунул в свисток. У Луция Антония аж ухо заложило. Металлический монстр, выстроенных в восемь шеренг когорт, шагнул вперёд, встречая толпу дикарей на противоходе. Столкнулись. Удар! Шаткое равновесие, но после четвёртой смены в первой шеренге у римлян, варвары дрогнули. Свисток. Шаг. Свисток — шаг, свисток — шаг, свисток — и дикари побежали. Двадцать четыре минут боя.

— Добей.

Тит Силекс указал Луцию на раненого дикаря. Добил. Порядок такой, посвящение легионному Гению. Проблевался. Никто не смеётся, все через это прошли. Луций тихонько спросил.

— Почему, я же в бою тоже убивал?

Примипил пожал плечами.

— В бою всё по-другому. У меня боевых хорошо за шесть сотен, а того раненого я до сих пор помню. Надо бы пару центурий к реке послать, трибун, лодки там у них. Как бы детей у нас не украли. Гай Лапис справится.

Тит Силекс тактично напомнил Луцию Антонию Випсаниану — кто здесь командир, Луций поблагодарил примипила кивком.

— Лапис!

Четвёртый Македонский и ставка командующего восточной армией, Принцепса, Марка Випсания Агриппы остановились в месте слияния Вистулы (Вислы) и Западного Буга двадцать шестого июля 747 года от основания Города. Остановились уже до следующего лета, остановились строить город, свои боевые задачи в этой кампании легион выполнил почти на три недели раньше установленного срока. На север, к устью Вистулы ушли Четвёртый Парфянский и Седьмой Старейший, на восток-юго-восток, к истокам Западного Буга и дальше, к Южному Бугу — Восьмой Сирийский и Четырнадцатый Марса Победоносного.

Корпус из пяти легионов Павла Фабия Максима занимает бурги на Одере, у Максима тоже всё в порядке, восточные племена германцев оказались гораздо менее воинственными, чем западные. И беднее значительно. Железа совсем мало, пашни чуть, живут в основном охотой. Торгуют совсем мало, серебра почти нет. Это из-за более холодного климата, или здесь уже не германцы живут, а славяне? Как их сейчас от германцев отличить? Живут вперемешку, да ещё и с кельтами, языки похожи, разве что Боги у них разные. Да какая теперь, в принципе, разница... Все они теперь станут римлянами. Такими же римлянами, как самниты, умбры и прочие этруски.

В этой кампании, Тиберий Август Феликс, Счастливчик О Лири, совмещал должности командира сигниферов Четвёртого Македонского и дежурного офицера Ставки командующего восточной армией, Марка Випсания Агриппы. Действительно совмещал, все служебные обязанности исполнял как положено, а в отношении казны легиона даже лучше. Не для казны лучше, а для легионеров. Сложная тут система выплат, к жалованию полагалось множество различных бонусов, и не все из них легионерам начислялись. Не потому, что «кроили» на своих, а потому что всё учесть действительно сложно, но Счастливчик с этим разобрался, создал настоящую финансовую службу и составил

картотеку, с отдельной картой на каждого легионера. Не так уж много вышло парням прибавки, на весь легион тридцать тысяч денариев в месяц, всего пять процентов, но заботу легионеры оценили. Дело ведь не столько в деньгах, сколько в справедливости.

В качестве дежурного офицера, приходилось заниматься с очень внушительной почтой командующего, Принцепса Римского Сената, консула и так далее в одном лице, Агриппа совмещал гораздо больше должностей, чем Тиберий Август Феликс, а почту свою он теперь не мог доверить даже своим секретарям. Не потому, что не доверял, просто не разберутся они — что действительно важно и срочно, что может подождать, а на что нужно сразу наплевать и забыть. А ведь именно третья категория почты самая объёмная. Почти все сенаторы написали о своих опасениях по поводу ситуации на востоке, и что Агриппе с их опасений? Каждого паникёра лично успокаивать? Ага, только этого ему и не хватало.

Папа-Друз на западе тоже успешно вышел в Эльбу и Везер, не позволил варваром объединиться, так что теперь их участь решена. Они ещё не сдались, но это только потому, что не видят всей картины. Не знают, что подмоги не будет, никто в спину римлянам не ударит, некому, пахарей и охотников никто в строй поставить не успел, а сами они не организуются. В банды, разве что, но это легионам не угроза.

Осталась от большой Германии только маленькая Скандинавия. Действительно маленькая, заселены там только южные берега, да и то малочисленно. Их, папа-Друз добьёт после, уже не спеша, растягивая удовольствие.

Ещё год уйдёт на полное покорение населения. Следующим летом, легионеры доберутся до самых глухих углов, а дальше...

Что дальше? Прежде чем двигаться дальше, нужно провести через Сенат закон об Империях. Не написанный ещё закон об Империях... и откладывать его принятие никак нельзя, Германия-то вот она уже, её статус сразу за столбить нужно. Обязательно нужно, чтобы потом споров не возникло. И принимать пока нечего. Непонятно в какой форме этот закон сформулировать, чтобы всё учесть. Империи ведь совсем от Рима не обособятся, для республики они станут чем-то вроде провинций, только с несменяемыми наместниками, которые передают свои полномочия по наследству.

Нет, через Сенат-то это сейчас протащить можно практически в любой форме, но дальше могут возникнуть всякие-разные проблемы. Не при первом поколении императоров, так при втором. Сенат ведь совершенно точно начнёт вмешиваться в вопросы наследования, сенаторов много и делать им особо нечего, так что они обязательно полезут в каждую бочку затычкой. Особенно, когда узнают истинные размеры Мира, разделённого на Империи. Сейчас то они думают, что Рим уже контролирует большую часть, что Индия не больше Парфии, на северо-востоке нет вообще ничего интересного, а про Новый Свет и вовсе не в курсе.

Наследование... У Агриппы теперь одиннадцать детей, пять сыновей, из которых двое приёмных, а у Мецената детей вообще нет. Меценату плевать на наследование, он об этих проблемах даже не задумывается, Империя его интересует только в качестве достойного места в истории для себя любимого. Ему хочется войти в историю Меценатом Великим, а остальное неважно, «после нас — хоть потоп». Ему и на Рим, по большому счёту, наплевать, не то, что на какую-то Империю «Британия». «Легко пришла — легко ушла». Точнее, уйдёт сам Меценат, а проблемы возникнут у всех остальных. Сенату ведь обязательно понравится отжимать уже обжитые Империи.

— О чём задумался?

Понтиец уже ушёл. Задремал что ли? Ритм у них тут, конечно, не для организма восьмилетнего ребёнка. Тиберий Август Феликс потёр и без того красные глаза.

— Закон об Империях нужно в этом году принимать. Очень важный закон — и для Рима, и для нас, а я пока даже не представляю себе, что в него нужно вписать. Не представляю себе всех последствий. Не представляю, как может развиваться ситуация, а ведь учесть нужно всё.

— Опять ты обо всякой ерунде думаешь. Оставь закон Гаю Меценату, он всё отлично представляет — и развитие, и последствия, всё учтёт, не сомневайся. Ты лучше о родителях своих подумай, Феликс, не чужие ведь они люди.

Агриппа очень переживал из-за сложившихся отношений с Антонией-младшей. Та, как с цепи сорвалась, и ничем её подкупить не удаётся, втемяшила себе башку какую-то блажь, и Друза теперь травит. Хоть бы забеременела ещё раз что ли... Но правду, саму ПРАВДУ, что её единственный сын и не её вовсе, а посланец из будущего, ей рассказывать нельзя ни в коем случае, это Агриппа и сам отлично понимал. От такой правды ей станет ещё хуже. Намного хуже. Хорошо хоть Друз на дикарях пока может отыграться, но он ведь их всех скоро перебьёт. Даже победы уже в полной мере не радуют, и в них плохое ищешь. Чёртовы бабы... Агриппа вздохнул.

— Ну что там интересного прислали, по этой Волге-Ра? Ты же из-за этого опять не выспался?

— Не только по Волге. Моря тоже очень порадовали — и Гирканское (Каспийское), и Аральское, сейчас они соединены проливом. Больше сейчас воды, намного больше, а почему — я пока не понимаю. Вроде климат тот-же, а воды больше. В общем, сможем на Волге в галеры загрузиться и до самой до Средней Азии по Сырдарье и Амударье доплыть. Осетры всю дорогу, будут сами на палубу запрыгивать. Карты нам ещё править и править, ну да мы и так знали, что они приблизительные. В общем, Империю Вара нужно занимать как можно скорее. Там есть всё, что нам нужно — от золота, до селитры. Только кавалерии у нас совсем мало. Пять легионов — это для тех просторов, считай — ничего, а ведь все пять не задействуешь, кавалерия и в Парфии понадобится.

— Кавалерию наймём. Степные кочевники — не парфянские катафрактари, лёгкая конница, найдём, чем их гонять. Армяне в конном строю хороши, можем их нанять, они обходятся дешевле легионеров. Сарматы на службу охотно идут, роксоланы, скифы. Конницу найдём, не переживай. Ты лучше о родителях подумай.

— Много их, армян этих, со всякими сарматами?

— Тысяч десять-пятнадцать соберут.

Ещё два-три легиона. Не густо, те края Счастличик знал отлично, строил там много — степь, да степь кругом, но хоть какой-то дальний периметр образуется. Относительно дальний. Всё относительно, могло быть и хуже. Будем исходить из возможного и планы строить соответственные. Волгу нужно занимать срочно, на Волге и Каме самая доступная селитра, которая сейчас обходится дороже серебра. Ещё бы, довези как её из Индии и Китая на верблюдах — раз в двадцать транспорт дороже самого товара получается.

— Хоть что-то.

Эта война складывалась для римлян просто великолепно, но огнестрельное оружие всё равно нужно. Срочно нужно. Даже если число легионов увеличить до сотни — это всего-навсего полумиллионная армия. Без огнестрела её даже не заметят, если по всему миру размазать. Да и флот только пушками удивить сможет. Нет у Римского флота других

kozyрей.

— Феликс, в ваши времена существовали просто немыслимые для моего разума возможности, неужели вы так и не научились управлять женщинами?

Да уж, больной вопрос, не только не научились, а разучились напрочь. Нельзя его расстраивать, всё так близко к сердцу принимает.

— Манипулировать можно любыми людьми, друг, в том числе и женщинами. Но я не уверен, что ты захочешь это делать. Ты для этого слишком благороден.

Тиберий Феликс Август, Счастливчик О Лири, сказал от сердца, от души, и Агриппа это почувствовал. Чтобы стать всемогущим придётся жертвовать... Чем? Да самым дорогим.

— Придётся тебе открыться Октавии. Она сможет — и тайну сохранить, и на дочь свою повлиять. Другого выхода я не вижу.

Марк Агриппа с надеждой, даже с мольбой во взгляде, посмотрел на Тиберия-младшего. После некоторой паузы тот кивнул, соглашаясь. Другого выхода и правда нет.

— Пусть с ней Меценат предварительно поговорит, подготовит её заранее. Он меня лучше всех понимает. Ему Октавия поверит?

— Ему точно поверит. Они хоть и цапаются напоказ как кошка с собакой, но друг друга искренне уважают. Я попрошу Гая, сегодня же ему напишу.

Маробод и раньше понимал, что легионы, покорившие пол мира, очень сильны, по-другому просто и быть не могло. Но понимать это одно, а теперь он сам почувствовал их мощь. Даже не шкурой, изнутри почувствовал, он теперь сам был одним из винтиков этой огромной смертоносной машины.

Клавдий Нерон Друз, пропретор Нижней и Верхней Германии, император и Народный трибун, как и ожидалось, выслушать его не отказался, на союз согласился, хоть Марободу и показалось, что с некоторой досадой. Это было очень странно, ведь римлянам самим предлагалось продиктовать условия этого союза, практически — любые условия, но Друз, очевидно, не слишком хотел даже такого, он вообще никакого не хотел...

Неужели, им не нужны союзники? Или союзником им не нужно только племя маркоманнов, которое возглавляет его отец? Но почему он тогда в итоге согласился? Странно это всё, очень странно.

Так, или иначе, а дело сделано, поручение отца он исполнил, и то хорошо. Маркоманнов римляне теперь не тронут. Пока не тронут, а дальше пусть договаривается уже сам отец. Друз не стал объявлять Маробода заложником. Сказал — раз уж мы теперь союзники, вставай в строй, и назначил порученцем при своём штабе. Представили его и, приезжавшему в Могонтиак, Принцепсу, Марку Випсанию Агриппе. В его присутствии Маробода допросил легат Публий Квинтилий Вар. Странные какие-то вопросы он задавал — где и чем торгуют маркоманны, откуда железные крицы привозят, много ли у них хороших кузнецов, как с этим обстоят дела в других германских племенах и так далее и тому подобное. Вообще ничего по сути дела. Собираются ли они воевать?

Ответ пришёл очень скоро. Этот поход, сыну вождя племени Маркоманнов запомнился на всю жизнь, а стремительность действий Римской армии просто потрясла.

Нет, это не люди. Они, казалось, не ели и не спали, а только гребли, или шли, или строили лагерь, чтобы всю ночь его охранять, а утром идти дальше. От недосыпания, умом Маробод уже мало что понимал, да и что может понимать отдельный винтик огромной машины? Зато он её почувствовал изнутри. А командующий Друз всё гнал и гнал свои легионы, будто боялся, что германцы от него разбегутся. Не разбежались, не успели. Догнал.

К саксонскому бургу Хама, в устье Альбиса, подошёл только один легион — Шестой Железный. Снова всё бегом, снова лагерь, снова осадные укрепления вокруг Хамы. Но хоть остановились, наконец-то. Наконец-то Маробод отоспался, начал соображать и осознал произошедшее, Произошедшее было просто невероятно. Отец ему точно не поверит. Невероятно, но факт — за два с небольшим месяца и практически без потерь, Друз захватил ВСЮ Германию. Римляне уже начали строить дороги! А осаждённые в бургах ждут друг от друга помощи. Маробод про себя злорадно усмехнулся — ждите-ждите, дураки.

— Всё, сын вождя, война закончилась. Отправляйся домой и передай отцу, что я жду его в Могонтиаке в октябре. Народ маркоманнов теперь живёт на территории Рима* (*в южной Баварии), в глубине этой территории, географически — в самом её центре, поэтому нам нужно как можно скорее определить статус вашего народа. Это нужно и нам, и вам. Вам — это нужно гораздо больше, сам понимаешь. Варварства, в самом центре наших владений, мы не потерпим.

— Понимаю. Позволь мне принять участие в штурме, император* (*империум — любые

дополнительные полномочия магистрата. Здесь — право формировать новые легионы) Друз Германик. Ещё одна неделя ведь ничего принципиально не изменит?

Понравился Друзу когномен «Германик», он довольно прищурился, но отказал.

— Не будет никакого штурма, Маробод. Нам не нужен этот бург, мы его сожжём. Даже одна неделя может изменить многое, ты сам всё видел и даже принимал в этом участие, так что отправляйся немедленно. Подари эту неделю своему отцу для раздумий, для него это сейчас великая ценность.

Вар посмотрел на Друза с сомнением.

— Может ещё раз предложим? Агриппа просил по возможности...

Главнокомандующий отмахнулся.

— Два раза уже предлагали. Поджигай, Публий, чего ты мнёшься. Хоть посмотрим, зря что ли таскали с собой это твоё хозяйство.

Вар вздохнул, взял у стоящего рядом Гая Випсаниана факел и поджёг фитиль. Огненная искра побежала к деревянной клетке ракетной установки — с воем и грохотом с направляющих рам потянулись огненные змеи в сторону бурга Хама. Вар заценил траекторию, немного поправил рычагом вторую установку, и поджёг второй фитиль. Вжих-вжих-вжих — когда последняя огненная змея подлетала к бургу, он уже полностью пылал.

— Ух ты...

Друз смотрел восторженно.

— ...значит, говоришь — на таких ракетах наши внуки полетят вразумлять дикарей во Вселенной?

— Ну, не совсем на таких. Принцип тот же, только они большие будут. Очень большие.

— А чего нам сейчас на большую ракету не хватает? Деньги у меня есть...

У Друза горели глаза, он только что обрёл новую мечту. Публий Вар это понял.

— Много чего ещё, Друз. Но мы над этим работаем. Дикарей нам пока и здесь хватает.

Воспитанник Друза, старший родной сын Агриппы, Гай Юлий Цезарь Випсаниан присутствовавший при разговоре командующих, не проронил ни звука, но и у него в глазах читался настоящий восторг. Уж он то точно дождётся.

Гай Цильний Меценат, в качестве куратора Рима, для «Марсианского комитета» оказался настоящим сокровищем. Шесть тысяч клиентов Мецената контролировали в Вечном Городе буквально всё — от полукриминальных коллегий до Сената, от лупанариев до храмов всех Богов, от цен на строительные материалы до распределения подрядов на строительство, от коррупции до благотворительности, от хлеба до зрелищ.

Старанием Гая Мецената, газеты «Правда», и «Коммерция» превратились в очень опасное оружие. Через газеты, дозированно сливался компромат на несговорчивых политиков и чиновников, по факту публикаций начинались следствия, а их ход подробно освещался уже в следующих выпусках.

Гай Меценат, избавил Рим от иудейской мафии и не допустил в городе беспорядков, после начала мятежа в Иерусалиме, а ведь опасность римлянам грозила не шуточная. Иудейская диаспора Рима была очень многочисленной, одних только взрослых мужчин десять тысяч. Два легиона фанатиков-сектантов внутри города! В Ктесифоне, Селевкии, Хатре и Сузах примерно такие-же по численности отряды смогли захватить власть и полностью разграбить города, а ведь Ктесифон столица Парфянского царства.

В Риме, Гай Цильний Меценат, префект Претория и Эдилов, беспорядков не допустил. К операции он привлёк все подконтрольные силовые ресурсы, в том числе и криминальные банды Вечного Города, организовал их и ударил. Всех потенциально опасных сектантов и их семьи арестовали за одну ночь, а потом следствие показало, что мятеж удалось предотвратить буквально накануне, да какой мятеж.

Фанатики-иудеи планировали вырезать всех сенаторов и сжечь Рим. Может и не планировали, а только мечтали об этом, но это неважно. Даже просто мечтать о таком — уже тяжкое преступление. Заговорщиков-мечтателей распяли, снова украсив крестами Аппиеву дорогу, их семьи продали в рабство, а имущество перешло в распоряжение городских курий, полностью подконтрольных Службе Внутренней Безопасности.

Кроме того, по инициативе консула Гая Цильния Мецената, Сенат принял закон, запрещающий отдавать долги иудейским ростовщикам. Всем ростовщикам, на всей территории Римского права, а не только замешанным в подготовке мятежа. Вся их секта — сплочённая мафия, а все их деньги — мафиозный «общак». Не нужны нам мафии-конкуренты, самый лучший бизнес — это монополия, а мафия — это прежде всего очень доходный бизнес. Не отдавать же его фанатикам-сектантам и прочим бандитам.

Шестидесятилетний Гай Меценат готовился покорять Империю «Британия», готовился очень ответственно, особенно в плане собственного организма, поэтому довольно быстро набирал форму. Он уже мог совершать не только спокойные верховые прогулки, но и настоящие конные марши, хоть пока и не слишком продолжительные. Не слишком продолжительные, но от Рима до Анциума, приморской виллы Октавии-младшей, всего двадцать пять лиг — расстояние суточного перехода Римского легиона.

Идея открыть Октавии тайну Тиберия Августа Феликса, Гаю Меценату понравилась не слишком, но поручения Агриппы он исполнил быстро и прилежно.

— ... ты должна повлиять на Антонию младшую.

Во время рассказа об очень странном происшествии, которое, впрочем, многое объясняло, Октавия внимательно наблюдала за Меценатом. Нет, не врёт, хоть и не всё рассказывает, хитрый поганец. Далёко не всё.

— Я хотела бы сама пообщаться со своим внуком, Гай.

— Кто бы сомневался. Поговоришь ещё, но действовать нужно срочно. У меня есть план, Октавия.

— Отлично, Гай Меценат. Ты представишь мне свой, как обычно, гениальный план, как только я пообщаюсь со своим внуком.

Октавия очаровательно улыбнулась старому приятелю, и закруглила разговор.

— На Антонию я и без твоих гениальных планов повлиять способна. Или ты думаешь иначе, дорогой Гай?

— Нет, дорогая. Не сомневаюсь в тебе. Я твой должник.

— Конечно, должник, и не ты один, ещё и Агриппа. И я ещё пока не решила, сколько вы мне должны. Ступай, Гай Меценат, организуй мне встречу с внуком в Колонии Агриппине. Ступай, я сказала, обсуждать больше нечего, сначала мне нужно подумать.

— Если ты не прекратишь истерики и немедленно не станешь Друзу образцовой женой, я САМА потребую вашего развода. У покорителя Германии не может быть сумасшедшей жены-истерички. И Агриппа меня в этом обязательно поддержит. Не смей реветь, когда я с тобой разговариваю!

Пощёчина. Обидно то как, Антонию душили слёзы, но разреветься она не смела. Что же произошло? Приходил Меценат. Старая сволочь, чего же он такого наплёл? Оценив реакцию дочери, Октавия продолжила уже чуть мягче.

— Вели собираться, дочь. мы с тобой вместе едем в Германию.

Вождь маркоманнов Вигитор слушал сына и размышлял об услышанном:

«Ромей Друз союза не хотел, это уже понятно, он планировал нас просто сожрать, как и всех остальных, но Маробод вынул у него из пасти этот кусок. Кусочек. Для них это небольшой кусочек, а для нас — это всё, что есть. Правы были жрецы, часть удачи мне досталась, но ромей это что-то с чем-то... Они творят действительно невозможное, будто и не люди вовсе. Сын вон рассказывает, а в его горящих глазах легко читается неподдельное восхищение ими. Теперь он и сам ромей всей душой. Может оно и к лучшему. Племенным вождём маркоманнов он бы вряд ли стал, а вот Римским наместником-пропретором станет запросто. Хороший сын, Маробод, правильно воспитанный, рассказ свой давно закончил, но сидит молча, уважает отца».

— Я тобой доволен, сын. Я не знаю, что ждёт нас в будущем, но это будущее, благодаря тебе, у нас есть, в отличие от очень многих других. Отдыхай, Маробод, через пару дней отправимся к ромеям вместе.

Парфянский царь, Фраат Четвёртый, предавался размышлениям в ожидании римского посла.

События в Иудее очень сильно беспокоили и его. Начавшееся в Иерусалиме, под вполне благовидным знаменем — долой ромеев, восстание, теперь шло уже под другим лозунгом — режь всех, кто не иудейской веры. Беспорядки перекинулись на Ктесифон, Селевкию, Сузы и Хатру, а это были уже его города, его земли, исконно парфянские, там никаких ромеев отродясь не было. Ромеев не было, а проклятые иудеи были, и четыре города, в том числе парфянскую столицу Ктесифон, они своим мятежом осквернили — сожгли все храмы в четырёх городах, и в досталь пограбили состоятельных горожан, отстоять удалось только царские дворцы и резиденции, которые защищали приличные гарнизоны.

Убытки царская казна понесла очень значительные, но Ромеям всё равно хуже. Они уже потеряли всю Иудею, с Иерусалимом, потеряли Александрию-Египетскую, с трудом удерживают Сирийскую границу, да ещё и в Египет вторглись с юга нубийцы, не упустившие шанса пограбить ослабшего соседа. Рим ослаб. Рим ввязался в большую войну с северными варварами и теперь почти все свои легионы держит там, а здесь, на Востоке, в Сирии и Египте, у них остались шесть только что сформированных легионов. Сформированных, большей частью, из бывших рабов, которым обещано гражданство за службу. Ничтожные силы — на всю Сирию всего пятнадцать тысяч, с очень сомнительной боеспособностью. Хороший момент для удара по Антиохии...

Ладно, выслушаем сначала ромейского посла. А вот и он. С драгоценным зеркалом!

Это действительно настоящая драгоценность, два зеркала царь Парфии купил раньше по полтора веса золота, а они тяжёлые, зеркала эти, стекло очень толстое, зато ровное, как поверхность неподвижной воды.

— Приветствую тебя, парфянский Царь, Фраат Четвёртый. Прокуратор Сирии, триумфатор Тиберий Клавдий Нерон, просит тебя об услуге...

Легат «Двадцать шестого Германского», Марк Корнелий Цек, сделал небольшую паузу

и едва заметно скривился, будто ему неловко, Царь Парфии внимательно и с удовольствием за ним наблюдал, подмечая малейшие детали. Видать, совсем плохи у них дела...

— ...он просит тебя найти и отправить в Антиохию учителей — индских, синдских, циньских, ханьских и других языков востока. Но это должны быть хорошо образованные люди, в совершенстве владеющие письменностью и культурой своего народа.

Цек с трудом заставил себя договорить эту идиотскую просьбу. Он и в самом деле был внутренне взбешён, что такое ценное зеркало отдают этой бородатой обезьяне за такую ничтожную мелочь. Лично он бы за него затребовал тысяч десять катафрактариев, младшую дочь царя, а учёных-дармоедов уже в придачу, но здесь и сейчас он говорил не от своего имени.

Марк Корнелий Цек не считал, что дела на Востоке у Рима плохи. Шесть новых легионов, одним из которых он сейчас командовал, хоть и сформированы на три четверти из бывших рабов-германцев, старым мало чем уступают. Плюс, формируются ещё одиннадцать легионов, четыре из которых кавалерийские, всего через год они будут вполне боеспособны, да и в Германии дела у Рима идут отлично, часть войск оттуда можно будет забрать уже этой осенью, поэтому задабривать парфян не было нужды — пусть только сунутся.

Римский легат в ярости смотрел на Парфянского царя и ждал ответа, но пауза затягивалась, Фраат Четвёртый был слишком удивлён.

— И всё?

Такой тупости варвара, легат Марк Корнелий Цек уже не выдержал. Он, представитель древнейшего патрицианского рода, прямой потомок основателей Вечного Города, не то что равным себе царя Парфии не считал, он даже человеком это говорящее животное не считал, между нами говоря.

— Всё, демоны тебя раздери, мохнорылая образина. Что мне передать прокуратору Сирии?

— Мы, несомненно, выполним его просьбу. Выполним со всем тщанием, легат.

Марк Корнелий Цек наградил царя Парфии ещё одним ненавидящим взглядом, молча кивнул, молча развернулся и молча вышел.

Что всё это означает? Что это за идиотская просьба? В чём тут подвох?

Ответов на эти вопросы пока не находилось. Странно, всё это очень странно... С вторжением в Сирию стоит повременить, пока не прояснится обстановка.

— Ликор, начинай готовить большое посольство в Рим. Большое и богатое, Ликор. Очень богатое.

Октавия с Антонией-младшей добрались до Могонтиака, новой столицы Германии, в месте слияния Рейна и Майна, в конце октября 747 года от основания Города.

Бабушка сразу взяла, получившего отпуск, внука под плотную опеку, чему тот и не думал противиться. Агриппа уехал в Рим, папа Друз с Варом проектировали мост через Рейн, наконец то их новые знания направились на мирные дела, в этих вопросах Счастливчик им был не советчик.

Октавия довольно долго не лезла в внуку с расспросами о самой главной тайне, Тиберий Август Феликс сопровождал бабушку на прогулках, составлял ей кампанию за трапезами, рассказывал о своей службе, о Германской кампании, читал «Илиаду» и «Одиссею», довольно приличные куски которых его вынудил выучить наизусть Меценат — «Хочешь быть неучем?» Хороша наука, сказки наизусть учить...

«Октавия нам очень нужна, и она это понимает. Специально нервирует, молодец бабуля, всё правильно, но меня ты этим не проймёшь, хитрая ведьма».

Так прошла неделя, у Счастливого закончились рассказы и выученные сказки на греческом, и он пошёл по второму кругу.

— Хватит, Тиберий! Не делай из меня дуру.

Тиберий Август Феликс картинно-куртуазно поклонился. Ему самому уже надоело терять время, но слишком уж много от Октавии зависело, а ситуация для её вербовки аховая, все козыри сейчас на руках у бабули. Сами так раздали...

— Как скажешь, бабушка.

Октавия сверлила внука глазами, но взгляда тот не отводил.

«Издаётся, подлец. Смотрит с иронией, как на глупую девчонку. Ну-ну».

— Правда ли мне рассказал Гай Меценат, что это ты убил Октавиана и Ливию, Тиберий?

Счастливчик улыбнулся как можно простодушней и лучезарнее и кивнул.

— Правда бабушка. Они были плохие.

Какими были покойные Августы, Октавия отлично знала и без Тиберия, у самой не раз руки чесались, да возможностей не имелось. На как на это отреагируют остальные, если всё станет известно? Очень плохо отреагируют. Действительно ТАЙНА. Октавия уже простила Агриппу за скрытность, в такое действительно никого нельзя посвящать, кроме самых близких и доверенных. Теперь эту тайну знают Марк Випсаний Агриппа, Гай Цильний Меценат, Публий Квинтилий Вар и она. Ни Тиберий-старший, ни Друз, ни, тем более Агенобарб и Максим не посвящены, а ведь они входят в число самых близких людей Агриппы. И как родственники, и как сподвижники. Октавия такое доверие оценила. Тем более, что у неё не просили взамен ничего, только помочь своей-же собственной дочери

— За это убийство казнили моего сына. Почему ты решил открыться мне? Ведь это именно ты решил.

Опять лучезарная улыбка, очень юный очаровашка.

— Нам нужна твоя помощь, бабушка. С Антонией и не только. А дядюшку Юла казнили за попытку организации мятежа, если ты помнишь. Ещё одна Гражданская война никому не нужна, а он, дурак, никак не хотел угомониться. Августов бы ему простили. Да и не сын он тебе, а пасынок...

— С Антонией? Не считаешь её матерью?

— Да как тебе сказать. У меня ведь в той жизни дети были старше. Но я её очень люблю, правда-правда. И её, и Друза, и тебя.

— Ладно, поняла. Помогу. Чем смогу... А пока расскажи-ка мне, милый Тиберий, какие у вас там были женщины, да поподробнее, внучек, я никуда не тороплюсь.

Царь Даков, Гетов и Герулов, Комосик, готовил летнее вторжение в Тракию, когда в его столицу, Сармизегетузу, прибыло римское посольство. Царь Дакии вполне обоснованно, как ему тогда казалось, считал, что завязшие в Германии и Иудее римские легионы, можно не принимать в расчёт года три, как минимум, и решил этим шансом воспользоваться.

Больше двухсот тысяч воинов, смог собрать Комосик под свои знамёна. В грядущей войне согласились принять участие даже сарматы с роксоланами, ради чего они заключили временный мир между собой. Армия Комосика, по численности, превосходила сейчас всю римскую вместе взятую, пусть и ненамного, но всю.* (*Тут Комосик ошибается, ему ещё неизвестно о формировании одиннадцати новых Римских легионов)

Нет, о совсем уж дурном, царь Даков, Гетов и Герулов пока не думал, не мечтал, Комосик был по жизни трезвым реалистом и отлично понимал, что и десятку ромейских легионов вполне по силам разогнать ту банду, которую он сейчас гордо именуется своим войском, но в Тракии то ромеев нет. А в Нижней Мезии только вексилляция из двух когорт «Третьего Галльского», которая значимой военной силой не является, она стоит там в качестве символа и, скорее всего, отступит с дороги, не принимая боя.

Сильно ссориться с ромеями, царь Дакии не хотел, он даже Мезию сильно грабить не собирался, только быстро туда-обратно пройти и похватать на проходе всё то, что совсем уж плохо лежит. Обида, конечно, будет, но обида не кровная, такую обиду можно будет виной уладить — добыча, из разжиревшей, под защитой ромеев, Тракии, ожидалась очень богатая, хватит и ромеям за обиду отстегнуть, и себе оставить.

И вот, от этих, приятных сердцу любого деятельного царя, хлопот, Комосика отвлекло внезапно прибывшее римское посольство. Посол — мальчишка совсем, лет шестнадцать-семнадцать, не больше, но Комосик и сам начинал царствовать примерно в этом возрасте, поэтому отнёсся к послу со всей серьёзностью.

— Мы знаем о твоих летних планах, Царь Дакии...

Луций Антоний Випсаниан очень хотел продолжить службу в легендарном «Тринадцатом Парном», которому следующим летом предстоит воевать в Скандинавии, но его приёмный отец, Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, настоял — пришлось ехать в эту козью задницу. Тракия хоть и не была римской провинцией, но не отдавать же её на разграбление этим косматым дикарям, которые и Мезию по дороге туда-обратно обязательно пограбят.

— ...Знаем о них, но не сможем им помешать, ты всё правильно рассчитал. Наши легионы слишком далеко отсюда, разграбить Тракию ты успеешь.

Комосик не удивился, такие планы не скроешь, тем более от ромеев. Он собственно и не пытался, потому спокойно ждал продолжения.

— Я привёз тебе подарок, царь. Это называется Книга, когда ты её прочитаешь, мы начнём переговоры. Надеюсь, у тебя есть грамотный толмач? Я на всякий случай привёз с собой.

По ромейски Комосик читать умел.

— Благодарю тебя, посол, толмач у меня есть.

«Книга» оказалась сшитой из множества листов того же материала, что и ромейская газета, только более плотных, и написанной всё теми же одинаковыми буквами.

Как им это удаётся, это какое-то колдовство?

«Германская война в рапортах легатов и командиров вексиллярцев с картами и схемами».

Довольно бойко прочитал Царь Дакии, хмыкнул чему-то своему, и углубился в изучение ромейской диковины. Но, промучившись пару дней, он вынужден был просить у ромейского посла толмача. Текст изобиловал непонятными словами, видимо армейскими терминами, и, не менее непонятными, рисунками. Толмач помог. Карта — это как будто видит птица, летящая на полночь, бывает, она повыше летит, тогда и видит подальше, а бывает — пониже, тогда видит меньше территории, но больше подробностей.

Эти демоновы ромеи что, приручили птиц, как лошадей? Орлов? Толмач не знал. Жалко, что нельзя его с палачом спрашивать. Рапорты командиров. Оказывается, они всё каждый день записывают, а потом составляют на основании этих записей отчёты для высшего командования.

С ума сойти, когда-же они воюют то? Увлёкся Комосик, неделю толмача не отпускал, вникал, прикидывал на своё воинство, и тяжело вздыхал. Ромеям оно на один зуб, даром, что большое. В том, что в волшебной книге написана чистая правда, царь Дакии нисколько не сомневался.

А ведь ромеи уже совсем недалеко, судя по этой книге. Один из их легионов остановился на зимовку всего в двухстах лигах севернее Сермизегетызы. Для них это двенадцать-пятнадцать суточных маршей по лесному бездорожью. Даже один легион может натворить тут дел, если увести войско на юг. Может натворить и натворит обязательно, а это — уже война. Большая война с Римом, которую не вытянули все германцы вместе взятые...

— Я прочитал твою книгу, посол. Благодарю тебя за столь ценный подарок и отдельно за толмача. Мы можем начать переговоры.

Луций Антоний Випсаниан кивнул, сел, и расстелил перед собой ещё одну карту. На этот раз, демонова ромейская птица летела над Дакией. Высоко летела, это царь Комосик понял сразу. Он поднял глаза на посла, тот улыбнулся и кивнул.

— Не ходи в Тракию, царь. Это просьба и добрый совет. А ещё, Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, мой отец, и Клавдий Нерон Друз, мой командующий, приглашают тебя в гости в Рим. Они тебя ждут, как почётного гостя. От себя добавлю — если ты всё-таки надумаешь идти грабить Тракию, вексиллярция «Третьего Галльского» обязательно примет в Мезии бой, я назначен её командиром.

К этому Комосик был готов ещё вчера и даже раньше, удивило его лишь приглашение Агриппы и Друза.

— Мы не пойдём в Тракию, трибун Луций Антоний Випсаниан. И приглашение твоего отца и твоего командира я принимаю с почтением и благодарностью.

Луций Антоний встал, кивнул, и молча вышел. Карта осталась лежать на столе.

Книгу «Германская война», отправленную Комосику, верстали без редакции и корректуры, с подлинных рапортов, не правили даже орфографические ошибки, подлинник-оригинал, а потому издать её получилось довольно быстро. Боевые действия 747 года, в Германии, Римская армия закончила вести в конце августа, а уже в начале октября книгу отпечатали в Колонии Агриппине.

Марк Випсаний Агриппа по началу возражал против издания такого подробного учебника, которым могут воспользоваться враги Рима, но Счастливику удалось его убедить.

Это книга — учебник прошлой войны, готовится к которой уже поздно, зато она многих заставит задуматься — стоит ли делать Риму пакости. Мы сами должны решать — кого и когда бить, а не рефлексивно реагировать на провокации.

Да и для истории — это очень важный артефакт. Сами рапорты, со временем, истлеют и рассыплются в труху, а эта книга будет переиздаваться и жить в веках. На её основе ещё напишут десятки, если не сотни приключенческих романов, а потом по ним снимут фильмы. Это важнее, чем скрыть сейчас некоторые возможности.

Именно, что некоторые. Умные люди и без книги составят примерную картину произошедшего, по одним только итогам, ведь они небывалые. Поэтому ничего не нужно скрывать, вообще ничего, пусть все всё читают и боятся. А мы найдём чем удивить в следующий раз. Пилорамы, верфи, лебёдки, стандартизация — это уже не секрет. Пусть попробуют повторить.

На стыке 747 и 748 годов от основания Города, Римский Сенат принял ещё одну реформу. Как им показалось — реформу административную. К самому Риму, Италии, проконсульским и пропреторским провинциям, прибавились Римские Империи на дальних окраинах Ойкумены. Статус Империям определили, как любым частным владениям — наследственная собственность. Землёй ведь владеть не запрещается, все сенаторы владеют огромными латифундиями в Италии, Греции, Испании, Африке, Сицилии и так далее, так вот это то же самое.

Такие латифундии получатся побольше, конечно, но там ведь и климат гораздо хуже. Климат хуже, холодина, буреломные леса и болота, в которых постоянно размножаются дикари-бандиты, так что чем больше такая латифундия-Империя, тем больше с ней проблем у её владельца. А ведь он отвечает за безопасность Римских границ со своей стороны, отвечает материально — звонкой монетой за каждый ущерб, случившийся по его вине, или недосмотру, так что завидовать ему не стоит.

Первой Римской Империей стала Германия папы-Друза, теперь Друза Германика Клавдия Нерона. Отличная получилась Империя, с границами по Рейну и Данубию (Дунаю) на юге и юго-западе, побережьям Северного и Внутреннего (Балтийского) морей на северо-западе и севере и Вистуле (Висле), Западном и Южном Бугах на востоке и юго-востоке. Империя от моря до моря. Точнее от двух северных морей, до Понта Эвксинского (Чёрного моря) в междуречье Данубия и Южного Буга.

Поспорили, конечно, поторговались. Император Друз Германик теперь должен в течение десяти лет выплатить Римскому Сенату десять миллионов денариев (сорок пять тонн серебра), за использование Римских легионов, при завоевании своей Империи-латифундии, но это такая мелочь, что даже упоминать неловко... Десять миллионов денариев — это годовое содержание пяти легионов. Использовалось тридцать пять, в течение полугода, но сенаторы посчитали и собственную прибыль — все северные провинции перешли в их управление, стали проконсульскими, а ведь это очень жирные куски: Реция, Норик, Паннония, Мезия и часть Верхней Германии до Рейна* (*современная Швейцария).

Кроме того, Друзу Германику вменялось содержать необходимые ему легионы за свой счёт. Агриппа и Меценат, торгующиеся с Сенатом со стороны «Марсианского комитета», согласились на это довольно легко. Именно этого они и добивались, а торговались только для приличия. Нельзя унижать уважаемых людей снисходительным великодушием, для них

— это очень обидно, пусть считают, что заставили-вынудили. И им приятно, и нам так лучше — сами ведь настояли.

Тридцать пять легионов в Германии стали практически собственностью папы-Друза, то есть «Марсианского комитета», этого захотел сам Сенат. Сенаторов понять можно. Со вновь формирующимися, легионов в Римской армии уже пятьдесят два, против двадцати восьми, на момент трагической кончины Октавиана Августа. Почти вдвое больше легионов, почти вдвое больше требуется серебра на их содержание, а доходы то вдвое не выросли. Выросли конечно, но точно не вдвое. Да и какой смысл в росте доходов, если все они будут тратиться на новые легионы, а не на что-то хорошее, вроде личного обогащения проконсулов?

После решения вопроса Империи Германия, то есть, создания прецедента, Агриппа пригласил всех желающих отцов-сенаторов поучаствовать в разделе Мира на Империи-латифундии на тех-же условиях, что определили для императора-латифундиста Друза Германика. Кроме Гая Цильния Мецената, после некоторого раздумья заявившего о желании попробовать себя в Британии, других желающих не нашлось. Это Меценату денег девать некуда, и наследников у него нет — пусть дуркует, а «нас и здесь неплохо кормят».

Стоит отметить, что предложенная к разделу на Империи-латифундии карта очень мало походила на настоящую. В более-менее реальных размерах на ней была нарисована только Парфия. Примерно равными Парфии территориями выглядели северо-восток Евразии. Африка и Индия; Австралия выглядела крупным островом на далёком юго-востоке, а обоих континентов Нового Света не было вовсе, только россыпь островов между западным берегом Европы и восточным Азии.

Зато на карте в цвета Римской Республики уже были окрашены вожаемые сенаторами Египет и Сирия, а также пропреторские Киликия и Галатия, плюс, пока самостоятельные Каппадокия и Мавритания. Все берега Нашего (Средиземного) моря, кроме небольшого участка взбесившейся Иудеи, были окрашены красным. Цветом Марса, теперь Верховного Бога смертных людей. Всё лучшее. Никуда не нужно ходить, ничего не нужно предпринимать, всё лучшее уже здесь. Нужно только правильно всё разделить на проконсульские кормушки, чтобы хватило всем, а потом этими кормушками меняться, соблюдая республиканские традиции.

Империи-латифундии раздали неугомонным родичам Принцепса, Голоса Марса, Марка Випсания Агриппы: Парфию (Большую Парфию с Аравией, Иудеей, Кавказом Месопотамией и Арменией) самому Агриппе; Индию — Тиберию Клавдию Нерону; дикук Африку — Луцию Домицию Агенобарбу; а острова на юго-восточном краю Земли — Павлу Фабию Максиму. Владейте на здоровье, неугомонные вояки, только не забывайте легионам платить из доходов от своих владений, Империй-латифундий, ха-ха-ха.

Наследование? А чего над ним голову ломать? Не было ещё такого случая в Римской истории, чтобы законного наследника какой-то собственности не нашлось. Первое завещание все пишут, едва достигнув совершеннолетия и заимев свою первую собственность — не важно — Империю-латифундию, или старую лошадь-корову. Кому завещано — тому всё и достанется, в Риме не варварская беспредельщина правит, а Римский Закон.

Кроме обретения когномена Германик, папа-Друз получил триумф и стал консулом семьсот сорок восьмого года от основания Города (5 г. до н. э.). Одним из преторов этого года стал непосредственный командир Счастливчика, легат «Четвёртого Македонского», Децим Понтиус Пилат.

В феврале семьсот сорок восьмого года от основания Города, Тиберию-младшему, то есть, теперь уже Германику Августу Феликсу* (*Римская традиция — когномен отца становится преноменом старшего сына), Счастливчику Майклу О Лири, исполнилось десять лет в этом теле. Первый юбилей в новой жизни, а значит, можно и даже нужно подвести первые итоги.

Германия, сыгравшая в той истории роль могильщика античной цивилизации, повержена. Даже если это не предотвратило совсем падение Рима, а с ним и всей действительно развитой цивилизации, то точно сдвинуло это событие далеко вперёд во времени.

Сильный толчок в развитии получили наука и производство. Сначала математика, а следом и остальные точные материальные науки — физика, химия и механика. Производство пока всё ручное, или стандартизированное малосерийное, но уже довольно сложное. Настолько сложное, что повторить его пока никто не может — зеркала и стекло (оконное, ширпотребно-посудное и лабораторно-промышленное); ткацкие станки (шерстяные, хлопковые и льняные); механические мастерские, производящие те самые ткацкие станки, оборудование для различных производств и общедоступный ширпотреб, вроде часов с маятником и боем, музыкальных сундучков, не вскрываемых замков и так далее; оптические приборы — от простейших увеличительных линз для слабовидящих, до подзорных труб и биноклей — всё это эксклюзив не Рима, и даже не «Марсианского комитета», а четвёрки посвящённых в главную тайну — Марка Випсания Агриппы, Гая Цильния Мецената, Публия Квинтилия Вара и Германика Августа Феликса.

Теперь это эксклюзивное производство есть где развивать в крупносерийное. С законом об Империях, всё получилось намного лучше, чем того желал Счастливчик. Меценат не стал изобретать «велосипед», а просто подвёл Империи под уже имеющийся закон о частной собственности. Причём частной собственности за пределами Рима, а потому не облагаемой налогами.

Императоры-латифундисты ничем не ограничены в распоряжении своей собственностью — они в праве её продавать, или дарить, полностью, или частично; то есть в праве назначать феодалов, и устанавливать отношения сюзерен-вассал по собственному разумению здравого смысла.

Конечно, сразу имперские герцоги, маркизы и графы не станут влиятельными фигурами в римском политикуме, поначалу их титулы, скорее всего, станут поводом для насмешек, но со временем всё встанет на свои места. Собственность — есть собственность. Пусть и вассально зависимая, но обширная. Сейчас это глухомань, но потенциал этой глухомани хорошо известен, в той истории, на европейской территории нынешней Империи Германия, целиком размещались: сама Германия, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия и Чехословакия, частично Франция, Швейцария, Австрия, Польша, Венгрия, Румыния и даже причерноморский кусок СССР, между Южным Бугом и Дунаем — именно эта часть была самой развитой в Европе, а не южные Италия, Греция и Испания.

В этой Империи Германия есть всё необходимое сырьё для развития промышленности: железная и никелевая руда; энергетический и коксующийся уголь; нефть; золото, серебро и медь; огромные лесные массивы, то есть пиломатериалы, древесный уголь, дёготь, скипидар, меха, мёд, воск и так далее — и всё это огромное пространство изрезано крупными реками с множеством притоков, а реки — это не только дешёвый транспорт, но и энергия накопленной в водохранилищах воды.

В общем, экономический потенциал просто колоссальный, будем развивать, а начнём со столицы — Германского Рима, бывшего Могонтиака. Именно здесь теперь будет основное производство всякого эксклюзива, Тибрский остров своей потенциал давно исчерпал, слишком уж хилая речка Тибр и плотину на ней не построишь, все земли вокруг кому-то принадлежат и стоят слишком дорого.

В семье местных родителей — папы-Друза Германика и мамы-Антонии-младшей, снова мир, любовь и взаимопонимания, спасибо бабушке-Октавии — нашла нужные слова для вразумления дочери.

Этот год папа с мамой проведут в Риме, на август назначен триумф, а его и подготовить нужно как следует, и после триумфа игры для римских бездельников организовать, так что забот им хватит, а Германику Августу Феликсу, трибуну-ангустиклавию «Четвёртого Македонского», этим летом предстоит кампания в Понтийском и Боспорском царствах, владениях будущей Империи Публия Квинтилия Вара. Кампания, с которой начнётся римская экспансия на восток — на Волгу, на Урал, в Великую Степь и далее до Китая и Тихого океана.

Агриппа тоже готовил военную кампанию. Из тридцати пяти легионов, покоривших Германию, десять уже можно двигать дальше — четыре пойдут завоёвывать северное причерноморье и Крым, а шесть — подавлять иудейский мятеж и после воевать с Парфянским царством.

С Агриппой, Меценатом и Варом встретились в Риме, куда Германик Август Феликс проводил свою любимую бабулю.

Общаться с Октавией, Счастливику было действительно очень интересно, она много и честно рассказывала о своей жизни, в том числе весьма пикантные подробности, а в ответ получала столь же искренние рассказы внука о будущем. Эти беседы взаимно обогащали. Октавия, довольно энергичная ещё женщина, черпала из рассказов внука идеи, а Счастливик, по бабушкиным откровениям, всё лучше понимал эпоху и менталитет хроноаборигенов.

Теперь он гораздо лучше знал, как нужно правильно им подавать информацию.

— Рабство отомрёт обязательно, как оно отмерло там. Само отомрёт, ведь оно неизбежно станет невыгодным, причём уже в обозримой перспективе. Рабы — это ресурс. Любой ресурс в итоге исчерпаем, но рабы исчерпаются быстрее всего. Да и на что они теперь пригодны? В начале своей экспансии, Рим покорял развитые страны, тогда рабами становились люди образованные и высококвалифицированные, от их эксплуатации получался неплохой доход — их труд стоил гораздо дороже, чем затраты на содержание, а сейчас этот ресурс уже исчерпан. Экспансия теперь идёт по диким окраинам, рабы там неграмотные, да ещё и агрессивные, жизнь свою ценят гораздо меньше тех-же греков, или сирийцев. Принуждать их к труду гораздо дороже, а результат труда гораздо дешевле...

Пленных германцев, после этой войны, повязали почти миллион — девятьсот пятьдесят тысяч — всех тех, кто заперся в бургах и оказал сопротивление. Больше двухсот тысяч из них были профессиональными военными из дружин вождей, а ещё почти семьсот пятьдесят — бюргерами мирных профессий, взявшихся за оружие по мобилизации и их семьи.

С профессиональными воинами всё понятно, у них путь один — в гладиаторы. Эти работать всё равно не будут, да и стоят гладиаторы дорого, как футболисты в том мире. А семьсот пятьдесят тысяч «бюргеров» напроць обрушат рынок рабов — скупят их по дешёвке,

а потому и беречь не будут. Мало того, что легионы своё законное недополучат, так ещё и для экономики будет стресс — на дешёвых рабах упадут и цены на товары — разорятся колонны* (*фермеры) и мелкие ремесленники, то есть средний класс, та самая опора любой власти. Разорившиеся работяги пополнят полки городского люмпена, который придётся кормить.

Второй стресс экономика получит, когда эти германские рабы передохнут и цены снова вырастут. Кормить городской люмпен станет гораздо дороже, а кормить придётся. И зачем устраивать такие проблемы самим себе? Германия — уже наша собственность.

Германию нужно развивать как можно скорее, пока живо это сильно напуганное поколение дикарей. Развивать интенсивно, с вовлечением местных варваров в экономический оборот. Чтобы подрастающая молодёжь уже не представляла себе жизни без Рима, без Римских законов.

Вот где нужно использовать рабский труд — каналы, дороги, мосты, плотины, города. Римлянам только кажется, что в Германии невозможно жить, они просто одеваются правильно по погоде пока не умеют.

— ...Да и жалко по дешёвке, оптом, такое сокровище продавать, если честно. Они нам здесь могут такое построить, лет за двадцать, что в самом Риме завидовать начнут.

— Только этого нам и не хватало. Бунт будет.

У Агриппы шаблон, похоже, из броневой стали выкован. Тайная Служба Внутренней Безопасности уже провела блистательную операцию в чуждой и очень враждебной среде иудеев, а он всё ещё не может эту силу оценить по достоинству. Ну, какие теперь могут быть бунты? Так, мелкие заговоры, разве что...

— Не будет никаких бунтов. Это ведь всё не в день свершится, а за пятнадцать-двадцать лет. Начнём сводить леса и осаживать здесь легионеров — земли всем хватит. Я знаю, что сейчас они здешнюю землю не хотят получать, но гарантирую, что всего через пять лет, ситуация изменится. В моём мире, Германия была одним из самых благополучных государств и гораздо богаче той-же Италии. У нас в руках настоящее сокровище — и море, и земли, и люди, и рабы.

— Тоже мне сокровище, заваленные буреломом, непроходимые чащобы.

— Они часть сокровищ, друг, причём, очень значительная её часть. Лес — это доски и брус, а значит — корабли. Лес — это бумага. Лес — это древесный уголь, дёготь и скипидар. Лес — это мёд, воск и меха. Много чего ещё. Поверь мне — нам ещё придётся заботиться с сохранности здешних лесов. Как только построим корабли, которые будут спокойно проходить Бискайский залив и Гибралтар — леса придётся охранять от вырубки. Просто поверь мне, так уже было и всё обязательно повторится.

— Я тебе верю, Феликс, но треть, двести пятьдесят тысяч рабов мы всё равно продадим. Нельзя так поступать с римлянами.

— Тебе решать... — охотно согласился Счастличик.

Двести пятьдесят — это уже не семьсот пятьдесят, две трети уже отыграл. Двести пятьдесят — это как раз доля простых легионеров. По традиции, добыча делится на три части — треть командующему, треть офицерам и треть легионерам.

— ...только продавать их нужно не здесь, а в самом Риме. Если ты, конечно, заботишься о благосостоянии своих легионеров, а не перекупщиков...

Вообще-то легионеры и так уже неплохо заработали в этой кампании, но не отдавать же наши деньги каким-то барыгам самого гнусного вида. Нет ничего сложного в этом бизнесе.

Рынки известны, люди для охраны есть, торговать тоже найдётся кому. Аукционы организовать не трудно, так зачем кормить всю эту мерзкую сволочь? Биржа рабов должна быть монополией армии, пока рабство не отменится самым естественным образом.

— ...честные римляне от этого только выиграют и будут благодарны своей победоносной армии. Клянусь тебе чем хочешь. Первое правило бизнеса — устраняй посредников. Посредники — паразиты, вскармливая их — ты наносишь вред самому Риму.

— Хорошая идея, — оценил Гай Цильний Меценат, Публий Квинтилий Вар тоже кивнул одобрительно.

— Ладно, подумаю. Никогда так не делали, — сдался Агриппа.

— Подумай, Марк Агриппа, — встряла Октавия, — хорошо подумай. И не только об этом. Ты уже встряхнул наш мир так, что прежним он уже никогда не станет. Менять теперь придётся почти всё. Рим вырос из своей детской тунки. Теперь наш Лаций — вся Европа, а завтра будет уже весь Мир. Это будет совсем другой Рим и совсем другая жизнь

— Сказал — подумаю, значит — подумаю, — огрызнулся Принцепс с выражением лица, на котором было отчётливо написано — ну, а ты то куда лезешь, баба.

— Подумай, — нисколько не смутилась Октавия и снова добавила, — хорошо подумай. От твоих решений зависим мы все, от них зависит наше будущее, будущее наших потомков.

Вигитор, вождь племени Маркоманнов, стал первым вассальным феодалом Империи Германия, первым владетельным графом в этой истории.

Владетельный граф — не выборный племенной вождь, это очень солидный статус. Все земли племени Маркоманнов* (*Южная Бавария) стали графством и собственностью Вигитора, наследной собственностью, по Римским законам. Одна беда, сами маркоманны римских законов пока не признают. Война прошла мимо, несомненно, по воле Богов, даровавших своим любимым детям-маркоманнам удачу, и причём тут вообще какие-то ромеи, со своими дурацкими законами? Разгромили они неудачников на севере, вот там пусть свои законы и устанавливают, нам и так неплохо живётся, а скоро будет ещё лучше. Вместо очень воинственных и очень бедных свевов, лангобардов, херусков и квадов, соседями станут очень трусливые и очень богатые ромеи, которые сами себя защитить не могут, а легионы их уйдут.

Дураки, что тут ещё скажешь... И эту дурь теперь предстоит выбивать из своих соплеменников самому графу Вигитору. Выбивать для их же, дураков, спасения. Разговаривать, объяснять, увещевать — бесполезно. Не поймут. Даже самые умные, вроде жреца Ригнбьёрна, который правильно нагадал удачу от знамения, не поймут.

А ведь только удержать буйных от набегов на ромейские территории — этого мало, хотя и это ещё попробуй сделай. По графству скоро будут проложены дороги, по которым пойдут торговцы с деньгами и товарами, а их безопасность — теперь тоже ответственность Вигитора. Как воспримут дураки соплеменники, если он будет с оружием защищать от них чужаков ромеев, на их же собственной, как они считают, земле? Понятно как — первый же такой случай закончится мятежом, на который народ поднимут жрецы, и мятеж этот обязательно поддержит военная дружина. Вот от дружины и нужно избавиться в самую первую очередь. Очень хорошо, что она конная, всадников ромеи нанимают охотно и платят щедро.

— Теперь тебе предстоит сделать ещё одно очень важное дело, Маробод.

— Я готов, отец.

— Нам с тобой обязательно нужно избавиться от дружины. Понимаешь, почему?

— Конечно, отец. Эта твоя дружина — сейчас самая большая опасность для нас.

— Всё правильно. Увести нашу дружину на восток, за море, предстоит тебе. За тобой они пойдут без потери чести. Да и пристроить ты их там сможешь лучше других, родичи ведь всё-таки...

— На восток в Иудею?

— В Иудею и дальше, куда пойдёт ромейский вождь Марк Агриппа. Чем дольше продлится этот поход — тем лучше.

— Но он всё равно когда-нибудь закончится...

— Закончится, конечно. Но обратно вернутся уже не те, кого ты уведёшь. Они поумнеют, рядом с ромеями. Поймут, что воевать с ними бесполезно, что так, или иначе, а придётся жить в мире, жить по закону. Там сгинут самые буйные, а выжившие вернутся с добычей. Богатой добычей, ведь Восток очень богат. Добычей, которую они возьмут, воюя за Рим. Да и я тут без дела сидеть не буду, сформирую за это время настоящий Римский легион. Он нам обязательно понадобится. Закон нам предстоит защищать оружием, добром его не

примут.

К «Четвёртому Македонскому», трибун-ангустиклавий, Германик Август Феликс, присоединился в Таренте, в середине апреля 748 года от основания Города.

Новость о том, что отныне и впредь армия сама будет продавать рабов из военной добычи, распространилась моментально и вызвала ликование у легионеров. Посчитали всё быстро, в римской армии совсем неграмотные не служили — доход за рабов, при продаже их конечным покупателям в Галлии и Италии, увеличится как минимум втрое — с восьмидесяти-ста, до двухсот пятидесяти-трёхсот денариев за обычного пахаря, не обученного никакому ремеслу. Посчитали и задумались — а почему так не делали раньше? Ведь не было никаких законов, обязывающих армию продавать добычу перекупщикам, просто сложился такой порядок, сам собой сложился, к нему все привыкли, но ведь порядок — это не закон — армия в своём праве.

Командующий Понтийско-Боспорской кампанией, император Публий Квинтилий Вар, по примеру Принцепса, Марка Випсания Агриппы, своей ставкой тоже сделал преторий «Четвёртого Македонского»; он-то и рассказал новому легату, Квинту Сульпицию Камерину, что на такую мысль Агриппу навёл Верховный понтифик, сейчас наш трибун, Германик Август Феликс. Квинт Сульпиций Камерин, служивший в Германской кампании трибуном-ангустиклавием* (*старший офицер легиона, начальник штаба и заместитель легата), поделился с подчинёнными, а дальше, по нисходящей цепочке (трибуны-центурионы-сигниферы) дошло и до рядовых легионеров.

Самый необычный трибун в истории Римской армии: во-первых, самый молодой, а во-вторых, Август* (*Божественный) и Верховный понтифик; и раньше пользовался в легионе всеобщей любовью, а теперь эта любовь усилила свой накал до обожания.

Примипил «Четвёртого Македонского», Секст Гигнат, личность уже тоже широко известная, благодаря газетной кампании Гая Мецената, по повышению престижа армейской службы, принимал пополнение.

Удивительное дело, но, судя по сопроводительным документам, все двести сорок шесть тиронов завербовались в Италии, из них пятьдесят два из самого Рима. Такого в Римской армии не было, наверное, со времён реформы Гая Мария. Гигнат обвёл изучающим взглядом строй новобранцев, и с удовольствием подметил, что самый последний по росту выше установленного минимума на добрые пару пальцев* (*римская мера длины, digitis = 1,85 см). В прошлом году последние на цыпочки привставали при снятии мерки. Можно даже не сомневаться, что все до одного грамотные. Примипил «Четвёртого Македонского» перевёл взгляд на первых, эти вообще орлы, самый высокий был выше здоровяка Секста Гигната на те-же пару пальцев.

— Значит, в Риме теперь снова есть желающие послужить в легионах...

Это был не вопрос, но рослый тирон ответил.

— Много желающих, примипил. Мы лучшие.

Гигнат усмехнулся — наглый сосунок.

— И ты конечно же вступишь в Легион для того, чтобы стать героем? Как твоё имя, тирон?

— Гай Страбон, примипил. Я тоже буду героем и примипилом!

— Может быть, может быть, Гай Страбон, всё может быть, но сначала ты будешь много работать тирон. Много работать, очень много. В нашем легионе слишком много иммунов, а

работать кому-то надо. Война в нашей службе такая же счастливая редкость, как найденный на дороге кошелёк, а кошельки у нас есть кому подбирать, это право ещё нужно заслужить.

Примипил Секст Гигнат повернулся к своему лыбящемуся бенефициарию.

— Отведи их к корникулярию, Септимий, пусть поставит этих будущих героев на довольствие, вооружит и распределит по центуриям.

Фраат, сын парфянского царя Фраата Четвёртого и его восьмой жены, римлянки Музы, после заключения мирного договора отца с римским Августом Октавианом, проживал в Вечном Городе в качестве заложника. Он добровольно вызвался на это и ни разу не пожалел, спасибо матери за совет. Даже заложником, жить в Риме очень весело, были бы деньги, а они были, парфянская казна исправно присылала значительные суммы. Ведь случись Фраату оказаться в нищете — это был бы не его позор, а самого царя, его отца. В общем, денег на развлечения ему хватало, как и приятелей из самых знатных семей. У богатых и щедрых всегда много приятелей.

Парфянский трон Фраату не грозил, сыновей у отца хватало от нормальных жён — парфянок из знатных и влиятельных родов, поэтому он просто прожигал жизнь в удовольствиях, не строя амбициозных планов на будущее. И вот... Теперь он, один из младших сыновей царя, да ещё и от римлянки, волей Богов, стал ключевой фигурой в римской политике отца. Тот был настолько обеспокоен событиями последнего времени, что на отправку посольства, которому было поручено разобраться в происходящем, и постараться извлечь из этого выгоду, потратил, похоже, четверть казны. Да, не меньше. Фраат про себя усмехнулся — и это он тогда ещё о римской победе в Германии не знал.

— ...двадцать три слона, тридцать пять львов, одиннадцать тигров...

Всё это богатство, неожиданно, свалилось на его голову, возглавлявший посольство Ликор в дороге помер. Говорят сам. Говорят...

«Шелка, драгоценные камни, пряности, специи, благовония, звери... теперь всё это моё, такой подарок богами случайно не делается. Закончил бородатый. Варвар бородатый. Действительно варвары, мать права».

— Ты привёз Риму так много подарков, и не знаешь, что царь, мой отец, хочет получить от Рима? Ты сейчас об этом спрашиваешь у меня, идиот?

Бородатый варвар виновато захлопал глазами.

— Ликор помер. Сам помер. Он знал, мне ничего не говорил.

Всем римским богам богатые жертвы, немедленно! Надо же какая удача... Но виду Фраат не подал.

— Прочь с глаз моих, сын козы и ишака. Я должен подумать.

Подумать действительно было над чем. Быть ключевой фигурой в планах отца и ключевой фигурой с собственными планами — это, как говорится, две большие разницы. Просвещённый царь, Фраат Пятый, сын римлянки, пусть плебейки, но ведь гражданин, воспитанник Рима с юного возраста. Заинтересует такое великий Рим? Очень даже может быть, если подать правильно. Пусть не царь, а как его там... варвара этого германского, который недавно был темой обсуждений... граф? Тоже неплохо для человека, у которого ещё вчера не было вообще никаких перспектив. Наследный владетель, пусть и без собственной политики — это гораздо лучше, чем остаться нищим, после того как отца сменит на троне Парфии один из братьев.

У Рима на востоке сейчас уже девятнадцать легионов, командовать которыми

отправился сам Принцепс, Марк Випсаний Агриппа. Подавлять бунт иудеев? Сам Принцепс с девятнадцатью легионами? Ха-ха, очень смешно. Девятнадцать легионов уже и девятнадцать пока. Легионов в Риме теперь пятьдесят два, а большая война в Германии закончилась, непокорённым остался только самый север, за Внутренним морем, и острова в этом самом море. Скоро «германские» легионы двинутся дальше, бездельничать им Рим не позволит.

Думай, Фраат, думай, времени у тебя очень мало. Скоро триумф Друза Германика, триумф со стодневными играми, звери ему придутся очень кстати, а от него зависит очень многое, он Римский консул этого года, в его власти изменить положение Фраата с заложника на союзника. К его рекомендации прислушается даже Принцепс. Главное сейчас — попасть на глаза Марку Агриппе, и получить свой шанс.

В Понтийско-Боспорской кампании, Римская армия, впервые в этой истории, применила огнестрельное оружие и взрывчатку.

Херсонес взяли с ходу, практически прямо с кораблей. Двести сорок квадрирем, которые к походу готовил в Таренте сам Публий Квинтилий Вар, избавились от устаревших и тяжелых «воронов»* (*абордажные мостики) и катапулт и части команд, обслуживающих всё это практически бесполезное хозяйство; приняли на борт четыре легиона: «Третий Галльский», «Четвёртый Македонский», «Шестой Железный» и «Тринадцатый Парный»; а на укреплённую палубу по две пушки. Обычные полевые пушки, на колёсных лафетах, бронзовые и малокалиберные, но на первый раз хватило и таких.

Разогнали картечью из пушек воинство бунтовщиков в порту, выгрузились прямо на причалы. Первая центурия «Четвёртого Македонского», во главе с самим примипилом, Секстом Гигнатом, выстроилась черепахой и сразу направилась к воротам, волоча за собой длинный канат. Дошли до ворот, укрепили блок, продели через него канат и сразу же начали отходить обратно, таща свой конец. На противоходе к воротам пополз крытый воловьими шкурами возок, привязанный к другому концу каната. Дополз, фитиль горел ещё минут пять, после чего произошёл оглушительный бабах, буквально сдувший первые ворота. Свисток Гигната — и вторая центурия повторяет манёвр — второй возок, второй бабах, вторые ворота. Железные черепахи «Четвёртого Македонского» бодро вползли в город. Через четыре часа, мятежный Херсонес стал Римским городом, целёхонький и с не разграбленным добром, а двадцать шесть тысяч бунтовщиков-греков и членов их семей пополнили трудовой ресурс Римской армии.

— Это не война, так даже неинтересно, — буркнул легат «Четвёртого Македонского», Квинт Сульпиций Камерин.

— Добычу собирайте. Но не ломайте ничего, это теперь мой имперский город, — распорядился командующий, Публий Квинтилий Вар, — город мой, а всё добро жителей — ваше. Они здесь богато жили.

— Собираем уже, — доложил примипил, — в храмах пошариться?

— Пошарьтесь, но аккуратно. Заберите только то, что на виду, тайники не ищите.

Царь Даков, Гетов и Гетулов, Комосик Первый, тянуть с визитом в Рим не стал. Своё войско, он послал пограбить Меотиду и Северный Кавказ, пусть и не такие богатые, как Тракия, но тоже довольно зажиточные — эти одичавшие греческие колонии давно и активно торгуют с Римом. Да и на проходе через Понтийское и Боспорское царства можно похватать,

что плохо лежит, они теперь Риму враги.

Так даже лучше получилось, в плане отношений с союзниками. И для сарматов, и для роксоланов, и для скифов — Меотида являлась врагом древним и сакральным, ещё с былинных времён греческой колонизации этих земель, ранее полностью принадлежащим местным кочевым племенам.

Царство Комосика было последним действительно независимым от Рима царством на берегах Данубия (Дуная), а потому — самой логичной следующей целью для римских легионов. Легионов, которые покорили огромную и суровую Германию за одно лето. Германия огромна, раз в десять больше Дакии, забот у легионов там и без войны пока хватает. Пока, в том-то и дело, что пока. Год-два-три — именно столько теперь оставалось жить независимому царству Даков, Герулов и Гетов, если ничего не предпринимать, а потом придёт Рим и создаст здесь свою новую провинцию. Таковую же, как Паннония...

Царь Комосик поражался той скорости, с какой римляне преобразовывали земли его западного соседа. Всего десять лет назад сюда вторгся Марк Агриппа со своими легионами, тогда это была дикая глушь, населённая воинственными дикарями, которые умели только грабить и охотиться на лесных зверей, сейчас-же это точь-в-точь Мезия, а столица Паннонии — Аквинк, пожалуй, уже и больше, и роскошнее мезийской Доросторо. Да, тысяч тридцать жителей уже есть, а ведь это только начало. Стройки кругом, жизнь кипит, люди суетятся. Люди, хм, всего лишь десять лет назад эти дикари не умели пахать землю, а кормились с леса и набегов, и вот, теперь они уже люди. Чудеса... И как это ромеям удаётся?

В Аквилее, царь Даков, Гетов и Гетулов подстригся, побрился и переделся сам, и то же заставил сделать свою свиту — надоели ему изумлённые взгляды толпы, которая рассматривала его посольство, как стадо диковинных зверей.

Италия поражала и восхищала. Прямая, как копьё, мощёная дорога, которая после Аквилеи стала вдвое шире, теперь на ней, пожалуй, могли спокойно разъехаться четыре телеги, то и дело подныривала под исполинские арки акведуков, монументальных сооружений, несущих воду с гор в города; каменные мосты через реки; беломраморные виллы, утопающие в зелени садов и виноградников слева и справа; постоянные дворы-таверны прямо у дороги, с колонными портиками парадных входов. И это всё построили сами люди, такие же как мы? Не может быть! Без вмешательства Богов здесь явно не обошлось.

В Интерамне, городе, расположенном в одном дневном конном переходе от Рима, посольство царя Даков, Гетов и Герулов встретил легат* (*здесь легат в значении посол) консула Друза Германика — квестор* (*Выборный Римский магистрат, помощники консулов) Гней Азиний Бебий. Небывалая честь для варварского посольства, это Комосик уже понимал и оценил по достоинству.

Главный ромей, Принцепс, Марк Агриппа, отбыл на восток, по своим срочным ромейским делам, но консул, Друз Германик, Комосика ждал и распорядился поселить как дорогого гостя. В Риме, до которого они добрались из Дакии всего за месяц, царю и свите выделили виллу Кассиев — некогда знатного и очень влиятельного патрицианского рода, полностью сгинувшего в эпоху гражданских войн. Вот что значит встать не на ту сторону, таких Боги не щадят, будь ты хоть потомком самого Ромула.

После Кассиев, эта вилла принадлежала Октавиану Августу, а после смерти Октавиана досталась по наследству Друзу. Сюда и поселили царя Дакии с его свитой. Предоставили шикарную виллу с термами и полным комплектом домашних рабов.

— Чем я ещё могу тебе помочь, царь? — легат консула был достаточно любезен для

знатного римлянина, исполняющего ценз уже третьего магистрата, почти сенатора.

— Буду благодарен, если ты примешь приглашение разделить со мной трапезу, легат.

— Приму, если это будет традиционная римская трапеза, царь.

— Конечно, легат.

В Херсонесе* (*современный Севастополь), Публий Квинтилий Вар устроил свою первую Имперскую столицу. Первым столичным гарнизоном стали две когорты «Четвёртого Македонского», под командой трибуна-ангустиклавия, Германика Августа Феликса.

Для завоевания и покорения своей громадной Империи, Вару требовалось много кавалерии. Очень много кавалерии, ведь его Империя только в европейской части — от Вистулы, Западного и Южного Бугов до Урала — больше, чем вся Европа западная; а большая часть этой огромной Восточной Европы — степи, заселённые кочевниками, гоняться за которыми пехотными легионами просто глупо.

Можно войти в Танаис* (*Дон), подняться до узости, где в той истории русские построили Волгодонский канал, оттуда перейти на Волгу, к тамошнему Сталинграду, построить укрепленные лагеря, но... Узость между Танаисом-Доном и Волго-Ра сорок лиг* (*сто километров) и строительные материалы в Новом Сталинграде получатся по цене на вес серебра. Строительные материалы и топливо, которого, для зимовки в этой степи, потребуется очень много. И зачем устраивать такой аттракцион немислимой расточительности? Наёмники обойдутся гораздо дешевле, а с ними уже появится доступ к бескрайним лесам на севере, откуда стройматериалы и топливо, почти бесплатно, плотами сплавятся по течению.

С кочевниками северного и восточного причерноморья: скифами, сарматами и роксоланами, римляне общались уже больше двух веков, их вексилляции нанимал в ауксиларии ещё Сципион Африканский, для войны с Митридатом Евпатором, так что знали друг друга стороны неплохо. Дело усложнялось вечной враждой кочевников друг с другом и планом предстоящей Имперской экспансии до Волги (пока до Волги) — а это ведь сейчас, в том числе, и их земли. Нет, карту Империи они, конечно, не видели, но сообразить то должны. Хотя... междуречье Дона и Волги от их кочевий далеко на севере и востоке, сразу и не сообразишь. Да и не считали кочевники римлян конкурентами — поселятся в своих городах на реках и на степной выпас претендовать не будут, в отличие от нынешних соседей, так что на первом этапе интересы совпадают, а дальше... Дальше и будет видно.

Первым, в конце июля, на переговоры в Херсонес прибыл ближайший сосед по Крыму-Тавриде — вождь скифов Абавх. Здоровенный варвар, гораздо больше похожий на северного германца, чем на монгола — светловолосый и голубоглазый, хоть и слегка раскосый. Приняли вождя Абавха с большим почётом, одарили щедро, оплату за службу наёмников пообещали высокую, поэтому договорились без особого труда — следующей весной, скифы выставят от пяти до семи тысяч конных лучников. Уже неплохо. Если сарматы и роксоланы добавят хотя бы по столько-же, следующим летом на Волге закрепиться удастся.

Комосик сидел на трибуне личных гостей императора-триумфатора Друза Германика, ждал начала зрелища и рассматривал причудливые повозки на двух больших колёсах, у которых вместо кузова, на оси, размещалась бронзовая ступка, толстостенная и длинная. Интересно, для чего нужны эти повозки? Не просто же так римляне извели на них столько дорожной бронзы? Таких повозок было двадцать четыре, и стояли они в промежутках между

манипулами триумфального легиона, сборного легиона, в который собрали самых отличившихся в этой войне легионеров и центурионов.

Эти герои, со своими странными, сверкающими на солнце повозками, выстроились перед трибунами «Амфитеатра Марса», полукругом замкнувшего излучину Тибра у Марсова поля, отгородив приличную территорию, на которой, на самом мысу, был выстроен типичный Германский бург. Небольшой, примерно на полторы-две тысячи жителей, но совсем как настоящий. Пленные германские дружинники, под руководством пленных вождей, разделённые на две небольшие армии, готовились драться. Одним предстояло этот бург оборонять, а другим штурмовать.

Германцев было много, тысяч десять-двенадцать, и кинься они все разом на триумфальный легион, до трибун амфитеатра наверняка бы кто-нибудь добрался, но нет, стали резать друг дружку, причём, с большим энтузиазмом.

В общем-то, это объяснимо — у германцев друг на друга обид накопилось гораздо больше, чем на римлян, а возможность расквитаться с давними врагами они считали подарком судьбы. Богам такое понравится.

Дрались германцы свирепо — и осаждаемые и осаждающие, но у тех, которые обороняли бург, положение было изначально лучше, поэтому штурм они отбили. Атакующие откатились и в этот момент...

С Тибрского острова, с диким воем, начади взлетать огненные змеи, и набрасываться на осаждённую крепость и её защитников.

«Вжих-вжих-вжих», шипели змеи в полёте, а когда последняя из них нашла свою добычу — деревянный бург уже пылал как жерло вулкана.

Осаждающие в испуге кинулись подальше от огня, к трибунам амфитеатра, и тут...

Те самые странные повозки плюнули огнём и чёрном дымом, сопровождаемым громом небесным, в набегающую толпу германских дикарей.

Комосик почти оглох, но не ослеп. Он видел, как на месте набегающих германцев возникают кровавые облака — они на бегу разлетались на куски мяса и кровавые брызги. Комосик даже зажмурился от ужаса.

«Спасибо тебе, Луций Антоний Випсаниан, я твой должник на веки».

А как стемнело был первый в этой истории салют. Заранее оповещённые римляне наблюдали, как над Тибром, из огненных змей, вспухают огненные цветы. Это было зрелище достойное богов. Салют, в честь Победы над Германией.

Победы «малой кровью на чужой территории».

В сентябре 748 года от основания Города (5 г. до н. э.), Римскую общественность очень удивили Гай Цильний Меценат и Октавия-младшая. Шестидесятидвухлетние старик со старухой сочетались браком. Зачем им это, если оба уже вышли из детородного возраста? У Октавии уже правнуки рождаются, а она снова замуж... Ладно, Меценат, он по жизни ненормальный, но Октавия-то...

А Октавия готовилась заменить Гая Мецената, который собрался на войну в Британии, в Риме, в качестве руководителя Службы Внутренней Безопасности. Тайной службы, мафии, опутавшей сетью своего влияния всю Римскую Республику, а сеть эта была сплетена, в основном, из клиентов самого Мецената. Теперь они клиенты и Октавии, а отношения патрон-клиент прочнее родственных, они освящены самими Богами. Даже в законах Рима эта святость отражена — клиент не имел права свидетельствовать против своего патрона, даже если бы у него повредился рассудок и возникло такое желание; а вот против родственников, даже против родного отца, свидетельствовать было можно — это не святотатство, а обычная человеческая подлость.

Бабушка Октавия-младшая, очень деятельная особа, довольно быстро замкнула на себя координацию действий как «Марсианского комитета» своих зятьёв, так и более узкого комитета «Посвящённых в главную тайну». Вы воюйте, мальчики, воюйте, а должный порядок в Риме я сама наведу.

К тому-же, Гаю Цильнию Меценату требовалось избавиться от большого количества дорогущей и бесполезной недвижимости — более полусотни шикарных вилл в Италии, Греции и на средиземноморских островах, многие из которых он ни разу в жизни так и не посетил. Оно, конечно, элитная недвижимость — вложение довольно надёжное, цены на неё постоянно растут, но деньги сейчас понадобились в другом месте — в Британии. Причём, деньги в очень больших количествах, столько даже у Мецената в наличности не имелось. С продажей лишней недвижимости, Октавия тоже справится лучше всех. Через баб, римских матрон, она сумеет разогреть спрос до ажиотажного.

Ну и третье, о чём пока никто не знал, Гай Меценат и Октавия-младшая переписали свои завещания в пользу единственного наследника — Германика Августа Феликса. Никто об этом не знал, даже сам Счастливчик.

— Нет, граф, твои воины в легион не годятся. Ты их лучше в гладиаторы продай, там такие ценятся. Их уже не переучить, давай набирать новых, молодых. Лишь бы молодые, здоровые и послушные были, остальному я их научу.

Да, Комосик Дакийский, Герульский и Гетский тоже стал графом, феодальным вассалом императора Друза Германика. В сущности, имперским графом быть даже выгоднее — в своём графстве, бывшем царстве, он полновластный наследный владетель, признанный Римом, защищаемый Римским законом и, следовательно, Римской армией. Появились вассальные обязательства, но не односторонние, встречные обязательства принял на себя сюзерен. Налоги? Приличную часть этих налогов можно тратить у себя же в графстве — на дороги, мосты, плотины, храмы — на то, что нужно всей Империи Германия и, соответственно, Риму.

На собственный легион, в конце концов, на его создание и содержание. Легион — это

не дружина, легион никогда не бездельничает — если он не воюет, то работает. А вот если своего легиона у феодала не будет — тогда ему придётся платить налоги на содержание чужих. Чужих легионов, которые тебя, твоё владение, охраняют. В том числе и от мятежей твоих собственных подданных. Это унижительно.

Римский центурион заметил расстройство на лице Комосика, и поспешил утешить.

— Через год уже готовы будут. Со старыми легионами, им, конечно, долго ещё будет не сравниться, но этих твоих «гладиаторов», уже через год сожрут как кроликов.

Бывший царь Даков, Гетов и Герулов, имперский граф Комосик, в словах центуриона не сомневался, Комосик жадно и усердно учился всему Римскому, и историю Римской армии, он знал уже довольно хорошо. Легионеру не нужно уметь виртуозно владеть оружием, легионеры поодиночке не сражаются — легионы сильны строем, дисциплиной и коллективной выучкой. Держи свой skutum и коли своим gladiusom в щель влево, если сосед начал теснить, и такая щель появилась, а того, кто перед тобой, заколет твой сосед справа. Все движения по команде-свистку центуриона. Кажется всё просто, но, чтобы готовить такие Легионы нужна Система. У Рима она есть.

Через год сожрут. Восемнадцатилетние молокососы от сохи порвут воинскую элиту трёх племён — именно так и будет. И куда их теперь девать, элитариев этих? В гладиаторы не продашь, шутит центурион, там, среди них, половина родичи, или свояки. Куда бы их с пользой потратить?

Вигитор, имперский граф Маркоманнов, отправил свою дружину на восток, к Марку Агриппе. Умный шаг. На востоке эта дружина и Риму послужит, и добычу возьмёт, богатую добычу, от которой графу Вигитору отойдёт солидная доля. Но дружину Маркоманнов увёл на восток сын Вигитора, а у Комосика взрослых сыновей-воинов пока нет. Просто отправить? Если бы навсегда, то можно было бы и просто отправить, но они ведь вернуться. Вернутся с авторитетным командиром, авторитетным и для самих воинов, и для римских полководцев, а это очень опасно. Придётся вести это войско самому, другого выхода нет.

— Набирай молодых, центурион Квинт Скрибоний, — вздохнул Комосик, — кого сочтёшь годными — тех и набирай.

Решать «Иудейский вопрос» Агриппа не торопился. Собственно, такого отдельного вопроса для него и не существовало, Принцепс Римского Сената, Голос Марса, пожизненный Народный трибун, император Марк Випсаний Агриппа готовил «Парфянскую кампанию» по образу и подобию «Германской».

К тринадцати новым классическим пехотным легионам, сформированным в 745–746 годах от основания Города, для войны на востоке уже добавились семь воссозданных легионов Марка Красса, получивших боевой опыт в Германии, и четыре кавалерийских — внушительная мощь, но пока недостаточная, чтобы прихлопнуть Парфянское царство за одну зиму, а раз так, то и начинать ещё рано. Не хватало прежде всего кавалерии, ведь парфяне пешими не воюют, они же кочевники в недавнем прошлом, что с них взять; вот Агриппа и собирал кавалерию — и конную, и верблюжью.

Уже прибыли пять тысяч маркоманнов графа Вигитора, в пути семь тысяч даков, гетов и герулов графа Комосика, двенадцать тысяч лучников на верблюдах собирают арабы и примерно столько-же катафрактариев* (*тяжёлая конница) пообещали прислать армяне. Вот как все соберутся, проведут слаживание, так и придёт время войны, а пока легионеры строят блокпосты-посёлки во всех оазисах, возле всех колодцев по периметру границ Иудеи, берут

под контроль воду — самую большую ценность в пустыне.

Египет от иудеев очищен уже полностью, а Александрия-Египетская ещё и от греков. После того, как «Двадцать восьмой Германский» отступил из города к Мемфису, уводя римских граждан, иудеи устроили грекам кровавую баню. Из полутора сотен тысяч, проживавших в Александрии, потомков победоносного войска Александра Великого, из города удалось бежать едва ли пятой части, да и то ограбленными до нитки. Измельчали эллины, резали их как курей. Но радовались и праздновали победители очень недолго.

Отбитая у неверных Александрия оказалась в блокаде со всех сторон, кроме Иудеи, а оттуда, кроме голодных банд, ждать было нечего — ни подкреплений, не продовольствия, поэтому только на слухах о том, что в Египет направляется сам Агриппа с двумя легионами германских ветеранов, из города начался исход.

«Седьмой Старейший» и «Четырнадцатый Марса Победоносного» легионы, во главе с Марком Випсанием Агриппой, заняли уже полностью опустевший город. Ограбленный до нитки город, но зато теперь почти полностью бесхозный. Вся частная городская недвижимост мятежников-иудеев и неудачников-эллинов, стала собственностью Римской армии. Удачно зашли, ага.

В сентябре 748 года от основания Города, командующий Марк Випсаний Агриппа приказал казнить, попавших в плен, мятежных иудеев утоплением в выгребных ямах лагерей Римских легионов — с мешком на голове, связанными руками и ногами и камнем на шее. Если яма почти пустая — то немного притапливать; со временем она наполнится — торопиться некуда, ни нам, ни преступникам. Тот ещё затейник.

В октябре, с шестью легионами, начал свою имперскую кампанию в Африке Луций Домиций Агенобарб. Решение разумное по двум причинам: первая — такое большое количество пехоты, Агриппе в Парфии было не нужно, четырнадцати классических легионов там хватит за глаза; и вторая — египетскую недвижимост Римской армии нужно было продать как можно быстрее и как можно выгоднее, и для этого требовалось привлечь в Египет римлян, а лучше всего их привлечёт передача провинции Сенату в проконсульское управление. Сложившийся стереотип — проконсульские провинции безопасны, как сама Италия. Вот и нужно эту безопасность обеспечить, захватив, для начала, столицу Нубии — Напату, а потом утвердиться в слиянии Белого и Голубого Нила. Шести легионов для этого должно хватить, а кавалерия совсем не нужна — всё передвижение по реке, или по волокам, в обход порогов.

В октябре 748 года, со взятием Пантикапеи, столицы объединённого Понтийско-Боспорского царства, закончилась одноимённая война Публия Квинтилия Вара. Плацдарм, для дальнейшей экспансии получен, союзы заключены — вожди сарматов и роксоланов, Савмах и Игдумпай, пообещали выставить следующим летом девять и восемь тысяч всадников, причём от сарматов тяжёлую кавалерию, почти катафрактарию, а от роксоланов четыре тысячи «тяжёлых» и четыре конных лучников. Итоги просто отличные, а взятая на мятежных боспоропонтийских греках добыча превзошла самые оптимистичные ожидания. Города Вару достались целые — в них только ворота поломали, плюс рабы, плюс их бывшее имущество — даже рядовому легионеру раннего срока службы причиталось больше тысячи денариев, а ведь это трёхлетнее жалование, и это уже после отчисления приличной доли в «армейский общак». Выгодно повоевали.

Зимовать в холодной Тавриде (Крыму) и «пасти» рабов, оставили «Третий Галльский» и

«Шестой Железный»; «Четвёртому Македонскому», а с ним Германику Августу Феликсу, и «Тринадцатому Парному», на следующий год предстояло принять участие в Британской кампании императора Гая Цильния Мецената.

На шестой пленум «Марсианского комитета», на стыке 748 и 749 годов от основания Города, в Риме собрались все императоры, кроме Луция Домиция Агенобарба-Африканского.

Год предстоял очень насыщенный на события — Начало Парфянской войны Агриппы и Британской кампании Мецената, завоевание северных территорий Друзом Германиком, выход на Волгу и Каму Публия Вара и продолжение похода к истокам Нила Луция Агенобарба. Да и начало имперских кампаний Тиберия Клавдия Нерона и Павла Фабиуса Максима уже не за горами — едва Агриппа выйдет к берегу Персидского моря* (*Персидского залива), сразу начнётся строительство флота, а флот в Риме строят сами легионы, вот легионы и собрались делить.

Германия успокаивалась быстро, и двадцать четыре легиона там теперь занимались, в основном, строительством, что излишне расточительно, при таком избытке рабов. У папы-Друза их имелось почти полмиллиона, поэтому он совсем не возражал против значительного сокращения войск на территории Империи Германия. Шести легионов на континенте хватит, плюс два понадобятся для похода в Скандинавию, а остальные забирайте.

Забрали. Ещё четыре, в придачу «Четвёртому Македонскому» и «Тринадцатому Парному», получил Меценат для Британской кампании; четыре Вар, для рывка на Волгу и Каму за селитрой; по два Тиберий и Максим, для строительства флотов; и четыре «отписали» Агенобарбу — от него зависели поставки древесины для строительства кораблей флота Индийского океана, ближе Африки, лесов там нигде нет.

Марку Випсанию Агриппе дополнительных легионов не досталось, если не считать таковыми легионы Тиберия и Максима, которые, в любом случае, примут участие в его кампании, пусть и на подстраховке.

Гай Цильний Меценат представил программу перехода на бумажные деньги и предложил всем поучаствовать капиталом в учреждении банка, но интересантов не нашёл. Благородные императоры были слишком умны, чтобы вкладывать деньги в заведомо провальную авантюру «отмороженного» Мецената. Это старому дураку больше некуда денег девать, кроме как устраивать заведомо провальные, идиотские эксперименты, а нам деньги ещё пригодятся. Так они все тогда думали.

Итоговая сессия Сената прошла в праздничной атмосфере. По итогам победы Публия Квинтилия Вара в Понтийско-Боспорской войне, Римская Республика приросла ещё тремя очень богатыми провинциями, в её состав добровольно вошли: Тракия, Галатия и Каппадокия. Пока три, но их точно поделят, как минимум, на шесть проконсульских кормушек.

Публия Вара, без выдвижения Агриппой, во второй раз выбрали Римским консулом и наградили триумфом. Вара, который кампанией командовал из Херсонеса, то есть, не командовал ей вовсе. Не командовал, но организовал, а значит — заслужил. Именно ему Римская армия обязана пушками и взрывчаткой, всё справедливо.

Децима Понтиуса Пилата, получившего ценз претора, ввели в состав Сената. Не жалко. Всё равно, недалёкий вояка ни на что не претендует, а снова отправляется в армию —

легатом-заместителем к Гаю Цильнию Меценату. И сам злобный и ужасный Меценат тоже покидает Рим, готовить свою Британскую кампанию — вот уж действительно, праздник, так праздник. Британия теперь — пиратское гнездо, где собралась все сбежавшие от Друза варвары-германцы. Собрались эти дикари на острове, отдохнули, снюхались с кельтами и принялись грабить незащищенное побережье сенатских провинций в Галлии. В кой-то веки, Меценат может послужить на пользу Риму, или сгинуть там, что тоже только на пользу.

За победу в Британии, Гаю Цильнию Меценату пообещали триумф, а его шесть легионов приняли на содержание Сената на три года. Вот как правильно делаются дела. Учитесь, «умные» императоры.

Префектом Претория и Вигилов Рима утвердили Гнея Азиния Бебия. Представитель древней плебейской ветви патрицианского рода Азиниев, полностью обнищавшей, а потому неконкурентной. Всё так. Конкурировать за сенаторские кормушки Бебий не собирался, ему было обещано графство. Это сенаторы пока не воспринимают имперских феодалов всерьёз, а Гней Бебий, доверенный человек Мецената, и потому очень информированный, такую перспективу ценил гораздо выше любых проконсульств (даже в Египте и Сирии), сенатской тоги и места в нынешнем высшем обществе Вечного Города.

На Новый, 749-й год, римлян снова «угостили» салютом. На этот раз, в честь триумфатора и консула Публия Квинтилия Вара и его славной победы. Римляне отметили, что и салют теперь поднимается повыше, и огненные цветы в небе раскрываются пошире. А ещё они отметили, что в этом году исчезли очереди на хлебных раздачах. Народ по-прежнему собирается возле куриальных пунктов раздачи, но не за хлебом, а поговорить — обсудить получателей-голодранцев. Жители Вечного Города начинали бравировать своей независимостью от «подачек». Это очень хорошо, в добрый путь!

На Тибрском острове царил переполох, большая часть его населения готовилось к переезду в далёкую и холодную Германию. В город, названный Германским Римом — что может быть нелепее такого идиотского названия? Варварский патриций? Дикарский сенатор?

Ректор Римского Университета и начальник всех опытовых и малосерийных производств Тибрского острова, Гай Юлий Гигин пребывал в полном отчаянии. Только ему удалось сработаться душа в душу с Гаем Цильнием Меценатом, как и тот решил отправиться на очередную дурацкую, никому ненужную войну в Британии. Вернулся Публий Квинтилий Вар, но только для того, чтобы сломать уже налаженную жизнь. Прекрасную жизнь, полную удивительных научных открытий.

— Нет, Гигин, этот вопрос уже решённый. На Тибрском острове уже слишком мало места и слишком слабый поток воды. Для первичного обучения этого хватало, а для серьёзных дел этот остров уже не подходит. Самой географией он признан непригодным, а с географией не поспоришь, она такая, какая есть. В Германском Риме, у нас всего будет в достатке. Но ты можешь отказаться, Гигин, остаться в Риме и организовать себе новый Университет. Обещаю всё профинансировать — и покупку участка, и строительство.

Гигин смотрел на императора Публия Вара взглядом побитой собаки. Вместо любимых учеников и интереснейшей работы, ему хотят навязать толпу неучей и кучу забот? За деньги? Теперь для Гигина деньги тоже были лишь заботой, отвлекающей от настоящей жизни

Всё! Жизнь кончилась. Гигин выдохнул со стоном.

— Прекрати вздыхать, дружище Гигин. У тебя ведь есть выбор.

— Выбор из чего? Оба хуже!

— Брось. Ты ведь ещё не видел Германский Рим, а уже судишь. Я уверен, что тебе там очень понравится. А не понравится, так вернёшься. Дорога отличная, прокатишься туда-сюда, хоть мир посмотришь. Итак, твой выбор?

— Еду, — простонал Гай Юлий Гигин.

Обоз командующего Римской армией в Британской кампании, императора и пожизненного Народного трибуна, Гая Цильния Мецената, растянулся километров на десять.

Да, километры, килограммы, гектары и прочие единицы измерения системы СИ, уже прочно закрепились в обиходе, для этого не понадобилось решения Сената. На них перешла армия, а армия теперь — главный законодатель мод в Римском обществе. Приняли метр не от балды — в главном храме Марса, статуе Бога втихаря заменили меч на новый, длиной в 54,05 пальца* (*digitis, =18,5 мм), а потом торжественно сняли с него мерку и объявили метром — мерой длины для всего военного и всех военных.

Метр получился не эталонный, ровно одной сорокамиллионной длины экватора он не соответствовал, но это не беда. Главное, что СИ — это очень удобная десятичная система, которая интуитивно понятна и очень быстро учится, а что ускорение свободного падения будет отличаться в четвёртом-пятом знаке — вообще не важно. Кто эти значения помнит с такой точностью? Только учёные, а они всё рассчитают очень точно, когда им это понадобится.

В общем, приняла новую систему армия, а за ней очень быстро подхватили и все остальные, что совсем не удивительно. Площади, в том числе и продающейся недвижимости, теперь измеряется гектарами и квадратными метрами; объёмы литрами и кубическими сантиметрами: веса тоннами, килограммами и граммами; а длина обоза Гая Мецената — километрами. С ума сойти. На войну собрался, ага. И тянется этот его обоз, со скоростью неспешно шагающих волов.

Торопиться, в общем-то некуда. Децим Понтиус Пилат, бывший легат «Четвёртого Македонского», а теперь заместитель командующего Британской кампанией, давно в Германском Риме, контролирует постройку флота и подготовку легионов, так что сам Меценат там не нужен, но такое неторопливое движение очень раздражало Счастливого, который этим обозом и командовал, в качестве офицера Ставки.

— Ты уверен, что всё это понадобится в Британии? Одних статуй две сотни...

— Не сомневайся. Обязательно понадобится. Мы не должны жить как дикари, даже на войне.

Иерусалим находился в осаде уже второй месяц. Агриппа приказал осадить проклятый город в середине февраля, как только вернулся из Рима. Пора. Легионы уже начали передислокацию; арабы, армяне и даки-герулы-геты на подходе, в конце сентября-октябре можно будет начинать войну с Парфией, а пока нужно избавиться от этого чирья. Избавиться надёжней, чем это сделали в той истории, разрушив город и храм.

Глупцы. Виноваты не камни, виноваты люди. От людей нужно избавляться, а город пусть останется. Был Иерусалим, столица Иудеи, станет столицей Империи — Римом Восточным, а храм Соломона — храмом Марса. Заселять придётся заново, но это и к лучшему, основу нового населения составят отслужившие легионеры и центурионы, которые, за употребление старых иудейских названий в разговорах, будут выбивать зубы. Так, всё иудейское, забудут гораздо быстрее, чем если разрушить город.

В Иерусалиме было не протолкнуться от беженцев. Там царил страшный голод, и только фанатичная вера иудеев в то, что их Бог, имя которого почему-то нельзя называть, обязательно им поможет, давала этим сумасшедшим силы к сопротивлению. Иудеи ждали чуда и готовились принять бой. Победный. Несомненно победный, ведь иначе неназываемый Бог потеряет весь свой избранный народ, некому будет славить Его, некому будет приносить жертвы во искупление грехов* (*ритуальные жертвоприношения в иудаизме прекратились после разрушения Второго храма).

Иудеи жевали кожаные ремни, пили собственную мочу, но не сдавались. Римляне же никуда не торопились. Почти год, мятежников и им сочувствующих загоняли в этот город. Загоняли со всех сторон, если и удалось кому-то уйти из этой ловушки, то считаным единицам. Ничего, и они далеко не уйдут. Иудейская секта признана враждебной Римским богам и объявлена вне закона, а поклонение иудейскому Богу — святотатством. Любому, кто выследит святотатца, будет выплачена неплохая премия, а потому можно не сомневаться, что выследят их всех до единого. Это несложно. За кем нужно приглядывать — всем известно, эти дураки сами себя поместили так, что ничем не сотрёшь — крайнюю плоть обратно уже не прирастишь.

Несмотря на паузу в военных действиях, занятий у Марка Випсания Агриппы хватало. Слишком много знающий о возможном развитии истории, Агриппа планировал устроить великое переселение народов, населяющих его будущую Империю. Не иудеев, нет. Этих, как народ, он переселять не собирался, их путь — обратно в рабы, только на этот раз не к египетскому фараону, а к императору Публию Квинтилию Вару, далеко на север, где нужно валить и сплавлять лес, добывать селитру на Каме и всякие руды в Уральских горах. Переселить, для начала, планировалось арабов в Индию. И им самим так будет лучше, и Тиберию лояльные подданные пригодятся, будет на кого опереться поначалу, пока от легионеров на расплодятся в достаточном количестве индийские римляне. Сколько поколений для этого потребуется? Шесть? Десять? Больше? Вот-вот. А править Индией ему как-то нужно уже сейчас.

Все арабы, конечно, не переселятся, прибрежники живут морем и живут неплохо, а вот кочевники свою каменистую пустыню на благодатные края сменяют охотно. Они ведь не от хорошей жизни сейчас кочевники. В другой истории, арабы создали множество государств, построили тысячи городов и отлично жили оседло. После падения Рима и погружения

Римского мира в тёмные века, именно арабы развивали цивилизацию. Значит, толковый народ, вот и дадим ему шанс проявить себя пораньше. Из арабов могут получиться отличные римские граждане, ничуть не хуже, чем из этрусков, или самнитов.

— Это очень хорошее предложение, император. Но ведь в Индии нет свободных земель.

— Для кочевий, скорее всего, нет, вождь. В Индии вам придётся пасти не овец, а людей. Поддерживать Римский порядок, собирать налоги, вершить суды и так далее. Служить Риму, как служим ему все мы. Стать римлянами, одним словом.

— И римскими гражданами?

— И римскими гражданами в Индии. В Индии у вас будут все права римских граждан, в том числе права основывать Курии и создавать трибутные комиции. Для начала в Индии, а дальше будет видно. Отслужившие в наших легионах, гражданство получают, без ограничений, а легионов нам понадобится очень много. Возможно, мы зачтём службу в ауксилариях, но служба — это, в любом случае, обязательное условие. Думай, вождь, советуйся с остальными вождями, время у вас ещё есть.

— Сколько времени, император?

— До окончания войны с Парфией.

Британская кампания императора Гая Цильния Мецената началась пятнадцатого апреля 749 года от основания Города (4 г. до н. э.). Триста двадцать кораблей нового типа — двухмачтовых галер, способных, по расчётам, выдержать океанский шторм в четыре балла, с закрытыми вёсельными портами; везли в своих трюмах шесть легионов. Два к бургу Лондинию на Тамезе* (*Темзе), два в устье Мерси и Ди, где находился бург Дева, и два на реку Йорк, к бургу Эборак.

Меценат, как до него Марк Агриппа, во время Германской кампании, и Публий Вар в Понтийско-Боспорскую, своей Ставкой сделал преторий «Четвёртого Македонского». А чего мудрить? От добра — добра не ищут, Фортуна этот легион любит. «Четвёртый Македонский» и «Тринадцатый Парный» шли к Лондинию на ста двадцати галерах. Десять тысяч легионеров, сорок пушек с расчётами, семь тысяч двести моряков и три тысячи императорской свиты, с его весьма объёмным багажом. Официально этим корпусом командовал сам Меценат, а фактически, от его имени, офицер Ставки, трибун-ангустиклавий «Четвёртого Македонского», Германик Август Феликс, Счастливчик Майкл О Лири. Тоже не великий полководец, но хоть что-то. Хоть послужить успел, узнал легионы изнутри, совсем не загупит и этого должно хватить. В Лондинию всё население сейчас чуть больше двадцати тысяч, а к ним только легионеров пожалует десять, да с пушками, да с моряками на подстраховке.

Корпус, отправленный на запад: «Четвёртый Скифский» и «Шестой Победоносный» легионы, на ста галерах, с сорока пушками и шестью тысячами моряков, возглавлял Децим Понтиус Пилат; а точно такой-же «Северный» корпус, с «Двенадцатым Молниеносным» и «Пятнадцатым Аполлоновым» — легат «Двенадцатого», Марк Папий Мутил.

Общий план первого этапа кампании был прост, как железный лом — высаживаемся, кошмарим самые большие бурги на острове, берём добычу, берём рабов и начинаем строить города на самых крупных реках. Дороги подождут, для связи и снабжения есть флот. Пусть дикари убиваются о наши укрепления, а там видно будет. Сенат оплатил легионы на три года, так что сильно торопиться не стоит — сначала осмотримся.

В начале мая 749 года от основания Города, император Публий Квинтилий Вар начал вторую летнюю кампанию — зачистку степи между Танаисом-Доном и Волгой-Ра, с выходом к верховьям рек, к лесам — к строительному материалу и топливу. Конечно, лучше лес для этих целей валить зимой, когда деревья «спят» и не гонят сок, только где сейчас взять лесорубов, способных валить лес при отрицательных температурах?

Понтийские и Боспорские греки передохнут в таких условиях за неделю, да и легионеры проживут ненамного дольше, поэтому лес придётся валить летом, и первые стройки начинать из сырого. Ничего, главное — зацепиться, начать копить опыт, завязать отношения с северными «лесниками» и учиться у них. У них и нанимать-покупать мастеров деревянного строительства, архитекторов-прорабов всяких срубов-теремов.

Селитра сейчас настолько дорога, что только ради неё, легионные каструмы* (*долговременные лагеря), можно по два-три раза перестроить.

«Третий Галльский» и «Шестой Железный» легионы, с десятью тысячами рабов, Вар отправил в устье между Доном и Волгой, а остальных погнал на север, за лесом. Валить и сплавливать. Валить гораздо больше, чем успеют сплавить — пусть сохнет. Главное, на втором этапе имперской экспансии — закрепиться в устье, построить между реками нормальную римскую дорогу, а дальше по ней пойдёт регулярное снабжение, летом — по воде, а зимой — по льду Дона-Танаиса.

Кочевники: скифы, сарматы и роксоланы, получили задание зачистить внутреннюю территорию от кочевников-конкурентов, каждый в своей зоне ответственности, в зоне своих интересов. Они и так чуть ли не каждый год воевали за эти пастбища с северными соседями, а теперь Рим за это ещё и платил, так что к делу приступили с большим энтузиазмом — собственные стада и кочевья остались охранять только старики и подростки, все войны пошли в набег на север.

Бург Лондиний пылал, подожжённый самими кельтами. Военная дружина вождя Сеговакса увела жителей Лондиния на север сутки назад, оставив небольшой конный отряд, чтобы сжечь крепость со всеми постройками, а потом понаблюдать за римлянами.

Догнать эту толпу было можно, за сутки она вряд ли прошла больше двадцати километров, но можно — не значит нужно. Пусть идут, никуда они с острова не денутся. Задача первого этапа Британской кампании — закрепиться на крупнейших реках и пресечь набеги на Галлию, а внутренние территории зачищать уже после тщательной разведки. Кроме того, Гай Цильний Меценат небезосновательно рассчитывал найти в Британии союзников. «Понаяхавшие» германцы «достали» на острове уже многих. Они ведь не только Галлию грабили, но и местных своим жадным вниманием не обделяли. В общем, дипломатия может оказаться очень эффективной. Нет пока такого народа — британцы, все их племена враждуют друг с другом с незапамятных времён, и их всеобщее объединение намного более невероятно, чем союз значительной части с Римом. А в проведении политики «разделяй и властвуй», Гай Меценат значительно превосходит всех прочих императоров, даже самого Агриппу.

Первыми на Британскую землю, как и полвека назад, высадились легионеры «Тринадцатого Парного».

— Сами сожгли свой проклятый город, — с удовольствием констатировал Счастличик, — давай назовём твою столицу Далки-Сити?

— Ещё чего не хватало. Столицу я назову Британским Римом* (*Roma Britannica), а свои

варварские названия побережья для Нового Света. Кстати, на этих галерах мы до него добраться сможем?

— Сможем, если в сильный шторм не угодим. Хочешь попробовать?

— Конечно! Зачем мне уступать кому-то славу первооткрывателя? Кораблей у нас достаточно, десяток-другой можно отправить.

— Так ты что, сам собираешься?

— Что я, идиот по-твоему? Конечно нет. Это сделают мои люди по моему приказу, так что в историю войду именно я.

Иерусалим взяли в конце июня 749 года от основания Города. Именно взяли, сопротивляться иудеи уже не могли. Они настолько обессилели, что даже трупы хоронить перестали, а когда вылетели ворота сразу с четырёх сторон — побросали оружие и принялись молиться, но и это не помогло, иудейский Бог не пришёл на помощь своим рабам.

Что такое эпидемии, и чем они вызываются, античным римлянам было известно ещё до Счастливого, известно от греков и египтян, а потому сразу грабить Иерусалим никто не бросился. Никуда он теперь не денется, сначала нужно устранить опасность заражения. Самых крепких, из попавших в плен иудеев, напоили-накормили, разделили на четыре группы и отправили собирать в городе разлагающиеся трупы, даже без охраны, если не считать внешнего блокадного периметра — сами, всё сами. Сами копайте братскую могилу и сами стаскивайте туда своих сородичей. Еда и вода в карантинных лагерях по утрам и вечерам только для тех, кто работает — и больше никакого другого принуждения. Агриппе торопиться было некуда, своими легионерами он не рисковал. Город никуда не денется, пусть постоит пустой до зимы.

— С храмовых залов мерки сняли?

— Сняли, император, — легат «Восьмого Сирийского» вытянулся «в струнку», ударил себя правым кулаком в область сердца и вскинул руку в салюте. Очень прилежно поприветствовал, практически эталонно, как легионер первогодок приветствует примипила. После Германской кампании, авторитет Марка Випсания Агриппы вырос до уровня «Бог». Никто не умалял заслуг Друза, но все отлично понимали, что без Агриппы бы ничего подобного не получилось. Понимали и ждали не менее эпического продолжения, — сняли план со всего храма, бумаги у меня в претории.

— Хорошо. Две копии плана, как можно скорее, отправь в Кесарию, в мастерские Аполлония и Менелая. Как раз успеют изготовить по статуе до начала войны с Парфией. Будет, где нам достойно принести жертвы Марсу Победоносному.

— Слушаюсь, император.

Двух творцов-ваятелей, двух римских граждан греческого происхождения, двух клиентов Гая Цильния Мецената, Марк Випсаний Агриппа привёз с собой. Рим наступал на восток не только воинской силой. Но в тот момент и сам Агриппа не знал, что Гай Меценат наказал своим клиентам ваять статуи Марса Победоносного с его образа. Не знал и том, какую роль отвели ему Меценат и Счастливчик в Марсианской религии. А она уже создавалась. Создавались её каноны.

Британская кампания Гая Мецената, с июля 749 года, перенесла активность действий на дипломатический фронт. Дипломатический и строительный. Легионы строили парные лагеря на разных берегах Тамеза, Мерси и Йорка и мосты между ними. Пока деревянные

мосты, но проекты каменных, архитекторы-клиенты императора уже разрабатывали.

«Четвёртый Македонский», усиленный рабами Мецената, большей частью квалифицированными строителями, первым делом отстроил огромный преторий* (*штаб), в котором разместилась Ставка командующего. Преторий тоже временный, из дерева, но по размерам — самый настоящий императорский дворец, в котором удалось красиво расставить все двести одиннадцать привезённых из Рима статуй.

«Мы не должны жить как дикари, даже на войне», ага.

Двадцать галер повышенной мореходности отправились «открывать Америку», триста занимались зачисткой берегов Британии от пиратов-бандитов, легионы строили сразу на трёх главных реках долговременные лагеря и мосты, а варвары-бриты начали прощупывать политическую обстановку и собственные перспективы.

Бесперспективность дальнейшей войны им стала очевидна при попытке скинуть в море корпус Децима Понтиуса Пилата. Дикарей, на правом берегу Мерси, разогнали артиллерийским огнём, даже не объявляя общую тревогу. Не прерывая работ, между делом. Это очень впечатлило и в Британский Рим потянулись посольства переговорщиков от разных племён.

В конце сентября 749 года от основания Города (4 г. до н. э.), из Германской Империи до Британии добралась трагическая весть. Погиб император Клавдий Нерон Друз Германик. Получил ранение стрелой в ногу, причём случайной охотничьей стрелой с костяным наконечником, едва вспоровшей «шкуру», но лёгкость ранения усугубилась тяжестью сепсиса, через неделю после ранения, Друз умер на восточном берегу острова Зеландия, в претории полевого лагеря «Двадцать второго Дейотарова», возле осаждённого германского бурга Коппа.

Суждено, видимо, папе-Друзу погибнуть молодым. В той истории он и до тридцатилетия не дожил, а в этой не преодолел тридцать пять. Не любила его почему-то Фортуна, ни там, ни здесь.

Германик Август Феликс, трибун-ангустиклавий «Четвёртого Македонского», запросил отставки. Вполне обоснованной отставки, учитывая обстоятельства. Армейский ценз не выслужил, но для действующего сенатора и Верховного понтифика не проблема. Цензы для того и проходят, чтобы попасть в Сенат.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Меценат.

— Для начала — похоронить отца.

— Это само-собой, а потом?

— Пока не знаю. Найдутся в Германии занятия. Скандинавию покорить нужно, например...

— Нужно, — согласился Гай Меценат, — только легионы в Германии тебе ведь не подчиняются. Ты унаследовал владение, но не империум. Твои легионы теперь запросто могут отозвать. Кроме тех, что сформировали Вигитор и Комосик. Они твои вассалы и их легионы не Сенатские, а имперские. Но двух ведь мало? Тем более таких — варварских, а значит ненадёжных.

— Зачем Сенату легионы?

— Правда не понимаешь?

— Не понимаю.

— Чтобы заставить тебя проявить уважение и чем-нибудь поделиться.

— Агриппа это решение заблокирует.

— Когда узнает — обязательно заблокирует, но когда ещё он об этом узнает и когда заблокирует? Легионы, к тому времени, уже могут вывести за лимес, за Рейн и Данубий. А дальше — сам считай. Мятеж в Германии обязательно начнётся, и усмирять его будет назначенный Сенатом император.

— Вот ведь шакалы...

— Это политика, — пожал плечами Гай Цильний Меценат, — человек человеку волк* (**Номо homini lupus est* — римская поговорка), мы действуем точно так же. В политике нельзя быть слабым, а ты сейчас очень слаб. Даже у Агриппы не получится добиться империума для двенадцатилетнего подростка, будь ты хоть трижды Августом.

— Дела... И что теперь?

— Во-первых, не подавай в отставку. Империум тебе пока всё равно не светит, так что смысла нет. Назначь в Германию наместника и служи. На следующий год, я произведу тебя в легаты, «Четвёртый Македонский» тебя примет. С цензом легата, изберёшься в преторы, а потом в консулы. Консулу в империуме уже не откажут.

— Так это когда ещё будет. Ты же говоришь, что легионы забрать уже сейчас.

— Могут. Если ты затеешь самостоятельную игру — наверняка именно так и сделают. А сироту, трибуна Римской армии, обижать побоятся. Есть ведь ещё во-вторых. Мой империум, не забывай про него. Твои легионы могу подчинить я, мне Сенат точно не откажет, — ухмыльнулся Гай Меценат.

— Спасибо, друг.

— Спасибо мало — должен будешь.

В Германский Рим, Германик Август Феликс и Гай Цильний Меценат прибыли тридцатого октября 749 года от основания Города.

А ведь мама-Антония снова в положении, месяце на шестом-седьмом. Молодая ещё совсем — Всего-навсего тридцать два года, после траура будет тридцать три. Ещё лет тридцать, по идее, прожить должна, там она прожила даже больше, надо её обязательно выдать замуж.

— Отца будем хоронить здесь.

— Почему не в Риме?

— Здесь столица Империи, которую он основал. Этот город — Рим его имени. Здесь он — Ромул. Так — правильно, так — угодно богам. Построим мавзолей на южном холме, там и похороним.

— Тебе решать, ты теперь глава семьи. Но я в этом проклятом варварском бурге жить не останусь.

— Не останешься, — согласился Счастличик, — после траура, я подберу тебе мужа...

«И никуда ты не денешься. Теперь я решаю — кому из вас за кого замуж выходить. А то удумали же — помолвить Ливиллу* (*Клавдия Ливия Юлия, Ливилла, младшая сестра Германика) с двоюродным братом. Надо бы, кстати, в «Марсианстве» запрет на такие близкородственные браки наложить. Агенобарб, конечно, этому не обрадуется, но что поделаешь. Сошлёмся на волю Богов, тут это отлично работает. Никуда ведь не годится — выродились все эти Клавдии-Нероны всего через поколение, да и укрепление родственных связей явно на пользу не пошло — травили, душили и резали они друг друга с большим энтузиазмом».

— ...а после похорон и до свадьбы, будешь жить в Риме, на вилле Мецената, с Октавией.

— Я бы хотела с сестрой.

— Богам это негодно. Будешь жить с матерью. Дикси.

Хорошо быть Великим Понтификом, говорящим с богами. Очень удобно. Не нужно ничего объяснять.

Наследство отца — Империя Германия. Территория от Рейна до Вистулы, Западного и Южного Бугов; от Северного и Внутреннего (Балтийского) морей до Альп, Данубия и Понта Эвксинского. Больше двадцати миллионов населения, уже покорившегося и платящего налоги, и полмиллиона рабов.

Империя, в которой уже обнаружены и начали разрабатываться: каменный уголь и железная руда в прирейнских регионах; золото, серебро, платина и нефть в графстве Дакия; добывается весь янтарь, девяносто процентов мехов, процентов семьдесят пять-восемьдесят мёда и воска, поступающих на Римский рынок; половина бумаги, пиломатериалов, древесного угля и дёгтя; а кроме того, сто процентов «хайтека» теперь производится в Германском Риме, куда «Комитет посвящённых» вывез своё хозяйство с Тибрского острова.

«Хайтек» теперь не ограничивается предметами роскоши, рынком самым маргинальным, но очень ограниченным. «Хайтек» пошёл в народ — в инструменты и приспособления для ремесленников и строителей; в сельскохозяйственные орудия (плуги,

бороны, косы-литовки и так далее); в перерабатывающее оборудование (водяные мельницы, молотилки, масляные и виноградные прессы) — и всё это монопольно, без какой-либо конкуренции, по тем максимальным ценам, что готов платить рынок за дефицитный товар.

Сумасшедшие деньги, между нами говоря, а ведь скоро к ним добавятся армейские заказы — перевооружение легионов уже намечено. Уже очевидно, что вместо пятнадцати тысяч пилумов* (*метательное длинное железное копье, с крючкообразным концом для бросания с близкого расстояния), легиону гораздо удобнее носить пятьсот ручных картечных с боезапасом — они и по совокупному весу намного меньше, и по боевому воздействию гораздо эффективнее.

Картечную на марше могут нести двое, сменяясь, конечно, ещё двое — треногу-установку, и шестеро — боезапас. Итого, один контуберний* (*отделение из десяти человек) тащил с той же скоростью сто двадцать выстрелов, вместо тридцати пилумов, да и дальность воздействия увеличивалась с двадцати-тридцати метров, до восьмидесяти-ста. Причём — это дальность картечного выстрела, двенадцатью свинцовыми картечинами, весом по сорок граммов каждая, то есть цель поражается точно не одна, а до десятка, при особо удачном попадании.

Нужны новые доспехи — лорики ламинаты* (*они же лорики-сегментаты — гибкий пластинчатый доспех) вместо лорик-хамат* (*кольчужный доспех); нужны пушки — и армии, вместо метательных орудий (катапульта, баллист, скорпионов и так далее), и флоту — флоту даже больше.

Много чего нужно армии, и всё это множество ещё долгое время будет монопольно производить Империя Германия. Монопольно по факту — никто конкуренции не вытянет. Конечно, для армии и флота будут установлены льготные цены — себестоимость производства плюс двадцать пять-тридцать процентов прибыли, а не как на гражданском рынке — от трёх до десяти себестоимостей, но и на этом заработать получится немало. А главное — эти деньги не заработают конкуренты.

Конкуренция путь к процветанию? К чьему процветанию? Шакалов из Сената, которые мечтают отжать Германию? Хрен им, а не конкуренция.

Наместником Германика Августа Феликса в Империи Германия стал Децим Понтиус Пилат. Точнее, сначала он стал командующим восемью германскими легионами, подчинёнными теперь императору Гаю Цильнию Меценату, а наместником уже по совместительству. Сенат действительно не смог отказать любезнейшему экс-консулу, императору и Народному трибуну, Гаю Меценату, в такой мелкой пустяшной просьбе, так что Агриппу вмешивать не пришлось, порешали все вопросы сами. Точнее, Меценат порешал через Службу Внутренней Безопасности. Порешал и с выдвижением Пилата в консулы на 750 год от основания Города. А то мыслимое ли дело — восемью Римскими легионами командует всего лишь экс-претор. Случалось и такое, конечно, но когда? В период гражданских войн. Разве это хороший пример, чтобы стать традицией?

В первый день Марсовой недели* (*последние пять-шесть дней года, не вошедшие в тридцатидневные месяцы; альтернативная история мира Агриппы и Счастливчика), Гай Цильний Меценат учредил регату Остия-Кесария-Остия — соревнования для чисто парусных судов, способных перевозить по сто армейских* (*метрических) тонн груза. Соревнования с очень привлекательными призами — сто тысяч денариев* (*четыре-пятьдесят килограммов серебра) за первое место, восемьдесят за второе, шестьдесят за третье, сорок за четвёртое, тридцать за пятое, двадцать за шестое и десять за седьмое.

А десять тысяч денариев, это, между прочим, больше, чем жалование рядового легионера за весь пятнадцатилетний срок службы. Это жалование легата за два с половиной года, или примипила за пять, так что желающие обязательно будут. Таким образом, Гай Цильний Меценат и Германик Август Феликс решили подстегнуть технический прогресс во флоте. Чисто парусный, всесезонный океанский флот понадобится уже скоро, а строить его пока никто не умеет. Ничего, научились в той истории, научимся и в этой. Люди — существа очень изобретательные, когда не ленятся, а призы как раз поспособствуют их трудолюбию. Уже к старту первой регаты, в Нептуналии* (*23 июля) 750 года, можно ожидать заявок от нескольких десятков участников. Все крупные судостроители участие точно примут, да и многие из средних захотят попробовать свои силы.

Войну Парфянскому царству, Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, Голос Марса объявил в последний день Марсовой недели и последний день 749 года от основания Города (4 г. до н. э.).

Иерусалим уже стал Восточным Римом* (*Roma Oriental), а храм Соломона, Второй храм иудеев — храмом Марса Победоносного. В западной оконечности Красного моря* (*Mare Rubrum), возле устья Нильского канала, четырьмя легионами Тиберия и Максима строится город-порт Марцелла и верфи; союзническая кавалерия прошла боевое слаживание, а из отрядов-графских дружин маркоманнов и доков-гетов-герулов сформированы ещё два Римских кавалерийских легиона — «Тридцать третий Парфянский» и «Тридцать четвёртый Парфянский», легатами которых стали Маробод и Комосик. Настоящими Римскими легатами, а не командирами вексилаций ауксилиариев. Они послужат примером для арабских племенных вождей, а их бывшие дружинники-варвары для простых воинов.

Публий Квинтилий Вар основал в 749 году два города в уости между Танаисом-Доном и Волгой-Ра — Сталинград на Волге и Випсания на Дону; а также зачистил пространство между Борисфеном (Днепром) и Доном от диких кочевников — скифы, сарматы и роксоланы, совместными усилиями, изгнали дикарей на восток, пока за Дон, но это ведь только начало. Служить Риму им понравилось. Ещё бы. И свои пастбища-уголья расширили, и стадами-табунами трофейными приросли, и серебра заработали, и потратили это серебро очень выгодно — на доспехи и оружие по специальным союзническим ценам. Не только доспехи и оружие, конечно, не чужд кочевникам и гедонизм, в различных его проявлениях, но в основном.

Завязал Вар, вернее завязали от его имени, контакты с северными лесовиками. Теперь есть кому валить лес зимой, и есть кому из этого леса правильно строить. Следующим летом, Сталинград и Випсания будут перестроены полностью, а пока это просто зимние лагеря легионов. Не очень комфортные лагеря, прямо скажем, с отоплением открытыми очагами по-чёрному, но дров хватит, выжить можно. Выжить и накопить опыт. Больше его копить некому, только самим легионерам. За зимовку, «Третьему Галльскому» и «Шестому Железному» Публием Варом положена двойная оплата, так что ребята на него не в обиде.

Луций Домиций Агенобарб добывает Нубийское царство. От Нила он варваров уже отогнал, занял и Белый, и Голубой, занял почти до самых истоков, а кроме того, его «Пятый Сирийский» легион протащил по Нильскому каналу в Красное море полторы сотни трирем, обогнул Африканский рог и теперь обживает устье какой-то речки* (*река Джубба в современном Сомали, примерно Могадишо).

За полученный в проконсульское управление Египет, Сенат отблагодарил Агенобарба

триумфом. Отблагодарил очень богатого теперь Луция Домиция Агенобарба, так что в будущем году, тот побалуует Рим роскошными играми, приуроченными к триумфу. Агенобарбу не нужно покупать зверей, он этими зверями теперь сам торгует. Торгует зверями, торгует рабами, которых выменивает в тропической экваториальной Африке на «бусы». Скоро он начнёт торговать пиломатериалами, оборудование им уже заказано самое совершенное. А пиломатериалы — это сейчас тоже пока монополия в огромном и густонаселённом регионе.

Своим, для строительства верфей и флота, он, конечно, сделает специальные цены, но четыре пятых продукции пойдёт чужим, на свободный рынок, так что своё император Агенобарб возьмёт обязательно.

Хороший получился год для Рима. Золотой век Римской цивилизации начался.

В феврале 750 года от основания Города (3 г. до н. э.), Марк Випсаний Агриппа, Принцепс и Цензор Римского Сената, пожизненный Народный трибун, император и Голос Марса, занял всю Месопотамию* (*междуречье Тигра и Ефрата) от Кавказа до Персидского моря.

Девять классических пехотных легионов, шесть легионов кавалерии (включая два Маркоманно-Дакийских), двенадцать тысяч армянских катафрактариев и столько-же арабских верблюжьих лучников, так сильно расстроили Парфянского царя, Фраата Четвёртого, что тот скоропостижно скончался. Или ему помогли скоропостижно скончаться его многочисленные жёны и их группировки. В общем, скончался, а Месопотамию парфяне защищать не стали, даже свою столицу — Ктесифон.

У Фраата Четвёртого было много сыновей, все по имени Фраат, и сразу семь Фраатов Фраатовичей, претендентов во Фрааты Пятые, заявили о своих правах на трон. Все небезосновательно, покойный Фраат Четвёртый постоянством в чувствах не отличался и завещание своё менял довольно часто. Было бы и больше претендентов-наследников, но «большая семёрка» успела свои ряды «зачистить» от самых слабых. Восьмым выжившим Фраатом Фраатовичем, оказался бывший заложник Парфянского царства в Риме, сын царя и его самой младшей жены, римской гражданки по имени Муза.

Перед началом войны, Агриппа отправил «нашего» Фраата в Ктесифон, благородно вернул заложника. Именно «наш» Фраат доставил отцу ультиматум Агриппы — предписывающий парфянам уйти из Месопотамии и с Кавказа. Стоит отдать должное «нашему» Фраату, он сам вызвался на эту роль, чтобы спасти мать. Рисковал, сильно рисковал, но повезло — и сам вернулся, и мать привёз. Агриппа его благородный поступок оценил.

— Ты получишь своё графство по итогам войны, сын царя. Всю землю племени парнов* (*современная Туркмения), откуда вы когда-то вышли.

— Я не считаю себя парном, Принцепс, разве что в малой доле, в большей, я — римлянин.

— И что? Ты отказываешься? — удивился Агриппа.

— От графства — не отказываюсь. Я прошу тебя о большем, Голос Марса, я хочу сделать карьеру в Риме. Хочу пройти по ступеням *Cursus honorum*, до сенатской тоги, а может даже и до консула. Раз уж я будущий владетельный имперский граф, то, наверное, могу претендовать на должность трибуна в одном из твоих легионов?

— Можешь, сын царя и римской гражданки. Я найду тебе должность, отдыхай пока.

Обустрой свою мать, как подобает бывшей царице. Если понадобятся деньги — можешь занять в имперском казначействе, под доход от своего будущего графства.

— Благодарю тебя, Принцепс Агриппа, Голос Марса. Деньги не понадобятся. Из Ктесифона я ушёл не с пустыми руками, часть казны мне прихватить удалось.

— Большую часть?

— На обустройство матери точно хватит, император, — с улыбкой поклонился Агриппе «наш» Фраат, будущий граф Парнов.

В марте 750 года, двенадцатилетний Германик Август Феликс стал легатом «Четвёртого Македонского», некогда «гвардейского» легиона самого Агриппы. Прежнего легата, Квинта Сульпиция Камерина, хорошего приятеля Счастливики, Меценат повысил до командующего западным корпусом в устье Мерси, на должность, освободившуюся после перевода легендарного Децима Понтиуса Пилата в Германию.

Назначение Германика легатом, «Четвёртый Македонский» встретил восторженно. Да, молод, слишком молод для обычного легата, но он ведь необычный. К двенадцати годам проходит уже третью военную кампанию, да как проходит. Очевидно ведь, что его сами Боги за руки ведут — Марс с Фортуной. Верховный понтифик, римский сенатор, Август, в конце концов, наследник огромного владения в Германии, а легион не оставил. Если уж он принёс столько пользы, будучи одним из трибунов-ангустиклавиюв, то уж легатом-то... В общем, Аве, Август-легат!

В марте-же, учредили банк. Банк-эмиссионер бумажных денег. Учредили на троих — Германик Август Феликс, Гай Цильний Меценат и Марк Випсаний Агриппа. Агриппа правда, про это учреждение ничего не знал, но треть ему выделили. В уставной капитал, за своего лучшего друга, долю «занёс» Меценат. Занёс бы половину доли Агриппы и Счастливики, но все его доходы пока с огромным аппетитом «пожирала» Германия: долги отца Сенату и текущие выплаты целым восьми легионам, подготовка кампании Децима Понтиуса Пилата в Скандинавии и самые срочные стройки, вроде каналов Эльба- Рейн, Эльба-Везер, Эльба-Одер и Одер-Вистула.

Шиковать после начнём, а пока каждый денарий нужен в деле. Впрочем, вклад ведь не только в деньгах измеряется. Это во взаимоотношениях с Сенатом и прочей местной политике, Счастливики Майкл О Лири пока дитя малоразумное, а во всяких банковских делах — он здесь настоящий Бог, так что всё получилось более-менее справедливо. Справедливо для всех, для всего «Марсианского комитета». Всем императорам ведь предлагали и даже уговаривали вложиться, но стойкое неверие в это предприятие Агриппы, отпугнуло даже Вара. Ну, а на нет — и суда нет. Мировой банк разделили на троих.

Где находятся залежи селитры, вернее, где они выходят на поверхность, Публию Квинтилию Вару стало известно от аборигенов год назад, поэтому третья его «Русская» кампания» стала броском на Каму. Да, в газетах, его империя почему-то называлась Русской, как и кампания.

Газеты в Риме знали всё, а что не знали, то достоверно предвидели и охотно делились с читателями интересной информацией. Всей правдой, которая в этот момент не могла повредить армии. Это действительно было очень интересно, поэтому газета уже давно стала ежедневной, с тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. В обиход вошла очень удобная система подписки, когда подписной экземпляр доставлялся подписчику раньше, чем газетами начинали торговать на улицах. Удобно, недорого (ну что такое денарий в день для состоятельного человека?), престижно и модно, а главное — раньше, чем на улице. Иногда, даже полчаса становятся бесценной форой. Не удивительно, что число подписчиков уже сравнялось с «уличной» аудиторией, и продолжает эту аудитория теснить. Увеличивать тиражи? Меценат отказался категорически. Не для досужих голодранцев печатаем. Все, кто нужен, уже охвачены, дальше будем повышать цены.

Так вот, очень популярные «Правда» и «Коммерция» называли целью кампании этого года селитру и анализировали, сколько Вар на этом заработает, учитывая сложившиеся цены. И сколько заработают его легионы, ага. Да, парням «Третьего Галльского» и «Шестого Железного» на первой зимовке пришлось несладко, но они и заработали неплохо и научились жить в холоде, правильно одеваться и правильно строить, так что теперь им доступны вот такие вот сокровища. Теперь они могут себе позволить комплектоваться тиронами только высшей категории, только лучшими, отбоя от кандидатов не будет, даже от эвокатов, как сейчас в «Четвёртом Македонском» и «Тринадцатом Парном».

Да, не Парфией единой. От Камы, по Чусовой — уже Урал. Там климат посуровее, но уже умеючи закрепиться возможно. А там всё — от золота, до никеля; от драгоценных и полудрагоценных камней, до гипса и отличного мрамора. Местные русские племена не враждебны, в торговлю вовлекаются охотно, на работы нанимаются с удовольствием целыми артелями. Мир-дружба и перспективы.

Перспективы пока оценить трудно. Невозможно оценить то, чего пока нет — нержавеющей сталь, например. Или жаропрочную. Как они по весу к серебру будут соотноситься, и будет ли цениться серебро вообще? Металл, ни на что непригодный, кроме монет. Золото хоть красивое, а серебро? Будет ли оно красивее нержавеющей стали? Будет ли серебро смотреться украшением на доспехах из полированной нержавеющей стали? Вот то-то и оно, все факторы учесть невозможно. Попробуй тут, оцени перспективы.

Но точно, что они не меньше, чем в Парфии и Индии. Вар — «стронг», ага. Все «стронг», но Вара то считали самым обделённым, даже Британия считалась лучшим наделом, там хоть морозов не бывает, а тут такое.

В Британии, «наши» варвары, при поддержке отдельных когорт артиллерии и артиллерийской охраны, в которые собрали одних иммунов и эвокатов, вскрывали бурги диких варваров как семечки: а легионы строили. И рабов организовывали и сами рук не покладали. Британский Рим (несостоявшийся Лондон) уже самый настоящий город, Меценат привёз специалистов действительно высокого класса — и архитекторов, и

прорабов, и специалистов-строителей. Счастличик даже устыдился своих излишне эмоциональных оценок обозу командующего. Статуи они прихватили заодно, а не ради доставки этих статуй ехали.

Британский Рим готовится стать финансовой столицей ойкумены, а деньги любят комфорт, это римлянам и без Счастличика О Лири было хорошо известно, во всяком случае, Гаю Меценату точно. Умнейший человек, он всё спланировал ещё до войны, даже гравёров для печатных матриц прихватил.

В Риме, на Тибрском острове строится форум Голоса Марса Агриппы, где «боги», а на деньгах Меценат решил изобразить именно Богов, дебютируют на торжественном открытии. На форуме Агриппы разместятся гостиные дворы, по типу шопингов с бутиками товаров класса люкс и аналог гипермаркета с «ширпотребом». Самые привлекательные цены в «богах» на все дефицитные товары, а они пока почти все в дефиците, спрос пока опережает рост производства.

В общем, у Мецената продумано всё до мелочей и на много ходов вперёд, поэтому Счастличик занимался «зачисткой» острова. В военном деле он специалистом не был, но ЧВК в своё время организовывать ему приходилось, да и кругозор в вопросах применения артиллерии у человека их будущего совсем другой. Это он в двадцатом веке считался дилетантом, а здесь очень даже лучший специалист по применению «марсова зелья», как в «народе» повелось называть порох. Верховный понтифик и должен лучше всех управляться со всякими божественными штуками, тем более что это понтифик ещё и Август. Даже хорошо, что он так молод. Для Рима хорошо.

Агриппа в Парфии не торопится, на лето он остановился в Месопотамии. Легионы строят, парфяне им не мешают — заняты междоусобицей. Агриппа строит город и порт в устье Шатт-аль-Араб — ворота в Индию, главную базу Римского военного флота в Индийском океане.

На Нептуналии дали старт первой регате чисто парусных, безвёсельных судов любой конструкции, мачтовости и парусности, лишь бы они могли принять в трюмы груз в сто армейских (метрических) тонн. Маршрут Остия — Кесария — Остия, приз был объявлен загодя — огромный приз, поэтому возник ажиотаж.

Желающих заявилось больше трёх сотен, на всех даже не хватило подготовленного для Кесарии груза, пришлось добивать обычными камнями, помеченными, правда.

Три сотни самоделок — неужели ни одна не окажется удачной? Да быть такого не может.

Остию было уже не узнать, к регате готовились более полугодом, и результаты впечатляли. Огромный форум, превзошедший своими роскошными портиками даже самый новый пока форум Августа в Риме. Стены и укрепления города разобрали и срыли, как и все ветхие строения, требования по эстетическому облику зданий теперь предъявлялись даже к обычным портовым складам. Ну а что? С такими-то деньжищами, которые крутятся в Остии и строить как дикари, из говна и палок?

Отличный рождается город, уже не рабочий-криминально-портовый пригород Рима, а настоящая жемчужина Средиземноморья. Прямые, широкие и тенистые аллеи, высотная застройка, в городе без крепостных стен — всё это бросалось в глаза своей необычностью, и очевидно заявляло — Рим никого не боится. На Остии откатывалось то, что планировалось построить в Большом Риме, только в миниатюре.

Играла музыка, люди радовались, им всё нравилось, регата скрылась за горизонтом. Помоги нам Боги получить хоть одну удачную конструкцию чистого парусника, она нам уже очень нужна. Америку мы открыли, начинаем осваивать. Слава Нептуну!

В августе состоялся триумф императора Африки, Луция Домиция Агенобарба и начались стодневные игры. Всё очень роскошно — и триумф, и игры.

В ноябре, в Рим прибыли Счастливчик и Меценат — на свадьбу Децима Понтиуса Пилата и мамы-Антонии-младшей. Выбор для матери жениха, сделал Германика Августа Феликса изрядным самодуром в определённых кругах Римской элиты — сплошь близких и дальних родственников. Недовольна была и маман.

— За что ты меня так унижаешь?

— Ты о чём?

— Пилат — безродный.

— Не смейся меня мама. Ладно я, хоть по отцу Клавдий, но ты-то со всех сторон худородная. И Атии, и Октавии, и Бальбы, и Антонии — плебеи с историей всего в пару веков. Не говоря уже о том, что все мы потомки воров, бандитов и прочих изгоев, которых собрал в свою шайку Ромул, для основания Города. Пилат, в отличие от них — благородный воин и герой. Самый популярный Римский герой нашего времени, в том числе и в армии, которая ценит только настоящих героев. Я, Август и Верховный понтифик, горжусь тем, что начинал служить под его командой. Пилат — консул, вице-император и наместник, он мне нужен, он будет моим первым владетельным герцогом и одним из богатейших людей Рима. В общем, я не столько о тебе забочусь, сколько о твоих потомках, не чужие ведь люди. Богам угодно, чтобы ты получала удовольствие от этого брака. Я всё понятно объяснил?

— Понятно.

На Марсову неделю, праздничную для римлян и самую напряжённую для отцов-сенаторов, в Рим приехали Агриппа и Вар.

У Вара на зиму всё приморазивалось, а Агриппа свою миссию на востоке счёл выполненной. Дальше уже неинтересно. Как ягоды в поле собирать, после охоты на льва. Это должны делать молодые, перспективные и подающие надежды. Нужны герцоги. Нужно промежуточное звено между императором и графами, феодалами из варваров в том числе. Нужны наместники обширных территорий с полномочиями вице-императоров.

Нужны новые родственники, в конце концов. Браки с родственниками до третьего колена по женской линии и до четвёртого по мужской, Боги запретили и тем расстроили множество помолвок.

Марк Корнелий Цек, которого Агриппа назначил командующим Парфянской кампанией, по всем параметрам в близкие родственники годился отлично. Корнелии — род хоть и обедневший, но один из самых знатных в Риме. Цек умён, храбр и верен — а это сейчас самые главные ценности, денежные и владетельные состояния на них нарастут очень быстро. Очень быстро теперь делаются огромные состояния во главе армий. Война теперь очень доходный бизнес. Непомолвленные до сих пор сыновья Пилата и Цека вмиг встали в число самых завидных женихов в высшем обществе Рима. Девочек на выданье хватает у всех. С девочек и начали.

Агриппа и Вар посватали Счастливчику внуку первого и дочь второго. Она под ограничения уже не попадала, как дочери самого Агриппы от Юлии и Марцеллы, тут уже

внучка, следующее поколение, усиленное кровью Вара. Пока его единственным ребёнком и, похоже, единственным в этом браке. Что-то разладилось в организме Випсании Марцеллы. Вар пока надеется, что не навсегда, а Боги ничего про это не знают. В прошлый раз, их развёл Октавиан после первого ребёнка, и, вообще — это теперь совсем другая история, другие эмоции, другой гормональный фон, другие последствия.

О помолвке объявили первого января 751 года от основания Города (2 г. до н. э.).

Договорились о переводе Германика под командование Вара, с «Четвёртым Македонским» и «Тринадцатым Парным», с которых и начиналась Русская Империя в Херсонесе. Впрочем, именно с них все три Империи Севера начались. В Германской кампании, «Тринадцатый Парный» был ставкой Друза, а «Четвёртый Македонский» — Агриппы.

Меценат согласился принять «Третий Киренаикский» и «Двадцать второй Дейотаров», два легиона неудачников, единственных не выполнивших свои боевые задачи в Германской кампании. Плохая карма, Легионный Гений не справился, никто теперь не хочет в этих легионах служить. Как раз то, что нужно сейчас Меценату. Через год он расформирует и получит десять тысяч поселенцев в Британии. В милицию они сгодятся отлично. Ну, а куда их ещё?

Никому такие легионы не нужны, даже Сенату. Сенату вообще теперь легионы не нужны — вторжений больше не предвидится, а внутренний порядок лучше поддерживать с помощью преторианцев и вигилов, так получается дешевле. Преторианцев всего семьдесят центурий, меньше двух легионов, а отдача отличная, за два года ни одного серьёзного инцидента, ни одного мятежа, максимум — банды. Этнические криминальные банды, не поддерживаемые местным населением.

Население, в целом, довольно. Даже неграждане Рима гордятся победами Римских армий на окраинах, войны далеко, и уже кажутся невозможным их возвращение в Рим. К тому-же, довольно быстро растёт экономика, а значит и благосостояние всех жителей, не только римских граждан. Ведь у неграждан ограничение только на общественно-политическое самоуправление, в коммерческих правах они с гражданами равны, а избалованы меньше, потому более предприимчивы.

Неграждане всё больше проходят строгий отбор в легионы и делают военную карьеру, в которой теперь нет предельных ступеней. Любой теперь имеет шанс дослужиться хоть до командующего армией. Легаты варвары уже есть — графы Комосик и Маробод. Пусть они начинали не с рядовых легионеров, а сразу с трибунов, но прецедент создан.

Комосик и Маробод теперь вправе выставить свои кандидатуры в преторы и претендовать на сенатские тоги. И шансы победить на выборах у них высокие, учитывая протекцию Агриппы. Да и без протекции шансы отличные. Графы люди умные, уже неплохо образованные и очень богатые. У них в личном наследственном владении огромные и богатые провинции, а ведь граф Маробод до сих пор не женат. Ни с кем не помолвлен сын Комосика, а в Сенате две тысячи отцов, или дедов невест. Такие сенаторы, как Комосик и Маробод очень выгодны, на пропреторские кормушки наследные владельцы не претендуют, а девок пристроить можно очень удачно.

Комосик и Маробод примеры не только для вождей-царей, но и для всех неграждан. Теоретически, их путь может повторить любой, даже начиная с рядового легионера. Такой социальный лифт очень благотворно подействовал на население неграждан Рима. Заметно повысилась лояльность, легионы Сенату перестали быть нужны, теперь хватает

преторианцев с вигилами. Золотой век Рима наступил.

В общем, не взяли они «Киренаиков» с «Дейотарами». Взял Меценат, которому Сенат должен ещё год содержать эти легионы, взамен переданных Вару, два отличных легиона строителей, в составе которых очень мало иммунов и совсем нет эвокатов. Год отработают и давай, до свидания, Римской армии неудачники не нужны.

В «Комитете посвящённых», с привлечением Октавии, обсудили грядущую денежную реформу, в её отношении, скепсис Агриппы и Вара победить не удалось, но во внимание они приняли; и реформу религии. Уже отпечатанную книгу за авторством Голоса Марса Агриппы, признанного Пророка и бесспорного авторитета. Отпечатанную пока в пяти экземплярах, книгу «История Богов». Первый том трилогии, «Ветхий завет» «Марсианства» ага.

В тексте (на самом деле соавторов Германика Августа Феликса и Гая Цильния Мецената), в доступной и интересной форме, излагалась история Вселенной, от момента её сотворения, до основания Рима.

Интересная получилась книжка. Создатель сотворил нашу Вселенную из сингулярности (состояния полной гармонии), породив энергию. Энергия, в свою очередь, породила пространство, время и материю, которые при полной гармонии не требовались, то есть нашу физическую Вселенную — хаос в четырёх измерениях и четырёх стихиях.

Энергия, пространство, время и материя породили жизнь, а жизнь породила уже разум — состояние высшей энтропии Вселенной, состояние высшего хаоса. Ведь разум не успокоится, пока всё не познает и всё себе не подчинит.

Первыми разумными, разумеется, в нашей Вселенной, стали Боги. Первые творения Создателя. Великое множество Богов. Хорошие, римские, боги и нехорошие — все остальные — от мелких божеских негодяев до полных подонков. Боги сражались друг с другом, с чудовищами-рептилиями (куда же без динозавров) и с богами-пришельцами из других звёздных систем и даже галактик (пришельцами на Виманах из индийских эпосов), сражались как римляне с карфагенянами. Много битв, много приключений, очень драматических приключений и очень героических битв, но в итоге, наши Боги всех варварских Богов одолели, под предводительством Марса Победоносного, а праведный Рим, праведно чтущий Богов-победителей, теперь праведно вступает в господство над Миром. Заканчивался первый том «Ветхого завета Марсианства» на том, что Марс зачал со смертной женщиной близнецов Ромула и Рэма.

Хорошо получилось. Настоящий приключенческий боевик-триллер, с элементами фэнтези и космической фантастики, а не унылое «Исаак родил Иакова», такое с удовольствием будут читать с самого детства и всю жизнь перечитывать.

В общем, никакого монотеизма. Богов много, но Марс главный, по праву победителя, поэтому его статуи обязательно должны быть во всех храмах всех остальных богов, а в ритуалы служения нужно обязательно добавить благодарность Главному Богу-Куратору Человечества. Ну, и все жертвы следует пополам предназначать — это уже само собой разумеется.

Многое в «Ветхом Завете Марсианства» не объяснялось, как то — зачем Создателю потребовалось нарушать полную гармонию Сингулярности Энергией (первой стадией Хаоса), не иначе, как от скуки, как и то — кто создал самого заскучавшего Создателя и дом его — полную Гармонию-Сингулярность, но это пока не нашего ума дело.

Короче, откуда всё для нас пошло и кто в этом виноват — теперь понятно, а вот что

делать — читайте во втором и третьем томах (Новом Завете и Завете Целей Будущего), которые божественный Марк Август ещё даже не начинал писать. Сначала привыкните к новым правилам старой религии, устаньте структуру и согласуйте ритуалы, тогда и получите новое откровение с заданием-заветом на это самое будущее.

На итоговом заседании, Сенат наградила триумфом Марка Агриппу, за победы в Месопотамии и на Кавказе, принесшие отцам в проконсульское кормление богатейшую провинцию Сирия. На этот раз, от триумфа Агриппа отказываться не стал. Своё он отвоевал, пришло время получить заслуженные почести.

А ещё, Принцепс и Цензор Римского Сената, Марк Випсаний Агриппа, Голос Марса очень неожиданно выдвинул свою кандидатуру в эдилы* (*младший Римский магистрат, ведавший строительством), но запросил для этой должности империи на полную перестройку всего Вечного Города, с правом выкупать городские участки по фиксированной (кадастровой) цене. По цене, в которую оценили своё имущество сами владельцы, выбирая налоговую ставку* (*про налоги на недвижимость ничего не нашёл, но налог на наследство в Риме точно взимался, и наверняка недвижимость оценивали ниже реальной рыночной стоимости). Сами, всё сами. Сами оценили, сами и получайте соответствующую компенсацию. Не грабительскую, нет. С надбавочными коэффициентами, за историчность и архитектурность, Рим, всё-таки, а не провинция, но выкупить теперь можно весь Вечный Город. Выкупить законно, именем Сената и Народа Рима.

Консулами 751 года от основания Города, избрали Луция Корнелия Лентула и Марка Валерия Мессала Мессалина. Оба выдвигенцы из «недр согласованных Сенатских интересов». Выдвигенцы к проконсульским кормушкам. Агриппе на них было наплевать, как и всем остальным императорам «Большой семёрки». В отношениях императоров-владельцев и Республики тоже наступил «Золотой век Агриппы». Богатели все. Богатели не мешая, а помогая друг другу.

Седьмого мая 751 года, тринадцатилетний Германик Август Феликс, Счастливчик Майкл О Лири, вступил в должность командующего южной армией Русской Империи Публия Квинтилия Вара в низовьях Волги-Ра. На северо-западном выходе из Гирканского (Каспийского) моря. Моря, гораздо более полноводного сейчас, чем в оставленную эпоху того двадцатого века. Сейчас, Гирканское и Аральское моря сезонно сливались, делая судоходным пролив между собой. Только в период паводка и максимального водосброса в Каспий, но большего и не требуется. Выйти из Волги-Ра и дойти до Средней Азии и верховьях Амударьи и Сырдарьи по воде можно, а значит нужно. Для этого нужен флот, вот со строительства верфей свою службу в Русской Империи и начали легионы Счастливчика — «Четвёртый Македонский» и «Тринадцатый Парный».

Империей Германия управлял наместник, теперь герцог Ютланда и Скандинавии, Децим Понтиус Пилат. Толково управлял. Намного более толково, чем папа-Друз.

Для начала, Пилат, с подсказки Счастливчика, организовал восемь трудовых армий, примерно по сто тысяч рабов в каждой. То есть, теперь уже не рабов — военнопленных, обязанных отработать двадцать лет. Трудовые армии придали легионам и нарезали задач — каналы Рейн-Эльба, Рейн-Везер, Рейн-Одер, Рейн-Висла и Эльба-Внутреннее (Балтийское) море. Последний, их перечисленных каналов — совместное коммерческое предприятие императора Германика Августа Феликса и герцога Децима Понтиуса Пилата, как раз являлся юго-восточной границей его наследного герцогства — огромной территории несостоявшийся Норвегии, Швеции, Дании и части Германии до Эльбы и «Эльбского»

(Кильского) канала.

Легионеры восьми легионов перестали заниматься дисциплинирующим, но малоэффективным физическим трудом и стали кураторами отрядов-бригад трудовой армии. Именно кураторами, а не командирами-бригадирами. Легионеры не организовывали труд, они оценивали результат и по оценке назначали категорию нормы довольствия. Простая и понятная всем рабам система.

Категорий нормирования сделали четыре — в первой каждый день мясо, по праздникам (очень многочисленным Римским праздникам), различные деликатесы, хорошее вино и крепкий алкоголь, а в четвёртой категории — каша со свиным салом и вино из Галлии по праздникам. Случались эксцессы, и шестерых легионеров-кураторов трудармейцы убили, но система довольно быстро заработала отлично. Легионы до обеда занимались боевой подготовкой, а после обеда курировали своих поднадзорных, за что получали ещё одно жалование. Расходы на содержание легионов и рабов выросли, но не вдвое, экономия на обеспечение охраны оказалась очень значительной.

Мотивированные рабы уже не так сильно стремились уйти в бега, к тому же коллективная ответственность всей бригады-отряда за все происшествия, вынуждала трудармейцев приглядывать друг за другом. В общем, поехали. Производительность рабского труда выросла больше, чем вдвое. Теперь им можно вводить ещё один стимул — денежные премии. Не наличными, ещё не хватало, чтобы они общак собрали, а накопление личной премии-пособия при освобождении. За двадцать лет можно настолько поднять премии, что эти трудовые армии и расходиться не пожелают, во всяком случае не все — где ещё столько заработаешь? Лучший раб — это раб денег. Деньги — самый надёжный надсмотрщик. Любимый самими рабами надсмотрщик, их Бог.

Словом, в Германии всё шло отлично, в Британии тоже, Гай Мecenат все полезные нововведения у себя перенимал очень быстро; поэтому у Счастливого появилась возможность проявить себя в качестве командующего армией. Самой настоящей армией — сводные когорты иммунов и эвокатов «Четвёртого Македонского» и «Тринадцатого Парного», общей численностью в полный легион; восемь тысяч дружинников графа Зеландии Вадургариха, союзников Децима Пилата в Скандинавской кампании; двадцать тысяч кавалерии — сводные отряды скифов, сарматов и роксоланов; и шестьдесят пушек с шестьюдесятью двухмачтовыми мореходными галерами нового типа.

В противниках — понтийские греки и оседлые меоты Меотиды (северо-восточного Причерноморья и Приазовья) и полукочевые аланы Северного Кавказа. Предположительные силы противника — до сорока тысяч пехоты и столько же кавалерии, в два с половиной раза больше, но без артиллерии. К тому же, между собой они перманентно враждуют, поэтому единой силой не выступят.

Параллельно, Верховный понтифик Рима, Германик Август Феликс, занимался созданием «Римской Марсианской церкви». «Историю Богов» читали и обсуждали все, и реформы «снизу» уже начались — статуи Марса Победоносного, масштабированные копии статуй в Восточном Риме, которые ваяли с образа Агриппы, уже установлены, или заказаны во все храмы. Заказов много, десятки тысяч, гораздо больше, чем храмов. Статуи заказываются и частным порядком, в качестве талисманов в виллы и домусы, такое «Марсианством» не возбраняется, даже наоборот. Планируется наладить массовый выпуск статуэток для домашних алтарей, а со временем и индивидуальных амулетов на одежду.

Култ Марса Победоносного щедро спонсировался «Марсианским комитетом» семи императоров, поэтому Римское общество постепенно приходило в состояние религиозной экзальтации.

Создать религию — это задача посложнее, чем перевести общество на деньги условной ценности. Сложнее, но и важнее. В процесс согласования задач и соответствующей структуры будущей «Марсианской церкви», Счастливчик напрямую пока не вмешивался. Он мягко направлял процесс через свою колонку в «Правде»: «Нам повезло жить в эпоху Голоса Марса Агриппы. Мы видим его, слышим его, общаемся с ним. Мы — избранное поколение. Наслаждайтесь моментом и поменьше думайте о выгоде». Поменьше цинизма, ага.

Нам от религии нужна Вера, а не доходы. Хотя, истинная «Римская Марсианская церковь» бедствовать, конечно, не будет. И политический вес будет иметь с квотами мест в Сенате. Не как сейчас — с сенаторами, получившими назначения главами коллегий в качестве свадебных генералов, а кадрами, возвращёнными самой Церковью, для своих задач. Всемирная «Марсианизация» — это задача уже политическая, стоящая перед Римским Сенатом в первую очередь. Так угодно Богам!

Летнюю кампанию 751 года от основания Города, Счастливчик начал взятием Дербента, до сих пор удерживаемого Парфянским царством, то есть, одним из претендентов на собирание земель, развалившегося в междоусобной династической гражданской войне, Парфянского царства. Шестьдесят пушечных галер и четыре сводные когорты «Четвёртого Македонского» и «Тринадцатого Парного», с самим Германиком Августом Феликсом во главе, захватили город неожиданным для гарнизона и жителей десантом с моря. Очень богатый город, контролирующий стратегический «Гирканский проход», и считавшийся крепостью очень мощной. Марк Корнелий Цек до сих пор не нашёл возможности выделить достаточные силы для взятия города, он считал, что потребуется минимум четыре легиона. Без пушек — где-то так, а Цек с артиллерией пока не очень дружит.

Дербент — город пограничный между Восточной и Русской Империями, поэтому достался Русским по праву завоевателя. Будут ли когда-нибудь русские воевать с восточниками? Исключать ничего нельзя. Русская Империя — наследство Счастливчика от Вара. Даже если у того родится сын, вся европейская территория Русской Империи, территория до Урала и Гирканского моря станет приданным Квинтилии Агриппины, а Дербент и правда город очень важный. И в военном плане, и в экономическом.

В Дербенте сняли с галер пушки. Уже вполне подвижные пушки — лафет на стальной оси со стальными колёсами, который можно цеплять к лошадиной упряжке, не разбирая для перевозки на повозках, а значит и применять практически сходу. У Цека таких «вундервафель» ещё не имеется, не оценил он пока артиллерию. Не хватает ему перспективы. Не ходили до сих пор артиллерией в наступление, всегда в обозах возили — для осад-штурмов, или сражений на подготовленных позициях. А Германик Август Феликс основной упор делал как раз на артиллерию — и в наступлении, и в десанте. Всё остальное его войско должно обеспечивать работу артиллерии «Четвёртого Македонского» и «Тринадцатого Парного» легионов.

Аланов разгромили во встречном сражении. Под прикрытием конных лучников, удалось вытащить пушки на позиции перед берущей разгон тяжёлой кавалерией аланов, градусов тридцать от направления главного удара и шарахнуть пушечной картечью — по двести сорокаграммовых пуль с шестидесяти стволов. На этом сражение закончилось, началось

пленение деморализованного противника. Вся элита аланов погибла, все они, включая князя-хана, шли в первых рядах атакующей кавалерии и погибли первыми.

Глупых героев, Счастливчик распорядился похоронить со всеми почестями — на братский погребальный костёр, всех уложили с оружием и в доспехах, а после аланы три дня насыпали погребальный курган. Зато после тризны, аланы приняли свою судьбу смиренно. Шестьдесят тысяч выживших в сражении сформировали трудовую армию и отправились в распоряжение Вара; а мирные аланы вступили в процесс «Великого переселения народов», им предстояло осесть в Германии. По всей Германии, по семье на имперскую ферму, арендаторами с правом выкупа. Крепостное право лайт, как и трудовые лагеря, тоже лайт, но уже рабский.

До осени так же разгромили армию Меотиды, последнего независимого осколка некогда могущественной Эллинистической цивилизации. Добили недобитков греков. Рабов получилась намного больше — триста тысяч, почти всё мужское население заперлось в полисах и схватилось за оружие. На свою голову. Полисы этих выродившихся потомков некогда грозных воинов вскрывались намного проще, чем британские бурги.

Греков и меотов, Германик Август Феликс распорядился расселить по Волге. Жили они сельским хозяйством, рыбалкой и торговлей, жили в относительно суровых, совсем не субтропических зонах, поэтому шока не испытывают.

Северный Кавказ и восточное Причерноморье временно опустеют, но завестись всякой нечисти здесь не дадут наши вассальные кочевники — скифы, сарматы и роксоланы. Подежурят, пока не придёт пора откочёвывать на восток. Пора придёт, они уже и сами это отлично понимают. Враги всё дальше на востоке, а без врагов какие могут быть войны? Вооружённые пастухи, не более того. У пастухов не бывает ни добычи, ни славы.

На Марсовой неделе, в Риме, состоялось представление римлянам и гостям города нового инструмента сбережения и преумножения капитала. Бумажные банкноты с изображением римских богов, на качественной трёхслойной бумаге, с водяными знаками на просвет и тончайшей гравировкой изображений, практически стопроцентно исключаящими подделку, заявили именно как надёжное средство сбережения капитала, а то, что банкноты со временем заменят серебро в качестве денег — это уже побочный эффект. Само так получилось. По воле Богов, не иначе.

На Тибрском острове, целиком занятым теперь новым Римским форумом Голоса Марса Агриппы, кроме Гостиного двора (шоппинга с бутиками, торгующими всяким люксом) и Гипермаркета с ширпотребом (от расходных гвоздей и подков, до предметов роскоши для простолюдинов — недорогих часов, небольших и тонких зеркал, не дымящих керосиновых ламп, с асбестовыми фитилями и так далее); открылись казино-рестораны для знатной публики и простолюдинов; столы заказов промышленного оборудования; агентство недвижимости с кучей предложений в Британии, Германии и России; и, конечно, отделение «Банка Богов».

Все товары и услуги на форуме Голоса Марса Агриппы можно было купить только за «бумажных богов», для чего требовалось сначала обменять серебро, а поскольку цены в «богах» выставили да двадцать-двадцать пять процентов ниже среднерыночных, процесс пошёл. Даже не пошёл, а полетел, как космическая ракета на заданную орбиту. За три дня, курс серебра в «богах» просел на три процента. Появились первые желающие сделать в банке сберегательные вклады под полпроцента годовых. Появились первые победители

казино с крупными выигрышами. Даже одна из вилл Гая Мецената на Сицилии нашла своего покупателя через агентство недвижимости.

Пока всё это воспринималось в качестве интересной и увлекательной игры. Обстановка праздника, музыка, танцы и угощения, интересная и очень модная игра — никто не думал о «богах», как о деньгах. «Боги» — билеты на праздник, который когда-то обязательно закончится, не более того. Ну-ну.

Там-же, на форуме Голоса Марса Агриппы, в последний день 751 года от основания Города, римлянам представили макет будущего Рима, города после реконструкции. Он вызвал, без преувеличения, дикий интерес. Пришлось вызывать вигилов и устраивать охраняемую очередь, иначе в толпе постоянно возникали драки — жители Вечного Города тянулись к прекрасному при помощи кулаков — привычным способом.

— Нашей инсулы тоже нет!

— И нашей!

— И нашей.

Всё старьё, не представляющее культурной, или исторической ценности, подлежало сносу. Риму предстояло не только расшириться за нынешние стены, но и вытянуться на юго-запад, к Остии, вдоль широкого и идеально прямого проспекта, по которому планировалось пустить трамваи на конной тяге. Пока на конной.

План перестройки был достаточно долгосрочным — две пятилетки, за это время больше полумиллиона жителей Рима сменят своё место жительства. Разумеется, была предусмотрена и замена свинцовых водопроводных труб стальными. Ацетиленовую газосварку уже «изобрели», производство шовных стальных труб теперь дешевле свинцовых, кроме того, что стальные водопроводы безвредны для здоровья, в отличие от.

Консулами 752 года от основания Города (1 г. до н. э.), Сенат во второй раз избрал Гая Цильния Мецената, покорителя Британии, награждённого к тому-же триумфом, и Луция Кальпурния Пизона. Преторами стали графы Маробод и Комосик; а Агриппа переизбрался городским эдилом, с продлением империума на полную перестройку Вечного Города.

Марк Випсаний Агриппа пока так и не разглядел потенциала «Банка Богов», но денег ему и без того хватало. Из торговли Рима с Востоком устранился крупный посредник — Парфянское царство. Главный торговый путь Восток-Запад, или Запад-Восток, если угодно, ведь именно с востока на запад уже переместился профицит международной торговли, теперь проходит через Империю Востока, Империю Марка Агриппы, через Восточные Ворота* (*современная Басра), Восточный Рим* (*бывший Иерусалим) и Кесарик Средиземноморскую. Интермодальный торговый маршрут, обеспечивающий до трети всех мировых сделок в этот момент, в ценах которых теперь присутствует доля Агриппы. Реально сумасшедшие доходы, что ему какой-то там банк с увлекательной, но всё-таки игрой в бумажные деньги...

В 752 году от основания Города, Счастливчик провёл Среднеазиатскую кампанию.

Империя Россия, Империя Публия Квинтилия Вара уже дотянулась да Урала по реке Чусовая, дотянулась до шкатулки, полной сокровищ. Сокровищ как природных-ископаемых, так и людских. Северные племена «лесников» охотно шли на контакт, шли служить в легионы, шли работать артелями на подряды, шли в милиционеры-вигилы и мелкий бизнес

— организацию сервиса. Племена охотно принимали культ Марса Победоносного, у всех у них имелись очень похожие высшие Боги, пусть и под другими именами, но главное ведь не имя, его легко исказить, а сама суть. Варварским аналогам Марса поклонялись вожди и воины, а остальных они сами поставили в стойло. Племенные вожди становились имперскими феодалами-баронами, их воины — рыцарями, а лесники — налогоплательщиками. Для всех них это был шаг наверх в цивилизационной лестнице. Широкий шаг, сразу через несколько ступеней, даже для налогоплательщиков. Даже они получили права, прежде всего — право справедливого Римского суда и защиты от беззакония-произвола.

В 752 году, требования к тиронам, пополнению в легионы, доросли до ста восьмидесяти сантиметров по росту. Доросли по росту новобранцев, ага. Северные лесные граждане Русской Империи пока проигрывали коллегам-соискателям из Республики вакантные места в легионах образованностью, но уже уверенно выигрывали эту конкуренцию в сантиметрах роста. Здоровенные парни и очень мотивированные, а математике-грамматике подучим в процессе.

Процесс прост и понятен любому, даже самому варварско-дикарскому обывателю. Легион — это система, производящая кадры для всех уровней власти. Даже рядовой легионер-дембель теперь становился в Империях рыцарем, он получал не только свой личный-собственный земельный надел, но и подконтрольную территорию с крепостными-лайт, с частью собираемых с этой территории налогов. Небольшой частью, пять-десять процентов, в зависимости от географии, но получал уже долю от результатов чужого труда. Всё по закону, всё регламентированно, всё нормировано, но очень привлекательно, даже для рядовых.

А уж если в службе повезёт, хотя бы до центуриона, то это уже баронский титул, с десятком вассальных рыцарств. Трибуны же получали право входа в ценз *Cursus honorum*. Входа с нижней ступени, с эдилов, не гарантированного входа, но это уже право на попытку. Вполне реальную попытку. Имперские графы Маробод и Комосик уже преторы, в сенаторских тогах. Да, стартовые возможности у них были гораздо лучше, чем у новобранца в легион, но повторить этот путь вполне реально. Рим ценит воинов-героев. Марс Победоносный их ценит.

В общем, Русская Империя Публия Квинтилия Вара стала местом призыва легионеров новобранцев от ста восьмидесяти сантиметров ростом, замотивированных, по самое не хочу; с неизмеримыми ресурсами сокровищницы Урала — от золота и драгоценных камней, до железной руды, мрамора, гипса и асбеста; с почти миллионом лайт-рабов-трудолюбивцев и реальной теперь перспективой расширения пределов до Тихого океана, до самого «Края земли».

Публию Квинтилию Вару это обязательно добавит недоброжелателей, но это его и только его личные проблемы в локации Вечный Город. Счастливчик пупом Земли Рим не считал. Столица суетливых италяшек, не более того. Город-музей. Культурная столица. Возможно, религиозная столица, но не промышленная, финансовая, или научная. Рим уже слишком избалован, слишком обнаглел в своих требованиях. Обнаглевший классический Рим должен быть разрушен. «*Roma delenda est*», да-да. Не нужны нам в светлом будущем эти «истинные римляне». Электорат паразитов. Давай, до свидания, италяшки, вместе с вашим Вечным Городом. Город мы весь выкупим и перестроим, а вы станете в нём обслуживающим

персоналом. обслуживающим наши интересы, или сопутствующим бизнес-сервисом. В любом случае, лакеями. Политика Римского Сената переводится в плоскость интересов императоров. Императоров, которым нужны лакеи-сенаторы. Но и для сенаторов — это шанс стать полезными хоть кому-то. Пока центростремительные силы тянутся к Агриппе. К Голосу Марса, всемогущему в мире людей, но Агриппа ведь не вечен. Он смертен и давно не молод.

Среднеазиатская кампания 752 года от основания Города началась ещё в феврале, выдвижением кавалерийских корпусов скифов, сарматов и роксоланов в степи, севернее Хорезма и Согдианы* (*древнее государство со столицей в Самарканде). Нашим вассальным кочевникам больше не нужно было охранять свои племена и стада, оставшиеся в глубине Русской Империи под защитой Римской армии, поэтому в поход ушли все воины, общим числом почти пятьдесят тысяч всадников, разделённые на три корпуса — их задачей было выманить главные силы противника на север и поводить их там до середины лета, уклоняясь от больших сражений. Задача вполне реальная, учитывая, что согдианцы и хорезмийцы будут искать кочевья, которых нет. Искать будут обязательно, раз здесь воины, значит и их кочевья со стадами где-то неподалёку, а кочевья и стада защищать придётся, придётся принимать бой. Никогда ведь раньше по-другому небывало, как тут догадаться, что такое впервые случилось?

Не догадались. В конце апреля, основные силы двух среднеазиатских царств ушли на север, «полевать» кочевников. Больше восьмидесяти тысяч воинов оставили свои царства и отправились ловить «ветер в поле».

Десятого апреля, из Квинтилии Гирканской* (*новый город в низовьях Волги), вышел флот из ста восьмидесяти совсем небольших парусно-гребных судов, размерности примерно с драккар викингов — такие-же длинные и узкие, быстрые и маневренные, с сорока вёслами и убирающейся большой мачтой. Малая мачта в носу, позволяла штормовать с небольшим косым парусом, и даже подниматься на ветер галсами. По части парусной оснастки и её использования, много идей подсмотрели у участников регаты. Теперь уже двух регат, мероприятие всем понравилось и стало ежегодным. Скоро и модным станет, спортивный отдых на яхтах. Хорошая мода, полезная, пусть будет.

Сто восемьдесят драккаров, сто восемьдесят пушек, сто восемьдесят центурий — по три когорты от каждого из восьми легионов, разумеется, в личном составе только иммуны и эвокаты.

Эвокатов* (*сверхсрочники в легионах, очень уважаемая категория военнослужащих) в легионах становится всё больше. Первый срок — пятнадцать лет, начинают служить в семнадцати-восемнадцатилетнем возрасте, в тридцать два-тридцать три они только выходят на пик формы, а тут и служба заканчивается. Естественно, Счастливчик первым делом принял меры, для удержания этих «волков войны» в легионах.

Римская армия и так была настоящим спецназом, но сборные когорты, отправившиеся на покорение Средней Азии — это вообще воинская элита элит. Двенадцать тысяч супер-легионеров, шесть тысяч дружинников графа Вадургариха, которых граф попросил пристроить подальше от Родины, и сто восемьдесят пушек на два огромных царства. Опять пограничных между Русской и Восточной Империями царства — кто первый захватит, тому они и достанутся.

Марк Корнелий Цек уже в Бактрии* (*современный Афганистан, юг Узбекистана и Таджикистана). Продвигается он неторопливо, большой армией из шести классических пехотных и шести кавалерийских легионов и с двадцатью тысячами ауксилиариев армян и арабов. Продвигается без особых тактических изысков, просто прёт как бульдозер, толкая перед собой тонны грунта.

Может себе позволить, совокупно, сил у него втрое больше. Пока больше. Из Бактрии открывается путь в Индию, придётся делиться легионами и наёмниками с Тиберием. Цек не торопится, он уверен, что восьми Русских легионов Вара не хватит для завоевания Хорезма и Согдианы. Там ведь только городов с каменными стенами десятков и ещё десятка два с глинобитными. Да и армия у кочевников очень солидная, под сто тысяч отличной кавалерии. Всё так, всё так. И городов много, и армия отличная.

Отличная армия вернулась к бывшим своим городам в середине июля, когда они уже приготовились к обороне. В столицах, Тапраке и Самарканде отбивать штурмы приготовились по пять тысяч легионеров и германских дружинников и по пятьдесят пушек, до поры замаскированных.

Отличные армии вернулись, спешили, оставили своих лошадей под охраной двух пятитысячных отрядов, и принялись мастерить лестницы. Когда они подступили к стенам, ударили наши кавалерийские корпуса, мгновенно разгромив охрану табунов, а из городов ударили пушки. Отличные армии предпочли сдаться в плен. Нет, они не трусы, просто шансов на победу теперь не имелось совсем никаких. Боги отвернулись от них. А умирать, когда на тебя не смотрят Боги? Бесславно и бессмысленно?

Шатругна Маурья, раджа княжества Магатхи, последнего осколка некогда могучей Империи Маурьев, был бездетен. Ни одна из его многочисленных жён и наложниц, так не понесла от него потомство. Шатругна не стал становиться на путь просветления, как становились многие поколения его предшественников, начиная с самого Будды Ашока, первым повторившего путь Будды Шакьямуни. Шатругне больше нравился путь кшатрия, каким тот описывался в древних ведах. Но полководцем он тоже оказался несостоятельным, как и отцом. Три начатые им войны были бесславно проиграны, всё его владение съёжилось до размера островов дельты Улхаса.

Только не думайте, что Шатругна предавался унынию, каноническому кшатрию такое занятие и в голову прийти не может. Нет, Шатругна искал ВЫХОД, и верил, что обязательно его найдёт. К рассказу своего очень дальнего родственника Даратхи, раджа отнёсся со всей серьёзностью, хотя выводы, конечно, сделал совсем другие, чем его блаженный родственник.

Ведь истинный кшатрий и ищущий просветления мыслят совсем по-разному. Даратха думает, что нашёл нового Будду, пускай ему убогому. Им везде Будды мерещатся, а нашёл он, судя по всему, новую земную инкарнацию Шивы, почитаемого на западе, как Марса Победоносного.

Жаль посоветоваться не с кем, ни одного правильного брамина не осталось. Раджа отвлёкся от рассуждений и посмотрел на дальнего родича. Блаженный где-то отсутствовал, на ковре сидела только его тощая тушка, закатившая глаза в потолок. Шатругна отвесил ему лёгкую оплеуху.

— Очнись чучело, я тебя ещё не отпускал. Давай-ка снова, поподробней, и только факты.

Даратха плавным движением глаз опустил взгляд на ковер, и нараспев начал по новой: — по пути паломничества попал к пиратам, те продали его в рабство парфянам, а парфяне ромеям. Или подарили, тут не очень понятно. Ромеи же отнесли к этому чучелу... отнесли как... Как к кому? Как к послу? Сначала с почётом отвезли его в Рим, а потом долго везли на полночь, где он и встретил Шиву.

Там холодно и почти всё время снег, видимо высоко в горах, но почему-то плыли туда

на кораблях по большой реке и по течению. Так не бывает, видимо убогий что-то перепутал, в гору река течь не может. Какая досада, что этим пиратам попался не нормальный человек, а это недоразумение. Итак, встретил он Шиву, принял Шиву за Будду. Ещё бы, Шива ведь не может в земной жизни не быть Просветлённым. Шиве понадобились учителя языков и обычаев стран Востока, но Даратха для этого не сгодился.

Однако, Шива убогого не убил, а обласкал и отпустил. И это недоразумение вернулось ко мне. Ко мне! Потому, что он мой родственник, а попался бы пиратам нормальный человек, ещё неизвестно, отпустили бы его, или нет.

Раджа взглянул на дальнего родича уже с некоторым интересом, надо его при себе держать. Итак, ромеи теперь очень близко, теперь не нужно огибать Аравию, проклятое разбойничье гнездо, теперь... Даратха закончил свой рассказ-молитву и снова закатил глаза. Раджа щёлкнул пальцами подзывая раба.

— Это мой дорогой родственник. Пусть его устроят во дворце и заботятся о нём. Никуда без моего ведома не выпускать!

Сяоай Ди, Тринадцатый Император династии Хань, слушал доклад чиновника-евнуха, стоящего за шёлковой ширмой.

Беспорядки на западных границах, из западных степей прут кочевники, теснимые каким-то сильным кочевым народом от варварской Империи Ромеев. Сильный кочевой народ с ромеями в союзе, он многочисленный и очень воинственный. Богатый народ — у их воинов отличные лошади и стальные доспехи у всех воинов, даже у конных лучников, самой лёгкой кавалерии, а есть ещё и тяжёлая — копейщики, у этих даже кони в доспехах, их удар не выдерживает никакой строй — они проламывают по двенадцать шеренг, поэтому кочевники побежали от этих военных чудовищ на запад, породили волну, уже докатившуюся через все бескрайние степи до Поднебесной Империи Хань.

Новый кочевой народ родился от союза трёх племён, раньше враждовавших друг с другом, но примирившимися и породнившимися по воле Римского Бога.

Очень упорные слухи о появлении в закатной Империи варваров-ромеев инкарнации одного из Богов, в образе непобедимого Воина, который вскоре покорит весь Мир. Ходят упорные слухи, что корабли ромеев доходят уже до устья Меконга. Они уже очень близко!

Из закатной варварской Империи Ромеев, в последнее время, привозят очень много необычных диковин, а ещё больше удивительных слухов. Возвращаются из рабства купцы, которых ромеи купили в Парфии, чтобы учить ханьский язык, а потом отпустили и даже наградили. На свои награды, купцы купили ромейские диковины, и сделали себе на этом неплохие состояния. Очень выгодно побывали в рабстве, теперь вся Империя Хань это обсуждает.

Об отправке посольства к западным варварам не могло идти и речи, на такое унижение собственной чести Император пойти не мог, за это его собственные подданные растерзают, но и оставлять без внимания такую удивительную страну было очень неразумно. Вот если бы они сами прислали посольство...

— Позови Мао Ли. Сам свободен.

Император Сяоай Ди не знал, что жить ему оставалось меньше года, он планировал править ещё долго, правильные отношения с ромеями считал очень важными, поэтому отправил с тайной миссией своего лучшего человека.

Наместником Средней Азии, Германик Август Феликс назначил Флавия Лаэция Метелла, трибуна-латиклавия «Четвёртого Македонского», две кампании служившего начальником штаба всей армии. Отличный офицер, древнего, пусть и разорившегося рода, Флавий вдохнёт в свой род новую жизнь. После Среднеазиатской кампании, богатство он уже вернул, осталось вернуть влияние. Послужит пару лет имперским наместником-легатом для ценза, и начнёт политическую карьеру. Сразу с претора начнёт, сразу с сенаторской тоги. Не выберут? Ещё как выберут, даже влияние Агриппы не потребует применять, всё сделают газеты. Никто из отцов-сенаторов не рискнёт злить Мецената, ведь газеты, как считается, выражают именно его мнение. Быть Флавию консулом и герцогом, отличный жених для Ливиллы. Старшей из сестёр Германика уже двенадцать, вот через пару лет о помолвке и объявим. Такие родственники нам очень нужны, чем ближе родство — тем лучше.

Новым трибуном-латиклавием «Четвёртого Македонского», Счастливчик назначил примипила Секста Гигната. Уже неприлично такого состоятельного человека в примипилах-майорах держать. Новым примипилом самого легендарного легиона Рима, стал Гай Страбон. Тот самый тирон из Таррента, пообещавший Гигнату стать героем и примипилом. Стал и стал очень быстро, сам Гигнат двадцатилетнего центуриона всего с полугодовым стажем командования, в примипилы и рекомендовал. В Среднеазиатской кампании, центурион Страбон проявил себя лучше всех. Молодой, всё новое впитывает как губка. Уже легенда. Ещё бы — такая головокружительная карьера — всего за три года в старшие офицеры самого «Четырнадцатого Македонского», родного легиона Голоса Марса Агриппы. Риму нужны такие герои.

Рим, конца семьсот пятьдесят первого года, был охвачен патриотически-милитаристским угаром. Новости о победах приходили чуть ли не каждую неделю, со всех сторон света — Британия, Восток, Россия, Африка, Индия...

Вышли книги «Аннексия Месопотамии», «Боспорская-Понтийская война» и «Русская кампания», в формате, аналогичном изданию «Германской войны»: снова рапорты, карты, схемы. В моду, в очень консервативном, в плане одежды-обуви, Риме, вошли новые легионерские сапоги. «Фирменные», производства Германского Рима, достать было очень трудно, они поставлялись только в армию, но в подделках, довольно неплохого качества, зимой ходила почти вся молодёжь «призывного» возраста. В сапогах, штанах и куртках.

Да, сапоги и штаны, а куда деваться? В калигах по снегу не походишь, хоть десять обмоток накрути, а детородный орган и десятью туниками на морозе не сбережёшь. Легионам новая форма одежды понравилась, а именно легионеры теперь законодатели мужской моды. Особенно из легендарных Русских легионов, которые захватили за три года территорию большую, чем вся Римская Республика. Все «медиа звёзды» армии служат в России и творят чудеса — совершают марши и воюют до минус двадцати градусов по Цельсию, когда лёд на реках и озёрах намерзает под метр толщиной. Ну как таким суперменам не стать законодателями зимних мод? В Риме зимой совсем не жарко, между прочим, заморозки на рассвете — совсем не редкость, и чего выпендриваться в туниках? Глупо же смотрится. Предки так одевались? А ещё раньше, они одевались в почти необработанные звериные шкуры, и что? Одежда должна быть удобной и подходить по сезону, а красивой её сделать несложно. Красота — понятие очень условное, особенно в одежде. Красоту можно назначать.

Но не одним мужчинам, конечно, и у женщин появились обновки — меховые накидки, стилия «Октавия». Разумеется, в них сразу укрылась вся Римская бабья знать. Такие красивые меха — это трофей наших воинов. Слава доблестной Римской армии, ага.

— Лучшее фалернское для ветеранов!

Зазывалы кабаков срывали голоса, заманишь ветерана — полный кабак соберётся его послушать, а уж если нескольких, да чтоб ещё и поспорили...

Мальчишки мечтали служить в легионах и маршировали по улицам насвистывая легионные марши-гимны, теперь у каждого из восьми «русских» легионов имелся свой собственный гимн-марш. Самая любимая сейчас музыка в Риме.

На Марсовой неделе, в Сенате единогласно приняли новые законы — «О Религии Марса Победоносного» и «О Марсианской церкви».

За авторством Голоса Марса Агриппы уже вышла книга «История Людей». История развития человечества от полной дикости до немыслимых высот цивилизаций Атлантиды и Гипербореи; их конфликт, страшная война, снова отбросившая человечество во тьму, а Атлантиду и вовсе погрузившую на океанской дно. Часть гиперборейцев выжила, сохранила отношения с Марсом Победоносным, веру в Его могущество, с неё и начался Римский Ренессанс, эта вера и эти отношения с Марсом Победоносным — главное достояние Рима. Где Марс — там Рим, где Рим — там Марс.

Книжка получилась объёмная, интересная и указывала правильный путь. Как только в Атлантиде перестали чтить Марса, купившись на посулы чужих Богов, так ей конец и настал. Как только Александр Великий принял Восточных Богов, так и его время закончилось, вместе со всей Эллинской цивилизацией. Марсианство — наше всё, оно должно воссиять, тогда Боги дадут нам знания — что нужно делать дальше. Знания самого Создателя, знания о целях и задачах Римского Мира во Вселенной.

Эпические военные приключения, с элементами боевика, триллера, драмы и толикой размышлений. Такую религиозную литературу с удовольствием будут читать ещё в детстве и всю жизнь перечитывать, выискивая новые смыслы.

Верховный понтифик, Германик Август Феликс, теперь глава Марсианской церкви, структуры полувоенного типа, с вертикальной системой управления, собственным церковным судом и огромным бюджетом, получил собственную сенатскую фракцию из двадцати жрецов-сенаторов и право вето назначений. В том числе и проконсулами. Не все они угодны Марсу Победоносному. Это посильнее, чем право вето на принятие новых законов, положенные Счастливчику, как Народному трибуну. Законы — законами, а тут уже непосредственная кадровая политика. Сталин именно с этого начинал строить светлое будущее.

Часть вторая. Vox Martis et Nova Era* (*Голос Марса и Новая Эра)

Тридцатого декабря* (*новый Римский календарь, соответствует 25 декабря по старому стилю) 752 года от основания Города, в грязной таверне грязного захолустного городка Назарет, сидели трое. Мелкие розничные торговцы маслом, тканями и специями, поселившиеся в городе всего семь, или восемь лет назад, но после мятежа иудеев, и такие жители уже считались в Назарете почтенными старожилками.

Три клиента Гая Цильния Мецената, торговлей они занимались исключительно для легенды, их основной задачей было наблюдение за одним из местных плотников, Иосифом. Наблюдение, а при необходимости, и помощь. Разумеется, эти трое давно считались Иосифом добрыми приятелями.

Сегодня эти трое праздновали рождение ребёнка, сына Иосифа. Праздновали без Иосифа, в своём узком кругу. Сегодня родился ребёнок, за которого они получают очень щедрые вознаграждения за все семь с половиной лет службы в этой вонючей дыре. Теперь нужно этого Иосифа аккуратно собрать и вместе с семьёй перевезти в Британский Рим. У патрона на этого иудея и его сына какие-то планы, то уже не нашего ума дело — что это за планы и откуда он всё знал заранее. Осталось уговорить Иосифа.

Трое решили с этим не откладывать, они взяли вина, закусок и пошли поздравлять, заодно уговаривать дорогого приятеля на эмиграцию в Британию. Других волхвов в каморку плотника Иосифа не навещалось, Вифлеемская звезда тоже не взошла.

На выборах консулов 753 года от основания Города (1 года Марсианской эры), Верховный понтифик поинтересовался у кандидатов в соискатели проконсульских кормушек после исполнения консульского ценза — как именно они собираются этот ценз на Пути Чести пройти? Ведь Мавретания, где не чтят Марса Победоносного злокозненные варвары, это, между прочим, территория ответственности Римского Сената, ответственности, в том числе, за Марсианство, то есть, за благосклонность к Риму самого Марса Победоносного. Что намерены предпринять, в связи с этим, уважаемые кандидаты в консулы Рима? Чем они собираются порадовать нашего божественного куратора. Есть ли у них план богоугодной военной кампании? Они вообще зачем в консулы лезут?

Агриппа вволю поухмылялся и предложил уполномочить империем на завоевание Мавретании, и наведение там истинно Марсианского порядка, самого Германика Августа Феликса Тиберия Клавдия Нерона, Верховного понтифика, ветерана четырёх успешных военных кампаний, в двух из них проявившего себя в качестве блистательного полководца. Чем не консул? Ценз? На то вы и законодатели, чтобы такие очевидные назначения законно проводить. Сами решайте — кого из своих кандидатов сдвинуть на будущий год.

Агриппа очень высоко оценил Кавказско-Меотидскую и Среднеазиатскую кампании Счастливого. Оценил комплексно, не только боевые действия, они логичны для человека с двухтысячелетним опытом человечества, накопленного в ещё не случившихся здесь войнах. Так там уже воевали, а вот создание подразделений, для решения задач такой сложности, когда центурии отрабатывают за целые когорты, Марк Агриппа оценил.

Такая Римская армия ему очень понравилась. Особенно «Четвёртый Македонский», который роднил их с Германиком Августом Феликсом, посланцем из будущего, ближе, чем

его помолвка с Агриппиной-младшей. Брак — это расчёт. А «Четвёртый Македонский» — это любовь. В хорошие руки попал легион. В хорошие руки попадёт и Рим.

На своей консульской печати, Счастливчик распорядился вырезать пятиконечную звезду Марса Победоносного и год — Первый год Марсианской эры, а своё титулование и именование сократил до короткого «Феликс». Просто Феликс. Именно так назвал его сам «кузнец», чего же боле?

Империи подчинил Феликсу шесть «германских» легионов, числившиеся до поры за Меценатом и «Четвёртый Македонский» с «Тринадцатым Парным», с возмещением всех расходов на их содержание в течении трёх лет. Вот так правильно делается политика, так научил нас мудрый Гай Меценат. Расходы посчитали, Счастливчик предложил устроить всё за половину суммы, но сразу и в золоте, по текущему курсу десять к одному.

Золотые монеты в денежный оборот Рима не запускали, поэтому золото лежало себе таким... хоть и ценным, но бесполезным активом, так что сделку отцы сенаторы сочли удачной.

Взамен «Четвёртого Македонского» и «Тринадцатого Парного», Счастливчик передал тестю, Публию Квинтилию Вару, «Второй Августов» и «Седьмой Клавдиев», имеющие отличный опыт «выпаса» Трудовых армий и имперских ферм крепостных-лайт. Их опыт, для Вара сейчас ценнее военного. Все военные задачи решены на долгие годы вперёд, до броска на империю Хань, через огромную пустыню Такла-Макан, а больше миллиона трудармейцев-рабов-лайт нужно организовывать уже сейчас. Это ведь такие колоссальные деньги... С каждого раба-трудармейца можно вдвое получать, если по уму всё устроить, как в Империи Германия.

Агриппа в третий раз подряд переизбрался в городские эдилы, перестройка Рима шла полным ходом. Рим, Вечный Город Марса Победоносного, увековечивался в памятник, в огромный и бесценный музейный экспонат. Из-за стен исторического города массово выводились обнаглевшие мещане и до безобразия расплодившийся люмпен. Очень деликатно выводились — владельцам городской недвижимости, всех этих уродливых многоэтажных инсул из исторического центра, выплачивалось по полторы кадастровых стоимости зданий и участков, но вдвое меньше текущей рыночной цены. И попробуй теперь это оспорь. Начинать ведь придётся с признания в мошенничестве...

Никто ничего исторически важного срывать не собирался. Даже, ненужные, в качестве военных сооружений, стены останутся. Стены Рима — это памятник, который мы будем вечно беречь и ремонтировать, чтобы показывать потомкам эту реликвию, а вот вместо восьми ворот, будут устроены триумфальные арки, в честь великих побед. В исторический Рим теперь будут попадать не через ворота, а под арками триумфаторов Марсианской эпохи, соратников и сподвижников самого Голоса Марса Агриппы.

На стыке 752 и 753 годов от основания города, впервые за пять лет, собрался «Марсианский комитет» в полном составе. В новом составе, с заменой Друза Германика на Германика Августа Феликса.

Военные успехи самого молодого из императоров впечатлили всех, особенно Среднеазиатская кампания — её разбирали целый день, во всех подробностях — от конструкции «драккаров», до полевого применения пушек, в качестве коллективного оружия центурий.

— Совсем другая война, — подвёл итога Тиберий, — для неё нужны совсем другие

легионы, легионы иммунов, которые будут заниматься только боевой подготовкой.

— Так и будет, — согласился Агриппа, — нам придётся делить армию на боевые легионы и на тыловые. Тыловые легионы начального срока службы. Скажем, года три. Через три года уже понятно — кто на что годен, вот и будем пополнять боевые уже проверенными и подготовленными кадрами.

— Пусть это будут не легионы, — предложил Счастливчик, — а какие-нибудь полки, или бригады подготовки легионеров. Без собственных орлов. Достаточно будет вексиллумов* (*знамён), как у когорт боевых легионов.

— Толково, — оценил идею Тиберий, — получится что-то вроде учебных когорт, общих для всех легионов. Три года подготовки к двенадцатилетней службе... таких когорт потребуется сотни полторы.

— Если все окажутся годными к службе в боевых, то где-то так — посчитал Максим — но ведь не все такими окажутся. Да и смысл теряется, если всех поголовно в легионы потом зачислять. Должен быть выбор лучших и отсеив неудачников, так что таких когорт потребуется сотни три.

— Три, так три, — подвёл итог Агриппа, — бездельничать они не будут. Куда мы будем девать не сгодившихся? Об этом нужно сразу подумать.

— Милицию нужно организовывать, — предложил Феликс, — лично меня, в Германской Империи нынешние вигилы не устраивают. Нужна структура армейского образца, которая будет управлять Трудовыми армиями и контролировать арендаторов. При необходимости — подавлять местные бунты, для этого пушки не требуются. Нужны милиционные внутренние войска. Они нам обойдутся гораздо дешевле боевых легионов.

На этом заседании наметили проведение уже второй военной реформы Марка Агриппы. Императоры были в праве создавать любые воинские подразделения у себя в Империях, но сочли необходимым провести реформу через Сенат, освятить её Гением Рима. Городить отсебятину, почтенные императоры сочли варварством. Наверное, это правильно. Пусть будет закон, пусть милицейские внутренние войска комплектуются не местными, как вигилы, а служат попавшие по распределению. Местные вообще хуже служат.

Служба вигилов сейчас — это своего рода кормушка, на службу они выходят в свободное от ведения хозяйства и бизнеса время. Утрирую, конечно, но бизнес есть у всех. Вигилы — это «крыша», это коррупция и прочие непотребства. Оборотни в погонах.

Их полукриминальная деятельность давно контролируется Службой Внутренней Безопасности, поэтому известно об этих оборотнях всё. Это только кажется, что вигилы почти бесправны — стены защищать, пожары тушить, да ночью за порядком на улицах приглядывать. Приглядывать тоже по-разному можно. Убийство, при задержании нарушителя ночного порядка, чрезвычайным происшествием не является. Сопротивлялся — замочили, чего с ним цацкаться? В общем, сила есть, а монетизировать её местным не сложно. Вот и получается, что они внутренний порядок больше нарушают, чем охраняют. Про боеспособность, как защитников города, даже упоминать не стоит.

Милиция тоже не ангелами безгрешными комплектоваться будет, в «бизнес» она обязательно войдёт, при любой ротации кадров, структурно войдёт — кто порядок охраняет, тот с него и имеет, но контролироваться их деятельность будет гораздо строже. Раз структура армейская, то и порядок в ней наводится военными трибуналами, без адвокатов. В общем, хоть что-то, ничего идеального люди создать не способны. Эти хоть боеспособны будут, хоть мятежи давить сами смогут, без помощи боевых легионов.

Рим, через Империи Востока и Африки вышел в Индийский океан. Индийский океан — это примерно половина торгового оборота всего мира. Меценат предложил бизнес — страховую компанию нового типа. Продажу торгашам патентов на право прохода в наших водах. Патентов и вымпелов на мачты. Кто их не имеет — пират. Нет, сами мы в таком случае не пираты, мы там законная власть, а у законной власти — и цели законные, и методы.

Согласились. И на общий имперский флот, и на страховую компанию. Первым командующим имперским флотом назначили Павла Фабия Максима, он в развитии флота заинтересован больше других, его Империя вся за океаном, у Британии хоть что-то рядом, есть с чего начать, а у Максима всё далеко, по ту сторону Индийского океана. Доходы страховой компании решили пока направлять на строительство и развитие флота и на содержание специального училища военных моряков, в которое направлять значительную часть начинающих службу трибунов.

В феврале семьсот пятьдесят третьего года от основания Города, Счастливику Майклу О Лири исполнилось пятнадцать лет в новом теле. В теле Германика Августа Феликса Тиберия Клавдия Нерона-младшего. Пятнадцать — не юбилей, но итоги третьей пятилетки подвести можно.

Блистательный Голос Марса Марк Випсаний Агриппа сумел избежать установления в Риме абсолютизма Принципата — диктатуры Принцепса, как это произошло в другой истории при Октавиане Августе. Рим остался Сенатской Республикой, действительно самоуправляемой республикой, во внутренние дела Сената, Принцепс не вмешивался, а если и предлагал законы и реформы, то действительно нужные, их и без Агриппы поддержало бы подавляющее большинство отцов-сенаторов

Республика прилично приросла территориями. Проконсульскими сенатскими провинциями за это время стали: — Лузитания, Терраконская Испания, Бельгика, Лунгдунская, Трансальпийская и Аквитанская Галлии; Реция; Норик; Далмация; Мезия, Паннония и Тракия в Европе; Галатия, Киликия и Каппадокия в Малой Азии; Сирия в Азии Египет в Африке; которые сенаторы разделили на двадцать две проконсульские кормушки для следующих по «Пути Чести» (Cursus honorum) — карьерной лестнице Римской элиты.

Двадцать две провинции, спокойных и законопослушных, как сама Италия, богатеющих, наращивающих производство и выплату налогов на пятнадцать-двадцать процентов ежегодно, и все эти налоги поступают в казну Сенатской Республики, в распоряжение Сената, избавленного, к тому-же, от большей части бремени содержания армии. И все эти деньги Сенат расходовал по своему разумению, Принцепс, Голос Марса Агриппа, в это принципиально не вмешивался. Отцы-сенаторы делали состояния на бюджетных заказах, но пусть им. Самых наглых и жадных Гай Меценат через газеты вразумляет и ладно, так даже обиднее получается — сразу на суд толпы попадает. Толпа ведь считает, что это у неё украли. Сенат доволен Агриппой, Агриппа доволен Сенатом

Имперские земли развивались ещё быстрее. Экономика в Германской и Русской Империях начиналась с низкого старта, поэтому растёт она быстрее, примерно по тридцать процентов в год

Отслужившие легионеры по-прежнему получали наделы земли — для этого создали кадастр оценки. Хочешь надел в самой Италии? Нет препятствий, получишь участок в четыре гектара, который выкупит для тебя армия. В Галлии, Сирии и Испании по десять, а

вот в Империях уже по сто и даже больше. Плюс статус феодала — рыцаря, или барона, в империи этот статус выше, чем у римских граждан. А ведь в Империях теперь так же спокойно, как и в самой Италии, да и император о своих ветеранах заботится — куда там тому Сенату, для него все легионеры чужие. Вот и формируется потихоньку феодальная структура из отслуживших легионеров.

Не только из легионеров. Германцев из бывшей дружины графа Зеландии, Вадургариха, тоже. Полторы тысячи из них осели младшими феодалами — баронами и рыцарями в Меотиде, а три с половиной в Средней Азии. Осели на землю военнообязанными «национальными гвардейцами», точнее, имперскими гвардейцами. Их организационную структуру, Счастливчик позаимствовал в «Национальной гвардии США» из несостоявшегося будущего двадцатого века. Теоретически, их в любой момент можно призвать и бросить затыкать дыру в горящей точке, но практически, это уже обыватели. Так нужные нам сейчас, для развития экономики, обыватели. И в Меотиде, и в Средней Азии, они имеют даже больше прав, чем римляне. Например, курии имеют право создавать только феодалы, а курия — низовой орган управления, с довольно широким кругом полномочий и бюджетом, формирующимся из доли налогов

Дома, в графстве Зеландия, эти германские дружинники обязательно стали бы большой проблемой графа Вадургариха, а в Меотиде и Средней Азии, они — высший средний класс из «понаехавших», самая надёжная опора высшей власти. Элемент непосредственного управления, да ещё и на полной самокупаемости. Они сами обеспечивают лояльность контролируемых территорий, а потому обстановку не нагнетают. Они теперь хозяева, они больше всех заинтересованы в мирном развитии, но имеют военную организацию. Зажиреют, конечно, но опыт всё равно не пропьёшь. Столько опыта точно не пропьёшь. Тем более, с таким имперским наместником — легатом Флавием Лаэцием Метеллом, будущим владетельным наследным герцогом Средней Азии.

Революционно изменилась мода на одежду. Туники зимой больше никто из мужчин не носит, в обиход вошли сапоги, штаны и куртки, а в моду меха. Меховые мужские плащи, причём, как мехом внутрь, крытые тканью, так и наружу — стиля «Варвар». И ведь не только в Риме, где иногда бывает действительно холодно, покупали меха, но и в Египте с Месопотамией. Мучились от жары, бедненькие, но мода — есть мода. Нужно всё как в Риме.

Тренды в мужской моде, понятно, задавали военные, в том числе и высший командный состав — Агриппа и императоры; а в женской, изобретательницей стилей, законодательницей и непререкаемым авторитетом стала бабушка-Октавия.

С бабулей Германик Август Феликс действительно сдружился и очень любил беседовать. Эти беседы помогали избежать ошибок, которые обязательно совершил бы в консервативном, патриархальном обществе пришелец из будущего. Они помогали понять психологию и мировоззренческую философию общества в целом и его отдельных представителей. Особенно женщин, которые вроде и прав-то никаких в этом обществе не имеют, но влиянием пользуются огромным.

Да и её рассказы из жизни были очень интересными. Эпоха-то какая! Какие люди! Цезарь и Помпей, Марк Антоний и Цицерон, Октавиан и Клеопатра. Гражданские войны проскрипции, угасание древних родов — и всё с подробностями, с тонким пониманием ситуации и мотивации тех, или иных поступков. Мудра бабуля. Мудра, умна и трезва. В меру цинична, в меру саркастична, а в общем...

— Твои воспоминания обязательно нужно издать книгой. Гарантирую, что это

получится бестселлер на века. Он обессмертит твоё имя.

— Что такое бестселлер?

— Это вроде твоих манто из соболя, только в литературе. Всем к этому хочется приобщиться. Займись, пожалуйста. Должен буду.

— Хорошо, займусь. Должен будешь, — улыбнулась Октавия, — я напому.

Главной сложностью Мавретанской кампании было отсутствие организованного противника. Наш, признанный Римом царь Мавретании, Юба Второй, римский гражданин воспитанник Рима, получивший отличное образование, в Риме и жил, а в Африке контролировал только один город — Кесарию (Иол). Считалось, что контролировал, какие-то налоги он оттуда получал. Не собирал, а именно получал — сколько сами дадут, столько и дадут. Остальные города его фиктивного царства: Волубилис, Ликсус, Тамуда и Тингис даже не пытались делать вид своей подчинённости римскому ставленнику. Не было в Мавретании власти, полная анархия, города меняли хозяев чуть ли не каждый год. Даже не хозяев меняли, а «крышу» от различных банд кочевых племён.

Зато у Юбы Второго имелись люди, отлично знающие местность — проводники ко всем оазисам и колодцам в пустынной глубине территории. Много колодцев и оазисов в Мавретании, потребуются два полных легиона только на их контроль в течение года. Ещё два — на захват и наведение Марсианского порядка в городах побережья. И тысяч шесть кавалерии для охраны обозов. Всё это на год. Без воды, год в пустыне не проживут даже самые сильные из берберов и их верблюдов — придётся либо покоряться, либо откочёвывать на юг, где их добром никто не встретит, либо умирать, атакуя укреплённые лагеря римских легионеров с артиллерией в оазисах.

Шесть тысяч всадников племенного союза скифов, роксоланов и сарматов, союза, уже получившего название Русского народа, шесть тысяч самых именитых, самых породистых, с младшими сыновьями вождей в качестве офицеров, на лучших лошадях и в лучших доспехах; лучших воинов своих племён, ещё в феврале начали свой переход из причерноморских степей в Испанию. Идут они не спеша, в расслабленно-туристическом темпе, но к августу в Новый Карфаген придут, а раньше и не нужно, слишком жарко раньше сентября в Африке.

Из пехоты, кроме «Четвёртого Македонского» и «Тринадцатого Парного», Счастливчик привлёк два, ещё не имеющих боевого опыта, легиона: «Тридцать пятый Маркоманнский» и «Тридцать шестой Дакийский», сформированных ещё по приказу папы-Друза, уже после Германской войны. Удерживать позиции в оазисах и у колодцев они смогут, а большего от них и не требуется. Какой-никакой, а боевой опыт получают. Раз уж они попали в список пятидесяти четырёх старых (боевых) легионов — должны этому высокому званию соответствовать. Хоть раз попасть в газеты, хоть чуть-чуть свой рейтинг приподнять, папе-Друзу, на том свете, это наверняка будет приятно.

Германских дружинников, у Счастливчика осталось чуть больше тысячи, но это те, кто пожелал служить ему до самой смерти. «Волки войны». Эти, правильную смерть ценили гораздо выше земных ценностей. Для них всё в жизни проходящее и суетное, только смерть — вечная ценность.

Для них, правильно погибнуть — главная задача воина в этой жизни. А правильно — значит не только храбро, но и славно. Славно — значит в победах. В поражениях — как не геройствуй, а всё равно ты неудачник, Боги на тебя не смотрели, не увидели они твоего подвига, в вечность ты уйдёшь проигравшим неудачником. Погибать нужно в победных сражениях, платя своей жизнью за Великую Победу и Вечную Славу. А где воинов ждут самые славные победы? Правильно, под командованием самого Верховного понтифика, уж на него-то Боги смотрят всегда.

Самые натуральные религиозные фанатики Марса Победоносного, как бы они нашего Марса не называли по-своему, по-варварски. Уже очень богатые, они искали главный приз этой жизни — славную и правильную смерть. Они составили батальон резерва Ставки. Батальон быстрого реагирования для затыкания критических дыр, если такие вдруг возникнут. Этим можно отправить на сдерживание целой армии, эти не отступят. Пригодятся. Каждый может принести пользу, только будучи употреблённым (потраченным) на своём месте.

Юба Второй счёл привлечённые силы: чуть больше двадцати тысяч пехоты и шесть кавалерии совершенно недостаточными для покорения такой огромной территории, как Мавретания, тем более за такой короткий срок, но Юбины оценки не значили для Счастливчика ничего, а вот назначение Агриппой в его штаб Гая Юлия Цезаря Випсаниана и Луция Антония Випсаниана значили очень многое.

Принцепс, Марк Випсаний Агриппа, усыновил детей своей второй жены — Клавдии Марцеллы Старшей — Юла Антония-младшего, Луция Антония и Юллу Антонию, от казнённого за заговор, Юла Антония-старшего, одиннадцать лет назад, когда ещё не был признанным Голосом Марса. Добавил внуков своего великого врага, Марка Антония, к восьми своим, родным детям, от трёх жён. Добавил и не пожалел. Пока не пожалел.

В Луции, который одно время воспитывался папой-Друзом, точно возродился дух его легендарного деда — Марка Антония, соратника и ближайшего сподвижника Гая Юлия Цезаря. Отдохнул дух легендарного воина и полководца на его непутёвом сыне-Юле, и возродился во внуке.

К своим двадцати двум годам, Луций Антоний участник трёх победных кампаний, в которых проявил себя с самой лучшей стороны, он уже два года легат и командующий армией в Белуджистане, такой-же пустыне, как большая часть Мавретании. Со своим двоюродным братом, Луцием Антонием, Германик Август Феликс пересекался во время Боспорско-Понтийской кампании Публия Квинтилия Вара, и с тех пор поддерживал приятельские отношения. Родственные, конечно, но родственники ведь тоже делятся на приятелей и не очень. Луций стал приятелем.

Как приятелем стал и Гай Юлий Цезарь Випсаниан, старший родной сын Агриппы, тоже воспитанник папы-Друза и тоже кузен, но уже со стороны Октавиев-Бальбов-Атиев. Гай начал служить после Германской кампании, но опыт он тоже уже получил немалый, именно он, личный ученик первого артиллериста и ракетчика Вара, командовал всей артиллерией Марка Корнелия Цека в Бактрийской кампании. Артиллерия там себе особой славы не снискала, но и не опозорилась — все, поставленные Цеком, задачи, Гай выполнил отлично. Не его вина, что задачи не соответствовали боевому потенциалу вверенных ему сил. Научится. Научим. Этим этому научим. Они уже тем ценны, что добрые приятели.

С «южным императорским пулом»: Тиберием, Агенобарбом и Максимом, отношения у Счастливчика складываются ровно-прохладные. Деловые отношения, не более того — только бизнес и ничего личного. Тем важнее получить надёжных союзников из клана Агриппы. Для будущего важнее. Для будущего, которое наступит уже после Великого Агриппы. Оно ведь обязательно когда-то наступит.

К июню 753 года от основания Города, форумы Голоса Марса Агриппы, в Римском формате — с Гостиными дворами, Гипермаркетами, казино, агентствами недвижимости и промышленных заказов и отделениями «Банка Богов» работали уже в трёхстах с лишним

населённых пунктах Римской Ойкумены — во всех крупнейших городах Республики и Империй.

Серебро продолжало стабильно обесцениваться со скоростью полпроцента-процент в месяц и его теперь все старались как можно быстрее конвертировать в «Богов».

В ноябре прошедшего, семьсот пятьдесят второго года, в обиходе появились монеты «Банка»: «бахусы» — одна десятая самой мелкой «купюры» «сатурна», и «сатиры» — одна десятая «бахуса». Монеты из нержавеющей стали, с идеальной геометрией, насечкой по гурту и очень качественным тиснением, весом в один и десять граммов.

Удобные расчётные средства, да ещё и постоянно дорожающие к серебру, приняли очень быстро, не могли не принять. В «Богох» начали объявлять цены. Сначала на крупные сделки, а потом и на мелкую розницу. К июню 753 года, дошло до того, что серебро отказывались принимать даже в лупанариях.

В июне, оплаты в «Богох» потребовали армии императоров «Южного пула». Тридцать четыре легиона и сорок тысяч ауксилиариев. Надоело армии молча завидовать морякам.

— ...серебро обесценивается, ребята ворчат, — Агриппа недоумевал, — Как такое вообще может быть? Это какое-то колдовство?

— В общем — да, — улыбнулся Счастливчик, — любые деньги — это своего рода колдовство. Вот скажи мне, Голос Марса — в чём ценность серебра? Или золота?

— Не знаю. Испокон веков они ценились. Наверное, по воле Богов.

— Не иначе, — согласился Германик Август Феликс, — вот только чьих Богов? И золото, и серебро — металлы, по сути, никчёмные, они ни на что, кроме украшений и монет, не годятся. То есть, им и другое применение может быть, но люди то об этом ещё не знают. Испокон веков у людей существует общественный договор — считать серебро и золото ценностью, вот и считали до недавнего времени. Теперь они большей ценностью считают «Богов», и это правильно. «Боги» обеспечены промышленным производством. Деньги — это негласный общественный договор и ничего больше, понимаешь?

— Не понимаю, но вижу. Где теперь императорам брать «Богов» на оплату армий?

— Из оборота. Пусть собирают в «Богох» налоги со своих Империй.

— Чтобы собрать налоги, потребуется время и немалое время, а платить нужно уже сейчас.

— Думаю, Мecenат не откажет близким в кредите. Родня ведь... А вот с Сенатом у него взаимоотношения не такие тёплые...

В конце августа, когда Счастливчик отправился добывать свой триумф в Мавретанию, оплаты жалования в «Богох» требовали уже у Сената. Преторианцы, вигилы, назначаемые чиновники всех уровней и подрядчики. Серебро, после перехода армии на «Богов», обесценивалось всё быстрее, начались банкротства и неплатежи. В Римской Республике разразился масштабный финансовый кризис. То и дело вспыхивали мятежи, пока локальные, но ситуация продолжала нагреваться и всеобщий бунт уже не выглядел невозможным. Именно всеобщий бунт, бунт всех римских граждан, всех сословий. Небывалая прежде угроза.

Сенат затеял следствие, Преторы допросили главу Римского отделения «Банка Богов», благонадёжного римского гражданина, хоть и иудейского происхождения, Симона из Галилеи. Предъявить ему было нечего. «Богов» в Вечный Город привозили из Британского Рима, а серебро и медь увозили специальные люди — инкассаторы.

Задержали «инкассаторов», допросили — тоже ничего. Они просто перевозчики ценных грузов. Хотя зацепка появилась — куда везти серебро и медь, им говорил благонадёжный римский гражданин, хоть и греческого происхождения, Костас из Коринфа. Задержали Костаса, но допросить его не смогли. Он оказался клиентом Гая Мецената и не мог дать показаний на своего патрона. Тупик.

Гай Меценат, к тому времени, уже наладил ежедневный выпуск небольшого экономического листка, приложения к «Коммерции», с текущими ценами на золото, серебро, медь, олово и свинец в слитках; не все металлы дешевели, на золото и олово цены даже росли, но кому от этого легче? У кого есть накопления в золоте и олове?

Вечный Город стоял «на ушах», огромные состояния обесценивались прямо на глазах, а «что делать» и «кто виноват» — непонятно. Тем временем, «Боги» продолжали своё победное шествие по финансовой системе единственной сверхдержавы мира.

Как говорил один мудрый иудей из будущего: «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно все равно, кто издает законы».

В ноябре семьсот пятьдесят третьего года, в Рим, на переговоры с Сенатом, прибыл Гай Цильний Меценат. Император, пожизненный Народный трибун, триумфатор и самый богатый человек Римской Ойкумены. Прибыл по просьбе своего друга, Принцепса, Голоса Марса, Марка Випсания Агриппы.

— Помоги им, Гай.

— Может и помогу, посмотрим на их поведение.

— Помоги из моей доли.

— У тебя третья доля в общем деле, Агриппа. В нашем общем деле. Отдельно ты своей долей распорядиться не можешь. Это как корова. Мы все получаем от неё молоко, и ты не можешь пустить на мясо треть нашей общей коровы. Корова нам нужна целая и дойная. Но я подумаю, чем мы сможем помочь этим никчёмным засранцам, если они проявят должное уважение.

В ноябре, когда армия Германика Августа Феликса уже взяла под контроль всю Мавретанию, до последнего колодца в пустыне, Римский Сенат принял два закона, первый — «О деньгах». Закон, признающий «Богов» единственным законным платёжным средством в Риме и его провинциях, а «Банк Богов» единственным законным эмитентом. Золото, серебро и медь в слитках становились обычным товаром, немонетарными металлами, для монет добывалось уже достаточно никеля.

Второй закон — «О кредитной ставке». По нему устанавливался потолок кредитной ставки для частных кредиторов-ростовщиков. Максимум — два процента выше учётной ставки «Банка Богов». В том числе и на ранее выданные кредиты — на этом Меценат настоял без торгов. Торг здесь не уместен. Лучший бизнес — это монополия, а неподконтрольные ростовщики в нём — лишние конкуренты. Да и римских граждан нужно чем-то порадовать. За чей-то счёт.

Учётную ставку на 754 год, по которой получил кредит Сенат, для исполнения своих бюджетных расходов, установили в полтора процента годовых. Металлические активы Римской Республики переехали в хранилище «Банка Богов» в Британском Риме, для реализации на рынке в виде слитков.

И да, народ ликовал. Ещё бы. Кредитные ставки снизились в три-четыре раза.

Итоги 753 года от основания Города, Счастливику очень понравились.

Его назначили первым проконсулом сразу двух новых сенатских провинций — Мавретании Кесарийской и Мавретании Тингитанской. Провинций пока бедных, только что переживших войну, но не ради денег единых. Важно было создать прецедент назначения проконсулом владетельного императора. Получилось, причём сразу в двух провинциях. Теперь ограничений нет, где две, там и все остальные.

Зачем? А пригодится. Без гражданских имперских войн не обойдётся точно, тогда это и пригодится. Можно будет брать управление ключевыми пограничными провинциями законным образом, без установления диктатуры и прочей чрезвычайщины. А можно будет не самому брать, а проводить назначение верных вассалов — герцогов и графов, созданный прецедент распространяется и на них.

Мавретанская кампания сильно сблизила Германика Августа Феликса с Гаем Юлием Цезарем Випсанианом и Луцием Антонием Випсанианом. Очень важные в перспективе отношения. Агриппа уже принял решение не передавать свою Империю в наследство кому-то одному, а разделить её на герцогства для сыновей и графства для зятьёв, на одиннадцать наследственных феодалов — по традиции. По этой традиции, графство достанется и Публию Квинтилию Вару за Випсанию Марцеллу, и Тиберию Клавдию Нерону за Випсанию Агриппину, а дальше... Про дальше пока никто не думал. В любом случае, друзья-союзники не помешают. Рим начинался с братоубийства Ромулом Рэма, так что исключать ничего нельзя.

Наградили отцы-сенаторы Счастливика и триумфом, но отложили его проведение на 757 год от основания Города. Сначала нужно построить новый амфитеатр Марса Победоносного — так угодно Богам. А то какой Рим без Колизея? Кто его теперь построит? Цемент уже производится, стальная арматура тоже, пока дорогушие, но не в деньгах ведь счастье. Колизей — не просто амфитеатр-стадион, это памятник величия. И Риму в целом, и его конкретному строителю. К тому-же, к триумфу и последующим за ним играм нужно хорошенько подготовиться. Зверьями и гладиаторами уже никого не удивишь, нужно придумать что-нибудь новенькое.

Консулами 754 года избрали Публия Корнелия Лентуллы Сципиона и Луция Эмилия Лепида. Агриппа снова переизбранся эдилом, а одним из преторов стал Флавий Лаэций Метелл, будущий герцог Средней Азии и муж Клавдии Ливии Юлии, старшей из здешних сестёр Счастливика, Германика Августа Феликса.

Манкировать своими проконсульскими обязанностями в Мавретании, Счастливец не собирался, хотя обязательного присутствия на месте от проконсулов не требовалось. Очень многие управляли вверенными им провинциями не покидая Рима, это считалось порядком вещей, и этот порядок тоже следовало поменять, но для начала следовало показать личный пример.

Кроме того, нужно было пристроить хорошего человека, бывшего царя Юбу Второго, люди которого оказали действительно бесценную помощь. Без них бы не получилось взять под контроль воду в пустыне, а без этого гоняться там за кочевниками можно годами и даже десятилетиями. Графом, в сенатской Мавретании, Германик Август Феликс сделать друга Юбу не мог, а вот наделить его недвижимой собственностью имел полное право. Хотя всей Мавретанской собственностью. Да, теперь не Юбе будут платить налоги, а он будет платить Риму, но, во-первых, налоги платятся за защиту прав, в том числе и права собственности, а во-вторых, главное — это сальдо.

Что толку от царских понтов, если всех налогов едва хватает на не слишком-то роскошную жизнь? Простой римский гражданин Юба будет получать в сто раз больший доход, так почему бы не уплатить пятую часть Сенату за охрану? Оно и самому другу-Юбе так спокойнее будет, да и детям его открывается перспектива до самого верха — до сенатской тоги, а то и до консульства. А у Счастливика появится ещё один верный сторонник. Люди здесь ещё не разучились быть благодарными, здесь они ещё боятся прогневать Богов своей неблагодарностью. Ведь все земные блага, по всеобщему пока мнению, получают людьми только по воле Богов, через их ставленников, так что...

Январь 754 года от основания Города, просидели с Агриппой за планами перестройки исторического Рима. Наметили место для строительства Колизея (амфитеатра Марса Победоносного), место для главного храма Марсианства (опять таки, храма Марса Победоносного), места под строительства императорских дворцов-резиденций (если у кого-то будет желание их строить), новой курии Римского Сената (с залом на две тысячи заседателей, с хранилищем архива и казначейства Республики в подвале, отдельными частными помещениями для каждого из отцов-сенаторов, с собственными санузлами с ватерклозетами и умывальниками).

Решили перестроить и огромный, но уродливый мавзолей Августа. Мавзолей папы-Друза в Германском Риме уже строился, строился в виде монумента, вроде «Родины-Матери» на Мамаевом кургане из той истории, проектные эскизы Агриппе очень понравились, вот подобный и решили построить для Октавиана. Не чужой ведь человек, да и особого зла он натворить здесь не успел. Помер в самом начале своего злодейского пути.

Красивый Рим получится. С широкими прямыми проспектами и тенистыми бульварами, вместо узких, кривых и вонючих улочек; с роскошными термами и форумами возле каждого въезда в историческую часть Вечного Города, для каждого из восьми прилегающих районов, тоже застраивающихся по генеральному плану; с парком аттракционов (типа Диснейленда) и так далее, и тому подобное. Исторической и культурной ценностью, в Риме признали всего тысяча двести пятьдесят семь владений — домов и вилл, в которых проживало примерно двадцать тысяч граждан и сорок тысяч рабов. И это после более полумиллиона. Места теперь хватает на всё.

В конце января, бабушка-Октавия дописала свои мемуары и познакомила с ними внука-заказчика. Литературный памятник Великой Эпохи, от первого лица, одной из ключевых фигур — сестры одного из триумвиров, Октавиана Августа, и жены другого — Марка Антония.

— Какими-то натуральными свинокозлами ты их выставила, — закончил читать бабулины рукописи Германик Август Феликс.

— Хи-хи, — прыснула Октавия-младшая, — тут ты в самую точку угодил. Они и были самыми натуральными свинокозлами, это я их ещё пожалела, особенно братика — «маленького извращенца». Жестокие до кровожадности, алчные, эгоистичные, подлые и неблагодарные свинокозлы. Перебили друг дружку — туда им всем и дорога. Без них, жить стало намного лучше. Агриппу я не тронула, если ты заметил.

— Заметил. И Мецената пожалела.

— Гай исправился. Заслужил. Он теперь мой муж. А так-то, тоже, тот ещё свинокозёл был... между нами говоря.

— Ну, что, издаём?

— Издавай, конечно. Не зря же я столько времени на это потратила. Не очень-то приятно мне было всё это вспоминать, знаешь ли...

Издаём как есть, без сглаживания углов. Октавии поверят. Пусть читают и ещё больше ценят Агриппу.

В итоге, в Мавретанию, Счастливчик отбыл уже в середине февраля. Три следующих года, три последних, из десяти лет военного ценза, совместились у него с проконсульским сроком. Эти три года нужно постараться сделать эталоном для оценки достижений следующих проконсулов и не только в Мавретании. Нужно всем показать — как надо. Как это угодно Богам.

Император Индии, Тиберий Клавдий Нерон, вёл философскую беседу с Шатругной Маурья, раджой индийского княжества Магатхи* (*современный Мумбаи), в новом городе Индийские Ворота, новом порте Империи Востока на правом (некогда Парфянском) берегу Инда* (*примерно Карачи).

Шатругна Маурья, последний представитель некогда могущественной императорской династии, латинский язык изучал уже целый год. Довольно простой язык, стоит отметить. Простой, для уровня обывателя, а Шатругна хоть и не получил в дар от Богов полководческого таланта, человеком был умным и очень целеустремлённым. На латыни он уже общался на уровне римского простолюдина, выросшего на улице и никогда не бравшего уроков риторики. Выражался он просто и понятно, не закладывая в свои фразы подтекстов и контекстов, как не слишком образованный, но надёжный римский легионер.

— Нет у нас ваших браминов, дружище. И наш Принцепс, мой тесть, Голос Марса Марк Випсаний Агриппа, не брамин, он великий полководец заслуживший триумф, морскую корону* (**Corona navalis* — награда за подвиги на море) и вексиллум* (**vexillum* личный — шпандарт, знак исключительного отличия), и наш Верховный понтифик, мой племянник, Германик Август Феликс, тоже прославленный полководец, по праву заслуживший свой триумф — они воины, кшатрии в первую очередь. Видимо, нашим Богам, больше нравится разговаривать с воинами, чем со жрецами...

Времени на разговоры у них было достаточно, армия для Индийской кампании Тиберия ещё только собиралась. Собиралась отовсюду, По два боевых легиона шли из Русской и

Германской Империй. Шли самые боевые, с самым большим числом эвокатов в личном составе, а потому самые дорогие в содержании и бесполезные в мирной жизни.

Тиберий собирал армию из восемнадцати легионов и двадцати шести тысяч ауксилиариев — тех арабов и армян, которые решили переселиться в Индию и стать там его подданными.

Индийская имперская армия собиралась в Бактрии и Белуджистане, под знамёна Марка Корнелия Цека и Юла Антония Випсаниана. Второй из армий, Тиберий намеревался командовать сам, но собирать её доверил Юлу. И ему не помешает ценз командующего армией в дальнейшей карьере, и Тиберию с мушгрой при слаживании самому не мучиться.хлопотное это дело, в Паннонии своё хлебнул — хватит этого, пусть теперь молодые стараются.

Цек молодой? На два года младше, значит молодой. Да и старается он для себя, за своё герцогство. Агриппа предлагал ему Бактрию, но что теперь та Бактрия, когда торговые пути запад-восток ушли на линию Восточные Ворота — Восточный Рим — Кесария Палестинская? Глухой тупик, без каких-либо перспектив. Теперь все товары, что туда, что обратно, большую часть пути идут по морю, зачищенному от пиратов. В Индии точно найдётся ему владение подходнее. Да и не навоевался ещё Цек. Его командование Восточной кампанией оценили как посредственное. Общество оценило, сложилось в обществе такое мнение. Избаловано у нас теперь общество победами, делит их на красивые и посредственные. Дожили...

— ...в общем, нет у нас чистых браминов, да и не было никогда, пожалуй. У нас всегда жрецами кшатрии командовали. Даже не представляю себе, как может быть наоборот, если честно...

К началу лета семьсот пятьдесят четвёртого года от основания Города, Римский императорский флот, под командованием Павла Фабия Максима, взял под контроль всё западное побережье Индии. Теперь все честные купцы, не желающие быть потопленными, должны были нести на мачте специальный вымпел. Хитрый вымпел, собираемый из полотнищ трёх разных форм: прямоугольного, треугольного и прямоугольного с треугольным вырезом, и трёх различных цветов: белого, красного и синего. На мачту поднимались три полотнища, по заданному в приложении к страховке наставлению. Каждый день — новая комбинация. Конечно, имелась возможность купить один страховой полис на десяток судов, но, пойманный на таком мошенничестве, и сам становился законной добычей флота, и все остальные суда такого хозяина, поэтому носителей даже правильных вымпелов, моряки проверяли постоянно и с удовольствием. А страховой сертификат попробуй подделай — он и водяные знаки имеет, и рисунок как у «Богов», и номера его как-то очень быстро проверяются на подлинность, по какой-то хитрой математической формуле* (*простейший буквенно-цифровой алгоритм, но Тиберию и такое сейчас кажется настоящим чудом).

Очень толковую систему придумал Меценат. Умён старый развратник, этого не отнять. Теперь и флот строится на деньги из моря, и морякам перепадает прилично. Конкурс новобранцев в императорский флот теперь почти такой-же, как в легионы. Надо бы предложить, чтобы морячков тоже через учебные когорты прогоняли. Умение ходить строем и им не мешает.

— Мечтаю с ними пообщаться.

Шатругна Маурья искал совершенства на пути кшатрия и, похоже, наконец-то встретил

мудрых учителей. Он читал «Германскую войну», «Аннексию Месопотамии» и «Среднеазиатскую кампанию», читал и понимал — готовили эти войны и командовали войсками в них не обычные люди, а сами Боги в их облики, хоть император Тиберий в это и не верит. Император Индии, всей Индии от Инда до какого-то Меконга, где-то далеко на востоке. Подумать только... Империя Маурьев, на пике своего могущества, расширилась едва до одной восьмой части империи Тиберия. Нет, римляне ещё не завоевали Индию, но обязательно это сделают, в этом сомнений нет. И дело даже не в пушках и «Марсовом зелье», дело в их целеустремлённости и организованности. И в вере, что их направляет сам Марс Победоносный, Бог воинов, войн и побед.

— Пообщаешься обязательно. Им с тобой тоже будет интересно поговорить...

Император Тиберий Клавдий Нерон сделал раджу Шатругну Маурья своим первым вассальным феодалом — графом. По воле Богов, это несомненно. Не случайно ведь они встретились. Такая цепь событий случайно возникнуть не может

— ...вот закрепимся в твоём графстве и поедешь в Рим. Как раз, к тому времени, свою латынь поднимешь на достойный уровень.

В ожидании сбора армии, Тиберий и его новый друг-вассал не только беседовали, взаимно обогащаясь знаниями, пару раз они выходили в море, погонять пиратов, которые в этих водах размножились как мыши. Все они здесь пираты, купцами только прикидываются, оборотни, прав Меценат.

— Зачем нам ждать всю армию, мой император?

— Зачем? А ведь и правда... Зачем?

Новость о том, что раджа Магатхи теперь служит тем самым бледнолицым и длинноносым варварам с водянистыми глазами, которые нагло собирают дань со всей морской торговли, местную общественность очень возбудила. Шатругна Маурья пригласил этих проклятых варваров к себе. Немного, всего пять тысяч — эту заразу нужно выжигать срочно, пока она по всему телу не пошла.

Циньский «купец» Мао Ли, доверенный человек и дальний (очень дальний) родственник императора Поднебесной, до того, как переквалифицироваться в «купцы», служил чиновником для особых поручений. Адъютантом, если угодно. Адъютантом самого божественного Сяоай Ди, ещё до того, как божественный стал Императором, а был всего лишь одним из наместников провинций.

Одно время, Мао Ли пришлось руководить таможней. Именно этот опыт и вспомнил император Поднебесной, выбирая для него легенду. Таможенник обязан знать о торговле всё, лучше любого купца, а значит на деталях липовый торговец не проколется.

Так-то оно так, но что может предложить Поднебесная западным варварам, которые производят такие удивительные вещи? Вещи, которые даже лучшие циньские и ханьские мастера-ремесленники повторить не способны.

Шёлка и в Индии навалом* (*здесь Мао Ли считает Индией и Индокитаем), да там он ещё и дешевле и к ромеям этим ближе, а ромеи с Индией очень активно торгуют, так что в шёлке они недостатка точно не испытывают. Хлопок, рис, соя — всё это тоже есть в Индии — ничего то этим ромеям из Поднебесной не нужно...

Так ничего толкового и не придумав, Мао Ли загрузил в устье Янцзы на три корабля всего понемногу, на пробу, и отправился в долгий путь на закат.

Он ещё не знал, что в Восточных Воротах, римском городе на берегу Персидского моря,

«Банком Богов» уже неделю как выпускается ежедневный торговый бюллетень с ценами. Недавно там как раз получили новую разнарядку из центра — скупать медь... Эх, знал бы заранее, загрузился бы одной медью, но увы. Нанятый Мао Ли капитан уже посещал ромейский город, вернулся он оттуда совсем недавно, даже отдохнуть как следует не успел, но бюллетень этот не застал. Не повезло.

— Как только Индию обогнём, так ромеев сразу и встретим, они сами нас поймают, у нас ведь вымпелов нет. Так что сначала придётся нам в Индийские Ворота заходить, там они эти вымпелы продают.

Мао Ли был не против, так даже быстрее получится познакомиться с этими удивительными западными варварами.

Для укрепления позиций своего нового друга-вассала в Индии, Тиберий привлёк всего один легион — «Одиннадцатый Верный и Преданный» (*Legio XI Pia Fidelis*).

За что-то обиженные на Рим, глупые дикари, мелкие и чернявые, сбились в большую кучу и этой большой кучей полезли на штурм острова-княжества Магатхи.

Достоверно осталось неизвестным — сколько народу собрали дикари на том берегу Улхаса, флот тоже принял активное участие в общем веселье, расстреляв почти половину корыт дикарской орды вторжения, но на берег Магатхи их выбралось двадцать пять тысяч. Двадцать пять тысяч, против «Одиннадцатого Верного и Преданного» и четырёхтысячного войска раджи. Впрочем, поучаствовать в деле индийцам не довелось.

Когда двадцати пяти тысячная орда вылезла на берег и начала готовиться к походу на столицу княжества, легион уже подошёл и выстроился в боевой порядок для атаки. Точнее прибежал, даже пушки не взяли, так торопились. Свисток. Столкновение, шаткое равновесие. Свисток, шаг, свисток, шаг, свисток, шаг. Нет, это не люди. Вне строя, на людей они похожи, но в строю они уже части механизма. Свисток, дикари дрогнули, началась резня. Император Тиберий Клавдий Нерон приказал пленных не брать. Он вовсе не был кровожадным зверем, просто обиделся такому явному неуважению — слишком мало народу прислали, и старался рассердить дикарей посильнее. «Одиннадцатый Верный и Преданный» приказ выполнил беспрекословно. Жаль, конечно. Жаль резать рабов, которые стоят денег, но раз надо — значит надо. А зачем — это уже не нашего ума дело.

Раджа Шатругна Маурья, чисто выбритый, коротко подстриженный, в доспехах трибуна-ангустиклавия, в шлеме с чёрным гребнем, стоял в луже крови, пьяный от счастья, и с восторгом глядел на своего обожаемого друга-императора. Император Тиберий мечтательно улыбался — «Одиннадцатый Верный и Преданный» потерял убитыми одного центуриона и сто семьдесят четыре легионера, а мелкие чернявые дикари больше двадцати пяти тысяч.

— Вот такие у нас кшатрии, дружище. Хорошо, что у вас, в Индии, народу так много, всем нашим кшатриям хватит. Порадуем Марса Победоносного!

Римский город на острове Магатхи, император Тиберий Клавдий Нерон назвал Квирином. Вернее, переименовал в Квирином один из городов раджи Шатругны Маурьи, с самой удобной гаванью и лагерем «Одиннадцатого Верного и Преданного» возле неё.

С континента варвары больше не лезли, поэтому Римский город Квирином строился очень быстро — друг Шатругна пригнал на строительство больше двадцати тысяч рабов, так что славным легионерам самим ворочать камни не пришлось, они руководили, тренировали войско раджи и улучшали местную породу людей. Индийцы сами приводили к легионерам

СВОИХ ЖѢН.

Скучно Счастливику в Мавретании не было. Помимо друга-Юбы, компанию ему составили квесторы, графы Маробод и Комосик, они же числились легатами в «Тридцать пятом Маркоманнском» и «Тридцать шестом Дакийском». Именно числились, для ценза, их легионы рассредоточились по пустыне центуриями, поэтому командовать ими возможности не было, да и нужды в этом командовании не имелось, по большому счёту, а вот ценз очень пригодится.

Германик Август Феликс твёрдо нацелился «захватить» Сенат. Изнутри захватить, как Служба Внутренней Безопасности захватила Рим. Без шума, без насилия, без скандалов — никто даже не заметил, что Вечный Город кем-то уже захвачен. Так же произойдёт и с Сенатом. Такие сенаторы и, при нужде, проконсулы очень пригодятся, их лояльность обеспечивается феодальной зависимостью, а это — почти гарантия. Вот и накручивал Счастливчик ценз своим протеже, в этом отношении они должны быть безупречны, как и их император.

В Мавретании, Германик начал готовить изюминку для своего триумфа — бои боксёров. Не профессиональных боксёров, профессионально они все военные, но так даже лучше — общественный статус гораздо выше. Профессиональные бойцы сейчас — это социальное дно, вроде уличных комедиантов, а военные — настоящие звёзды.

Не примут бокс? Глупости, примут обязательно. На гладиаторские бои ведь ходят не на кровищу полюбоваться. Нет, есть и такие скорбные разумом, но их совсем немного. Народ ходит играть на «тотализаторе», а уж на боксе точно играть будет гораздо интереснее, чем на договорных поединках гладиаторов. Конечно, договорных, вы сомневались? Когда один ланиста выставляет бойцов с обеих сторон — по-другому и быть не может. Этот деятель и сам ставки делает, и инсайдерскую информацию продаёт. Нет, он не приказывает одному из гладиаторов сдохнуть, кто бы его приказа послушался, но подбирает бойцов так, что его ставка выигрывает в трёх случаях из четырёх. Это факт, и он, в общем-то, общеизвестен.

Внимание публики привлекут призовые суммы, которые Счастливчик решил сделать сопоставимыми с призами в той истории. То есть, титул чемпиона должен делать своего обладателя богатым человеком. Не богатым-богатым, но очень зажиточным. Так и раскрутимся — обсуждаемые всем Римом призовые, газетная кампания и вуаля. На гладиаторов будут смотреть без особого интереса. Бокс красив, сделать его модным — пара пустяков.

Тренировал своих боксёров сам Германик Август Феликс. И некому пока больше, и пусть проникнутся важностью своей миссии. А парни есть очень талантливые. Тот-же примипил «Четвёртого Македонского», Гай Страбон — настоящий уникам. Феномен, вроде Славы Егорова.

Римляне уже не боялись терять берега из виду — хронометры и компасы на карданных подвесках, секстанты, лаги и великолепные, по нынешним временам, карты, уже прочно вошли в обиход на флоте Рима, и делали навигацию довольно точной. Купцы-же и оборотни, по старинке, жались к берегам, так их и перехватывали наваливающиеся со стороны открытого моря римляне. Раз — и бежать уже некуда. Впрочем, бежать капитан зафрахтованного Мао Ли судна и не собирался. Он и так шёл в Индийские Ворота, а под

охраной ромейского корабля будет даже лучше. Уже безопасно в этих водах, но бережённому Бог бережёт, сумасшедшие-лихие люди до сих пор не перевелись окончательно. Да и не переведутся никогда, скорее всего, такая уж у человека природа, такое у них естество.

В Индийских Воротах, Мао Ли решил задержаться, слишком уж необычный город — у него не было стен, а защищали его, как понял Мао Ли, четыре совсем небольшие крепости — одна на берегу моря, перед самым входом в бухту, а ещё три контролировали реку со стороны континента. Но что они могли таким образом контролировать? Между ними ведь можно незаметно провести даже слона.

Мао Ли потолкался на форуме, хоть и сразу решил — ничего в Индийских Воротах не продавать, здесь его интересовали только новости и слухи, а они были просто невероятными. Эти крепости могли топить большие корабли громом и молнией! Сначала, тайный посол императора Поднебесной принял эти слухи за суеверия местных дикарей, но ему представился случай убедиться в их правдивости.

— Что происходит?

Мао Ли, несмотря на то что в Индийских Воротах было множество удобного жилья, сдаваемого купцам в аренду, предпочёл жить на своём корабле. Он как раз предавался в своей маленькой аскетичной каюте размышлениям, когда раздался этот страшный грохот.

— Из крепости громом и молниями бьют. Не видно в кого, далеко слишком. Наверное, кто-то без вымпела сбежать захотел. Дураков хватает.

Капитан этому ничуть удивлён не был, он в гром и молнии и так верил, хоть сам этого пока и ни разу не видел. Но вымпел стоит довольно дорого, и наш славный капитан в свой прошлый заход тоже планировал сбежать без него, хорошо, что вовремя отговорили. Слишком многих очевидцев он тогда расспросил, всё ему в деталях расписали, разные, незнакомые друг с другом, люди, но у всех одинаковые рассказы — такое враньём быть не могло.

Мао Ли прислушивался к раскатам грома, накатывающим от крепости. Тут больше делать нечего, командует городом обычный офицер не слишком высокого чина — пора в Рим. Как можно скорее!

— Завтра же выходим, капитан. С утра купим вымпел и сразу отчаливаем.

Другу-Юбе, Счастливчик сделал царский подарок — участки в долинах рек, где можно устроить орошения сахарного тростника и сам тростник. В Америке, хотя, здесь она Америкой наверняка не останется, но пока так, люди Гая Цильния Мецената уже обжили четыре торговых фактории — две в Северной Америке, примерно в Филадельфии и Веракрусе, и две в Южной — примерно в Парамарибо и Рио-де-Жанейро.

Даже хорошо, что в Америке зашли не с легионами, а с торговлей. Охраняемой, конечно, торговлей, охраняемой хорошо, с артиллерией, но это именно охрана, командуют ей торгаши. Коммерция пошла, очень выгодная коммерция. И по деньгам выгодная, и в плане разведки.

Информацию о том, что именно и куда нужно везти из Америк, Счастливчик подчёрпнул из одной книжки про коллегу-попаданца в альтернативную историю. Толковую книжку автор написал, в сельском хозяйстве он разбирался. Помидоры, картофель отлично росли и в Британии, и в Германии, и в России; кукуруза, сладкий перец и перец чили — в Причерноморских районах России и Германии, а вот сахарный тростник плохо рос даже в Средней Азии, холодно там ему, пусть друг-Юба в Мавретании попробует. С какао и гевеями

пока приткнуться некуда, подождут до освоения левого берега Меконга, не так уж долго осталось ждать.

Понравились ли римлянам новые продукты? Они их ещё не пробовали. Попробуют после триумфа, на играх. Попробуют сразу в формате Макдональдса — гамбургер с кетчупом, майонезом и картошкой-фри. Может и подобие Кока-колы к тому времени намешать получится, если у друга-Юбы тростник хорошо приживётся.

На пути из Индийских Ворот в Ворота Восточные, Мао Ли удалось убедиться, что бит громом и молниями могут не только крепости западных варваров-ромеев, но и их корабли. В Индийских Воротах он купил чудесную зрительную трубу, и в неё чётко разглядел, как ромейский корабль потопил какого-то шустро удирающего бедолагу без вымпела. Неяркие вспышки — пять, или шесть, на борту корабля римлян, отдалённый раскат грома, и... пират расцвёл цветком пожара. Именно расцвёл, изнутри раскрылся. Мда, без вымпелов тут не поплаваешь.

Ромейский город Восточные Ворота, на берегу Персидского моря, внешне напоминал Ворота Индийские, только раз в десять больше. В бухте было не протолкнуться, сотни различных посудин сновали туда-сюда, несколько раз буквально чудом удавалось избежать столкновения. Но капитан не подвёл, добрались в целости. Сразу появились военные, проверили вымпел и бумаги, которые к нему прилагались. Никаких пошлин не затребовали. Оказывается, торговать в гавани с другими иноземными купцами можно беспошлинно, это право давал вымпел. Коли так, то это всё меняет, тогда стоит этот самый вымпел не так уж и дорого, как показалось вначале.

В гавани (устье очень большой реки) шла бойкая беспошлинная торговля с борта на борт, но Мао Ли она интересовала постольку-поскольку, ведь лишних знаний не бывает, поэтому выяснить цены и оценить спрос он поручил помощникам, а сам сошёл на берег.

Настоящая оторопь охватила Мао Ли, когда он понял, что римляне используют бумажные деньги. Он уже видел эти разноцветные «бумажки» в Индийских Воротах, но там они в широкий обиход ещё не вошли, и тайный посол Императора принял их за векселя, долговые расписки, используемые из-за недостатка настоящих денег, но в Восточных Воротах выяснилось, что только бумажные деньги «Боги» в Риме являются настоящими, все сделки проводятся только в них, а медь, серебро и золото торговцы не принимают. Их нужно обменять на «бумажки» в «Банке Богов». Шок, но делать нечего. Обменял немного серебра, для прогулки по городу.

Первым делом, Мао Ли отправился на главный городской форум. Такого изобилия и разнообразия товаров трудно было себе даже представить, а ведь этот город — далёкая окраина огромной варварской империи. И тем не менее — изобилие, разнообразие и цены... Такая же зрительная труба, которую порученец божественного императора Поднебесной приобрёл в Индийских Воротах, в «Богих», в пересчёте на серебро, в Воротах Восточных стоила почти на треть дешевле. Ладно, не беда, зато по пути удалось рассмотреть стреляющий молниями и громом римский корабль.

Оказывается, имелись у римлян и монеты. С виду серебряные, но лёгкие, из неизвестного металла, прочного, как хорошая сталь. Мао Ли даже заточил краешек одной монетки, чтобы попробовать — действительно, отличная сталь, толстую кожу ремня разрезала легко, да ещё и не ржавеет. Монеты были двух типов, привычного размера «бахусы» и совсем крохотные кружочки «сатиры», с номиналом в десять раз меньше. Вся

денежная система в варварской Римской империи была построена на десятичной системе — десять маленьких монет «сатиров» — одна большая «бахус», десять «бахусов» — самый мелкий из бумажных «Богов» — «сатурн», десять «сатурнов» — «юпитер», десять «юпитеров» — «марс», десять «марсов» — «нептун». Имелись и более крупные номиналы — «венера» (десять тысяч «сатурнов»), «вулкан» (сто тысяч) и «меркурий» (миллион), но на форуме в Восточных Воротах они не встречались, их использовали только при проведении крупных сделок, вроде продажи объектов недвижимости.

Уже к концу первого дня, проведённого в Империи «западных варваров», Мао Ли вынужден был признать, что финансовая система у них построена очень разумно и очень удобно. Удобно как для людей, так и для государства. Ведь «Богов» практически невозможно подделать, качество изображений, как и самой бумаги, было высочайшее. Рисунок прорисовывался сеткой тонких разноцветных линий, сливающихся на расстоянии, а на просвет этой «бумаги» возникало уже другое изображение, хоть и того же самого Бога.

Такое подделать решительно невозможно, в отличие от тех же монет, и опытный циньский чиновник лишь завистливо вздохнул — фальшивомонетчики доставляли его божественному Императору большие убытки.

В Восточных Воротах, Мао Ли расторговался. Можно было подняться по Тигру до столицы Месопотамии — Селевкии-Ктесифона, где цены на эти товары повыше, но порученец божественного Сяоай Ди, тринадцатого императора Поднебесной из династии Хань, прибыл в западную варварскую Империю не ради извлечения прибыли.

В общем, расторговался, получил за всё: девять «нептунов», два «марса», четыре «юпитера», три «сатурна» и семь «бахусов»; нанял себе нового учителя ромейского языка; прежнего, полу-индийца — полу-перса, он уже в умении говорить по ромейски превзошёл; и отправился в Рим.

На итоговую сессию Сената, на стыке 754 и 755 годов от основания Города, прибыли все императоры, пленум «Марсианского комитета» во второй раз прошёл в полном составе.

Луций Домиций Агенобарб основал двенадцать городов на восточном побережье Африки и на этом остановился. Ни на юг, ни вглубь континента не продвигается. Да и западный берег ему, похоже неинтересен. Слишком стал богат, насытился, потерял аппетит. Понять его можно — какой смысл в деньгах, если их всё время только зарабатываешь и совсем не тратишь? Причём, зарабатываешь у «чёрта на рогах», среди ядовитых пауков, змей, мух и прочих лихорадок. После очередной перенесённой лихорадки, Агенобарб решил «завязать». Жёлтый стал, как китаец, похоже, печень посадил. А мама-Антония ему завидовала, здоровую Германию считала неудачным жребием.

Тиберий зашёл в Индию. Зашёл, не дожидаясь сбора всей армии, всего с одним легионом и удачно ведь зашёл — завёл себе вассала-графа в очень неплохом месте, там, где в той истории находился Бомбей-Мумбаи, один из самых, если не самый богатый индийский город. Графа Шатругну Маурья, последнего представителя императорской династии Маурья, Тиберий привёз с собой. Интересный тип, ищет для себя путь совершенного воина, ищет себе нового Бога-покровителя. Виртуозный фехтовальщик, причём, обоерукий. Поучиться что ли у него? Зачем? Лишних умений не бывает, всё пригодится, если не в этой жизни, то в одной из следующих. Фехтованию римляне не учатся — это удел гладиаторов. Не учатся даже легионеры, ни к чему им это. Гладий ведь, по сути, даже не меч, а большой кинжал — увидел варвара через образовавшуюся щель в щитах — коли, вот и всё фехтование. Ладно, с

этим Шатругной после разберёмся.

Павел Фабий Максим до первого из своих островов — Суматры, уже добрался, город своего имени заложил. Ему пока не хватает легионов, но Максим не сильно расстраивается по этому поводу — командовать флотом очень выгодно.

Гай Цильний Меценат миром присоединил Ирландию, Фарерские острова и Исландию. Насчёт Ирландии, Счастличик его особо просил, хоть и нет пока никаких ирландцев, но и местные кельты — люди не совсем чужие. Далёкие предки, как не крути. Вождь-король ирландских кельтов, Кримтанн Ниа Найр, теперь имперский граф. Ирландия с удовольствием торгует, злого не умышляет, и даже платит уже какие-то налоги. Символические пока, но там и брать то пока не с чего. Исландию и Фареры колонизировали торгоши. Там тоже нечего брать, но промежуточные порты на пути в Америку очень нужны. Судёнышки у нас пока хлипкие, им после каждого шторма ремонт требуется. Меценат развивает Британию по Германскому образцу, с трудовыми армиями и арендаторами фермерами. Добывает уголь, железную руду, серебро, медь и олово. Развивает промышленное производство и сельское хозяйство. Зерно совсем не выращивает — закупать получается дешевле, зато скот в Британии сейчас самый лучший — и лошади, и коровы, и овцы. А зерна ему много и не требуется, картошка британам понравилась.

Публий Квинтилий Вар разрабатывает сокровищницу Урала. Он наконец-то основал свою столицу — Русский Рим. Уже пятый Рим, если считать и сам Вечный Город. Русский Рим строится там, где у настоящих русских в той истории находилась Ялта. Места там немного, зато тепло, почти как в Риме. Да и с точки зрения имперской географии место удобное, ведь основные пути сейчас — это реки, а их, в Понт Эвксинский, только крупных-судоходных три впадает — Танаис-Дон, Борисфен-Днепр и Южный Буг. Русская Империя, естественно, тоже развивается по Германскому образцу. Тоже промышленность, тоже новинки в сельском хозяйстве. Картошка и помидоры, оказывается, отлично растут и на Урале. Созревают они быстро, хватает и северного лета. Местные лесовики охотно ассимилируются и уже сами несут свет Марса Победоносного дальше на север. Кстати, про север. На месте русского Ленинграда сейчас огромный холм посреди топкого болота. Холм этот местные считают проклятым, как и окружающие его болота. Очень интересно, никаких холмов Счастличик там в той жизни не видел, надо будет когда-нибудь в этом странном холме поковыряться. У Вара всё отлично, за исключением детей. Агриппина-младшая так и остаётся его единственной дочерью.

Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа, строит Рим. Восточная Империя вся завоёвана и покорена, к ней Агриппа интерес уже потерял. Ничего производственного не развивает, никаких сельхоз новинок не внедряет. Жили без них раньше — и дальше проживём. Вообще, Агриппа жуткий консерватор. Из-за возраста? Так Меценат ведь ещё старше, значит, дело не в возрасте, а в характере. Ладно хоть другим не мешает, луддизмом не занимается, а то бы хлебнули.

Обсудили вопрос строительства императорских дворцов. Нужны ли они в Риме? Мнения разделились. Агенобарб считал, что заслужили и стесняться нечего, а Агриппа — что стесняться нужно своих предков, суровых и правильных людей, которые бы обязательно это непотребство осудили. Остальные заняли среднюю позицию. Тиберию и Максиму предстоят войны, им сейчас не до дворцов; Меценат тоже считал, что заслужили, но Агенобарба не поддержал, воздержался, из солидарности с Агриппой; Вар строил свою столицу, вникал в новые технологии и строительные материалы, поэтому не торопился — сначала нужно всё хорошо изучить, прежде чем лезть в сам Рим — Вар практик; а сам Счастливчик и так строил в Риме уже многое — Колизей, главный храм Марса Победоносного, термы и форум Друза Германика, широкий каменный мост через Тибр.

Заслужили? Наверное, да, но торопиться не стоит. Не сейчас, когда Агриппа эдил с империумом. Возразить, а тем более, в чём-то его обвинить, конечно, никто не посмеет, но думать будут всякое. Не сейчас. Голос Марса должен остаться святым даже в мыслях. Он пророк и основатель Марсианства, а это — важнее любых дворцов. В общем, к единому мнению так и не пришли — кто хочет, тот строит; кто не хочет, тот не строит, или строит на своём участке что-нибудь другое.

Наметили сроки перевооружения легионов. Русской селитры теперь в достатке по разумным ценам, а скоро к ней добавится ещё и индийская, так что коллективное оружие можно придавать уже не центуриям, а контуберниям. Калибр будет поменьше, зато носить картечи можно будет на руках. То есть на специальных ляжках, по двое, но мобильность и проходимость вырастет значительно, а нагрузка на легионеров останется той-же — картечь, с треногой установки и сто двадцать выстрелов для неё, как тридцать пилумов.

Особого энтузиазма эта отличная новость не вызвала. Только начали учиться войне с применением пушек и опять что-то новое? Опять переучиваться? Зачем нам ещё больше огневой мощи, если и того, что уже есть, вполне хватает? Не хотите — как хотите, наше дело предложить, начнём перевооружать свои легионы, в Китае нам огневая мощь очень пригодится.

Зато новость о том, что лорики-сегментаты мы готовы поставлять по цене, всего на двадцать процентов выше, чем у лорик-хамат, вызвала чуть ли не ликование. Ну, хоть что-то. И то приятно.

Подвели финансовые итоги деятельности страховой компании и объединённого императорского флота в Индийском океане. Итоги очень впечатлили. Столько инвестировать во флот — излишне, можно распределять половину доходов между собой, или направлять на что-то другое. Ничего другого не придумали. Счастливчик предложил создать школу-интернат для отпрысков элитных семей, по типу британских закрытых школ из той истории, но понимания не нашёл. А зря. Британцы из той истории, конечно, те ещё английские свиньи, но систему образования они организовали отличную. Именно благодаря ей, крохотный остров полтора века доминировал во всём мире. Этот бы опыт, да на нынешний римский масштаб... Ладно, отложим до лучших времён.

После пленума «Марсианского комитета», собрались кругом посвящённых в главную тайну.

— Пора нам начинать Ханьскую кампанию, — озадачил Публия Квинтилия Вара

Счастливи́чик, — наши легионы будут перевооружаться первыми.

— У нас всего шестнадцать легионов, из них сейчас четыре у тебя в Мавретании.

— Да, я в курсе. «Четвёртый Македонский» и «Тринадцатый Парный», в Мавретании мне больше не нужны — перевооружим и отправлю. В Германии обойдусь без «Двадцать первого Хищного»* (*Legio XXI Rapax). Ты тоже сможешь три отправить.

— И что, нам шести легионов хватит на завоевание Империи Хань? Ты же говорил, что там населения шестьдесят миллионов* (*первая перепись населения в Китае, 2 год н. э. — 12 233 062 хозяйства и 59 594 978 душ).

— Так и есть. Шестьдесят миллионов. Поэтому сразу в Хань мы не полезем, начнём с островов. Хайнань, Тайвань и, желательнее, Сингапур, если ты его сторгуешь у Тиберия. Он нам очень пригодится, в плане логистики.

— Сторговать-то сторгую, Тиберию не до островов, и ещё долго будет не до них, но нам-то они сейчас зачем? На островах наши шесть легионов превратятся в шестьдесят?

— Легионов у нас останется столько-же, а в Хань обстановка изменится. Через девять лет, их крупнейшая река — Хуанхэ, изменит своё русло. Угробит почти половину ханьцев и сметёт власть императора. Мы подождём этого на островах неподалёку, подучим ханьский, а потом просто возьмём власть. Без войны. Почти без войны. Просто зайдём и объявим себя новой законной властью. Если успеем вовремя зайти.

— Интересно... Так что, кочевников наших отзывать из Такла-Макан?

Наши кочевники — это Русский народ, племенной союз скифов, сарматов и роксоланов. Теперь они базируются в Средней Азии и ищут пути в Империю Хань, через пустыню Такла-Макан.

— Зачем их отзывать? Где у тебя ещё есть для них враги? Просто поверни их устремления немного на север. Градусов на сорок пять.

Наши кочевники Русского народа теперь выпасным скотоводством занимаются в качестве хобби, да и то только затем, чтобы духи предков на них не обижались. Они уже давно пересели на лошадей, которых степным выпасом не прокормишь, на лошадей, которым нужно зерно, а сами превратились в «кованую рать». Даже их конные лучники теперь экипированы в лорики-сегментата, а конные копейщики — натуральные средневековые рыцари. Кстати, они и верблюдов уже освоили. Создали сотни дальней разведки. Сами создали, без подсказок.

Через поколение, когда к предкам уйдут духи нынешних вождей-отцов, и объяснят там остальным славным предкам суть момента, Русский народ кочевать и вовсе перестанет. Но пока отцы-вожди с остальными не договорились — им нужен враг, чтобы вести свои славные кочевья по его землям. На севере для них есть хунну и монголы. Да и «беженцев» с запада в тех степях теперь навалом. Кишмя кишат, как лосось на нересте. Как раз хватит, до момента договора нынешних отцов-вождей с остальными славными предками. Восемь лет — срок большой. На такой срок, обездоливать славой целый народ нельзя. А потом мы довернём их на юг, когда они понадобятся нам в Китае.

В Китае они нам обязательно понадобятся, так что пусть подходят ближе, только не через пустыню, а севернее — через Монголию и Маньчжурию. И им так лучше-веселее, и нам хорошо. Через восемь лет, их вдвое больше подойдёт. Кочевники размножаются быстро. Всех детей, не достигших ростом тележного колеса, они принимают в свой род, и воспитывают, как своих. Русский народ уже удвоился за счёт таких детей, а за восемь лет удвоится ещё раз. В Китай придёт уже не восемьдесят тысяч воинов, а сто шестьдесят.

Сто шестьдесят тысяч латной кавалерии, да четыре легиона спецназа (два придётся оставить на островах), для взятия городов, если кто-то сумасшедший надумает сопротивляться. Да с артиллерией...

Китай и меньшими силами в колено-локте преклонённую позу ставили. И монголы, и маньчжуры. А мы ещё и зайдём туда вовремя. Сомнений в победе нет никаких.

— Потом обсудите, — прервал Агриппа, — слушать вас, конечно, интересно, но восемь лет — для меня слишком долгий срок. Феликс, позови Октавию.

Агриппа надумал разделить Империю Востока. Разделить между всеми своими одиннадцатью детьми: родными и приёмными, сыновьями и дочерьми. Разделить, как это всегда делали славные предки, которые и Рим основали, и вообще, поумнее нас были. Спорный тезис, но сейчас не время для таких дискуссий. Гая Мецената и Октавию, Агриппа назначил тянуть жребии, а Вара и Счастливчика в свидетели воли Богов.

— Октавиан Випсаниан* (*в той истории Агриппа-Постум), — достала первый шар жребий Октавия.

Младший родной сын Агриппы. Сейчас ему всего четырнадцать, он ещё даже военный ценз проходить не начал. Сыновьям доставались шары из первой корзины — большие владения, герцогства.

— Месопотамия, — огласил непривычно торжественный, как на похоронах, Гай Цильний Меценат.

— Юл Антоний Випсаниан.

— Армения.

— Випсания Агриппина.

Жена Тиберия. Ей из второй корзины.

— Ассирия.

Нынешняя Ассирия — это примерно Курдистан. Ничего особенного, кроме громкого исторического названия.

— Випсания Марцелла.

Будущая тёща, жена Вара, это уже интересно.

— Аравия-Петра.

Иордания и Синайский полуостров. Козья задница цивилизованного мира. Вот и хорошо, никто не будет завидовать, когда и если... Но тогда мы уже будем ко всему готовы. Шикарное владение-графство, на самом деле, зря Вар брезгливо поморщился. Там и Суэцкий канал, и чудо света в Петре. Канал ещё нужно построить, конечно, но это уже технический вопрос. Один раз его построили, значит — это возможно, построим и мы. «Глину Марса», тринитротолуол, производить уже начали, а дальше — дело техники. Шурф, закладка, взрыв — и рабы с лопатами и тачками набрасываются растаскивать поднятый грунт. Или не рабы, а трудармейцы? Об этом потом. А пока — шар от Октавии.

— Луций Юлий Цезарь Випсаниан.

С этими Юлиями Цезарями, дядюшка Октавиан, предыдущий Август, явно переборщил. Он и своих потенциальных наследников так называл, и рабов вольноотпущенников. Кукушка в голове у него точно клинила. Хотел возвеличить и всё обесценил.

— Аравия.

Кажется, что не повезло. Аравия сейчас — тупик. Но эта Аравия южнее линии от Марцеллы* (*современный Суэц) до Восточных Ворот* (*современная Басра). Это столько нефти, что потомкам хватит на золотые унитазы, если удержать свои владения сумеют. А

ещё — это кофе в Йемене, из той истории. Йемена пока никакого нет, а кофе уже есть.

— Випсания Юлия Агриппина.

Юлия-младшая. Жена Марка Корнелия Цека* (*в другой истории, жена Луция Эмилия Лепида Павла). В той истории — та ещё оторва, вся в мать. Дядюшка Октавиан даже её новорожденного сына распорядился казнить и саму гнобил за систематический разврат. Но здесь пока всё тихо, никаких шумных слухов про Юлию-младшую не распространяется. Ничем не выдающаяся прелюбодейка. Рядовая шлюха, из верхнего ряда. В верхнем Римском ряду, таких сейчас процентов девяносто.

— Кавказ.

Иберия и Колхида. Пустое место, но плюс за географию. Есть хороший порт — Диоскуриада* (*современный Сухум), через него связь с Римом, но на этом всё. Достоинств у этого графства больше никаких нет. Не повезло Цеку. Не повезло не только с женой, но и с её приданным.

— Гай Юлий Цезарь Випсаниан.

Друг Гай. Сейчас легат всей артиллерии в армии Тиберия.

— Бактрия и Гедросия* (*Белуджистан).

Как раз по соседству с Тиберием. Тамошние Афганистан и Пакистан в части до правого берега Инда, с хорошим городом-портом Индийские Ворота. Индийская часть Империи Александра Великого. Кроме Индийских Ворот городов хватает, древних и богатых городов: Кабул, Пешавар, Александрия в Арахосии (Кандагар), Александрия в Ариане (Герат), Александрия Кавказская (Баграм), Александрия в Дрангиане (Фарах), Александрия в Опиане (Газни) и Александрия Эсхата (Худжанд). Очень большое герцогство с многочисленным населением.

— Юлла Антония Випсания.

Жена Мания Эмилия Лепида, внука одного из участников второго триумvirата.

— Атропатена* (*современный Азербайджан)

— Луций Антоний Випсаниан.

Ещё один друг. Ему последний герцогский шар.

— Персидский Иран.

Хорошее владение. Берега Индийского океана и Гирканского (Каспийского) моря. Важный торговый путь до Волги-Ра. Много нефти и других ресурсов. Луций Антоний сейчас командует в армии Тиберия шестью легионами кавалерии.

— Випсания Агриппина.

Супруга Марка Валерия Мессалы Барбата. Пара новобрачная и пока бездетная.

— Финикия.

В той истории Ливан. Средиземное море и перекрёсток торговых путей. Богатое может получиться графство, если им правильно управлять.

Последние шары. Герцогство Парна и Маргианы* (*современные Туркмения и западный Узбекистан) получил Фраат Фраатович Парфянский без жребия.

— Октавия Випсания.

Младшая дочь, единственная во втором браке Агриппы и Клавдии Марцеллы. Октавия пока ни с кем не помолвлена. Завидная невеста.

— Палестина.

Восточный Рим, Кесария Средиземноморская и прочие города бывшего царства Иудея. Очень спокойное графство, заселённое легионерами-отставниками. Очень богатое графство,

пока управляемое самим Агриппой. Главный торговый путь между западом и востоком и между сенатскими Египтом и Сирией. Повезёт кому-то с невестой.

— Всё, — объявила Октавия и перевернула свою корзину.

— Всё, — повторил Меценат и перевернул свою.

— Слава Марсу Победоносному, — подвёл итог Агриппа.

Консулами 755 года от основания Города, Сенат выбрал Луция Элия Ламия и Марка Сервилия. Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа, уже привычно переизбранся эдилом.

По предложению Агриппы, Большой Рим, теперь действительно Большой, за стенами исторического Вечного Города, разделили на восемь районов, и назначили этим районам кураторов-императоров. Умный ход блистательного Агриппы. Теперь всем придётся вкладываться. Теперь это соревнование, и вынесено оно на суд самих граждан-жителей.

Германику Августу Феликсу достались два района, за себя и за отца: Южный (с дорогой в Остию) и Юго-западный, половину правобережья Тибра (как раз туда он уже строил мост). Меценат получил Западный район, вторую половину Правобережья; а Вар — Юго-восточный (с дорогой в Кампанию), тоже по соседству. Агриппа взял себе Север (с дорогой на Медиаланум), Тиберию достался Северо-запад, Агенобарбу — Северо-восток, а Максиму — Восток). Кураторство, в принципе, ни к чему не обязывало, но попробуй не оправдать ожиданий римлян...

Колизей строится, возводятся несущие конструкции из армированного железобетона, которые потом облицуются привычным мрамором в стиле Колизея из той истории. В этой, главный амфитеатр Рима получится побольше, не на пятьдесят тысяч, а на семьдесят пять, новые строительные технологии это позволяют. И не развалится от не самого сильного землетрясения.

Строится мост из исторического Рима в Юго-западный район, строятся термы и форум Друза Германика, строится главный храм Марса Победоносного. Пожалуй, ещё стоит начать строительство моста между Югом и Юго-западом. Не через центр же им сообщаться. А дворец? Пусть дворец сначала построит себе Агенобарб, а мы посмотрим на реакцию граждан Рима.

Сингапур Публий Квинтилий Вар сторговал без труда. Никчёмный остров на крак земли, Тиберий Клавдий Нерон согласился уступить за два «меркурия» (примерно десять тонн серебра).

Пора перевооружать легионы и отправлять их на Дальний Восток. Пусть готовятся к катастрофе на Хуанхэ, изучают местные традиции и язык и ведут разведку. Такой шанс для почти мирного перехвата власти над огромной Империей упускать нельзя ни в коем случае.

Граф Шатругна Маурья не отказался продемонстрировать своё искусство фехтования в поединке с гладиатором. Не на арене, конечно, не на потеху толпе, а только заинтересовавшемуся этим феноменом Счастливику.

Противником графу наняли легендарного в Риме димахера* (*Специальность гладиатора. Димахеры использовали два меча, по одному в каждой руке. Сражались без шлема и щита. Одеты были в короткую мягкую тунику, руки и ноги перебинтованы тугими повязками, иногда носили поножи) Прискуса. Прискус давно заслужил свой деревянный меч* (*rudis, символ освобождения), но остался рудиарием* (*Гладиаторы, заслужившие освобождение, но решившие остаться гладиаторами. Рудиарии-бойцы были очень популярны среди публики, так как они обладали огромным опытом и от них можно было ждать настоящего шоу). Легенде Римских арен, Счастливчик заплатил «вулкан» (примерно полтонны серебра) сразу и ещё два пообещал за победу в поединке.

Шоу из поединка не получилось. Шатругна Маурья зарубил легендарного Прискуса, признанного лучшим димахером Рима за всю историю, как крестьянина, впервые взявшего в свои руки мечи. Три движения, меньше секунды, и тело Приска рухнуло на плиты внутреннего дворика домуса Клавдиев в Риме, без обеих рук и головы.

Как вообще можно снести голову одним ударом меча? Загадка... Такому умению точно стоит поучиться. Такое пригодится не только головы рубить, прикладное применение такой скорости тоже обязательно найдётся.

Граф Шатругна Маурья невозмутимо поднял один из мечей Приска, классическую римскую спату* (*в это время кавалерийский меч), отцепил от него отрубленную руку и сделал несколько взмахов, оценивая баланс.

— Этой шпуклой, наверное, землю копать удобно, — оценил юморист, — дубина-дубиной, только плоская и стальная.

— Позволь, — попросил Счастливчик меч графа.

У Шатругны мечи имели изогнутую форму. У рукояти лезвие узкое, оно расширялось вдвое ко второй трети длины, к той части, которой наносились рубящие удары, и заканчивалось колющим остриём. Остриё точно на оси рукояти, колющие удары наносить удобно. Односторонняя заточка и отличный баланс. Покороче спаты на четверть, а по весу почти такой-же, чуть-чуть полегче. Хорошее оружие, но...

— И много таких мечей в твоей армии?

— Таких всего два, Божественный* (*Август — Божественный).

— Вот-вот. А наши спаты у всех всадников. У всех одинаковые — бери любой, разницы не заметишь. Для большой армии — то, что нужно. С коня им рубить удобно, а большего и не требуется.

Для разговора расположились в триклинии, время как раз обеденное.

Может ли воин стать совершенным Буддой? Хороший вопрос.

— Наши боги считают, что Будда — это самое никчёмное создание во Вселенной. От его просветления никому нет пользы, кроме него самого, да и это очень сомнительно, прямо скажем. Хуже того — есть вред и большой. На этот путь, который до конца пройти способны единицы, чтобы стать в итоге просветлёнными никчёмностями, встают миллионы. Эти миллионы перестают крутить Колесо Сансары и задерживают всех нас в Кали-Юге. Чтс

будет, если все пойдут по такому пути совершенствования?

— Кали-Юга будет вечной! — искренне ужаснулся истинный кшатрий.

— И дети перестанут рождаться, и человечество вымрет, — кивнул Счастличик, — ведь Будды не бессмертны, они не Боги. И в Богов они не перевоплотятся — следующую инкарнацию им предстоит прожить просветлёнными кактусами в мире Кали-Юги. И так они и будут вечно в кактусы перерождаться. Ты воин, Шатругна, великий воин. В момент боя — ты самый настоящий Будда, в этот момент — ты совершенен, на тебя сходит озарение-дзен, в эти моменты ты крутишь Колесо Сансары за десятерых — за себя и за тех убогих. Ты уже совершенный кшатрий, а полного совершенства в теле человека добиться невозможно никаким просветлением. Любой Будда точно так же испражняется дерьмом, как и все остальные. Обычным дерьмом, а не чем-то полезным. И кто он в этот момент? Понимаешь?

— Это слишком глубокая мысль, чтобы сразу её осознать, но направление для раздумий ты мне задал. Так что, разогнать этих никчёмностей? Запретить им строительство монастыря и храма?

Отпущенный Агриппой, родственник Шатругны затеял у него в графстве строительство буддистских монастыря и храма.

— Пусть строят. Как раз, пока они строят — приносят хоть какую-то пользу. И храм, и монастырь нам пригодятся, там будут постигать путь Голоса Марса Победоносного, Марка Випсания Агриппы. Путь совершенного во многих ипостасях, совершенного воина, полководца и политика. Того совершенного, который один крутит Колесо Сансары сильнее, чем миллионы.

Учить Счастличика, граф Шатругна Маурья не отказался, но через год-полтора, когда он исполнит взятые перед императором Тиберием обязательства в Индии, сполна отплатив ему добром за добро. Правильный граф. Не только в Риме ещё сохранились благородные люди.

Языку Мао Ли теперь учил чистокровный западный варвар-ромей из самой Италии прародины этого воинственного народа. Новый учитель раньше служил в Римской армии, офицером невысокого чина — сотником, или «цень-тури-оном». Служил «цень-тури-он» долго, почти тринадцать лет, и большую часть времени он служил в этих краях, поэтому выучил фарси, который худо-бедно понимал и порученец божественного императора Сяоай Ди. Цень-тури-он тоже направлялся в Италию, потому и взялся учить — всё равно по пути, так почему бы ему не попутешествовать за чужой счёт, да ещё и подзаработать в дороге.

По пути с ними оказалось и какому-то жрецу кого-то мелкого божка, на деньгах не изображённого, жрец тоже согласился учить Мао Ли. Этот согласился бесплатно, только за еду и ночлег. Добрый человек. Труднее всего Мао Ли давалось произношение, а цень-тури-он сильно злился, постоянно забывался и порывался ударить своего ученика, привычной ему, но теперь отсутствующей палкой-витисом. Спыхватывался и ещё сильнее злился от того, что этой палки-витиса у него больше нет.

В таких случаях, на помощь всегда приходил добрый жрец Никодим.

— Злой он, расформировали его легион, теперь все они презренны. Позор Рима. Ничего, Мао Ли, зубы у тебя на месте, губы не порваны, сам стараешься значит научишься со временем. Не труднее поди наша латынь вашего птичьего языка. Сколько говоришь ты своих литер то знаешь? Больше пяти тысяч? И ещё фарси и хинди? Да ты настоящий уникам.

братец, научись, непременно научись.

В пути, Мао Ли поймал себя на мысли, что машинально бережёт «Богов», как только скапливалось достаточно мелочи, он предпочитал сбросить очередной «сатурна», и сбить с рук монеты из чудесной серебряной стали. Это что, какая-то магия? Спросил у жреца. В ответ услышал занимательный рассказ про ромейского мессию, который говорит с Богами, и проводит все реформы по их воле. «Боги-деньги» в Риме тоже появились по воле Богов, причём, относительно недавно, а раньше римляне тоже серебром пользовались, как дикари. Так что это не просто обычная магия, а гораздо серьезнее — это воля Богов.

В Восточном Риме (бывшем Иерусалиме) нашёлся храм Никодимого божка — Приапа. Об этом Боге, Мао Ли в отчёте своему императору предпочёл умолчать, он до сих пор заливался краской при одних воспоминаниях, хоть и вынужден был признать — божок действительно очень полезный. Но уже не слишком молодой божественный император такого Бога точно не оценит, да ещё и на всех остальных Римских Богов потом будет с брезгливостью смотреть, а это делу только повредит. Боги, судя по всему, в Риме очень могущественные.

В Кесарии Средиземноморской, Мао Ли рассчитал цену-тури-она. Надоел своей пышущей злобой презренный позор Рима. Пришлось заплатить неустойку, но небольшую, друг Никодим помог этот вопрос решить.

Там-же, в Кесарии, сходили на игры, которые какой-то вельможа устроил в честь рождения своего внука. На играх, для развлечения зрителей, друг друга убивали довольно искусные бойцы, которых можно было потратить на войне.

Оказалось — нельзя. Гладиаторы — рабы, а рабам в войнах принимать участие не дозволяется, воевать должны свободные люди, желательно граждане. Но и негражданам за службу полное гражданство предоставляется, поэтому все легионеры — очень уважаемые в Риме люди.

Странно здесь всё, очень странно, но варварством, тайный порученец Сяоай Ди, это уже не называл даже в мыслях. К тому же, друг Никодим объяснил, что римляне тоже считают варварами всех, кто не живёт по их законам и обычаям, а значит не только недостойного Мао Ли, но и самого...

«Мы для Рима восточные варвары...»

А ведь аргументы Никодим приводит довольно убедительные. И как это объяснить божественному императору?

К лету 755 года от основания Города, Мавретания уже настолько умиротворилась, что легионы для поддержания порядка в ней больше не требовались. В оазисах поселились гражданские, где большими посёлками, где небольшими, в зависимости от количества воды, поселились оседло, построили дома, которые они в любом случае будут защищать от дикарей-кочевников, если те вдруг пожалуют грабить. Не пожалуют. Не стоят такие посёлки потерь воинов на их захват. Это не богатые приморские города, а дальние пограничные окраины, особой добычи там не возьмёшь, а потери обязательно будут, и потери существенные.

Поселенцы получали старую экипировку и оружие легионеров, а старостой (главой Курии) в каждом посёлке избирали, получившего там земельный надел, ветерана, который учил своих односельчан с этим оружием обращаться, так что лёгкой добычей они точно не будут.

Посёлки в оазисах продавали караванщикам продукты, фураж и воду, поэтому были заинтересованы в расширении торговли и цены особо не задирали. Дорожили репутацией, ведь торговых маршрутов много — раз избыточно наживёшься, и будут тебя обходить стороной лет двадцать. Так и сложилась всех устраивающая система коммерции. Бедуины занимались перевозками товаров через Сахару — от торговых Средиземноморских городов до тропической глубинной Африки и обратно, а посёлки в оазисах — снабжением их караванов.

Завязывались отношения, заключались долгосрочные сделки с ответственными партнёрами. Бедуинские племена получили заинтересованность в развитии партнёрских посёлков. Гораздо большую заинтересованность, чем в развитии конкурирующих племён. Скоро дело дойдёт до породнения через свадьбы. В общем, легионы здесь больше не нужны. Не нужно больше охранять колодцы, пусть ими пользуются все желающие.

«Четвёртый Македонский» и «Тринадцатый Парный» перевооружились и отправились на Дальний Восток через Кесарию Средиземноморскую и Восточные Ворота. Оставил Счастливчик только подающих надежды, талантливых боксёров, в том числе и примипила «Четвёртого Македонского». Гая Страбона, проконсул Германик Август Феликс назначил своим начальником штаба, легатом без легиона. Без легиона, но не без военных сил. Службу в Мавретании продолжали шесть тысяч латных русских всадников и тысяча германских дружинников — фактически, личная гвардия Счастливчика.

«Тридцать пятый Маркоманнский» и «Тридцать шестой Дакийский» вывели на перевооружение в Тингис* (*современный Танжер), на них у проконсула Мавретании появились планы. На них и на Децима Понтиуса Пилата, первого командира Германика Августа Феликса и нынешнего мужа мамы-Антонии. Кстати, брак у них получился вполне продуктивный, у Германика появились единоутробные брат и сестра — Антоний Пилат Октавий и Пилатия Антония.

Новый план появился после отказа Луция Домиция Агенобарба от дальнейшей борьбы, план — завоевать для Рима ещё одну проконсульскую провинцию, за счёт территории Империи Африка. Это, конечно, создаст прецедент пересмотра договора между Сенатом и императорами, а значит, может когда-нибудь отрикошетить и по самому Счастливчику, но ход этот всё равно правильный. Он и императоров стимулирует, и Пилату позволит получить триумф, то есть попасть в элиту элит, и маму-Антонию порадует. Она войдёт в историю, как жена сразу двух Римских триумфаторов. Такого ещё не бывало и, возможно, больше никогда не повторится. Агриппа это поддержит, Мecenат поддержит, Вар поддержит, а Тиберий с Максимом в худшем случае воздержатся.

Империи ведь задумывались для придания динамики экспансии Римской цивилизации, а не чтобы награть на безбедную старость и забыть о долге. Награбил достаточно и считаешь, что хватит? Устал — уступи дорогу и отдыхай. Так правильно, так угодно Марсу Победоносному. Твоя Империя теперь только то, что успел захватить, а остальное подлежит переделу.

В Риме, Мао Ли поселился в очень приличные, даже можно оценить их как роскошные, апартаменты, в совсем новом многоэтажном здании, именуемом «Таверна и инсула второго класса» «Хвостатая Звезда», за стенами самого Рима, с южной стороны.

За стенами, но это не беда. Мао Ли уже успел убедиться, что стены Римским городам больше не нужны, а тем более самой столице. Стены Рима теперь являлись памятником

прошедшей эпохи, памятником славному прошлому, свидетельством того — с чего всё начиналось. В этих стенах теперь не было даже запираемых ворот — вместо ворот построили и продолжали строить огромные арки. Величественные триумфальные арки в честь самых великих побед. Раньше такие арки строились над городскими улицами, внутри стен, а теперь, вызывающе, вместо городских ворот. Рим демонстрировал Миру своё превосходство. Демонстрировал вызывающе и гордился этим.

Город Рим вырос далеко за свои стены во все стороны, а на юг так вообще до самого моря, но инсула «Хвостатая звезда» находилась почти в самом его центре, возле старых, но очень ухоженных крепостных стен. Римляне берегли главный памятник своего города, на содержание в порядке этих бесполезных стен, они тратили по два «вулкана» в год и очень этим гордились. Две тысячи лян серебра* (*примерно тонна), на содержание в порядке бесполезных, в военном плане, стен... каждый год... с ума можно сойти от такой расточительности, а римляне этим очень гордятся.

Странные люди. Странное общество. Правит им совет, под названием Сенат, совет из двух тысяч сенаторов, но правит не полновластно. Трибунные комиции, собрания простых горожан, избирают Народных трибунов, с полномочиями вето на законодательные инициативы Сената. Кроме того, Народные трибуны римских простолюдинов обладают судебной неприкосновенностью. Как им, при такой организации, удаётся принимать какие-то законы? А ведь принимают, значит есть общественное согласие, есть общие для всех интересы, которые ведут Рим к победам. Ладно, об этом подумаем потом, а пока вернёмся в «Хвостатую звезду».

Весь нижний этаж, довольно большого многоэтажного здания, был отведён под собственно таверну, а верхние пять сдавались в аренду посуточно. Никодим посетовал, что ему «второй класс» не по карману, и сказал, что поселится где-то за рекой, в таверне-инсуле подешевле, но пообещал обязательно навещать нового друга.

Действительно дорого — три «сатурна» и пять «бахусов» в сутки, за три комнаты с санузелом, но, стоит признать, очень комфортно. Такого высокого качества жилья, по пути в Рим, тайному порученцу императора Поднебесной ещё не встречалось. На год, и даже больше, денег хватит, а если за целый год не удастся ничего решить, то и торчать здесь смысла не будет.

Никодим посоветовал начать знакомство с Римом с нового форума Голоса Марса Агриппы на Тибрском острове, и Мао Ли этому совету последовал. По форуму Голоса Марса, он в итоге гулял целую неделю, а весь первый день посвятил разглядыванию макета будущего этого удивительного Города, и невольно завидовал. Порученец императора Сяоай Ди был разносторонне образованным человеком и отлично понимал — какое грандиозное преобразование затеяли римляне, и что его божественному императору такое не под силу. Римляне научились делать жидкий камень — специальный раствор, который застывая в формах приобретал крепость гранита, а за счёт стальных прутков, заложенных внутри форм, здания получались намного прочнее, чем всё, что строилось до сих пор.

А стекло? Совсем прозрачное, а не зелёное, как в Поднебесной. Большие и удивительно ровные листы, которые они вставляют в окна — значит, эти стёкла уже достаточно дешёвы. И железо уже настолько дешёво, что из него начинают делать стальные прутки для заливания в бетон и чугунные решётки для оград. Литые и очень красивые решётки из чугуна, для красоты заборов. Уму ведь непостижимо!

Бумага отличного качества и настолько дешёва, что газеты (две ежедневные газеты по

восемь разворотов!) по карману буквально всем. А книги! Множество книг на любой вкус. Самые популярные — «История Богов» и «История людей», авторства нынешнего Принцепса Сената, почитаемого римлянами полубогом — эти читают и перечитывают все, с самого юного возраста, но и других хватает. Книг продаются сотни, в том числе и настоящие учебники военного дела, вроде «Германской войны», или «Среднеазиатской кампании», учебники истории Рима, вроде «Мемуаров Октавии-младшей» и «Записок Гая Мецената», но это ещё ладно, эти книги авторства высших вельмож, но ведь хватает в римской литературе и авторов из народа — «Литературных Народных трибунов». Книг сотни. Издаются все, кого читают* (*здесь Мао Ли ошибается. Издаются, конечно, не все. Далеко не все).

Чем можно заинтересовать Рим, чтобы он отправил посольство, да ещё и отнёсся к божественному императору Поднебесной с должным почтением?

На ум пока ничего не приходило, и Мао Ли решил посоветоваться со своим единственным здесь другом — Никодимом. Никодимом Коринфянином, жрецом Приапа. Порученец императора Сяоай Ди не знал, что жрец Никодим не только жрец, но и агент тайной Службы Внутренней Безопасности. Впрочем, не знал об этом и сам жрец Приапа Никодим. Как и любой агент СВБ, он знал только своего патрона-куратора, а о существовании и деятельности всемогущей тайной Службы даже не догадывался.

Не вашего ума дело, ага.

В конце июля семьсот пятьдесят пятого года от основания Города, легат Марк Корнелий Цек, с графом-раджей Шатругной Маурья, с тремя легионами и артиллерией, высадился на острове Шри-Ланка.

Пуганув на проходе прибрежный городишко, который выглядел слишком ничтожно, чтобы терять время на его разграбление, залпом из корабельных пушек по крепостной цитадели; флот римлян вошёл в реку Келани-Ганга, поднялся вверх по течению, до столицы одного из островных княжеств народа сингалов, и бросил якоря.

— Сенкадагалапура* (*современный Канди), — торжественно провозгласил граф Шатругна Маурья.

— Выглядит богато, — Марк Корнелий Цек внимательно рассматривал город в подзорную трубу.

— Это столица Канди — крупнейшего княжества на острове. Крупнейшего, богатейшего и сильнейшего. Все остальные раджи сингалов подчиняются магарадже Манджунате. Всё, как ты и хотел, легат Цек.

— Мне нравится, — сложил трубу Марк Корнелий Цек, — а тот городишко, на побережье, тоже этому княжеству принадлежит?

— Нет, легат. Дехивала* (*современный Коломбо) — столица княжества Колаамбатота. Бедного княжества.

— Бедность — не порок, — усмехнулся римлянин, — зато оно расположено удобно. Вот эти два княжества мы сразу себе и заберём.

— Очень мудро, легат. В Канди много рудников, где добывают сапфиры, рубины и гранаты. Самые богатые рудники во всём мире.

— Годится! Выгружаемся!

Легионы встали тремя лагерями, перекрыв дороги на северо-запад, север и северо-восток, отрезая город с суши, и установили полную блокаду, вынуждая войско сингалов атаковать себя на укреплённых позициях. Граф Шатругна Маурья очень уважительно отзывался об этих сингалах, как о воинах — их даже свирепые тамилы подвинуть не могли, сколько не старались, поэтому Цек решил действовать осторожно, от обороны. Всё равно полезут, деваться им некуда.

Перехваченных крестьян и торговцев не грабили, всё изъятное у них на нужды миротворческого корпуса щедро оплачивались серебром, которого специально для этих целей прихватили две армейских (метрических) тонны, специально отчеканенной для варваров монеты — четыреста тысяч пятиграммовых «барбарик»* (*barbarica — варварская).

О том, что вторгшиеся войска честно и щедро платят, очень быстро узнали во всей округе, на что и строился расчёт. Слухи разошлись по всему острову, разошлись довольно быстро, и к лагерям легионов потянулись торговцы, в том числе и тамильской, северной стороны — разведка занялась привычным делом.

— Если они и правда такие, как ты описываешь, мы подружимся. Разок повоюем, а потом подружимся. Наши законы им понравятся, а союзники нам всё равно нужны.

Граф Шатругна Маурья хоть сам и не воевал против тамиллов, но был наслышан о них только хорошего. На континенте они легко гоняли войска тех раджей, которые, в свою очередь, также легко гоняли самого Шатругну. Тамилы были правильными кшатриями, и

собственных путей к просветлению не искали, не прижилась у них эта мода. И главное — в Индии у тамиллов союзников не было, воевали они против всех. Рим тоже пока против всех.

— Я в этом уверен, легат Цек, поэтому и посоветовал их императору Тиберию. Тамиллы будут отличными союзниками Рима, если мы поможем им разгромить сингалов на острове.

— Поможем, — кивнул Цек, — обязательно поможем, затем и прибыли. Как быстро эти сингалы соберутся в кучу?

— Дней через десять, легат. Остров довольно большой, а сингалам принадлежит большая его часть. Тамиллы живут на самом севере острова и на юго-востоке континента.

— Да, уж. Не быстро. За это время мы три раза можем этот город ограбить.

— Они ведь этого не знают, легат. Сингалы считают, что стены Сенкадагалапура неприступны, а войско магараджи и само по себе очень грозная сила. И это действительно так.

— Что-же он с этой грозной силой ни разу даже на вылазку не отважился?

— Зачем ему терять своих воинов и своих слонов? Он пустит вперёд младших, так делают всегда — так правильно. Для этого и нужна власть. Младшие ослабнут — власть магараджи от этого укрепится ещё сильнее.

— Хитёр, мерзавец. Надо бы нам этого хитрого варвара живьём взять и в Рим отвезти, пригодится кому-нибудь для триумфа.

— Не сомневайся, легат Цек, скоро я принесу тебе его тупую бородатую башку, — граф Шатругна Маурья вызвал на поединок самого-самого лучшего бойца тамиллов, но в своей победе он был уверен, и небезосновательно.

Сингалов победили легко. Перевес пять к одному не помог бы им, даже если бы у римлян закончился порох. Ветеранам «Первого Германского», «Шестого Победоносного» и «Четырнадцатого Парного» эти мелкие чернявые варвары и без артиллерии не противник, и слоны бы им ничем не помогли. Но порох не закончился, а потому обошлись почти без потерь.

Сенкадагалапуру захватили, магараджу Манджунату повязали, тридцать пять тысяч, успевших сдать, горе-воjak пристроили на работу. Река-рекой, но и дорога к берегу тоже нужна. Настоящая римская виа, а не это недоразумение, по которой невозможно перемещаться в сезон дождей. Войско тамиллов подошло почти месяц спустя, в середине сентября.

Тамиллы привели под стены Сенкадагалапура около тридцати тысяч, с парой сотен слонов. Формула «враг моего врага — мой друг» с ними не работала, в Индии врагами тамилам были все, поэтому всё могло закончиться хорошей дракой, если бы дело в свои руки не взял граф Шатругна Маурья.

Махараджа тамиллов, с невыговариваемым именем Чандрасекхара Ананхдумра, поговорить не отказался. Конечно, бледнолицые пришельцы немногочисленны, но они ведь уже каким-то образом умудрились разгромить очень грозных сингалов. Почти всех сингалов на острове, а не только войско махараджи княжества Канди. Слухами земля полнится, махараджа тамиллов знал о состоявшейся битве многое — что пришельцы специально дождались подхода всех сингальских раджей со своими воинами, а потом их играючи разгромили, почти не понеся при этом потерь. Во время битвы они убивали громом и молниями, но это уже может быть преувеличением тёмных простолюдинов. Которых, кстати, бледнолицые почему-то не обижали. Странно всё это, очень странно.

Раджа северо-западного княжества Магатхи, Шатругна Маурья, ни простолудином, ни тёмным не был. Его рассказ оказался крайне интересным, очень подробный рассказ — начиная с родственника, который встретил далеко на закатной полночи земную инкарнацию Шивы, последующего призвания раджей к себе в княжество этих самых бледнолицых, сражения в Магатхе, путешествия в Рим, знакомства с Шивой-Марсом, до самой битвы с сингалами.

А ещё раджа, то есть, теперь имперский граф, Шатругна Маурья, от имени Римского императора Индии, Тиберия Клавдия Нерона, предложил тамилам все сингальские княжества острова Шри-Ланка, кроме Канди и Колаамбатота, юго-восток Индии, статус имперского герцогства и союз против всех остальных царей-раджей-князей в Индии. Если этот союз состоится, то римляне — так звали этих воинов Шивы-Марса, будут учить тамилы правильно воевать и поделятся с ними «вулкановым зельем», которое открывает ворота в любые города. А городов, до далёкого восточного Меконга, очень много. Очень много очень богатых городов, добычей из которых римляне честно поделятся с союзными тамилами. И добычей поделятся, и славой.

Предложил он и способ узнать волю Богов — устроить поединок между ним самим и лучшим из воинов славных и отважных тамилы. Честный поединок на честных клинках. Если тамильский воин победит — значит Боги хотят войны, а если победит Шатругна Маурья, значит союза. Почему именно так? Именно так, ведь этот союз, устами имперского графа, предлагает Рим.

Всё предложенное было щедро уже сейчас и заманчиво в перспективе, поэтому тамильский раджа Чандрасекхара Ананхдумра даже хотел выставить воина похуже, но раджа Магатхи, граф Маурья, его от этого предостерёг, как будто он умеет читать мысли.

Шатругна Маурья действительно был совершенным кшатрием, истинным Буддой клинка — огромный тамил, на голову выше и раза в полтора тяжелее, зря надеялся на свою огромность, голова его так быстро отделилась от туловища, что, наверное, даже подумать ничего не успела. Граф Шатругна растёкся перед здоровяком ртутью, отбил мечом в левой руке рубящий удар, одновременно нанося горизонтальный удар в шею мечом в правой руке — и бум. На землю свалился уже безголовый труп, пуская из обрубка шеи фонтанчики крови — сердце здорового тамила ещё продолжало биться, а граф Шатругна Маурья уже успел подхватить в полёте глупую тамильскую голову за варварскую чёрную бороду.

Всё, воля Богов явлена, явлена слишком очевидно для всех — войны не будет, союзу быть!

Махараджа тамилы, Чандрасекхара Ананхдумра, принёс Риму клятву союзнической верности на походном Алтаре Победы. Вассальную феодальную клятву за Тамильское герцогство, он принесёт позже лично императору Тиберию Клавдию Нерону, а пока хватит и союзнической. Тамилы уже можно учить, а после обучения — использовать. Особенно их отличных слонов, на которых можно навьючивать по две пушки с боезапасом.

В конце сентября 755 года, граф Шатругна Маурья, с чувством выполненного долга, отправился в Рим, учить фехтованию Верховного понтифика Рима, признанного римлянами Божественным Счастливым* (*Август Феликс). И обещал Божественному, и тянуло графа Шатругну к этому незаурядному молодому императору. Его звала сама Судьба.

В октябре 755 года от основания Города, Рим попробовал шоколад, сладкую мучную выпечку, какаои кофе с молоком и сахаром. Лакомства настолько понравились римлянам,

что на сахар, какао и кофе возник ажиотажный спрос. Цены на них теперь определялись на публичных аукционных торгах, наряду с золотом, серебром, медью, оловом, никелем, керосином и воском и попадали в ежедневный бюллетень «Коммерции».

Не то, чтобы до этого, римляне ничего слаще морковки не пробовали — мёд потреблялся в огромных количествах, но мёд — это мёд. Он имеет очень сильный вкус, забивающий собственные неповторимые вкусы и какао, и кофе, поэтому сахар сразу оценили дороже серебра. Мавретанский землевладелец, плантатор-латифундист, производитель этого продукта, друг-Юба, сразу вошёл в число богатейших людей Римской Ойкумены. Понятно, что такие цены не навсегда, но Юба на лаврах почивать не собирается. Потенциал новых продуктов он оценил, поэтому деньги свои теперь инвестирует в сельскохозяйственные угодья далеко за пределами родной Мавретании. В Испании и Галлии отлично растёт подсолнечник — тоже «золотое» растение, учитывая спрос и цены на масло. Очень вкусное масло, не хуже оливкового. Пусть оно будет дешевле, пусть даже вдвое дешевле, но его можно производить в десять раз больше, с вдвое меньшими затратами. А потом и до кофе с какао дойдёт, для их плантаций нужны более низкие широты, ближе к экватору.

Половинную долю своего бизнес-предприятия, друг-Юба буквально навязал Счастливику — настоял, что без этого хода, удачи у него больше не будет, Фортуна отвернётся. Суеверие, конечно, но искреннее, а потому его стоит уважить. Такое суеверие — важная часть правильной Веры.

Для императора Германика Августа Феликса — это совсем небольшие деньги, но возможность влиять на цены таких востребованных продуктов обязательно пригодится. Любой бизнес процветает, если он монопольный, а на пару с предприимчивым другом-Юбой, поднять всё производство в монополию будет не сложно. Не самому же этим заниматься...

Отдаримся владением и титулом. Пригодятся и самому Юбе, а особенно его сыну Птолемею. Кстати, внуку Марка Антония от Клеопатры, а значит троюродному брату. Птолемею исполнилось двенадцать, через пять лет он начнёт делать классическую римскую карьеру с армейской службы и обязательно высоко поднимется, очень способный юноша, такие родственники нам пригодятся, а ему пригодится титул. К тому времени, титулованных владетелей будут ценить уже по-другому.

А пока, управляемые проконсулом Германиком Августом Феликсом, провинции Мавретания-Кесарийская и Мавретания-Тингитанская выходят в топ сенатских провинций Рима по доходам и налоговым сборам.

Личным примером, ага. Теперь деятельность проконсулов будет оцениваться в сравнении.

Жрец Приапа, агент Службы Внутренней Безопасности, Никодим Коринфянин, человек опытный и достаточно умный, сразу определил, что его ханьский приятель совсем не купец, поэтому доложил о нём наверх по команде. И своему куратору в Службе Внутренней Безопасности, и вышестоящему жрецу Римской Марсианской церкви. На самый-самый верх, доклад жреца Приапа, Никодима Коринфянина, добрался очень быстро.

Появление в Риме порученца (и шпиона, конечно) ханьского императора Сяоай Ди, Марка Випсания Агриппу несколько не удивило. На берегу Индийского океана, Рим закрепился уже шесть лет назад, уже пять лет ведётся торговля, очень бойкая торговля, в том

числе и страховыми вымпелами; так что было бы очень странно, если бы о ней не знали, или знали, но не реагировали, в Империи Восточная Хань, откуда и прибыл этот Мао Ли.

А ведь толковый ханец, вон как быстро латынь выучил. А кроме того, говорит на хинди и фарси, молодец, что тут ещё скажешь. И Никодим этот молодец

— Забирай своего приятеля из инсулы и селитесь на вилле Випсаниев в Остии, жрец Никодим. Туда же соберём всех наших знатоков ханьского, пусть этот Мао Ли всех подучит. Когда Верховный понтифик вернётся в Рим и будет готов его принять — вас известят.

— Слушаюсь, Принцепс и Голос Марса.

Империя Хань — владение Публия Квинтилия Вара, но политикой за Вара занимается его будущий зять, посланец из будущего, вот пусть он и решает — что делать с этим Мао Ли. У самого Агриппы забот и без Хань достаточно. Предстоит пересмотр договора об Империях с Сенатом. Не потянул Луций Агенобарб, а его сын, Гней Домиций только начал свою службу трибуном, ему собственный империум не светит ещё долго.

Договор пересматривается в пользу Сената, но случай этот должен стать исключительным. Никаких прецедентов. Если в будущем возникнет похожая ситуация, а такое вполне может возникнуть у Тиберия, или Максима, разбираться всё будет заново, будет новое исключительное решение без ссылок на прецедент.

А Понтиец империума точно заслуживает, как и триумфа. Молодец, Феликс, тянет наверх «Македонцев». В хорошие руки попадёт Рим.

На итоговой сессии Сената, на стыке 755 и 756 годов от основания Города, консулами выбрали Децима Понтиуса Пилата (во второй раз) и Гая Сентия Сатурнина. Консулу Пилату предоставили империум на завоевание сенатской Римской провинции Мавретания Атлантическая и проконсульские полномочия в ней на 757–759 годы. Все полномочия предоставили уже по шаблону, созданному Германиком Августом Феликсом, в том числе и проведение триумфа, в случае победы. В этой победе можно не сомневаться, некого там побеждать, только колодцы и оазисы занять по привычной схеме, тут война и закончится, так что вопрос с триумфом, считай, решённый.

Консулу Дециму Понтиусу Пилату гарантировали оплату жалования шести легионам и десяти тысячам ауксилиариев на три года, этого срока точно хватит на построение процветающей Римской провинции.

Принцепс, Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа, уже традиционно переизбрался эдиллом с империумом. С его подачи приняли закон о выделении ветеранам за службу участков в Большом Риме, под собственное жильё, или коммерческую недвижимость. Идею эту, на самом деле, подал Счастливчик, а Агриппа её поддержал. Слишком важный город — Рим, чем лучше над ним контроль, тем спокойнее. Всё равно ведь в Риме отставные легионеры собираются. Продадут свои сельскохозяйственные наделы и перебираются в город на свой страх и риск. Многие разоряются и впоследствии бедствуют, занимаясь криминалом. Вот и снизим для них риски, организуем в гильдию владельцев доходной городской недвижимости. Союз ветеранов различных войн, с уважаемым и толковым председателем. Хорошая идея, очень хорошая.

Кроме закона о наделении желающих ветеранов городскими участками под застройку (не только в Риме, а во всех городах Сенатской Республики), приняли закон о строительных и санитарных нормах. Объёмный и хорошо проработанный закон, который регламентировал требования к коммерческой недвижимости. Для себя — строй как хочешь, а для коммерческого использования — вот тебе регламентные нормы. Вот для «гостиниц», вот для инсул, вот для таверен, вот для торговых лавок, гостиных дворов и гипермаркетов, а вот для казино и прочих лупанариев. Законом, в частности, полностью запрещалось использование свинцовых водопроводных труб. В самом Риме они уже повсеместно заменялись на стальные, теперь пришло время позаботиться о здоровье жителей остальных городов. Дороже пока стальные трубы, но здоровье ещё дороже. Да и дороже — это не всегда плохо. Дороже недвижимость — дороже вся экономика. Только этот закон обеспечит рост процентов по пять в год.

Агенобарб обиделся. Обиделся на Агриппу, за то, что тот не заветировал пересмотр закона об Империи Африка, обиделся на Сенат, да и вообще на весь мир. Тиберий и Максим занимались своими имперскими делами, поэтому, вместо пленума «Марсианского комитета», состоялся очередной сбор «Комитета посвящённых».

Публий Квинтилий Вар загорелся идеей строительства канала из Средиземного моря к Красное в своём графстве Аравия-Петра. Настолько загорелся, что лично полгода там всё исследовал. Суэцким этот канал здесь не будет, город на Красном море называется Марцелла, а в остальном — всё то же самое.

Нильский канал для коммерческого использования непригоден, его каждый год заливает. Протащить военный корабль парой центурий можно, а вот таскать так торгашей получается дороже, чем доставлять товары посуху, через Восточные Ворота и Кесарию Палестинскую.

Чисто парусные суда в Индийском океане и Средиземном море не прижились. Добавились мачты и паруса, но и вёсла остались. Очень многие порты, в том числе и самый загруженный — Восточные Ворота, располагаются довольно высоко в реках, а там с одними парусами можно и месяц попутного ветра прождать, галсами-то не пойдёшь, фарватеры узкие и сильно загруженные. Использовать баркасы в качестве буксиров? Дешевле получается прорезать вёсельные порты, чем таскать с собой буксир, он и весит, и стоит немало. В общем, чистые парусники прижились только в Атлантике, а на востоке совершенствуются гибриды, так что с прохождением канала проблем там не возникнет.

Проблемы возникнут у наследников Агриппы — Октавиана Випсаниана, Октавии Випсании и Випсании Агриппины, которые потеряют доходы от торгового трафика.

— Потеряют и потеряют, — пожал плечами Агриппа, — что-ж теперь, из-за них троих такой нужный канал не строить?

— Может, в долю их взять? — предложил Счастливчик.

— Обойдутся, — отрезал Агриппа, — они младшие. Ни к чему возбуждать зависть у старших к младшим, ничем хорошим это не закончится.

— Тогда войди в долю ты, а потом разделишь её на всех.

— Нет. Кому и что досталось — выбор сделали сами Боги. По их воле, Випсании Марцелле досталась Аравия-Петра. Им виднее. Дикси.

Восьмого января 756 года, Германик Август Феликс посетил виллу Випсаниев в Остии.

На виллу собрали всех, кто раньше изучал ханьский язык, ещё с полученными от Фраата Четвёртого учителями. Сорок шесть человек, в том числе три жреца: жрец Бахуса, Агафон Фракиец; жрец Януса, Ломан Галл; и жрец Меркурия, Иерофей Сириец. То есть четыре жреца, в эту компанию случайно попал жрец Приапа, Никодим Коринфянин. Случайно?

Случайно — это и есть по воле Богов. Он и в Службу Внутренней Безопасности случайно попал, а агентом оказался очень толковым, личное дело жреца Никодима Счастличик прочитал. В Службе тот с момента её основания, принимал участие ещё в предотвращении иудейского мятежа в Риме.

Мао Ли запирается не стал, и поведал всё, как на исповеди — Империи Хань очень нужно наладить отношения с Римом, но увы, первыми они отправить своё посольство не могут, потому что... потому что...

— Потому что в Империи Хань нас считают варварами, — подсказал замывшемуся китаюцу Германик Август Феликс.

— Извини, божественный, говорящий с Богами.

— Охотно извиняю, это ведь не ты так считаешь. Посольство мы отправим. У нас нет подобных предубеждений. Нет ничего унижительного в отправке посольств, даже к варварам.

— Благодарю тебя, божественный, говорящий с Богами

— Не за что — это в наших интересах, в интересах Рима. Только... Наши Боги предупреждают тебя Мао Ли, что твоего императора, скорее всего, уже нет в живых. Это не точно, Империя Хань слишком далеко, чтобы всё точно видели даже наши Боги, но вероятность этого очень велика.

— Недостойный Мао Ли благодарит за предостережение мудрейшего, божественного, говорящего с Богами. Но даже в этом случае — ваше посольство нужно любому императору Хань.

— А если император несмышлёный ребёнок, а от его имени правит, например, любовник матери?

— Об этом тоже предостерегают Боги?

— И об этом тоже. Скажи, Мао Ли, свою оценку скажи — империи Хань пошла бы на пользу Римский закон и Римский порядок?

— В этом у недостойного Мао Ли никаких сомнений нет, мудрейший, божественный, говорящий с Богами. И ваш закон, и ваш порядок — были бы великим счастьем для Империи Хань. Только мы пока не готовы их принять, мы слишком другие.

— Не готовы, это я знаю. Ханьцев нужно к этому готовить и не все законы вводить сразу. Начинай думать над этим, Мао Ли. Как готовить и с чего начинать такую реформу. Кто бы не начал её проводить — твои размышления ему очень пригодятся. Пиши книгу — пособие для реформаторов. Наши Боги считают тебя достойным для составления плана реформ, судьбоносных для Империи Хань и всех ханьцев. Начинай думать, начинай писать, и не зови себя больше недостойным, Мао Ли.

— Как прикажешь, мудрейший, божественный, говорящий с Богами.

Хороший получится граф.

Жрец Приапа, Никодим Коринфянин, получил в награду «вулкана» (полтонны серебра) и назначение главой посольства Рима в Империю Хань. Посольства из четырёх жрецов. Только четырёх жрецов. Одних жрецов и даже без военной охраны.

Агриппа такому выбору послов удивился.

— Их не жалко, — объяснил Счастливчик, — если что-то пойдёт не так — они посланцы не самого Рима, а только лишь Верховного понтифика, то есть мои, религиозные миссионеры.

— А что может пойти не так?

— Всё может. Там уже наверняка сменился император, страной правят совсем другие люди. За гибель настоящего посольства, нам пришлось бы объявить Империи Хань войну, что испортило бы нам все наши отличные планы.

— А за этих должны будут отомстить сами Боги, — усмехнулся Агриппа, — Приап, Бахус, Янус и Меркурий.

— Именно так. Не стоит нам вперёд Богов в таком деле лезть, дадим им время и будем действовать по собственному плану. Должок обязательно взыщем, за обиду отомстим, но когда придёт время, и мы будем к этому готовы.

— А если всё пойдёт как надо?

— Тогда мы будем знать о Хань гораздо больше, чем сейчас. Эти знания нам очень пригодятся.

Строительство Колизея вышло на стадию отделки, самую длительную стадию — не фанерой ведь обшить, как первые каркасные дома в Далкиленде, тут отделка мраморная, да не просто плиткой, а с затейливыми колоннами, антаблементами с барельефами и скульптурами, под внешними арками галерей. Дорогуций получится «стадиончик», но он ведь не просто амфитеатр, ещё и монументальный памятник на века. Даже не так, Колизей — это в первую очередь памятник, а уже во вторую амфитеатр.

В главном храме Марса Победоносного монтируют купол. Стекланный купол, огромный по нынешним временам купол, шестьдесят метров во внутреннем диаметре. Храм тоже строится по графику и даже с небольшим опережением. На оба самых грандиозных римских строительства — храма Марса и Колизея, каждый погожий день собираются посмотреть многочисленные «зрители-болельщики». Из-за этого, Агриппа даже отложил перестройку мавзолея Октавиана Августа — раз уж зрелище римлянам понравилось, то это удовольствие стоит для них растянуть.

Луций Домиций Агенобарб начал строительство своего дворца. Очень энергично начал, сразу с десятью тысячами рабов и тремя тысячами надсмотрщиков, теперь он постоянно испытывает недостаток строительных материалов. Основные крупные поставщики законтрактованы на годы вперёд, а среди мелочи — половина жульё. Что самое обидное — в Африке у Агенобарба всего навалом, но как всё это доставить из Африки в Рим? Что-то он умудряется сплавлять по Нилу, обходя пороги, но для десяти тысяч строителей — это слёзы.

На проспекте Рим — Остия начали укладывать рельсы для трамвая на конной тяге, чугунные рельсы, литые, сталь пока слишком дорога. Ничего, послужат и чугунные, нагрузки небольшие, как по весу, так и по скорости, а потом заменим. И рельсы заменим на стальные, и конскую тягу на электрическую.

Электричество уже изучается. Изучается не с целью познания природы явления, эту природу и в том двадцатом веке не познали, а в качестве божественного дара, который можно и нужно использовать в утилитарных интересах. Гигин и Гермоген, ректор и проректор университета в Германском Риме, электричество уже «поймали» и им

«заболели». «Вольтовые столбы», подсказку на которые Счастливи́чик подкинул им через Вара, они уже усовершенствовали до предела — куда там тому Вольта. Здесь всё намного серьёзнее, здесь в электричество инвестируются миллионы, уже на стадии ранней разработки. Теоретические знания уже на высоком уровне, сдерживает процесс дальнейшего развития теперь механика. Нужны высокооборотистые подшипники. Потом подшипникам потребуется смазка, обмоткам и проводам изоляция, а это уже нефтехимия. Невозможно «выстрелить» в одной отрасли, не подтянув до определённого уровня все остальные.

Гигин и Гермоген это уже осознали, люди они действительно очень талантливые и целеустремлённые, так что можно надеяться покататься на электрическом трамвае ещё в этой жизни. Про электрический телеграф и говорить нечего — ему сейчас не хватает только меди на провода. В Германском Риме, в университетском кампусе, «яйцеголовые» уже телефонными линиями соединились, общаются голосом на расстоянии.

Меди пока мало, несмотря на освоение Варом Урала. Слишком много меди потребляют армия и флот, а потому она слишком дорога, чтобы тратиться на магистральные провода. Такие дорогие провода потребуют очень дорогой охраны, так что пока обойдёмся голубями и посыльными. Славные и суровые наши Римские предки обходились, и мы до поры обойдёмся.

Семнадцатого января 756 года, в Рим прибыл граф Шатругна Маурья, сполна отплативший императору Тиберию добром за добро. У Тиберия Клавдия Нерона теперь есть в Индии надёжный союзник и тысячи советников, графа Маурью он отпустил в Рим с лёгким сердцем.

Двадцать второго января, консул, Децим Понтиус Пилат; проконсул двух средиземноморских Мавретаний, Германик Август Феликс; и граф Шатругна Маурья отправились на войну. Хотя, какая уж там война, они отправились осуществлять аннексию Мавретании-Атлантической — новой проконсульской, сенатской провинции, от границ Мавретании-Тингитанской, до реки Гамбия, или как её здесь Пилат назовёт. Может назвать и Пилатией, и Антонией — он в своём праве.

Шесть легионов, которые оплачивает Сенат, в Мавретании-Атлантической точно избыточны. В Тингисе ждут, уже перевооружившиеся «Тридцать пятый Маркоманнский» и «Тридцать шестой Дакийский», с носимой артиллерией; плюс шесть тысяч русской латной кавалерии и тысяча германских «гвардейцев» — личная «гвардия» Счастливи́чика; плюс две с половиной тысячи лёгкой кавалерии разведки — личной «гвардии» римского гражданина, плантатора-латифундиста-олигарха, Юбы Второго. Итого: два легиона и девять с половиной тысяч ауксилиариев. Остальные деньги Сената пойдут на содержание легионов в Империи Германия. Не от нужды, но по справедливости. Всё, что выделили — обязательно нужно забрать.

Будущей Римская сенатская провинция Мавретания-Атлантическая, границей на севере имеет горный хребет большой Атлас, на юге реку Гамбия, на западе Атлантический океан, а на востоке верховья трёх достаточно крупных рек, впадающих в океан: Драа, Сус и Сенегал.

Драа — река, почти пересыхающая летом, но накопить воды для небольшого города за зиму можно. Значит, приморскому городу с портом здесь быть. В долину Драа, Пилат отправился сам, с корпусом русской латной кавалерии и лёгкой кавалерией Юбы Второго. Там они надолго не задержатся. Оценят перспективу закладки города в верховьях и двинутся на юг, к Сусу, зачищая междуречье.

Река Сус тоже стекает с Атласских гор, но течёт в долине между хребтами большой Атлас и Антиатлас, которым закрыта от пустыни Сахара. Сус полноводнее, долина реки плодородна, но оседлого населения здесь тоже нет. Берберы не строят своих городов. Не строят берберы — построим мы. В Сус, Пилат отправил небольшой флот, из шестидесяти мореходных галер, с тысячей германских «гвардейцев» и пятью тысячами «трудоармейцев»-дембелей, во главе с легатом Гаем Страбоном, начальником штаба проконсула, Германика Августа Феликса. Только ему, кроме самого Счастливики, германские «гвардейцы» подчинялись беспрекословно.

«Трудоармейцам»-дембелям предстояло совершить свой последний подневольный трудовой подвиг — построить город в устье Суса* (-примерно современный Агадир), а потом осесть в Мавретании-Атлантической свободными людьми. Большинство из них пойдёт служить в милицию, ради получения детьми римского гражданства, но и прочими делами будет кому заняться.

«Тридцать пятый Маркоманнский и «Тридцать шестой Дакийский», на трёх сотнях кораблей, отправились на самый юг, к устьям Сенегала и Гамбии. Там живут уже не берберы, а негры, живут оседло. При правильном подходе, из местных жителей можно сделать вполне лояльное Риму население, поэтому командование южным корпусом, консул Децим Понтиус Пилат поручил Германику.

Свободное население, экономически намного выгоднее рабов, если оно лояльно. Это уже факт, который не оспаривается в Риме даже самыми упоротыми ретроградами. О законодательной отмене рабства, речи пока не ведутся, но закон «О вольноотпущенниках» уже приняли. Закон, освобождающий хозяев от ответственности за бывшего раба, и от налога на его освобождение — отпустил и забыл, выживай, как хочешь, вся ответственность на государстве. Рабов теперь освобождают много. В сельском хозяйстве, вчерашние рабы, ныне свободные арендаторы, приносят гораздо больший доход владельцам земли, да ещё и сами о себе заботятся — сами строят себе жильё, сами одеваются, сами кормятся, сами покупают и сами ремонтируют свои инструменты, а значит, берегут их. Без рабов пока не обойтись в каменоломнях, шахтах и рудниках, но это пока. И туда уже добирается механизация, а механизмы рабам уже не доверишь, слишком они дороги.

В общем, если получится приручить негров на юге лаской, как аборигенов в Новом Свете — будет просто замечательно. А рабов, если таковые вдруг зачем-то понадобятся, они сами потом наловят в джунглях. Сколько нужно, столько и наловят, тропическая Африка довольно многолюдна.

В марте 756 года от основания Города, в графстве Аравия-Петра* (*западная Иордания и Синайский полуостров), империи Римского Востока, началось строительство судоходного канала из Средиземного в Красное море. Строительство началось с малого канала — искусственного рукава Нила, для доставки пресной воды в зону строительства. Водичка хоть и грязная, но пресная, отстоять и прокипятить её возможно. Для кипячения дрова больше не нужны — керосин в достаточных количествах производится совсем неподалёку, в герцогствах Аравия и Месопотамия.

На строительство пресноводного канала, император и граф, Публий Квинтилий Вар, привлёк одну из своих трудовых армий — военнопленных из Средней Азии и «Седьмой Клавдиев» легион. В Русской Империи у него осталось всего пять легионов, но и это уже избыточно. Внутренний порядок поддерживается милицией и учебными когортами, а

экспансию ведут сами местные. Бароны-лесовики идут всё дальше на север и северо-восток, а русский кочевой народ добрался уже до Монголии.

В Германии осталось всего четыре легиона — «Первый Германский», «гвардейский» легион папы-Друза, размещался возле столицы и охранял бесценные научно-производственные активы, в том числе и от шпионажа; «Пятый Жаворонков»* (*Legio V Alaudaе) контролировал строительство трудовой армией города Антония в Скандинавии, примерно на месте тамошнего Стокгольма, контролировал добычу никелевой руды и факультативно обследовал Проклятый холм на Проклятых болотах в том месте, где должно быть устье Невы; «Десятый Охраняющий пролив»* (*Legio X Fretensis) занимался развитием территории северо-западного Причерноморья между Данубием-Дунаем и Южным Бугом, на его попечении находились целых три трудовые армии; а «Двадцатый Валериев Победоносный»* (*Legio XX Valeria Victrix) с двумя трудовыми армиями осваивал побережье Северного моря и междуречье Рейна и Альбиса-Эльбы. Вот и всё. Большого военного присутствия уже не требовалось. Учебные когорты и милиция с поддержанием порядка справлялись сами. Да и не возникало особых беспорядков. Случались эксцессы местного значения, но они не направлялись против императорской власти, местные и есть местные — битвы за право покоса на вон том лужке.

Три подчинённых Счастливику легиона — «Четвёртый Македонский», «Тринадцатый Парный» и «Двадцать первый Хищный», с двумя Варовыми — «Третьим Галльским» и «Шестым Железным» отправились на Дальний Восток, колонизировать Сингапур, Хайнань и Тайвань и готовить аннексию Империи Хань, а ещё два временно перешли к Сенату, под командование консула Децима Понтиуса Пилата, имперского герцога Ютланда и Скандинавии, то есть, фактически остались нашими. Случись чего, а случится может всякое, причём в любой момент — наших семнадцать, плюс четыре в Британии, у гарантированного союзника, Гая Цильния Мецената.

Не наших тридцать три, условно не наших — четыре в Восточной Империи, пока они подчинены Агриппе, но в том-то и дело, что пока; четыре у Павла Фабия Максима; восемь у Луция Домиция Агенобарба и семнадцать у Тиберия Клавдия Нерона. У дядюшки Тиберия умнейшего политика, который тоже готовится к «Эпохе после Агриппы».

К ней все готовятся, Марку Випсанию Агриппе уже шестьдесят семь, но Тиберий самый умный и предприимчивый, он почти наверняка возглавит «Южный пул». Сразу война, конечно, не начнётся, нет пока неразрешимых противоречий, но политическая борьба за влияние в Риме точно начнётся сразу, а из неё запросто перерастёт уже в настоящую войну. Ладно, доживём — увидим, а пока забот и без того хватает.

Аннексия Мавретании-Атлантической состоялась в сентябре 756 года — войска консула Децима Понтиуса Пилата вышли к намеченным рубежам, и закрепились на них. Организованного сопротивления местные не оказали. Берберские племена уже знали, чем заканчивается сопротивление римлянам, а у негритянских, видимо, сработала чуйка. Подавляющее большинство племён принесло клятву верности Риму и стало жителями. Пока не гражданами, статус жителей на одну ступеньку ниже, им не разрешается создавать собственных Курий* (*органы местного самоуправления, «районные советы»), но уже и не варварами. В экономическом плане, права жителей от гражданских ничем не отличаются, а в политическом... Они пока даже не понимают — зачем это нужно, какие уж тут права...

Зато теперь они получали доступ к технологичному рынку Рима и возможность зарабатывать на торговле с дикой внутренней Африкой. Какой в дикой Африке товар? Хватает там товаров. Самородное золото, драгоценные камни, ценные породы древесины, хищные звери, да и рабы до сих пор товар. Прилично потерявший в цене, но до конца не обесценившийся товар. Но если ты меняешь здорового раба на безделушку, ценой в пару «сатурнов», то и это сверхприбыльный бизнес. И весь этот бизнес достался местным жителям, так с чего бы им сопротивляться такой благодати?

Совместное предприятие, «агрохолдинг» Счастливи́чика и друга-Юбы, прирос латифундиями на ничейных до того землях в долине Су́са и, выкупленными у негров, участками на берегах Сенегала и Гамбии. За «бусы» выкупленными, но тем не менее. Вот и появилось место для культивирования кофе, какао, гевеи и бальсы, и значительного расширения плантаций сахарного тростника. Теперь нет никаких сомнений, что за срок своего проконсульства, Децим Понтиус Пилат повторит проконсульские достижения Счастливи́чика в северных Мавретаниях. Личным примером, да. Пилат — это тоже личный пример. Пилата лоббировал лично Германик Август Феликс. Ещё Марк Випсаний Агриппа Принцепс и Голос Марса, но он уже в поддержку идеи.

В начале октября, Счастливи́чик, граф Шатругна Маурья и легат Гай Страбон, с остальными боксёрами и «гвардией-дружиной» германцев отправились в Рим. «Гвардия» в Большой Рим, за пределами городских стен, в Южном и Юго-западном районах, районах «Германика-Феликса» и «Друза-Германика». Участки за службу, ауксилиариям от Сената не полагались, но участков у Счастливи́чика хватало и без Сената. Хватало и для германцев, и для русских, и для желающих ветеранов-легионеров. Все участки, вдоль проспекта Рим — Остия, были выкуплены заблаговременно, и обошлось это дешевле, чем раскорячившийся в эпическом недострое дворец Агенобарба.

Германских «берсеркеров» удалось немного цивилизовать. Удалось им внушить, что верная служба правильному вождю, засчитается Богами наравне с правильной смертью. А для тех, кто родит и правильно воспитает себе смену — причитаются солидные бонусы, как офицерам правильного хода. Красиво сдохнуть может каждый боец, а ты попробуй сделать больше. Марсу Победоносному, Марсианской религии и церкви такое угодно. Угодно, чтобы правильный ход не закончился с этим поколением, а продолжился в веках, для этого нужно родить и правильно воспитать потомство. В общем, радикальная секта внутри Марсианства. Или Орден. Или это одно и то же.

А ведь германские и русские «гвардейцы» не только совершенные машины войны, все они уже очень богатые люди, получившие немалые доли в Понтийско-Боспорской, Меотидско-Кавказской, Среднеазиатской и двух Мавретанских кампаниях. Очень успешных, в плане добычи, кампаниях. По меркам того мира, все они миллионеры, или около того. Секта-орден воинов миллионеров... Героев-отморозков миллионеров, фанатиков Марсианской веры... Даже страшновато такое в этот мир запускать, если честно.

Граф Шатругна Маурья стал Германику Августу Феликсу не только тренером по фехтованию, но и телохранителем, и вообще личным помощником во всех делах. Например, он теперь иногда проводил тренировки боксёров и, пониманием красоты и философии бокса, удивлял даже самого Счастливи́чика. Совершенный кшатрий в любых поединках разбирался интуитивно, хоть с оружием, хоть без.

А ещё граф Шатругна много читал. Читал он очень внимательно и вдумчиво, да ещё и

перечитывал по несколько раз, выискивая противоречия у разных авторов.

— В «Мемуарах Октавии», Цезарь усыновил Октавиана, потому что тот был его любовником, но ни в «Записках Гая Мецената», ни в «Истории гражданских войн» Тита Ливия* (*книга из альтернативной истории) ничего об этой любовной связи не сказано.

— Октавия высказала предположение. Учитывай, что Цезарь пытался расстроить её счастливый брак с Гаем Клавдием Марцеллом, чтобы выдать замуж за старика Помпея, в своих политических интересах; а братец Октавиан, уже в своих политических интересах, выдал её за Марка Антония. Зла она на обоих, так что вполне может преувеличивать. Она ведь теперь брата иначе, как «маленький извращенец» не называет. А может и нет. У Цезаря ведь имелись и более близкие родственники — сыновья его сестры Юлии-старшей, то есть родные племянники, да ещё и соратники — Луций Пинарий и Квинт Педий; а Октавиан племянник внучатый, в ту пору себя ещё вообще ничем не проявивший. Да и усыновил он его только в завещании, уже после смерти, что тоже даёт повод подозревать всякое.

— Значит, ты тоже такого не исключаяешь, мой император?

— Я ничего вероятного не исключаю, но мне всё это без разницы. Боги не одобрили этого усыновления, Октавиан род Цезаря не продолжил.

— Это очень хорошо. Я тоже не одобряю такую близость, очень хорошо, что можно обойтись без неё. Возможно ли попросить одобрения Богов заранее, мой император?

— Именно так и нужно делать, Шатругна. Так правильно. Ты уже выбрал себе сына?

— Легат Гай Страбон — сирота.

— Хороший выбор. Думаю, Марс Победоносный его одобрит, спросим у него в Риме.

Первым делом, по прибытию в Рим, Верховный понтифик, Германик Август Феликс, отправил посольство в Империю Хань. Посольство не самого Рима, а Римской Марсианской церкви. Посол — жрец Приапа, Никодим Коринфянин, три его секретаря-заместителя — жрец Бахуса, Агафон Фракиец; жрец Януса, Ломан Галл; и жрец Меркурия, Иерофей Сириец; а с ними шесть десятков отставных легионеров, введённых в различные жреческие коллегии. Помощниками и в качестве охраны.

Корабль им в Восточных Воротах предоставят, а там по обстановке. Строить планы из Рима крайне сложно, пока неизвестно — удалось ли легионам закрепиться на Тайване, Хайнане и Сингапуре, так что придётся ориентироваться на месте, но Никодим уже проявил себя человеком очень толковым, разберётся. Послу Верховного понтифика, в помощи никто не откажет, Римская Марсианская церковь сейчас в большом авторитете.

В конце ноября 756 года сыграли свадьбу легата Флавия Лаэция Метелла, владетельного имперского герцога Средней Азии и старшей из сестёр Германика Августа Феликса, шестнадцатилетней Клавдии Ливии Юлии, или Ливиллы.

Праздновали это событие всем Римом больше месяца, до самой Марсовой недели. С роскошными тридцатидневными играми, круглосуточно накрытыми столами и танцами под оркестры по ночам.

В первый день Марсовой недели, в новом, только что отстроенном главном храме Марса Победоносного, тридцатисемилетний бездетный граф Шатругна Маурья усыновил двадцатилетнего легата Гая Страбона; а после усыновления, графа Гая Страбона Маурья помолвили с тринадцатилетней Октавией Клавдией, второй по возрасту здешней сестрой Счастливчика. Мама-Антония больше не возражала, смирилась. Да и с чего бы ей возражать, когда её собственный, одобренный Богами, брак складывался вполне счастливо.

Децим Понтиус Пилат, дважды консул, триумфатор, владетельный имперский герцог Ютланда и Скандинавии — один из влиятельнейших и богатейших людей Римской Ойкумены, относился к маме-Антонии с нежностью и уважением, да и дети в этом браке родились здоровые. А больше то чего желать? Гай Страбон Маурья делает карьеру даже быстрее легендарного Пилата — легатом он стал в неполные двадцать пять, такое не многим благородным удаётся, а ведь Страбон начинал службу простым легионером, а не трибуном-ангустиклавием. В Риме он худородный, но зато в Индии теперь наследник очень древнего и славного рода. Очень древнего — род Маурья правил, когда и Рима то ещё не было.

Да и вообще, прошли уже те времена, когда древние Римские фамилии веками сохраняли монополию на власть, не подпуская к ней никого чужого. Владетельные имперские феодалы сильно изменили расстановку политических сил. Графы Маробод Маркоманнский и Комосик Дакийский уже экс-преторы и сенаторы, а Гай Страбон хоть по крайней мере не варвар

Пленум «Марсианского комитета» собрать опять не удалось. Тиберий увлёкся войной, в прошедшем году ему покорились: Александрия Букефалос* (*Джалалпур), Александрия на Гифасисе* (*Амритсара), Александрия Согдийская* (*Уч), Александрия Оритская* (*Бела) Никея* (*Джелам) и Ксилинеполь* (*Татта). Все территории, которые когда-то входили в Империю Александра Великого и все города, которые основал. Кроме того, на юге Индии, союзник императора Тиберия, Чандрасекхара Ананхдумра, махараджа и герцог Тамиллов, захватил бывшую столицу тамильской Империи Чола — город Метхора* (*современный Мадурай), и теперь тамилы будут задействованы ауксилиариями в войске Римлян. Хорошая подмога, армия у герцога Тамиллов пятидесятитысячная, да с тысячей слонов, хоть и не боевых теперь животных, но незаменимых в качестве вьючных для перевозки артиллерии по поганым индийским дорогам. Слоны пройдут везде, даже в сезон дождей, но теперь Тиберию предстоит провести слаживание.

Павел Фабий Максим так и завяз на Суматре. Четырёх легионов ему хватило на оккупацию только одного острова, да и то, до покорения там ещё очень далеко. Максим захватил три крупных города, но война после этого не закончилась, она перешла в партизанский формат. Армий островитяне больше не собирают, но и без армий вредят очень сильно, возможностей у них хватает.

Луций Домиций Агенобарб так и живёт обиженным затворником на своей Римской вилле. Его сын Гней Домиций, произведён в легата, командующего императорской армией, в восемнадцатилетнем возрасте, на втором году службы; теперь он в Империи Африка самый главный воинский начальник, но уважения легионов это ему не добавило.

В уходящем году, Гней попытался захватить с четырьмя легионами Мадагаскар, но безуспешно, в армии вторжения началась эпидемия, что однозначно было воспринято в качестве отсутствия благоволения Богов новому командующему. Кузен Гней Домиций вернулся в Африканский Рим* (*современный Могадишо) и там запил. Предался самому гнусному, в понимании римлян, пороку. Нет ничего хуже запойного пьянства, даже совокупления с животными не настолько постыдны.

Рим об этом знает, а Луция Агенобарба в Вечном Городе и раньше недолюбливали. Его подопечный «Северо-восточный» район Большого Рима считается самым неблагополучным, развивается он хуже всех, а Агенобарб, вместо заботы о вверенных ему жителях Рима, заботится только о строительстве своего вызывающе огромного дворца. Нет, юридическое

право он имеет, кураторство законодательно ни к чему не обязывает, но есть ведь ещё и моральная сторона вопроса.

В общем, живёт сейчас Луций Домиций Агенобарб в Риме, как во вражеском городе. Его лектику римляне забрасывают тухлыми яйцами и гнилыми овощами, а ограду виллы каждую ночь обливают дерьмом. Даже врагу такой жизни не пожелаешь, а Агенобарб ведь не враг. Испортились отношения после разрыва помолвки Гнея Домиция с Ливиллой, но не до вражды ведь. Мама-Антония с Антонией-старшей по-прежнему очень близки.

На собрании «Комитета посвящённых», Гай Цильний Меценат заявил о намерении строить дворец в Риме. В Британском Риме, образец он уже построил, осталось скопировать его в Старый Рим. Всё для этого есть — архитекторы, умелые и опытные строители, а главное — договоры с поставщиками стройматериалов. Осуждения от римлян он не опасался. Во-первых, его подопечный «Западный» район один из самых благополучных, а во-вторых, в Риме слишком уважают Октавию, а это ведь и её дворец. Да и просто наплевать ему на мнение толпы. Всегда было наплевать, а уж теперь особенно. Служба Внутренней Безопасности пакостить всяким идиотам не позволит, а молча пусть что хотят, то и думают.

В узком кругу обсудили новый закон «О полномочиях и обязанностях Цензора Римского Сената», авторства Мецената и Германика. Обязанности следовало добавить к полномочиям законодательно. Сейчас Цензор возбуждал разбирательства в отношении провинившихся сенаторов по своему разумению, а политические интересы доминировали над всеми прочими, поэтому разбирательства начинались только в особо вопиющих случаях, скрыть которые просто невозможно. Разумеется, вопиющих случаев случалось мало, отцы-сенаторы научились воровать чуть меньше, чем вопиюще много. Много, очень много, но чуть поменьше. По самым скромным прикидкам, коррупция пожирала четверть бюджета Сенатской Республики, несколько миллиардов «сатурнов» каждый год. В общем, бороться с этим разрушающим обществом непотребством, Цензора нужно обязать законодательно. Закон — есть закон, никакие политические интересы выше закона не встанут. А если встанут, то это уже будет не коррупция, а гораздо хуже.

Агриппа согласился, что вопрос назрел, но внесение закона отложил на год. Слишком важный закон, слишком уж сильно он изменит привычную жизнь, так что прежде следует всё хорошенько обдумать и взвесить.

Консулами 757 года от основания Города, сенаторы избрали Германика Августа Феликса (во второй раз) и Флавия Лаэция Метелла, герцога Средней Азии. Германику в этом году предстоял триумф, кроме того, заканчивался десятый год военной службы и проконсульские сроки в двух северных Мавретаниях.

Всё это — безусловно выдающиеся достижения, особенно проконсульские. Мавретания-Кесарийская и Мавретания-Тингитанская всего за три года стали самыми желанными проконсульскими кормушками для отцов-сенаторов. Кесария и Тингис — уже отличные современные Римские города, с акведуками, роскошными форумами, термами и амфитеатрами; такой роскоши, даже в Сицилии и Сирии нет, не говоря про прочие, более скромные провинции. Марсианство над Мавретанией воссияло, храмы действуют, или строятся не только в приморских городах, но и в посёлках в глубинке. Ну, и налоги, конечно. Производство сахара растёт на пятьдесят процентов в год, а цена на него так и не падает, как установилась дороже серебра, так пока и держится. Столько налогов сейчас даже Сирия с Египтом не собирают.

Агриппа уже привычно переизбрался эдилом, а вот одним из преторов стал ещё один «варвар» — Фраат Парфянский, герцог Парна и Маргианы, выслуживший полный армейский ценз в должностях трибуна и легата. Фраат — сын римской гражданки, римский гражданин и римский воспитанник, но всё равно воспринимается он варваром. Ничего, стерпится-слюбится. Такая «варварская» прививка Римскому Сенату не повредит.

Храм Марса Победоносного, главный храм Римской Марсианской церкви, кафедра Верховного понтифика, самый большой и роскошный храм Города и Мира, уже сияет в географическом центре Вечного города, рядом с форумом Августа, между Палатинским и Виминальским холмами. Центр Рима и центр Мира, нулевой километр. Восемь широких проспектов ведут от храма к восьми районам Большого Рима, через восемь Триумфальных арок, по этим проспектам начинают отсчитываться расстояния во все стороны света. Чистый символизм, но символизм очень важный.

Высота нового Чуда Света — сто двадцать метров от пола до верхней точки сферы купола. Каркас купола стальной, поэтому сверху на купол установлена внешняя статуя, довольно внушительная — пять метров высотой и весом в восемь тонн. Внутренняя площадь, восьмигранного в плане здания, с восемью портиками — шестьдесят тысяч квадратных метров (девять футбольных полей).

В центре главного храмового зала, под шестидесятиметровым в диаметре стеклянным куполом, на десятиметровом кубическом постаменте, установлена основная пятидесятиметровая статуя главного Римского Бога, в образе Голоса Марса, Марка Випсания Агриппы. И основная и внешняя статуи бронзовые, но они покрыты золотой фольгой, поэтому выглядят очень впечатляюще, в трепет вводят, что есть, то есть. В постаменте жертвенник, но жертвы в главном храме Марсианской церкви могут принести далеко не все — только самые главные. В марте белого быка может принести в жертву армия, а в Марсову неделю — Сенат.

Главный храм — не забойный цех, пожертвования от всех остальных здесь принимаются деньгами. Главный храм — место триумфа главного Римского Бога. Здесь, вдоль стен, расставлены статуи поверженных и пленённых варварских Богов, которые теперь смиренно и покорно взирают снизу вверх на своего победителя. Здесь, в галерее на сорокаметровой высоте, над юго-западным входом, кафедра Верховного понтифика. Здесь освящаются орлы Римских легионов. Здесь теперь размещается Алтарь Победы, на котором клятвы верности Риму и Марсианству приносят покорённые племена. Здесь, под жертвенником Марса, устроен величественный подземный склеп-мавзолей. Агриппа этого пока не знает, но похоронен он будет именно здесь.

Храм открылся, первую жертву Сенат уже принёс, но отделочные работы ещё продолжаются. Впрочем, в таком огромном здании, они будут вестись постоянно, так что храм сдан. Храм, построенный Германиком Августом Феликсом в четвёртом году Марсианской Эры. Построенный не только на свои деньги, жертвовали многие и жертвовали очень щедро, но строил этот храм Счастливчик, Верховный понтифик, консул первого и пятого годов, император и триумфатор.

Второе новое Чудо Света — Колизей (амфитеатр Марса Победоносного) уже избавился от лесов и явил Риму свой беломраморный внешний облик. Ещё не все свои места под арками заняли статуи, ещё шла внутренняя отделка галерей и лож, но основной объём работ уже выполнен. В крайнем случае, неотделанные зоны, на время триумфальных Игр, можно будет задрапировать, но должны успеть, должны, впереди ещё семь с половиной месяцев.

Быстрее мы здесь теперь строим, вдвое быстрее. Тот Колизей (амфитеатр Флавиев) строили восемь лет, а этот чуть больше трёх с половиной. В этом Колизее не будет

возможности залить арену водой и имитировать морской бой, да и сама арена значительно меньше, размером с футбольное поле, зато здесь крытые трибуны, в полтора раза большая вместимость и шикарная акустика — концерты можно устраивать без усиливающей звук аппаратуры.

Строители, закончившие работы в храме и амфитеатре Марса Победоносного (только вольнонаёмные строители, никаких рабов), уже приступили к работе в Курии Марка Агриппы, новой Курии Римского Сената, и в новом мавзолее Августа, теперь мавзолее Цезаря и Октавиана, или мавзолее Юлиев. Род Юлиев теперь продолжают, усыновлённые Октавианом, старшие родные сыновья Марка Випсания Агриппы — Гай Юлий Цезарь Випсаниан и Луций Юлий Цезарь Випсаниан, поэтому Агриппа к строительству нового мавзолея относится очень ответственно.

В целом, Рим к триумфу Германика Августа Феликса готов, «шлифовку и полировку» можно доверить со-консулу, Флавию Лаэцию Метеллу, и квесторам, а самому заняться триумфальными «изюминками».

В марте 757 года, посольство Римской Марсианской церкви в Империю Хань прибыло на остров Сингапур.

По Сингапуру, Дальневосточная армия Счастливчика и Публия Квинтилия Вары «оттопталась» сразу пятью легионами, поэтому Римский порядок там установился сразу и навсегда. Остров небольшой: сорок два на двадцать три километра, но аж с тремя реками, а потому и городов заложили сразу три. Пока безымянных городов, до названий дело дойдёт позже — это уже вне полномочий легата «Четвёртого Македонского», Секста Гигната.

В южном, самом большом городе острова Сингапур, жизнь кипела и бурлила. Сингапур — сейчас крайняя безопасная точка в пути на восток, дальше пока зона повышенного риска, поэтому большинство торговцев с запада продают свои товары здесь. В основном, дорожные римские товары. Продаются, конечно, дешевле, чем они стоят дальше на востоке, но всё равно с хорошей прибылью. Восточные купцы приходят большими флотами, а потому сметают всё. Западные торгошники тратятся на вымпелы, а восточные рискуют в опасных водах, здесь их место встречи, здесь теперь крупнейший торговый центр Азии, а если считать по обороту денег, то и всего мира. Сюда ещё не пришёл «Банк Богов», а потому в ходу золото и серебро.

Моря, восточнее Сингапура, пиратами буквально кишат, там они нападают даже на одиночные военные корабли Римского императорского флота, несмотря на пушки. Не каждый раз нападают, конечно, только когда им удастся подловить одиночный корабль целой пиратской эскадрой, чтобы имелся шанс взять его на бордаж, но и такие случаи совсем не редкость, поэтому Секст Гигнат запретил посольскому кораблю двигаться дальше. Протесты посла Никодима Коринфянина, легат-наместник отклонил.

— Сколько вы подарков везёте?

— По римским ценам, примерно на пять «вулканов», по местным на полтора «меркурия».

— Так я и думал. Мы и без таких богатств в трюмах на восток одиночками не плаваем. Ждите кораблей конвоя.

— Как долго ждать?

— Как повезёт. Наша эскадра сейчас на Тайване. Максим на юге, у Явы. Месяц, два, а может и все три. Зато доберётесь живыми.

В южном городе узнали новости из Империи Хань. Как и предупреждал Мао Ли

говорящий с Римскими Богами, Верховный понтифик, Германик Август Феликс — божественный император Сяоай Ди скончался уже больше трёх лет назад. Четырнадцатым императором династии Хань, стал божественный Пин Ди, но сам он не правит, от его имени правят Великая вдовствующая императрица Ван и её племянник, регент, Ван Ман.

— Стало быть, нас там никто не ждёт? — уточнил остановку Никодим.

— Никто не ждёт, — подтвердил Мао Ли, — но Август меня об этом предупреждал ещё в Остии, Римские Боги его об этом предупредили. Нам всё равно нужно идти в Хань.

— Разворачиваться я не собираюсь, но должен понимать — чем нам это грозит.

— Вам — ничем. Вы — послы. Нам бы только до устья Янцзы добраться, в реке пиратов нет, императорский флот там всё контролирует.

— А что грозит тебе?

— Казнь.

— За что?

— Я ведь служил покойному императору. Меня могут счесть угрозой.

— Оставайся здесь, справимся без тебя.

— Нет, Никодим. Если я останусь здесь — то не выполню волю моего императора, а для меня это гораздо важнее сохранения жизни.

В конце июня 757 года от основания Города, скончался император Африки, триумфатор, Луций Домиций Агенобарб. Неожиданностью это не стало, болел он давно, болел тяжело, так что этого ждали, но всё равно оказались не готовы.

Империя Африка подвисла. Гнею Домицию империума никто не доверит, ему бы своё наследство, уже завоёванное отцом, каким-то образом удержать, ведь теперь африканские легионы перейдут под командование другого императора, или консула Римского Сената. А кто из них будет заботиться о наследстве запойного алкоголика Гнея Домиция Агенобарба и двух его сестёр?

У императоров свои Империи и свои заботы, а Сенат — того хуже. Отцы-сенаторы и Германию были не прочь отжать, и Африку прочь не будут. Не в наглую, конечно, нагло злить остальных императоров они остерегутся, но если вывести легионы в Египет, то Империя Африка вспыхнет мятежом сразу. Сразу попрут банды на север, вот найдётся законный повод для наведения в мятежных землях. Наведёт порядок консул — тут и станет бывшая Империя несколькими проконсульскими сенатскими провинциями. Пока не слишком лакомыми кормушками, но это пока. О строительстве Канала известно всем. Ещё лет десять, и через Канал восточная Африка станет естественным продолжением Средиземноморья.

Ничем не примечательное событие для простых римлян, скорее порадовавшее обывателей, чем наоборот. Агенобарба в Риме никто не любил — и за его вызывающе гигантский дворец, и за политическую позицию радикального оптимата* (*optimus — наилучший — идейно-политическое течение, которое выражало интересы сенатской аристократии — так называемого нобилитета — в противовес популярам), и за личные качества — высокомерие и жадность.

Для высшего политика — наоборот. Смерть Луция Домиция Агенобарба стала событием чрезвычайной важности. Агриппа подчинил африканские легионы себе, но сколько осталось самому Агриппе? Ему ведь уже шестьдесят восемь, так что надолго развязка не откладывается. Так даже лучше — у всех главных интересантов появилось время

как следует подготовиться.

В начале августа 757 года, посольство Рима прибыло в Чанъань* (*современный Сиань), столицу Империи Хань.

В Сингапуре, жрец Никодим со товарищи прождали корабли конвоя почти три месяца, до устья Янцзы, посольство добралось только в начале июля. В реку, римской эскадре входить запретили — пришлось перегружаться на убогие ханьские посудины. Спорить не стали — не воевать приехали и не скандалить. Сдали груз по описи какому-то чиновнику-кастрату, в котором Мао Ли определил главного, назначили морякам встречу в январе, и отправились вверх по реке, к Ханьской столице.

В пути, к римскому посольству относились довольно уважительно, а вот по прибытию в Чанъань, отношение сразу переменялось на очень сухое, почти враждебное.

— Не рады нам здесь... — констатировал посол, жрец Приапа, Никодим Коринфянин, разглядывая выставленную вокруг резиденции охрану. Очень аскетичной резиденции, если аккуратно выражаться дипломатическим языком.

Разглядывал он избыточную охрану, если не сказать больше. Шесть десятков безоружных посольских, только на виду охраняли с тысячу ханьских военных, а ведь видно далеко не всех.

— ...не рады, — повторил Никодим, — но сразу не зарезали, а значит выслушают.

— Выслушают обязательно, — Мао Ли не унывал, — Империя Хань, хоть и не Рим, не тоже Цивилизация, послов у нас не казнят. Да и подарки вы привезли выдающиеся. Великая императрица их обязательно оценит, а Ван Ман выполнит её волю. Не рады здесь мне, вы страдаете за компанию, извините, друзья.

— Ничего, дружище, не так уж мы и страдаем, — утешил ханьца Агафон Византиец, жрец Бахуса и заместитель Никодима, — они не нас обижают, а Римских богов — им же хуже будет.

— А подарки точно не украли? — спросил жрец Януса, Ломан Галл, — Очень уж вождедеющие рожи были у тех макак, на въезде в город.

— Исключено! — заверил Мао Ли, — Воры они там, конечно, знатные, но не безумцы же. Ваши подарки уже оценивают во дворце, в этом я абсолютно уверен. Нужно подождать.

— Подождём. Не так уж тут и плохо. Всё не в кандалах...

Ждать пришлось ровно неделю* (*римская неделя десять дней, альт. ист). Правда, на второй день всем вернули личные пожитки и даже казну посольства — десять тысяч серебряных лян в «барбариках», монетах, которые теперь чеканил «Банк Богов» специально для торговли с варварами. Монеты очень искусной чеканки, с профилем Принцепса, Голоса Марса, Марка Випсания Агриппы на аверсе и римским орлом на реверсе. Монеты эти хоть и чеканились для торговли с дикарями, но чеканились, как для себя — гурт с насечками, чтобы не обрезали, а изображения настолько чёткие, что у орла можно перья пересчитать. В якобы цивилизованной Империи Хань ничего даже отдалённо подобного не имелось.

Кроме того, в резиденцию прислали слуг (шпионов) и привезли вполне приличную мебель. Отмытый до блеска сарай даже стал казаться уютным. Кормили хорошо, хоть и непривычно, воды доставляли сколько нужно, так что и отмылись, и побрились, и отъелись, и отоспались. Не выпускали никуда, но не больно то и хотелось. На одиннадцатый день, посольство призвали во дворец. Без Мао Ли, его увели в другом направлении.

— При виде Великой императрицы Ван и её верного министра-регента Ван Мана, вы

должны выполнить коутоу* (* поклон, при котором кланяющийся садится на колени и лбом касается земли у ног почитаемого человека), — наставлял римских послов ханьский чиновник-евнух.

— Ничего такого мы вам не должны, кастрат, и выполнять не собираемся, — довольно резко отрезал Никодим, — это оскорбит наших Богов и Гений Великого Рима. Мы почтим императрицу такими поклонами, какими приветствуем своих — Принцепса, Голоса Марса, и Великого Понтифика, Августа. Иди и согласуй этот протокол, лишенец, мы подождём.

— Вы оскорбляете Великую императрицу, — ужаснулся евнух.

— А это не тебе решать. Иди и передай то, что я сказал.

Прождали час, пришёл уже другой кастрат (того, видимо, уже казнили за святотатство). Второй убогий попросил продемонстрировать римское приветствие и целый час учился его повторять. Ушёл. Прождали ещё час. Пришёл уже третий (второго, видать, тоже того). Не экономят они своих евнухов, много в Китае народу, не жалко.

Третий молча дал знак следовать за собой. Этому, видать, не только яйца отрезали, но и язык. Зато жить будет...

Вошли. Остановились при входе. С римским достоинством поклонились мерзкой старухе и её племяннику-министру-регенту.

— От имени Великого Рима приветствую вас. «Да пребудет с вами милость Богов», — ровным голосом, на довольно хорошем ханьском, произнёс Никодим.

— Подойдите ближе, — прокаркала в ответ мерзкая старуха.

Подожли. Племянник-министр-регент дал знак, и слуги, снова евнухи, начали заносить в тронный зал подарки. Вроде, на первый взгляд, ничего не пропало.

— Все эти вещи делают у вас в Риме, или их вам откуда-то привозят? — спросил Ван Ман.

— Это римские товары, — с гордостью ответил жёлтому дикарю жрец Приапа.

— Что это?

— Это секстант, — ответил уже жрец Меркурия, Иерофей Сириец.

— Для чего он нужен?

— Для навигации. При помощи этого и других приборов, определяют своё место расположения наши моряки, вдали от берегов. Пользоваться я им не умею, я жрец Бога-покровителя торговли. Пользованию этим прибором обучили Мао Ли.

— Почему его? — прокаркала вопрос мерзкая старуха.

— Такова была воля наших Богов, — бесцеремонно пожал плечами Иерофей, — они нам свой выбор не объясняют.

— А как вы узнали их выбор?

— Божественный Германик Феликс, наш Верховный понтифик, сообщил нам это, — опять взял слово Никодим, — он говорит с Богами. Он, и наш Принцепс, Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа.

— Ладно, с Богами вашими мы будем разбираться после. С какой целью ваше посольство прибыло в Великую Империю Хань?

— Нас пригласил усопший император, приглашение которого привёз Мао Ли. Он попросил нашего божественного Верховного понтифика отправить посольство, а Боги Великого Рима одобрили это и выбрали нас. Почему именно нас — мы не знаем.

— А это что такое?

«Марс», три «юпитера», шесть «сатурнов», четыре «бахуса» и семь «сатиров». Похоже, у

Мао Ли изъяли, значит, знают уже, что это деньги, но не верят.

— Это наши деньги. Здесь, примерно четырнадцать ваших лян серебром, чуть поменьше.

Кивнул жёлтый дикарь. Сошлись показания. Значит, Мао Ли ещё живой и допрашивают его где-то неподалёку.

— Посольскую казну вы привезли серебром.

— Так нам посоветовал Мао Ли и наши Боги это одобрили. Серебро мы используем для торговли с варварами, — вставил шпильку посол Никодим, — серебряные монеты у нас так и называются — «барбарики».

— Что это за металл? — указала на «бахуса» старуха. Не понравилось ей про варваров. Да и упоминания о Мао Ли, эту старую каргу явно раздражают.

— Это серебряная сталь. Мы называем её никелем.

— Вы продаёте эту сталь, или только монеты из неё делаете? — министр-регент, Ван Ман. Он гораздо лучше держал себя в руках.

— Мы всё продаём. Никель, золото, серебро, олово, медь, свинец и другое. У нас всё это можно купить в слитках.

— Ваши корабли грабят наших купцов, — опять старуха.

— Купцов грабят не наши, а пираты. Наши их охраняют.

— Охраняют только тех, кто купил ваш вымпел. — снова Ван Ман.

— А ваши вообще никого не охраняют, — встрял в разговор жрец Януса, Ломан Галл, — в реке прячутся. Чтобы довезти свой товар, вашим купцам приходится собирать целые флоты. Мы много таких флотов видели в Сингапуре.

— Все ваши купцы скоро разорятся, — предрёк Иерофей Сириец, — они привозят слишком много товара сразу и сбивают цены. И закупают сразу слишком много, а потому дорого. В наших морях спокойно плавают одиночки и торгуют с большой прибылью. Поэтому никто не жалеет о деньгах, потраченных на вымпел. Для купцов это очень выгодно. Они очень хотят такого же порядка и в ваших морях. И Рим этот порядок обязательно наведёт. Такова воля наших Богов.

— Что вам нужно от Великой Империи Хань? — опередил старуху племянник, — Что хочет покупать у нас Рим?

— Пока вы нам ещё ничего не показали. Верните нам Мао Ли и разрешите погулять по рынкам, тогда мы может быть сможем найти что-нибудь интересное.

— Зачем вам Мао Ли?

— Такова воля наших Богов.

В начале августа 757 года от основания Города, за две недели до своего триумфа, в Рим вернулся Германик Август Феликс.

Десять дней назад, Марк Випсаний Агриппа отправил на службу младшего из сыновей. Октавиан Випсаниан* (*в нашей истории Марк Випсаний Агриппа Постум) начал карьеру на пути *Cursus honorum*, трибуном-ангустиклавием в «Двадцать седьмом Германском», в Индийской армии императора Тиберия Клавдия Нерона.

Армия Тиберия сейчас не только самая воюющая, но и самая богатая — добычу в Индии она берёт просто сказочную, но Агриппу больше интересует боевой опыт, чем деньги, сыновья у него и так не бедные.

Мы тоже без дела не сидим: «Четвёртый Македонский» уже полностью контролирует Сингапур; «Тринадцатый Парный» и «Двадцать первый Хищный» захватили половину Хайнаня; а «Третий Галльский» и «Шестой Железный» прочно закрепились на западе Тайваня, но по сравнению с Индией — всё это местные разборки, без подвигов и добычи. Не совсем без добычи, конечно, но точно не Индия. Острова ценны в качестве плацдармов Китайской кампании, поэтому легионы их не грабят, а умиротворяют. Мы своё возьмём позже, в Империи Хань.

Снабжение Дальневосточной армии налажено, хотя и не так чётко, как хотелось бы. Постоянно возникают проблемы во взаимодействии с флотом, подчинённым Павлу Фабию Максиму. Если бы Максима просил лично Вар, то проблем бы скорее всего не возникало, а всякие там легаты, да ещё и выслужившиеся из центурионов... Максим в первую очередь решает свои проблемы, и это нормально, это очень по-людски, мы свои проблемы тоже разруливаем в первую очередь, а уже потом думаем обо всех остальных. Эгоизм — это человеческая природа, это — наше естество, но всё равно — с флотом что-то нужно делать. Держать его весь подчинённым одному из императоров — теперь не очень-то правильно.

Максим увлёкся грабежом своей будущей Империи, а к завоеванию пока не особо стремится. Захватил Суматру и на этом остановился. Невыгодно ему захватывать — грабёж приморских городов Явы, Сулавеси и Калимантана — гораздо доходнее. Он даже дополнительных легионов пока не просит, им ведь платить нужно, причём много платить, как в Индии, а флот сам себя кормит. И себя кормит, и Максима, причём очень сытно. Недальновидно, но вполне в духе времени. Империю на Краю Земли, своей Максим так и не осознал. Не осознал своей в качестве наследного владения, которое нужно развивать для будущих поколений. Империя для него — территория, которую грабит только он.

С Африкой теперь вообще всё непонятно. Агриппа подчинил себе восемь легионов Агенобарба и сменил командующего — отстранил Гнея Домиция, назначив вместо него Сервия Корнелия Цетегга, мужа Домиции Лепиды, старшей дочери покойного. Цетегг начинал свою службу в Парфянской кампании, под командой Агриппы, служил исправно, хоть звёзд с неба и не хватал. Он лучше алкоголика Гнея, но всё равно — не то. Нет у него авторитета — ни в армии, ни в Сенате.

Африканские легионы своим положением недовольны, отставники не хотят селиться в Африке и требуют наделов земли в сенатских провинциях, а уже поселившиеся, требуют от Сената упразднить Империю, и прислать проконсулов. А как её упразднить? По закону, Империя Африка — частная собственность Гнея Домиция Агенобарба, он теперь глава

фамилии. Дурак и алкоголик — беда семьи, но закон — есть закон. Против его изменения выступают не только императоры и имперские феодалы, против выступают все собственники.

— Может и зря Агриппа вмешался. Потерял бы свою собственность кузен-Гней в результате мятежа — всё бы само собой рассосалось. Всё равно ведь потеряет...

— С флотом нужно что-то делать. Максим не учитывает наших интересов, распоряжается нашим общим флотом, как своей собственностью.

— А с Африкой не нужно? — Агриппа выглядел утомлённым и расстроенным.

— И с Африкой нужно. Африке нужен новый император, тогда и Агенобарбово владение, может быть, удастся сохранить. Но с флотом — вопрос более срочный. Нам очень сильно мешают пираты в восточных морях.

— Теперь мешают, — уточнил Агриппа, — а флот мы создавали для Индийского океана. Максим наших договорённостей не нарушает. Восточные моря — это проблема только Вара, и ничья больше. Если эта проблема действительно такая серьёзная, пусть строит флот Восточных морей.

Так-то, да, вот только где его строить, флот этот? В Марцелле* (*Суэц) теперь нет леса, его получали из Африки, а Африка сейчас ничего не поставляет, лесопилки там давно заброшены, если они вообще сохранились. Да и устаревшие они уже, даже если сохранились. Завозить новое оборудование? В Африку? Тогда уж лучше сразу на Дальний Восток, на левые притоки Меконга. На это нужны люди — тысячи специалистов высокой квалификации, ещё, минимум, пара легионов для их охраны, а потом десятков тысяч моряков. Не невозможно, но... такой флот себя может и не окупить, нужно всё считать и советоваться с Варом.

— Насчёт флота — подумаем, а ты подумай насчёт нового императора для Африки. Пилата сенаторы одобряют.

Децим Понтиус Пилат, сейчас проконсул Мавретании-Атлантической, на итоговой сессии Сената будет награждён триумфом. Легенда Римской армии, имперский герцог Ютланда и Скандинавии — фигура, действительно устраивающая всех. Муж Антонии-младшей, мамы-Антонии — кому, как не ему, теперь ближайшему родственнику, доверить заботу о потомстве Антонии-старшей и Луция Домиция Агенобарба? Друг Агриппы ещё с времён их совместной службы в «Четвёртом Македонском», друг Мецената, после Британской кампании. Империи у Пилата уже имеется, нужно только дополнить его правом на завоевание собственного владения в Южной Африке, южнее Гамбии и Рувумы* (*река на границе современных Танзании и Мозамбика) и сделать бессрочным.

— Пилата, говоришь... Пилата одобряют. Подумаю.

Двадцать второго августа 757 года от основания Города, в день триумфа Германика Августа Феликса, с рассветом, над Римом взлетели воздушные шары. Девять воздушных шаров, а точнее — привязных аэростатов с гондолами для пассажиров. По одному шару-аэростату запустили в каждом из восьми районов Большого Рима, а девятый с форума Августа, из самого центра исторического города, прямо над маршрутом, по которому пройдёт триумфальная процессия.

Первыми воздухоплатателями в этой истории, стали: Принцепс и Цензор Римского Сената, император Востока, Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа; император Британии, Гай Цильний Меценат; император России, Публий Квинтилий Вар; консул, герцог Средней Азии, Флавий Лаэций Метелл; проконсул Мавретании-Атлантической, герцог Ютланда и

Скандинавии, Децим Понтиус Пилат; бабушка Германика, Октавия-младшая; тётка-Антония-старшая, мама-Антония-младшая; и невеста, Квинтилия Агриппина.

В самом триумфальном шествии, не было ничего выдающегося. Никаких толп пленных, никаких трофеев напоказ — обычная квадрига и довольно скромный триумфальный эскорт — тысяча германских «гвардейцев», тысяча русских «рыцарей» и двести сорок «боксёров», по сорок от каждого из четырёх легионов, покорявших две Мавретании: «Четвёртого Македонского», «Тринадцатого Парного», «Тридцать пятого Маркоманнского» и «Тридцать шестого Дакийского» с наградными триумфальными вексиллумами* (*vexillum — знамя, штандарт). Командовал отрядом триумфального эскорта — легат, Гай Страбон Маурья.

Необычным был маршрут. Триумфальная процессия стартовала не с Марсова поля, а из Юго-западного района Большого Рима, но это объяснимо — Триумфальная арка Германика возвышалась именно над этой дорогой. Когда свои триумфы проводили Агриппа, Вар, Меценат и Агенобарб — никаких триумфальных арок ещё не было, а теперь есть.

Самого молодого триумфатора в Римской истории, Вечный Город приветствовал по-настоящему восторженно. Германика и так любили — за его небывалую карьеру, щедрость и простоту. Простотой римляне считали породнение Августа с плебеями новых родов — Децимом Понтиусом Пилатом и Гаем Страбоном Маурья, начинавших свои выдающиеся карьеры обычными легионерами, а значит они, что называется — плоть от плоти простого народа. Щедрость тоже проявлялась постоянно — Германик больше всех тратил на свои курируемые городские районы, а теперь ещё и чудесный величественный Колизей, и волшебные летающие шары, и предстоящие стодневные Игры, на которых анонсировано необычное зрелище, и обещанное угощение самыми дорогими продуктами. Германик Август Феликс — счастливый талисман Рима и достойный преемник Голоса Марса Агриппы. Ну, а кто-же ещё? Кого сам Агриппа признал Августом, кому он уступил должность Верховного понтифика? Всё ведь очевидно — такова воля Римских Богов, воля Марса Победоносного.

Отделку Колизея, официально называющегося амфитеатром Марса Победоносного, а в бытовом обиходе — амфитеатром Феликса, закончить успели. Жителям Рима, новое Чудо Света предстало во всём своём великолепии, да ещё и с небывалыми удобствами — в каждом из восьми секторов (по числу районов Большого Рима) имелись буфеты, где раздавались чудные, но очень вкусные угощения — гамбургеры с котлетой, салатом и помидорами; картошка-фри; кетчуп и майонез и сладкие напитки; но главное удобство — отхожие места с ватер-клозетами, умывальниками и огромными зеркалами — такой роскоши пока нет даже в самых богатых виллах и домусах Вечного Города, а тут такое для всех, для общего пользования простым народом.

Да, для богатых и знатных устроены отдельные ложи, там ещё роскошней, но ложи ведь не бесплатные, в отличие от секторальных удобств, так что завидовать нечему — всё справедливо.

— Любят тебя римляне, — отметила мама-Антония, составившая неженатому пока Германику компанию в ложе триумфатора.

— Я их тоже люблю. Не такие уж они пропащие, как казались поначалу. В легионах сейчас треть пополнения — коренные римляне.

— Причём тут какие-то легионы... Ты сможешь моей сестре достроить дворец?

— Этот дворец теперь принадлежит Гнею Домицию. Стоит ли его вообще достраивать?

— Для Антонии — это очень важно. Деньги им не нужны, помоги им с поставщиками материалов. Ты ведь как-то построил храм и этот амфитеатр, значит, поставщики у тебя

есть.

Есть, как не быть. Мы сами себе поставщики, у нас всё своё. Ладно, пригодится Риму этот дворец. Музей в нём устроим, если что, вроде Эрмитажа, или Лувра.

— Помогу.

Мао Ли посольству Рима вернули. Вернули прилично помятого, синего, как баклажан, но неизувеченного, и на том спасибо.

Ничего интересного Риму, в Империи Хань не нашлось. Всё это есть в Индии, по тем же ценам, а возить из Индии ближе. Ближе, а значит и дешевле. Курс серебра к золоту повыше, но в монетах, в слитках золото и серебро вообще не продаётся. Очень хорошая керамика, называемая фарфором, но много ли её нужно в Риме? А если даже много, то не начнут ли её сразу производить на месте? Обязательно начнут, в этом нет никаких сомнений. Пару-тройку купеческих судов загрузить можно, но рассчитывать на долгую коммерцию точно не стоит. Чай? Та ещё дрянь, этот ваш чай, вряд ли он римлянам понравится.

Империя Хань хотела закупать «серебряную» (нержавеющую) сталь — это для государственных нужд за счёт казны; а купцам-торговцам понравилось всё — от зеркал и меховых изделий, до коньяка и виски; от навигационных приборов, до красок и лаков — всё, что предлагается, да побольше-побольше. Только вот платить нечем. Серебром — невыгодно, а золота надолго не хватит — только во вкус войдёшь, оно и закончится.

Такую ситуацию, Верховный понтифик, Германик Август Феликс предвидел, а потому предложение у посла Никодима всё-таки имелось, только как это предложение будет воспринято? Вот в чём вопрос. Как бы сам Рим воспринял предложение продать Остию? Пусть даже не Остию, а, скажем, Таррент? Плохо бы воспринял, тут и гадать нечего.

На встречу с министром-регентом Ван Маном, Мао Ли не взяли. Ничего хорошего для Ван Мана сказано не будет, как-бы он на бедном Мао не отыгрался за это. Ну и что, что тот не причём? Дикари ведь...

— Нашим купцам здесь делать нечего, — вынес неутешительный для ханьского министра-регента вердикт Никодим Коринфянин, — такие-же товары, по таким-же ценам, есть в Индии, а она к нам намного ближе и путь туда безопасен.

— Мы можем снизить цены для ваших купцов.

— Настолько — не сможете. Простой купец не сможет извлечь выгоды из этой торговли, вам нужно постараться привлечь «Банк Богов». Только Банку по силам организовать у вас выгодную коммерцию.

— Как привлечь этот ваш «Банк Богов»?

— Он представляет здесь Банк, — уступил Никодим слово Иерофею Сирийцу.

— «Банк Богов» не пойдёт туда, где не чтут Марса Победоносного, — Иерофей тоже отыгрывал заранее разученную роль, — Банку нужна территория, где можно будет построить храмы наших Богов. Мы можем обсудить покупку островов в дельте Янцзы. Там мы построим торговый город и свои храмы.

— Что значит покупку островов? Ваша Империя торгует своими землями?

— У нас вся земля принадлежит собственникам, а их права охраняются законом. У вас таких законов нет, поэтому Банку придётся самому охранять свои права. В ваших водах — слишком много пиратов, всё побережье разорено. Охрана очень дорого обойдётся, поэтому привлечь Банк вы сможете только очень низкими, буквально символическими налогами.

Ведь Банк будет охранять не только себя, но и вход в вашу реку.

— То есть, Банк будет платить нам налоги?

— Символические. Иначе — это будет просто невыгодно.

— Мы обдумаем это предложение.

Игры удались на славу. Четыре крупнейших ланисты* (*владелец школы гладиаторов) выставили по четыреста бойцов, но забыли оговорить условия выбора пар поединщиков. То есть, не забыли, им оговаривать такое даже в голову не пришло. Пары всегда выставлял сам ланиста — это сложившийся порядок вещей, который не требуется оговаривать. Не требовалось, а теперь требуется. Бойцы оплачены? Вот и давай, до свидания, шоу мы сами как-нибудь организуем

Шоу римляне оценили. Ещё бы — никаких подстав и поддавок, бескомпромиссное рубилово, в котором полегли десятки «звёзд» арены и на их место взошли десятки новых. Сильнейшим подбирали неудобных противников, было кому подбирать, наймом нужных специалистов, Счастличик озаботился заранее. С таким подходом, привычное шоу засверкало совсем новыми гранями.

Бокс поначалу заходил публике похуже. Бои боксёров проводились в конце игровых дней, и после кровавых зрелищ смотрелись пресновато, но газеты, точнее приложения к «Правде», ажиотаж постепенно разогрели. Куда деваться? Медиа сопровождение — неотъемлемая часть любого хорошего шоу, без рекламы, бокс и там бы так высоко не взлетел.

Бои проводились в четырёх весовых категориях: до семидесяти пяти, восьмидесяти двух, восьмидесяти девяти и свыше восьмидесяти девяти килограммов. Бойцов в каждой из категорий имелось всего по сорок, поэтому бои шли не на вылет, а по системе, которая в шахматах называется швейцарской.

Это гладиаторская «кухня» Счастличику была незнакома, а делать шоу из бокса, он и в том мире умел лучше всех. Сто дней — четыреста пяти раундовых боёв, по пять на каждого боксёра, выявили финалистов. Уже встречавшихся между собой финалистов, так уж устроена швейцарская система, поэтому финалы совместились с реваншами, интерес к которым разогревался в газетах-приложениях. Только вот сами финалы в программу Игр уже не влезли, извините. Финалы мы проведём отдельно. Вход для зрителей будет платный.

— Глазам своим не верю, — оценил полные трибуны Колизея Гай Цильний Меценат.

Двенадцатого декабря 757 года, спустя десять дней, после окончания триумфальных Игр Германика Августа Феликса, состоялись финалы первого боксёрского турнира в этой истории. Довольно дорогие входные билеты — самый дешёвый, на галёрку, стоил два «сатурна» (десять граммов серебра), раскупили ещё восьмого декабря, а в день финальных боёв, их перепродавали уже по пять номиналов.

Семьдесят пять тысяч зрителей-болельщиков (примерно каждый четвёртый взрослый свободный мужчина в Риме) заполнили трибуны амфитеатра Марса Победоносного за два часа до начала боёв. Заполнились и все ложи. Бокс — это теперь очень модно. Завтра, эти бои будут темой обсуждения номер один. Завтра очевидцы (хотя, что там можно рассмотреть с верхних ярусов...) будут хвастаться своей причастностью и получать в тавернах бесплатную выпивку от благодарных слушателей.

— Я до сих пор не верю, что люди добровольно отказались от серебра, в пользу бумажных денег, — усмехнулся Марк Випсаний Агриппа, — а это уже чепуха на общем фоне.

Триумфальная стодневка закончилась, Счастливец наконец-то снял ритуальную пурпурную тогу, и избавился от ритуальной необходимости изображать из себя небожителя. Небожителем быть скучно. Все сто дней Игр, компанию в ложе ему составляла только мама-Антония, а какая из неё компания на боксе? Да и вообще... баба — она и есть баба, пусть и знатная римская матрона.

Сегодня компания в ложе Германика Августа Феликса собралась отличная: Агриппа, Меценат, Вар, Пилат и Метелл. Трое посвящённых и двое самых близких, которые вполне могут такими посвящёнными стать. Впрочем, всё им знать не нужно. Им же самим лучше думать, что все новшества в эту жизнь вносятся по воле Богов, по воле самого Марса. Ни к чему вносить в этот стройный божественный ряд «кузнеца» и пришельца из теперь уже точно несостоявшегося будущего. Лишние знания — лишние сомнения и печали.

— Не скажи. Всё наоборот. Деньги — это ерунда. С деньгами как раз всё понятно, а вот как можно было заставить римлян платить за зрелище? Да ещё и за такое унылое. Да ещё и радоваться этому...

Кассу действительно собрали вполне приличную — четыре с половиной «вулкана» (две с половиной тонны серебра), но весь этот сбор станет призом для того боксёра, которого сами зрители выберут лучшим. Римляне заплатили за право выбирать, а за право выбирать, не важно кого, и жизнями часто платят, не то, что деньгами. Право выбирать — это статус особенного, статус выше, чем у остальных, за этот статус и заплачено.

А выбирать есть из кого. Сегодня на ринге настоящие «звёзды». «Звёзды» даже не бокса, а римского общества. Три легионера, четыре центуриона и один самый настоящий легат — все они герои Мавретанской кампании, все они очень состоятельные люди, особенно легат, Гай Страбон Маурья — он ещё и наследник богатейшего владения-графства в Индии, и будущий зять самого Германика Августа Феликса. Только одно это выводит соревнования по боксу на высоту немыслимую, для обычного зрелища. Здесь не гладиаторы бьются на потеху толпе, здесь настоящие римские герои радуют самого Марса Победоносного — именно это старательно внушалось людям, и люди в это поверили.

«В тот день, я сидел на трибуне вместе с самим Марсом», ага.

— Это ты ещё футбола не видел, — хмыкнул Счастливец.

Футбол тоже будет, обязательно будет. Магия этой игры свою силу доказала — поэтому просто глупо отказываться от такого мощного инструмента воздействия на общество. И футбол будет, и хоккей, и даже баскетбол — причём все они будут платными зрелищами. Гладиаторы бесплатно — это развлечение для бедных, которые не могут себе позволить заплатить за эстетику.

— Надеюсь, что и не увижу.

Скорее всего — не увидишь. Меценат стар, уже очень стар по нынешним меркам, ему уже семьдесят два. Он живой свидетель противостояния Цезаря с Помпеем, активный участник гражданской войны Октавиана с Марком Антонием, он сам уже — история. Муж сестры Октавиана Августа, Октавии-младшей, богатейший человек Рима, внушающий трепет каждому из сенаторов. Это помимо того, что он император и триумфатор-покоритель Британии. Так, как Мецената, отцы-сенаторы не боятся даже Агриппу. Агриппа — всего лишь Голос Марса, а Меценат — самый настоящий Страх Божий.

Музыка. Целых четыре оркестра, поочерёдно заполняют паузы музыкой. Ринг-гёрлз, топless, только в набедренных повязках, с плакатами номеров раунда. Финальные бои проводятся уже из десяти раундов, поэтому напомнить текущий номер будет не лишним, да и вообще... Полуобнажённые девки в ринге на боксе — это тоже часть общей магии бокса.

Боксёры. Обнажённые рельефные торсы античных героев, красные и синие трусы — чтобы различать даже с галёрки. Хорошие бои, очень хорошие, даже по меркам того двадцатого века, а Гай Страбон — самый настоящий феномен. Интересно было бы посмотреть его бой со Славой Егоровым, но увы. Свести вместе двух феноменов через две тысячи лет может только сам «кузнец».

— А мне понравилось. Есть в этом что-то, — оценил Вар.

Будущий тесть. Единомышленник. Отличный архитектор и инженер, он и сам этому времени не слишком соответствует. Он бы в начало девятнадцатого века вписался намного гармоничнее. Публий Квинтилий Вар тоже начал строить себе дворец в Риме. Убедился на Меценате, что римляне «прессуют» не всех подряд, а только особо одарённых, вроде Агенобарба, и начал. Юго-восточный район Варом доволен, это теперь один из престижных районов, а потому поддержка «своих» римлян у Вара имеется.

Конечно, эта поддержка с опорой на своих ветеранов. «Левым» соискателям участков в Большом Риме, Сенат выделяет по четыреста квадратных метров в самых дешёвых — Северо-восточном и Восточном районах. Участки двадцать на двадцать метров — как раз для собачьей конуры на первом (нулевом) этаже и человеческой конуры на втором (верхнем). Утрировано, конечно, но не так чтобы слишком.

Ветераны Вара получают участки в четыре раза больше, да не в козьей заднице Вечного Города, а на Юго-востоке, Юге и Юго-западе. Общие ведь ветераны. От Германии вместе дошли до самых до окраин Урала и Средней Азии. Своим ветеранам мы ещё и кредиты даём. Беспроцентные, разумеется. Рим того стоит.

Вар очень богат. Даже без доли в «Банке Богов», от которой он отказался по собственной глупости, тесть сейчас четвёртый-пятый по богатству в Риме — делит эти места с Тиберием, который грабит Индию. Публий Квинтилий Вар никого не грабит, он строит. Строит Канал, который будет собирать с той Индии дань. Канал в частной собственности — он будет собирать с индийских торгашей ровно столько дани, сколько

возможно, по тому максимуму, чтобы они не перешли к транспортной схеме «верблюдо-караван». На пределе, на самой кромке. Всякое такое, Вар считать отлично умеет, так что соберёт он всё возможное. Тиберий ему не друг, а Максим теперь и того хуже. А вот не надо было наши самые любимые легионы на Востоке унижать.

— И мне понравилось, — согласился с Варом Децим Понтиус Пилат.

Муж мамы-Антонии, сейчас проконсул Мавретании-Атлантической. Консул 751 и 756 годов, владетельный имперский герцог Ютланда и Скандинавии. В герцогство Пилата входят тамошние Швеция и Норвегия полностью, Дания в континентальной части и Германия севернее Эльбы-Лабуса и канала Друза* (*Кильского канала) — это уже огромное недвижимое состояние с очень приличными доходами от поставок никелевой руды и эксплуатации Канала; но для него — это только стартовое поле. Пилат готовится получить империум на завоевание в собственность Южной и Центральной Африки. Вопрос по Империи Африка с Сенатом уже решён, на итоговой сессии 757 года, Децим Понтиус Пилат получит свой империум и награждение триумфом за покорение Мавретании Атлантической. К нему-же перейдёт кураторство над Северо-восточным районом Большого Рима.

Пилат уже породнился с Агриппой, через помолвку своего старшего сына Понтиуса с младшей дочерью Агриппы — Октавией Випсанией, наследницей независимого графства Палестина. Именно независимого, Империя Востока, после смерти Марка Випсания Агриппы будет распущена, разделена между его наследниками.

Понтиусу Пилату и Октавии Випсании предстоит владеть Палестиной, Восточным Римом, бывшим Иерусалимом и Кесарией Палестинской. Теми самыми землями, которыми Пилат-младший управлял в той истории, как Римский наместник-прокуратор. Иисуса Христа он в этой истории уже не встретит, это совсем другая история, и Иисус в ней, скорее всего, даже не родился, но сама Судьба зачем-то настойчиво тянет Понтиуса Пилата в Восточный Рим. Очень интересно...

— Шикарное зрелище. Интереснее любых Игр и гонок. Римляне именно так его и оценили.

Флавий Лаэций Метелл, консул этого года. Герцог Средней Азии (Хорезма и Согдианы), муж старшей из здешних сестёр Счастливого — Клавдии Ливии Юлии. Метелл — человек Германика Августа Феликса, только его и ничей больше. Метелл не входит в число посвящённых в главную тайну, но он посвящён в другое — в то, чем Счастливчик не делится больше ни с кем другим — в планы на жизнь в «Эпоху после Агриппы».

Война императоров обязательно состоится. В какой конфигурации и на каком театре — пока непонятно, ситуация постоянно меняется, но грядущая война неизбежна. Метелл — начальник штаба армии Германика Августа Феликса в будущей войне и начальник тыла. Прежде всего — тыла в Вечном Городе. Именно Метелл занимается расселением в Риме надёжных отставных военных и созданием общественной организации «Союз ветеранов различных войн». Общественной организации экономической взаимопомощи бывших профессиональных военных. Не опасно? Не опаснее мятежа в действующей армии. Для того, кто не способен управлять — опасно всё, вообще всё.

Лучшим боксёром первого турнира этой истории, римляне ожидаемо признали Гая Страбона Маурья. Будущего зятя Германика Августа Феликса, легата и наследника графства Магатхи в Индии. Страбон тоже человек Счастливого и ничей больше, на него тоже большие планы.

Консулами 758 года, отцы-сенаторы выбрали Гнея Корнелия Цинну Магна и Марка Эмилия Лепида. Принцепс, Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа снова переизбрался эдилом, ещё одним из эдилов, выбрали Гая Страбона Маурья — ему Сенат поручил перестройку Римского храма Конкордии* (*храм древнеримской богини согласия, построен как символ окончания разногласий между патрициями и плебеями в 367 году до н. э.).

Децима Понтиуса Пилата уполномочили империем на завоевание Южной и Центральной Африки и наградили триумфом. Проведение триумфа, Пилат отложил на 760 год от основания Города. Сначала он решил разобраться с Африкой, прежде всего с легионами Агенобарба, которые превратились непонятно во что.

Агриппа наконец-то внёс в Сенат проект закона «О полномочиях и обязанностях Цензора». Очень нужный Римской Республике закон. Проект Мецената и Германика, Принцепс доработал, но не в сторону смягчения, а как-бы не наоборот. По доработанному проекту, в Сенате должна будет появиться выборная Цензорская комиссия, которая будет оценивать итоги деятельности всех, без исключения, проконсулов и выборных магистратов на предмет коррупции и других злоупотреблений властными полномочиями. Альтернативой сенатской комиссии, Марк Випсаний Агриппа сразу обозначил антикоррупционную комиссию Народных трибунов. Цензорская комиссия появится в любом случае — вот и думайте теперь. Полномочия самого Цензора Римского Сената урезались до председателя комиссии, но взамен он получал возможность отклонять выборные кандидатуры, то есть влиять на состав.

Очень влиятельный орган власти получится. С его помощью можно попытаться спасти Республику. Зачем её вообще спасать? Вполне жизнеспособная форма правления, если её вовремя излечить от абсурда и коррупции, не зря ведь в той истории именно республики развивались успешнее авторитарных государств. Монархия хороша в крохотном Далкиленде, если ты самый богатый человек в мире, и в королевстве тебе принадлежит абсолютно вся собственность, до последнего квадратного метра. Но это уже не государство, между нами говоря, а бизнес-корпорация с единоличным владельцем.

Республику тоже можно рассматривать как бизнес-корпорацию, но с распылённым пакетом акций. Такой бизнес может расти до бесконечности — до планетарных масштабов, системных, галактических и даже вселенских. В таком бизнесе достаточно иметь блокирующий пакет — а это вполне реально. И очень выгодно. Блокирующий пакет корпорации галактических масштабов, в любом случае будет дороже любой планетарной Империи. Впрочем, от Империй пока тоже никто отказываться не собирается, на этом этапе, этапе экспансии Римской Цивилизации, они просто незаменимы, а дальше посмотрим-подумаем.

В марте 758 года, из Империи Западная Хань, в Рим вернулось посольство Верховного понтифика, Германика Августа Феликса. Точнее, вернулась часть посольства (Никодим, Иерофей и Мао Ли), другая часть (Агафон, Ломан и весь «секретариат») закрепились в Хань в качестве постоянного дипломатического представительства, то есть легализованной разведывательной группы.

Министр-регент Империи Хань, Ван Ман, согласился продать острова в дельте Янцзы в собственность «Банку Богов». В частную собственность под общей юрисдикцией Империи, но с особым статусом, который даже охарактеризовать трудно. Юрисдикция Хань над Шанхаем, а именно так будет называться наш первый город в Китае, сохраняется чисто

символическая, а выражается в фиксированном годовом налоге. Совсем не обременительном, хотя Иерофей Сириец и счёл его слишком высоким, но торговаться из-за этой мелочи...

Нам Шанхай нужен для накопления сил. Туда отправятся пять наших Дальневосточных легионов, когда сдадут свои острова милиции и учебным когортам. До катастрофы на Хуанхэ осталось всего пять лет, так что налоги можно платить вообще без каких-либо скидок, но скидки уже есть и скидки очень значительные, чего же боле? В Шанхае нас и так всё устраивает более чем.

Счастливчик наградил Никодима Коринфянина, Агафона Фракийца, Ломана Галла и Иерофея Сирийца «вулканами»* (*сто тысяч «сатурнов», или полтонны серебра), а шестьдесят секретарей-помощников-силовиков из состава посольства «венерами»* (*десять тысяч «сатурнов», примерно жалование легионера за весь пятнадцатилетний срок службы). Очень щедро, но результаты их посольства того стоят.

Жрец Меркурия, Иерофей Сириец, получил назначение управляющим дальневосточной собственностью «Банка Богов» и постоянным послом Римской Марсианской церкви в Империи Западная Хань, он возвращается в Шанхай незамедлительно. Он и Мао Ли, тепер имперский барон — им предстояло воспользоваться информацией о грядущей катастрофе. Такое послезнание грех не использовать в свою пользу в религиозном плане, вот пусть на месте и думают, как это половчее повернуть, люди они толковые, как и их товарищи — Агафон и Ломан.

А жреца Приапа, Никодима Коринфянина, Счастливчик оставил при себе. Такого любимца Фортуны нужно возвышать в центральном аппарате Римской Марсианской церкви, структуры громоздкой и пока управляемой очень плохо. Пора наводить в ней порядок, тут то Никодим и пригодится в качестве полномочного личного помощника Верховного понтифика.

Пора уже всё это сборище различных коллегий жрецов, весталок, авгуров, фециалов и фламинов приводить к общему знаменателю. Церковь — это сила, сопоставимая с силой денег. К тому-же, эта сила теперь довольно представительна в Римском Сенате, а Сенат нам очень нужен. Формально независимый, но де-факто хорошо управляемый. Сенат — это очень важный символ. Сенат — это голос Гения Рима. В это сейчас верят все и это очень хорошо, эту Веру тоже нужно укреплять всеми доступными способами.

В конце апреля 758 года, Германик Август Феликс отправился на раскопки Ленинграда. То, что под большим и пологим холмом (Проклятым холмом на Проклятых болотах) укрыт город, известно было уже точно. Легионеры «Пятого Жаворонкова» подкопали юго-западную сторону холма и город начал открываться. Город под Проклятым холмом. Холмом не то из пепла, не то из ила, не то из пыли. Город древних гиперборейцев из книги «История людей» Голоса Марса Агриппы.

Легионеры люди отважные, когда встречаются в бою с обычными людьми, но откапывать город из-под Проклятого холма, сами они побоялись, не зря же этот холм так прозвали, неспроста. Зато они всё картографировали и настелили на Проклятом болоте гати.

Искусственный (насыпной) холм в плане правильной круглой формы, диаметр этого круга — десять километров шестьсот метров, максимальная высота над уровнем моря — двести сорок метров. Главная протока из Ладожского озера обходит холм по болоту с севера, а само Ладожское озеро всего в пяти километрах восточнее холма. То есть чистая вода в пяти километрах, а так-то всё Проклятое болото — это тоже часть озера, болотистый язык.

Счастливчик приглашал на раскопки будущего тестя, Публия Квинтилия Вара, но того этот феномен не заинтересовал. Засыпанный город? И что в этом особенного? Кому нужен город на северных болотах? Если тебе делать нечего — копай. Всё, что накопишь — твоё, а мне есть чем заняться. Менталитет совсем другой. Подумаешь — засыпали Боги зачем-то древний город, им ведь это не трудно — раз-другой дунуть-плюнуть.

Первая в этой истории археологическая экспедиция, стартовала из Германского Рима* (*примерно современный Майнц) двадцать шестого апреля, на двухстах шестидесяти семи галерах, класса река-море. Из близких, компанию Германику Августу Феликсу составил только граф Шатругна Маурья, личный тренер по фехтованию, личный телохранитель, а кроме того, теперь ещё и трибун-ангустиклавий «Первого Германского», личный адъютант императора и помощник по общим вопросам. Шатругне сейчас всего тридцать восемь, военный ценз он исполнит к сорока семи — самый возраст для Римского политика.

Счастливчик очень старательно проводил своих людей в Сенат. По одному, по одному, но постоянно и последовательно. Все, желающие делать карьеру, легаты, получали его поддержку на выборах в магистраты, а это уже практически гарантия успеха. Никому из отцов-сенаторов, в здравом уме, не приходило в голову «заваливать» кандидатуру в магистраты от Верховного понтифика, обладающего правом отклонения кандидатур в проконсулы.

Никакой собственной фракции в Сенате, Германик Август Феликс пока не формировал. Есть двадцать сенаторских мест у Римской Марсианской церкви и пока этого достаточно, чтобы не привлекать излишнего внимания конкурентов — императоров «Южного пула». Заняты они там грабежами — вот и хорошо, пусть себе грабят, не отвлекаясь на скучную Римскую политику. Пусть считают, что эта политика их не касается, что они её уже переросли, уже возвысились над ней, пусть относятся пренебрежительно, пусть. За это даже доплатить можно.

А мы будем по-тихому тащить в Сенат своих. Сенаторов много, больше двух тысяч, но треть из них уже недееспособна, ещё треть занимается «бизнесом», или занимает должности у кормушек, политически активна всего треть. На судьбоносные итоговые сессии, на стыке

лет, собираются по пятьсот-шестьсот человек, да и то — подавляющее большинство из них с целью «справедливого» раздела проконсульских кормушек.

В «большой» законодательной политике, активно участвуют всего двести пятьдесят человек, в основном старики, так что собрать большинство — вполне реально, если не привлекать внимание к процессу этого сбора. Пока всё идёт как по маслу. Офицеры (легаты и трибуны) из Германских, Русских и Британских легионов проходят цензы в выборных магистратах и растут-растут-растут. Дорастают до преторов, получают сенатские тоги и отходят в тень, заниматься своими феодальными баронскими делами.

Только эти сенаторы «из тени», сильно отличаются от своих коллег, родившихся «с золотой ложкой во рту». Они всё те-же военные, и ждут приказа командования к наступлению. Они возглавляют Курии феодалов в Империях «Северного пула» и очень хорошо информированы. Ещё молодые для политиков (сорок пять — пятьдесят пять) крепкие и закалённые военной службой, новые сенаторы ждут своего часа и готовятся к нему.

А «дымовую завесу» им ставят «варвары». Герцог Фраат Парфянский, графы Комосик и Маробод — уже претенденты в консулы. Причём, реальные претенденты, даже без особой поддержки — им ведь не нужны проконсульские кормушки. Наверх они лезут «понта» ради, варвары ведь урождённые, им нужно всё время что-то доказывать — пока это всеобщее мнение, вот и хорошо. Граф Шатругна Маурья в эту схему вписывается отлично — так что быть ему Римским сенатором и даже консулом. А в реал-политик, в «проходную пешку», под прикрытием, будет играть уже его приёмный сын, Гай Страбон Маурья. Пусть все сильные мира сего с пренебрежением относятся к варваризируемому Сенату. Сенат у нас теперь очень разный, когда это потребует — наши «варвары» отойдут в тень, а выйдут из этой тени наши герои различных войн, уже в сенаторских тогах. Шах и мат. Такое не парируется, если ты к этому не готовишься годами.

Сегодня ты император, а завтра уже мятежник-уголовник. Пойдут за тобой легионы? Все пойдут? Точно? А тиронов в пополнение где будешь брать? А платить этим легионам чем будешь, если Римский Сенат запретит с тобой, проклятым мятежником, любую торговлю? А если Римская Марсианская церковь объявит тебя, проклятого мятежника, еретиком, восставшим против воли самого Марса Победоносного и других Римских Богов?

Такие вот у нас «шахматы». Мы двигаем свои «проходные пешки» на позиции по королевскому флангу, пока вы грабите «качество» на ферзевом.

Седьмого мая 758 года, археологический караван перешёл по каналу Клавдия из Рейна в Эмс, двенадцатого мая, по каналу Нерона из Эмса в Везер, семнадцатого, по каналу Антония из Везера в Эльбу, а уже двадцать третьего, по каналу Друза, вышел из Эльбы во Внутреннее (Балтийское) море.

Хорошо поработали трудовые армии. Кроме этих четырёх каналов, построены ещё три на востоке, теперь все крупнейшие реки в Империи Германия соединены в общую транспортную сеть. Ну, почти все, пока за исключением пограничных на юго-западе Данубия-Дуная и Южного Буга.

Трудовые армии уже частично демобилизовали. Из восьмисот пятидесяти тысяч в начале, в «строю» остаются чуть больше полумиллиона трудармейцев, а триста с лишним тысяч уже стали фермерами-арендаторами. Досрочно освободились за ударный труд, и стали собственниками. Пусть и обременёнными долгами, но собственниками недвижимости, цена на которую постоянно растёт. Вполне естественно, что мотивацию, продолжающих

работать, трудармейцев, это значительно повысило, хотя она и до того находилась на приличном уровне. Трудармейцам начисляются премиальные. Небольшие, по три «сатурна» за месяц ударного труда, но учитывая, что живут они на всём готовом — деньги не такие уж плохие.

Достаточно будет отметить, что не все демобилизованные ушли в фермеры, хватает и тех, кто остался на «сверхсрочную». Для «сверхсрочника», месячное жалование уже десять «сатурнов», а для бригадиров — «двадцать». Далеко не факт, что фермер сможет стабильно зарабатывать такие деньги. Точно, что не любой фермер, поэтому трудовые армии имеют неплохой шанс стать постоянными вольнонаёмными. У них ведь и собственные подсобные хозяйства имеются — и не только поля и фермы, но и мельницы, пекарни, коптильни, пивоварни и так далее. Теперь это самые настоящие «колхозы» с отхожим промыслом, и если им помочь с организацией, прежде всего справедливым распределением паёв, то эти «колхозы» продолжат работу на имперских подрядах. Для Империи это выгодно, очень выгодно. Крупные коллективные хозяйства, они ведь и крупные производители, а значит крупные налогоплательщики, и крупные потребители промышленных товаров — тех же мельниц, лесопилок, ткацких станков и прочего разного. Они ещё и города построят, со временем.

На место, к Проклятому холму, экспедиция прибыла двенадцатого июня 758 года. Две когорты «Пятого Жаворонкова», с четырьмя тысячами трудармейцев, строили город в восточной части небольшого острова* (*остров Котлин, шестнадцать квадратных километров) в Невской губе, в тридцать километрах от места предстоящих раскопок. Пусть будет. Город тут и в той истории построили, а значит, смысл в нём есть. Этот островок, со временем, можно будет соединить с южным берегом дамбой — до берега меньше семи километров, а море здесь совсем неглубокое. Внутреннее море вообще неглубокое, а в этой части особенно — мель на мели, так что получится из острова полуостров с огромной закрытой акваторией. Легионеров и их подопечных трудармейцев, Германик Август Феликс отвлекать от работы не стал. Для охраны у него имелись германские «гвардейцы», а для раскопок собственная группа из трёх тысяч вольнонаёмных археологов, уже обученных вести раскопки, а не просто копать. Бережно вести, а не быстро. Кое-как обученных, но это всё-таки лучше, чем совсем никак. Эти археологи нам ещё не раз пригодятся — координаты, где делал свои открытия Генрих Шлиман* (*немецкий предприниматель и археолог-самоучка, один из основателей полевой археологии. Прославился пионерными находками в Малой Азии, на месте античной Трои, а также на Пелопоннесе — в Микенах, Тиринфе и беотийском Орхомене), Счастливики помнил, упоминались они в одной из лекций, так что пусть эта команда набирается опыта, копать им ещё и копать.

Тринадцатого июня, принесли жертвы Марсу Победоносному и Юпитеру Капитолийскому, а четырнадцатого разбили летней лагерь на Проклятом холме, в юго-западной его части, где уже немного подкопался «Пятый Жаворонков».

— Странное место, — прокомментировал начальник археологов, Титус Пистор, — зачем было вообще строить город, посреди огромного болота?

— Не было здесь болота. Этот холм насыпан на основные рукава Невы. Вы выяснили, что это за пыль?

— Выяснили ещё в Университете, Божественный, пробы нам передавали. Это не пыль, не пепел и не ил. Если смотреть в микроскоп, то все частицы имеют правильную кубическую форму и все они одного размера. Этот порошок Высшими силами создан

специально, в этом нет никаких сомнений.

«Нужно было раньше поинтересоваться — сам дурак...»

— Даже так... Тогда велите собирать его в мешки.

— У меня слишком мало для этого людей, Божественный. Работы сильно замедлятся.

— Мы не торопимся, дружище Пистор, этот город от нас теперь никуда не денется, а странный порошок обязательно пригодится. Попробуем делать из него бетон, или ещё что-нибудь. Поэкспериментируем. Собирайте всё.

В июле 758 года, покончил с собой единственный сын покойного императора Африки, Луция Домиция Агенобарба, Гней Домиций, двоюродный брат Германика Августа Феликса. Запойный алкоголик так и не смог жениться — сначала Счастличик разорвал его помолвку с Клавдией Ливией Юлией, по причине слишком близкого родства; а потом Публий Корнелий Лентул Сципион, разорвал помолвку своей дочери — уже по причине полного морального разложения жениха.

Кузен Гней стал парией Римского общества, отношения с ним прервали даже самые близкие родные: мать — Антония-старшая и сёстры — Домиции Лепиды, старшая и младшая. Полгода Гней Домиций Агенобарб спивался в полном одиночестве и, в итоге, вскрыл себе вены. Что тут скажешь? И жил грешно, и помер смешно. Мог бы и на меч броситься, всё равно ведь умирать — даже самоубийство самоубийству рознь — вены себе вскрывают только неженки и трусы. Древний патрицианский род Домициев Агенобарбов прервался самым печальным образом. Гнея залили воском в мраморном саркофаге и отправили в Африканский Рим* (*современный Могадишо), подальше от Вечного Города.

Империя Африка распалась на два независимых герцогства мужей Домиций Лепид, старшей и младшей — Сервия Корнелия Цетега и Клавдия Нерона Друза-младшего единственного сына Тиберия Клавдия Нерона. Цетегу достался юг — от Африканского рога до реки Рувума; а Друзу-младшему север — бывшее Нубийское царство — от Нильских порогов (границы сенатской провинции Египет, до истоков Белого и Голубого Нилов, то есть, несостоявшиеся в этой истории Судан, Эфиопия, Эритрея и Джибути. Антонии-старшей достались наличные капиталы и семейные владения в Сенатской Республике. Довольно ценные владения — латифундии, виллы и домусы по всему Средиземноморью и гигантский дворец в историческом центре Большого Рима. Тётке-Антонии=старшей всего сорок пять, так что вполне себе ещё невеста. Глава её фамилии теперь Меценат, а он обязательно что-нибудь придумает, после траура.

Полномочный управляющий собственностью «Банка Богов» на Дальнем Востоке и посол Римской Марсианской церкви, Иерофей Сириец, и титулярный имперский барон Мао Ли добрались до Шанхая в августе 758 года. На этот раз, в Сингапуре им пришлось ждать конвоя охраны всего месяц.

В Империи Западная Хань снова сменился правитель. Император Сяопин-Ди скончался в пятнадцатилетнем возрасте, естественно, не оставив потомства, на престол Поднебесной взошёл, а точнее, его внесли — годовалый Жуцзы Ин.

— Отравили по приказу Ван Мана, все так говорят, — доложил обстановку Ломан Галл, — как раз накануне совершеннолетия отравили. Говорят, лично Ван Ман ему напиток подал.

— Нам без разницы. Ван Ман даже лучше, с ним у нас договор, а стал бы этот договор

исполнять новый император — большой вопрос. Они тут любят всё пересматривать, могли и наш пересмотреть. Я прав, Мао Ли?

— Прав, Иерофей. Могли и даже почти наверняка пересмотрели бы, а теперь у нас есть ещё пятнадцать лет.

— Нам и пяти хватит, — ухмыльнулся Иерофей.

— Ты о чём? — поинтересовался Агафон Фракиец.

— Новое пророчество получили. Не забывает нас своей заботой Марс Победоносный. В семьсот шестьдесят третьем году, Хуанхэ изменит русло и смочет половину Хань. Нам поручено извлечь максимальную пользу из этого знания.

— То есть, Ван Мана мы предупредить не собираемся?

— Пока ничего не решено. Может и предупредим, изменить он всё равно ничего не сможет, а пророчество узнают во всей Империи. Пойдёт нам это на пользу?

— Подумать нужно. Так почему нам пяти лет хватит? Вторая половина Хань ведь никуда не денется, Хуанхэ на севере, а мы в устье Янцзы.

— Вторая половина Хань — это уже забота армии. Давайте думать, как нам максимальную пользу из пророчества извлечь. Пользу для Рима и Римской Марсианской церкви. У Ханьцев не должно остаться сомнений — какие Боги достойны поклонения, а какие подлежат эвокации* (*в Древнем Риме религиозный обряд, посредством которого во время войны призывали богов-покровителей неприятельского государства, или города, на свою сторону), чтобы прислуживать Марсу Победоносному, ибо на большее они неспособны.

— А «Банк Богов» когда придёт?

— Уже пришёл. В трюмах сто армейских тонн золота в слитках по одному килограмму, всё необходимое для печати «сатурнов», «юпитеров» и «марсов» и чеканки «бахусов» и «сатиров». Золото привезут ещё, когда оно нам понадобится. Из Сингапура его теперь будут сюда отправлять по потребности.

— Зачем нам здесь золото?

— Будем продавать всем желающим за «богов». Или покупать, если цена начнёт падать, ниже римской. Не только золото, ещё серебро, медь, олово и никель* (*на самом деле сплав с железом, нержавеющей сталь).

— Охрана нам нужна... Пара легионов, как минимум, — прикинул Ломан Галл.

— Всё у нас будет — и легионы и флот, в этом не сомневайтесь. Не забывайте — кто нас сюда отправил. Работаем, братья!

В Рим, Германик Август Феликс вернулся в ноябре 758 года. Сам того не ожидая, вернулся настоящим триумфатором. Почему-то, раскопки далёкого северного города Гипербореи, римляне посчитали великой победой. Над кем? Так над проклятьем ведь. Ведь легионеры «Пятого Жаворонкова» ничего не смогли, хоть они и настоящие герои. А тут раз и Победа Марсианства, под личным предводительством Верховного понтифика. Окончательная победа над изменившей Марсу Атлантидой. Славный Рим получил наследство славных гиперборейцев — это же очевидный знак благоволения Богов. Да здравствует наш Август Феликс (наш Божественный Счастливчик)! Ура-ура-ура!

Новости радовали, особенно из Африки. Децим Понтиус Пилат без труда привёл в чувство Африканские легионы и уже заложил город на юге, примерно на месте тамошнего Мапуту. До крупнейшего в мире месторождения золота осталось всего пятьсот пятьдесят километров. Правда уже посуху, по бушу, на запад, но Пилат точно знает, куда нужно идти, координаты того Йоханнесбурга, Счастливчик ему дал. К этому золоту лезли во многих сочинениях об альтернативной истории, так что и нам почин поддержать сам Марс велел. Золото в Йоханнесбурге и алмазы в Кимберли. Чтобы их найти и начать добычу — сил у Пилата уже хватает, а дальше, на золоте и бриллиантах, он раскрутится очень быстро. Мы раскрутимся. В этом предприятии Счастливчик получил половинную долю. Не просил — на этом настоял сам Пилат.

В Империю Западная Хань вторглись хунну, монголы, татары* (*до монгольского завоевания, татары проживали юго-восточнее Байкала) и маньчжуры; теснимые нашими кочевниками — племенным союзом Русского народа — скифов, сарматов и роксоланов.

Русский народ отправился в Большое завоевательное кочевье — из Средней Азии к Последнему (Жёлтому) морю, пять лет назад. Русские обошли Балхаш с северо-востока и начали поглощать, не успевшие сбежать, племена степей Южной Сибири. Двигаются они неторопливо, тщательно зачищая территорию и даже основывая города — в верховьях Иртыша, Оби, Енисея и вот теперь Селенги. Население в города им отправляет Публий Квинтилий Вар — демобилизованных «условно-досрочно» трудармейцев. Возле городов степь распаивается, русские получают в ближнем тылу продовольственную и фуражную базу и двигаются дальше. А кроме баз, они получают безопасную дорогу для снабжения промышленными товарами — от оружия и доспехов, до подков и гвоздей.

Из Средней Азии, Русский народ выходил с восемью корпусами по десять тысяч воинов, а к Селенге подошёл уже с двенадцатью. Встали в строй подростки мальчишки из поглощённых народов, да и сами русские размножаются вполне успешно, а потерь они несут очень мало — сказывается более совершенное вооружение и экипировка. На восток движется не дикая орда, а латная кавалерия на отличных лошадях, с обозами из фургонов на стальных осях, отлично оснащёнными походными кузницами и даже артиллерией. Немногочисленной артиллерией, но много пушек в степях и не требуется — кочевники очень редко встают в круговую оборону за своими повозками, они предпочитают по возможности уклоняться от сражений с превосходящими силами, а в угол их русские не загоняют. Вот и доуклонялись сибирские кочевники уже до северных границ Империи Хань. Великое переселение народов в этой истории происходит с запада на восток.

Тиберий вышел к Гангу. В центре полуострова у него «партизанская территория, но север между Индом и Гангом и самый юг (герцогство Тамилы) он уже под контроль взял. Непросто даётся ему война, армия сильно страдает от различных болезней, но дело идёт — статуи Марса Победоносного в образе Марка Випсания Агриппы занимают свои законные места в индийских храмах, а статуи индийских Богов отправляются в эвакуацию — в главный храм Марсианства в Риме. Не все, конечно, статуи, столько нам не нужно, по одной — самой красивой и самой ценной будет вполне достаточно. Мы ведь не отменяем других Богов, только вводим нашу иерархию Высших существей.

Из Индии уже поплыли «гастарбайтеры», готовые ударно трудиться за «бахуса» в день.

За «бахуса» в день содержать раба невозможно даже в каменоломне. Например, мы только премии рядовым трудармейцам такие платим, сверх содержания, а «гастарбайтеры» как-то выживают, причём почти без криминала. Загадка... Нужно будет как-нибудь разобраться с этим феноменом.

Павел Фабий Максим по-прежнему грабит, но и от этого польза есть — в процессе он всё картографирует, уточняя наши весьма приблизительные карты. Теперь мы довольно хорошо знаем географию островов между Азией и Австралией. И природную географию, и политическую. Все большие острова, кроме тамошней Новой Гвинеи, заселены довольно плотно и довольно развитыми народами — все они уже перешли из бронзового века в железный, только папуасы Новой Гвинеи почему-то застряли в каменном.

Тётушка-Антония сильно расстроенной не выглядела. По мужу она горевала сильно, а сын... не удался сын, не повезло. Что уж тут поделаешь? Судьба такая. Фаталисты они здесь все убеждённые. На всё у них воля Богов.

На виллу Мецената в Риме, Счастливчик заглянул проведать любимую бабушку-Октавию, а Антония-старшая жила с ней, в ожидании очередного замужества. Большую семью Октавиев-Аттиев-Бальбов-Антониев сейчас возглавлял император Британии, Гай Цильний Меценат, довольно пожилой, но по-прежнему очень деятельный. Мужа тётке-Антонии он уже нашёл — своего протеже с юных лет, довольно известного поэта и очень квалифицированного юриста, префекта Претория (а это сейчас начальник всей милиции в Сенатской Республике, то есть министр Внутренних Дел), Гнея Азиния Бебия, у которого в прошлом двенадцатилетнем браке так и не родились дети.

Бебии — род хоть и плебейский, но очень древний и славный, да и Азинии уже консула в своём роду имеют, так что никакого мезальянса — в Антонии-старшей тоже ни капли патрицианской крови нет, если считать только мужские линии, как это здесь принято.

Через полчаса церемонных политесов, уединились с бабулей в её таблинии* (*tabulinum, дословно: «архив, деревянная галерея, терраса» — кабинет хозяина).

— Ты опять пешком, без лектики...

— Я не римская матрона, бабушка, а римский военачальник, командующий армией. Для меня нет ничего постыдного в пешем передвижении.

— Я говорю не про стыд, а про солидность, Феликс. Агриппа тоже военачальник.

— Агриппа, кроме того — Принцепс и Цензор Римского Сената, а я только военачальник. Да и Агриппа в моём возрасте пешком ходил, не так ли?

— Совсем другие времена были, — вздохнула Октавия.

— Раньше было лучше, — улыбнулся Счастливчик, — Агриппа ходил пешком, и его никто за это не осуждал. О свадьбе вы уже договорились, насколько я понял?

— Договорились. Тебе не нравится этот союз?

— Очень даже нравится. Бебий мне нравится куда больше Агенобарба, честно говоря, такой родственник нам пригодится. Вопрос у меня к тебе. Ты в курсе, как индийцы выживают в Риме на «бахуса» в день?

Октавия так до сих пор и возглавляла Службу Внутренней Безопасности, у Мецената и без того забот хватало.

— В курсе, конечно. Отлично они выживают. Помогают торговцам собираться после окончания торгов, прибираются в их лавках, а те им за это отдают потроха* (*сердце, печень, почки и селезёнка), слишком заветренные мясо и рыбу, мятые овощи и фрукты,

увядшую зелень, а это для индийцев — самое настоящее изобилие, у себя дома, они питаются гораздо хуже. Так что всех расходов у них — «сатир» в день на керосин. Да, всего один «сатир», я не ошиблась — готовят они в больших котлах, для больших компаний, поэтому и получается так дёшево.

— Допустим... Но ведь им и жить где-то нужно. Где в Риме можно жить за девять «сатиров» в день?

— Где можно жить за девять «сатиров» — я не знаю, а бесплатно можно в катакомбах. Там они и живут, так что девять «сатиров» у них — это накопление, которое пускается в оборот. В Риме всё новое вдвое дешевле, чем у них там. Вот и считай — по девять «сатиров» каждый день с каждого, а индийцев сейчас примерно десять тысяч — в их оборот попадает почти по «нептуну»* (*пять килограммов серебра) каждый день, а с каждого оборота, у них этот капитал утраивается.

— Да, уж... То есть, ты хочешь сказать, что все эти индийцы — одна банда?

— Нет, конечно. Банд у них уже восемь и каждый месяц появляется новая.

— А мы их контролируем, Октавия?

— В этом не сомневайся, Феликс. И контролируем, и с каждого оборота получаем свою долю. Третью долю, — опередила Октавия вопрос внука, — это справедливо. Это наш город. К тому-же, мы им помогаем. Без нас — они бы платили гораздо больше. Платили бы всяким бандитам, вроде тебя молодого, в той жизни.

Нашествие «гастарбайтеров» из Индии, значительно ускорило стройки в Вечном Городе. Новый мавзолей Юлиев (Цезаря и Октавиана) вышел на стадию возведения памятника-монумента над ротондой-усыпальницей основания. Монументальную статую проектировало то же трио скульпторов монументалистов, что и мавзолей Друза в Германском Риме — Полиандр Критский, Гай Бантий и Маний Невий — они же будут руководить строительством. Статуя-монумент Друза уже отлита, сейчас её шпаклюют, шлифуют и покрывают фольгой из золота, серебра и меди. Трёхцветная получится статуя — жёлто-серо-зелёная, на картинке смотрится красиво и внушительно, а как получится на самом деле — узнаем уже в следующем году.

Новую Курию Сената (Курию Голоса Марса) Агриппа строит на участке, который выпал ему при жеребьёвке под строительство дворца. Дворец он и строит, только не себе, а Сенату Римской Республики. Для себя дворцы строят: Гай Цильний Меценат (на берегу Тибра, неподалёку от театра Марцелла, между Палатинским холмом и Марсовым полем), Публий Квинтилий Вар (на юго-восточном склоне Авентинского холма) и Антония-старшая достраивает гигантский дворцовый комплекс Агенобарба на северо-востоке исторического Рима. Меценату и Антонии до окончания строительных работ осталось по году-полтора, а Вару года два с половиной-три. Свой дворец, Публий Квинтилий Вар спроектировал «башней-небоскрёбом» их железобетона и стекла, поэтому у него только на возведение фундамента ушёл целый год.

Счастливец, на своём «дворцовом» участке и прикупленных по соседству, решил, со временем, построить парк аттракционов, по типу Диснейленда, а пока там экспериментировали с различной вечнозелёной фауной из Африки и Южной Америки. Нет пока в Риме специалистов по парковому ландшафтному дизайну, вот и пусть учатся — дело это нужное, нам ещё гольф-клубы предстоит строить.

Термы и форум Друза Германика с юго-западной стороны Авентинского холма уже

находятся в стадии отделки, а новых строек в историческом Риме, Германик Август Феликс решил до поры не затевать. Вечному Городу предстоит ещё одна масштабная реконструкция — не дело это, когда канализация огромного города сливается прямо в реку, без предварительной очистки. Река должна быть украшением города, а не продолжением вонючей клоаки. Тем более, что Большой Рим развивается вдоль Тибра на юг, к Остии. Для новой канализации понадобятся мощные насосы с паровым приводом, а до них ещё далеко, лет пятнадцать-двадцать, тогда к строительству в Риме и вернёмся, а пока нам хватит дел в Империях Севера.

Тот же Волго-Балтийский канал очень нужен — он соединит Западную Европу аж со Средней Азией. Соединит самым дешёвым — водным транспортом. Нужны новые заводы. Рынок растёт очень быстро — потребление на новых территориях уже вызвало значительный рост цен на всю промышленную продукцию, а ведь это только начало. Освоена пока меньшая половина Индии, а Китай и вовсе пока сидит на «микродозах» товаров класса люкс.

Когда вся Азия включится на полную катушку потребления — удовлетворить спрос можно будет только десятикратным увеличением производства. Минимум десятикратным — вот о чём сейчас нужно думать. Большая инфляция подорвёт доверие к «Банку Богов», а ведь это наш банк, а не каких-то пейсатых рептилоидов-ближневосточников.

В общем, срочно нужны новые заводы и фабрики, рудники и шахты, плотины и каналы, дороги и мосты, а Рим подождёт. Рим уже достаточно побалован храмом Марса и Колизеем.

Консулами 759 года от основания Города (7 года Марсианской эры), отцы-сенаторы выбрали Квинта Цецилия Метелла Критского Силана и Авла Лициния Нервы Силиана.

Закон «О полномочиях и обязанностях Цензора» приняли, в первую Цензорскую комиссию из шестнадцати сенаторов и Марка Випсания Агриппы избрали двоих представителей Римской Марсианской церкви.

Агриппа привычно переизбранся эдилом, продлили полномочия эдила и Гаю Страбону Маурья — порученный его заботам храм Конкордии находился в состоянии масштабной реконструкции. Как раз, где-то через год, Страбон должен с храмом закончить, тогда и поднимется на следующую ступеньку Cursus honorum — уже в преторы, уже в Сенат.

В наступающем году, Счастливику предстояло жениться, и торжественно открыть мавзолей-монумент папы-Друза Германика, а кроме того, заканчивался срок службы бывших папиных германских рабов. Они освобождались Друзом ещё до закона о вольноотпущенниках, за каждого из них, при освобождении, уплачивался налог, а значит — они клиенты. Теперь его клиенты, Германика Августа Феликса. Начинали служить двадцать две тысячи, кто-то погиб, или умер от болезней, кто-то останется служить эвокатом-сверхсрочником, центурионом, или даже трибуном, но и вернётся их точно немало. Очень даже немало. Тысячи. Тысячи ветеранов, клиентов и римских граждан — к этому нужно хорошо подготовиться.

Сразу после Нового года, Счастливик, в компании с мамой-Антонией, отправился в Германский Рим. Длинная зимняя дорога в обход Альп, через Лазурный берег, Лугдун* (*современный Лион) и Аргенторат* (*современный Страсбург), хорошо знакомая дорога, с виллами друзей-приятелей-сослуживцев, бывших легатов и трибунов легионов Империй Севера, а теперь политиков и сенаторов, на всём протяжении в тысячу семьсот километров.

В этот раз, из-за компании матери, Германик Август Феликс не торопился, останавливался у друзей на днёвки, поэтому до столицы своей Империи добрался только в середине марта 759 года.

Германский Рим — огромный город, уже не меньше самого Большого Рима, примерно те же полмиллиона населения, но бездельников здесь, в отличие от сильно избалованного Вечного Города, нет совсем. Здесь нет ничего бесплатного — ни хлеба, ни зрелищ, зато здесь есть высокооплачиваемая работа на множестве верфей, заводов и фабрик, построенных на плотинах водохранилищ, впадающих в Майн и Рейн речушек и ручейков.

Рядом с производствами и росли городские районы, поэтому Германский Рим всё дальше вытягивался вдоль правого берега Рейна и обоих берегов Майна. Уже построены три моста через Рейн и пять через Майн, университетский кампус, которыми позавидовали бы даже Оксфорд с Кембриджем из той истории, и все необходимые сооружения Римской Цивилизации — форумы, курии, храмы, термы, амфитеатры и так далее.

Торжественное открытие монумента-мавзолея состоится только в начале июля, но строительные леса вокруг него разбирать уже начали. Раньше срока. Похвально, премии заслужили.

Гермоген, второй ректор Университета (Гигин умер три года назад), порадовал работающим прототипом электрического генератора с паровым приводом. Конструкция пока громоздкая и ломкая, к тому-же стоит, как половина Колизея, но прогресс в этом направлении идёт довольно бойко. С электричеством помедленнее, с механикой побыстрее, но в целом — бойко и уверенно.

— Замечательно, дружище Гермоген. Эта штукавина нам очень нужна. В чём у нас основные трудности?

— Во всём они у нас основные. Изоляцию обмоток пробивает постоянно, зубчатые колёса в повышающем редукторе крошатся, подшипники греются, огнепроводные трубы прогорают... Мне продолжать?

Никакого почтения к императору и Верховному понтифику...

— Избавь. С этим сам разбирайся. Что с капсулями?

— С ними гораздо лучше. Можем начать производство. И капсулей, и спичек.

— С капсулями повременим, для унитарных зарядов у нас пока нет достаточно латуни, а вот спички — это вещь. Они всему миру нужны, не только армии.

Так, ожидаемые клиенты-ветераны и теперь римские граждане, знать бы заранее, сколько их вернётся... Тысяч десять точно. Вполне смогут заменить собой «Первый Германский». Пойдут они в милицию служить? Конечно пойдут, тем более в столичную. А в Америку поедут? Меценату докладывают, что в Америках обстановка постепенно накаляется. Местные дикари наконец сообразили, что их настолько больше — что можно даже пушки «мясом завалить», и начинают «качать права». Чтобы только удержать наши весьма скромные позиции, пару легионов туда нужно отправлять срочно, но и милиционеры-ветераны очень даже не помешают. Поедут? Это вопрос денег. Америку стоят любых денег, они стоят больше всей Римской Республики, так что скупиться не стоит.

В начале июня, до Германского Рима добралось печальное известие — умер Павел Фабий Максим, император Океании. Ещё одна Империя подвисла. Сыновья Максима, и приёмный старший — Марк Валерий Мессала Барбат, и младший родной — Павел Фабий Максим-младший, не имеют никаких шансов на получение империума. Барбат всего два года

назад начал службу трибуном, а Максим-младший и вовсе — начнёт её только через год. Оба ещё не женаты. У приёмной дочери, Клавдии Пульхры, брак с Публием Петронием не заладился, сейчас они в разводе, детей нет.

В общем, Империя не реализовалась. Уже вторая Империя и опять по причине лихорадки. Вот вам и тёплые страны. И вроде настойку коры хинного дерева всем рекомендовали принимать. Не помогает? Или не принимают? Говорят — жутко горькая гадость, но ради сохранения собственного здоровья ведь можно потерпеть. Не за дядю чужого ведь горечь глотаешь, а за себя любимого. Интересно, а наши Дальневосточные легионы эту дрянь пьют, или тоже забили? Надо бы запросить легатов на этот счёт.

На торжественное открытие монумента-мавзолея Друза Германика, ещё одного нового Чуда Света, прибыли Агриппа, Меценат, Вар и полсотни «независимых» сенаторов. Сенаторов, Счастливчик приглашал всех, но уважили только пятьдесят два — этим ставим плюс в карму.

Монумент гостей очень впечатлил. Не удивительно, такие монументы впечатляли даже в двадцатом веке той истории, когда люди уже летали в космос, а статуя папы-Друза, пожалуй, превзошла все тамошние. Не размерами, до взятой за образец «Родины-Матери», папа в той-же позе несколько метров во все стороны не дотянул, но исполнение... Бетонная статуя монумента зашпаклёвана, отшлифована и покрыта фольгой: золотой открытые части тела — лицо, шея и кисти рук, серебряной — шлем, лорика и меч, а медной — всё остальное. Новая форма с курткой-кителем, штанами и сапогами несколько не аутентична эпохе, но уже вполне привычна современникам. Медь со временем позеленеет, так что и цвет будет соответствовать. Кроме сапог — но это уже совсем незначительные мелочи.

— Похож, — оценил Марк Випсаний Агриппа.

— Вылитый Друз, — согласился Гай Цильний Меценат.

— Шедевр. Настоящее Чудо Света. Друз там сейчас наверняка счастлив, — предположил Публий Квинтилий Вар.

А мама-Антония молча заплакала. Почему? Да кто её знает. При жизни она папу изводила со всем старанием, а сейчас плачет. Наверное, по молодости своей взгрустнула.

Девятого сентября 759 года, двадцатидвухлетний император и Верховный понтифик, Германик Август Феликс, женился на шестнадцатилетней дочери и единственной наследнице императора Публия Квинтилия Вара — Квинтилии Агриппине, или Агриппине-младшей.

Счастливику было внутренне неловко жениться на почти ребёнке, но ничего не поделаешь — другие времена, другие и нравы. Нормально замуж девицы здесь выходят в четырнадцать, а в шестнадцать с половиной, случается и такое, и нередко случается, уже имеют по двое детей, поэтому Вар настоял. В семнадцать полных лет, Агриппину-младшую уже отнесли бы в разряд перестарков, с сопутствующим обсуждением этого явления в высшем обществе. А ведь жена «Цезаря» должна быть вне подозрений, так что уйми своих «тараканов» из несостоявшегося будущего и женись, как нормальный цивилизованный римлянин.

«Ладно, женюсь, но внуков быстро не жди. Это тебе — выдал дочь замуж и гора с плеч, а мне с этой женой всю жизнь жить. От полных восемнадцати лет и никак не раньше. Договорились? Вот и славно».

А вообще, жениться в Риме в эту эпоху — одно удовольствие. Все хлопоты берёт на себя отец (или попечитель) невесты. Вообще все — от самой свадьбы и угощения гражданам Рима, до праздничных тридцатидневных Игр, а жениху только подарки дарят.

Подарки, да... Сильнее всех удивил Меценат. Посвящённый в главную тайну, Гай Цильний Меценат, император Британии. Меценат подарил Счастливику раба. Совсем ещё ребёнка, лет шести-семи.

— Ты же знаешь, что я не держу рабов. Рабство — это...

— Знаю, — перебил Счастливика Меценат, — всё знаю, всё помню, не сомневайся, юноша. Это необычный раб, это тот самый Йешу, сын Иосифа-плотника из Назарета и его второй жены Марии. Хороший подарок, правда ведь? Берёшь, или заменить?

Обалдеть!

— Погоди... а как он к тебе попал?

— Не тупи, Феликс. Такое важное события, я пропустить не мог. Мои люди дождались его рождение в Назарете, а потом привезли в Британию. Всю семью привезли. Уговорили переехать.

— А как он к тебе в рабство попал?

— Всё по закону, не сомневайся. По древнему Римскому Закону Двенадцати таблиц* (*Leges duodecim tabularum — свод законов в Древнем Риме 451–450 гг. до н. э., регулирующих практически все отрасли. Законы двенадцати таблиц давали отцу право продавать в рабство своих детей). Плотник Иосиф-назаретянин продал его мне в погашение долгов. Довольно крупных долгов, кстати — «нептун» и четыре «марса». За эти долги я мог забрать в рабство всю семью этого недоумка, но великодушно ограничился одним двухлетним заморышем. Теперь я для них благодетель, — глумливо ухмыльнулся старый циник.

— А долги, конечно, возникли случайно?

— Побереги своё ехидство для менее искушённой публики, юноша. В долг я никому ничего не навязывал. Не отказывал, но и не навязывал. Не пытайся выставить меня злодеем,

Феликс.

— Да я не про злодейство... Зачем он тебе нужен-то был?

— Ты всего один день женат, а уже так отупел... — вздохнул Гай Меценат, —

Интересно же, вдруг, он тоже оказался бы посланцем.

— Не оказался?

— Мне не удалось этого выяснить. Ребёнок, как ребёнок. Ну, что, берёшь, или заменить его на виллу в Капуе? У тебя ведь там своей виллы нет, живёшь, как нищий бродяга...

— Нет, спасибо, вилла мне не нужна. Агриппа знает?

— Знает, конечно, — возмутился Меценат, — он то мне и посоветовал насчёт этого подарка. Сказал — ты оценишь. А ты меня в злодействах подозреваешь.

«Вот это поворот судьбы... Ну, деда... палец вам в рот не клади...»

— Ни в чём я тебя не подозреваю. И подарок очень ценю, Агриппа не ошибся. Растерялся просто немного. Я ведь думал, что он здесь не родится. История-то ведь совсем по-другому пошла.

— Значит, не совсем по-другому. А виллу в Капуе я тебе всё равно дарю. В придачу. Зимой там очень хорошо.

— Спасибо, друг.

Ребёнок, как ребёнок...

— Сколько тебе лет, Йешу?

— Полных шесть, Доминус. В декабре, перед Марсовой неделей, исполнится семь.

— Чему хочешь учиться?

— Я раб, Доминус.

— Это я помню. Единственный мой раб, других у меня нет. Вольную я тебе дать пока не могу, ты ещё не вступил в дееспособный возраст, но учить тебя собираюсь. Кем ты хочешь стать Йешу?

Никем пока не хочет, а свою прошлую жизнь либо не помнит, либо скрывает это. Ладно, разберёмся, со временем...

Первым наставником-воспитателем Иисуса Христа, Счастличик попросил стать Шатругну Маурья, графа Магатхи, своего личного тренера и адъютанта. Шатругна, разумеется, не отказал. Как не отказал и Овидий* (*Публий Овидий Назон — известный древнеримский поэт), он стал первым учителем. В свите императора Германика Августа Феликса добавилось два человека — поэт и... Там посмотрим, что из него вырастет.

В октябре сыграли свадьбу префекта Претория, Гнея Азиния Бебия, и тётки-Антонии-старшей. Хорошая пара, обоим по сорок шесть, так что наследника родить они ещё вполне способны, рожают и позже. Молодожёнам, Счастличик подарил четыре погонных километра литых узорчатых чугунных решёток, для ограды их гигантского дворца в Риме. Эти решётки только появились на рынке и пока покупались поштучно, для внутреннего украшения вилл и домусов, для внутренних перегородок, а тут такое... Тётушка аж взвизгнула от восторга.

К декабрю 759 года, на родину вернулись шестнадцать тысяч ветеранов, клиентов Германика Августа Феликса. Восемь тысяч, Счастличик оставил служить милиционерами в Германском Риме, а ещё восьми предложил поселиться в Новом Свете. Для начала, тоже милиционерами в четырёх городах, а дальше сами определяются. Земли в Америках навалом,

хоть по тысяче гектаров выделить можно, хоть по пять. Не отказались «дембеля» и от Америк.

Во-первых, просьба патрона к клиенту — сродни приказу; во-вторых, расстояния этих парней (тридцати двух-тридцати трёх лет) нисколько не пугали, они уже побывали и в Индии, и на островах на краю земли, и ничего — вернулись вполне состоятельными римскими гражданами; а в-третьих, конечно, деньги. За службу в Новом Свете, было предложено полуторное жалование.

Одним из консулов 760 года от основания Города (8 года Марсианской эры) отцы-сенаторы избрали расового варвара Комосика, владетельного имперского графа Дакии. Спокойно избрали — без давления и скандала. В легаты Комосика произвёл сам Агриппа, а его армейская карьера сложилась на зависть многим — ещё в Парфянскую кампанию, Комосик заслужил награждение собственным вексиллумом, командовал легионом в двух триумфальных Мавретанских кампаниях. В общем, варвар-то он, конечно, варвар, но многим римлянам в пример.

Гай Страбон Маурья закончил реконструкцию храма Конкордии, получил благодарность Сената и избрался в преторы. В следующем году, Страбону предстоит жениться на Октавии Клавдии, вот и пусть идёт под брачный венец уже в сенаторской тоге. Гай Страбон — настоящая живая легенда Рима, так что гражданам это обязательно понравится.

Агриппа снова переизбрался эдиллом, а также сложил с себя полномочия Цензора Сената. Новым цензором избрали Гнея Азиния Бебия. Префектом Претория стал бывший примипил и бывший легат «Тринадцатого Парного», экс-квестор, экс-претор, Тит Силекс, очень хороший приятель Счастливого и один из его протеже. Расстановка фигур на политической доске Рима шла полным ходом.

А между тем, дядюшка Тиберий, никого не спросив, подчинил себе легионы Максима и имперский флот Индийского океана. Вара это сильно разозлило, но предложенный им демарш никто не поддержал. Такие вопросы нужно решать тихо, кулуарно, а не поднимать гвалт на весь Рим. Тиберия попросили приехать на пленум «Марсианского комитета» в сентябре-ноябре наступающего года (во время триумфальных Игр Децима Понтиуса Пилата) и этим пока ограничились. Соберёмся и решим, не начинать же войну из-за такой мелочи. У Тиберия до сих пор служат все сыновья Агриппы. Увлеклись грабежами, никто из них гражданскую карьеру так и не начал, хотя полный военный ценз трое старших (Юл Антоний Випсаниан, Луций Антоний Випсаниан и Гай Юлий Цезарь Випсаниан) уже выслужили.

Свадьбу Гая Страбона Маурья, наследника графства Магатхи, и второй по возрасту здешней сестры Счастливого, Германика Августа Феликса — Октавии Клавдии, сыграли в марте 760 года. Этим молодожёнам, Верховный понтифик и император подарил имперское герцогство Нидерланды (междуречье Рейна и Альбиса-Эльбы) со столицей в Колонии Агриппине* (*современный Кёльн) — самую развитую часть Империи Германия, со вторым по значению имперским городом. Отличным римским городом, с двумя сотнями тысяч жителей (столько-же сейчас в Медиалануме-Милане).

В июле, на армейскую службу отправились Понтий Пилат, граф Палестины, и Птолемей Антоний, сын друга-Юбы, внук Марка Антония и Клеопатры, троюродный брат Германика Августа Феликса, имперский граф Северной Понтиды (междуречья Данубия-Дуная и Южного Буга, с побережьем Понта Эвксинского). Пилату-младшему ещё не исполнилось

семнадцати, но это не беда, пока до Дальнего Востока эта парочка доберётся, как раз исполнится. Служить своих родственников, Счастливец отправил в «Четвёртый Македонский». С ними и отправил предписание легату, Сексту Гигнату — перебазироваться в Шанхай. В Сингапуре легион больше не нужен, милиция с поддержанием порядка справится, а в случае войны, один легион всё равно ничего не решит, только в ловушку попадёт.

Нет, войну пока никто не планирует, но предусмотреть её необходимо. Да и Шанхай теперь важнее Сингапура. В Шанхае теперь Азиатский эмиссионный центр «Банка Богов» и Азиатская биржа драгоценных металлов, а в Сингапуре только торговый центр. Правда, крупнейший в Азии торговый центр, но всё равно Шанхай гораздо важнее. Шанхай — это ещё и плацдарм Китайской кампании, а Сингапур — только налоги с торгашей. Их потерю мы как-нибудь переживём.

Девятнадцатого августа 760 года, состоялся триумф Децима Понтиуса Пилата. Покорителя Мавретании-Атлантической, дважды консула Рима, имперского герцога Ютланда и Скандинавии и императора Южной Африки. Первого армейского командира Германика Августа Феликса, мужа мамы-Антонии и одного из самых близких и доверенных людей Счастливика.

Триумфальная процессия покорителя Мавретании стартовала из Восточного района Большого Рима и прошла под Триумфальной аркой, которую начинали строить для Павла Фабия Максима, но тот триумфа так и не удостоился, вот и достроили её для Децима Понтиуса Пилата. Ему-же отошло и кураторство над Восточным районом, что вызвало настоящие ликование жителей. Над Большим Римом, в честь этого триумфа, каждый день поднималось больше полусотни воздушных шаров-аэростатов с грузоподъёмностью по сорок пассажиров, а гражданам Рима (всем гражданам) раздали билеты на этот аттракцион — за сто дней Игр, в воздух поднимутся все желающие.

Тиберий Клавдий Нерон, император Индии, прибыл в Рим в конце сентября. В кой-то веке, «Марсианский комитет» (Совет императоров) собрался в полном составе и впервые с Пилатом в этом самом составе.

Претензии Вара, Тиберий отмёл сходу.

— Какая связь между нашим общим флотом и твоими личными островами Публий? Флот мы создавали для Индийского океана. Мы с Максимом его создавали, если ты забыл. В Индийском океане он и служит — ловит пиратов, картографирует острова и Южный континент* (*Австралия с латыни переводится как Южная). Если тебе нужны поселенцы на Хайнане и Тайване — нанимай торговцев, военный флот не должен заниматься извозом гражданского населения, у него другие задачи.

— А легионы?

— Легионы Максима продолжают кампанию на Суматре. Я им даже помощь послал. У тебя на них какие-то планы? Поделись — обсудим. Империю Максима я присваивать не собираюсь. Как только появится новый император — верну легионы ему. Ему, а не тебе, Публий. Кстати, ты мне ещё вассальную присягу за Сингапур не приносил.

— Остров я у тебя купил.

— Купил, — согласился Тиберий, — имперское графство. Собственность я твою не оспариваю, но графство это в моей Империи Индия. Оно может быть и тобой продано, и после тебя несколько раз, но географии и юрисдикции это не изменит.

Умыл Тиберий Вара. Красиво умыл, очень умно. Несмотря на общие с тестем интересы на Дальнем Востоке, Счастливец правоту родного дяди признал. Все признали, в итоге даже сам Вар, хоть и отказался приносить присягу — Сингапур остров, а Империя у Тиберия континентальная. Шри-Ланка? По древнему праву завоевателя, а Сингапур покорили мои легионы. Зачем ты тогда покупал право на покорение ничейного острова?

В общем, оставили Тиберию и флот, и легионы, и даже добавили два Африканских, которые Пилат оставил охранять наследство Агенобарба, в той части, которая отошла к Друзу-младшему, мужу Домиции Лепиды-младшей, единственному сыну Тиберия Клавдия Нерона.

Триумфальные Игры Децима Понтиуса Пилата снова порадовали римлян новинкой — боями конных гладиаторов, по образцу Средневековых рыцарских турниров. Пленных берберов из Мавретании, искусству конного копейного боя обучали целых два года, поэтому зрелище, устроенное в амфитеатре Друза на Марсовом поле, удалось на славу.

Так и развлекались — днём конные копейщики, а по вечерам бокс в Колизее. Под гамбургеры, картошку-фри и попкорн.

Лучшим боксёром снова стал Гай Страбон Маурья, на это раз уже сенатор и претор, во второй раз выигравший турнир в супертяжёлом весе. Старые сенаторы ворчали, сетовали на падение нравов и унижение сенаторского достоинства, но осуждения не добились. Такое осуждение вполне могло спровоцировать в Риме беспорядки, да и не старики теперь в Сенате заправляли, а более молодых коллег всё устраивало. Бокс признали олимпийским соревнованием, а участие в Олимпиадах — не позорно, а почётно. Так олимпийское движение начало перебираться из Греции в Рим. С бокса началось, но им не закончится. В футбол уже играют легионы и мальчишки на улицах, так что и футбольных турниров осталось ждать совсем не долго. Классические гладиаторы Риму изрядно надоели, во время Игр Пилата про них уже никто не вспоминал.

Консулами 761 года от основания Города, выбрали Флавия Лаэция Метелла (во второй раз) и расового варвара Маробода, имперского графа Маркоманнов. Маробод тоже начинал служить у Агриппы, прошёл тот же путь, что и Комосик, только к личному вексиллуму его представлял уже Счастливец за Мавретанскую кампанию.

Германика Августа Феликса, за окончательную победу над Атлантидой, которой сочли раскопки гиперборейского города Ленинграда, наградили правом воздвигнуть Триумфальную колонну.

Расовый грек, жрец Приапа, Никодим Коринфянин, возглавил в Сенате фракцию Римской Марсианской церкви — официально став вторым лицом в церковной иерархии. Реформу церкви Счастливец доверил готовить именно ему.

Ещё из примечательного — одиннадцать сенаторов не прошли комиссионный ценз по итогам своей деятельности на постах проконсулов. Всех их из состава Сената исключили, а троих даже отдали под суд. Гней Азиний Бебий свою цензорскую деятельность начал довольно активно и изрядно всех напугал. Отцы-сенаторы возопили к Агриппе, но тот только руками развёл. Разве Цензорская комиссия не права в своих заключениях? Или так нагло воровать у нас теперь норма вещей? Не воруйте — и будет вам счастье, это и самому Сенату, и Риму в целом только на пользу пойдёт.

Отданные под суд сенаторы покончили с собой. Вскрыли себе вены, слабаки.

В общем, борьба с коррупцией и прочей скверной в политическом руководстве Римской Республики стартовала очень лихо. Лечить этот позорный недуг Римской элиты начали сразу шоковой терапией. Пожалуй, даже ампутацией самых гнилых частей. Поможет ли? Там видно будет. Хуже точно не станет. Некуда уже хуже. Рим погубили не варвары, а воры. И ещё раз погубят, если их не извести.

В феврале 761 года от основания Города (9 года Марсианской эры), министр-регент Ван Ман низложил императорскую династию Западная Хань и объявил себя первым императором династии Синь* (*Синь — Новая).

Легат «Четвёртого Македонского» и, по совместительству, командующий Дальневосточной армией из пяти легионов, Секст Гигнат, в Шанхае, формально, главным начальником не являлся. Формально главным здесь был жрец Меркурия и полномочный распорядитель Дальневосточными активами «Банка Богов», Иерофей Сириец, но это всё пустые формальности. Формально — Шанхай банковский актив, а фактически — армейский плацдарм в предстоящей войне с Империей Хань. То есть, теперь уже Империей Синь.

Во внутренние дела Шанхая, Секст Гигнат не вмешивался, в этом не было необходимости. Новобранцы трибуны-ангустиклавии «Четвёртого Македонского» — Понтий Пилат и Птолемей Антоний, кроме приказа о назначении Гигната командующим всей Дальневосточной армией, привезли предписание управляющему активами «Банка Богов» в полной мере удовлетворять запросы армии, поэтому и оплачивались все его заявки в срок и без проволочек, и информацией жреческая верхушка Шанхая делилась.

О пророчестве на 763 год, Секст Гигнат уже знал. На этот год и была намечена военная кампания против Империи Хань, но теперь эта Империя стала называться Синь. Разве такое могло произойти не по воле Богов? Не изменит ли это наших планов?

— Это ничего не изменит, легат-командующий, — уверенно заявил Иерофей Сириец, — если бы это копошение местных варваров имело бы хоть какое-то значение, Боги бы нас об этом предупредили. Готовься по составленному тобой плану и не обращай на это внимание.

По плану, составленному, кстати, не самим легатом, а императором и Верховным понтификом, Германиком Августом Феликсом, Божественным Счастливымчиком, война была намечена на вторую половину 763 года от основания Города. Или, как считает теперь Римская Марсианская церковь — одиннадцатого года Марсианской эры.

К этому времени, Сексту Гигнату предстояло сосредоточить в Шанхае все пять боевых легионов, заменив их на Хайнане и Тайване милицией, и обеспечив флотом, для прохода по Янцзы, до верховий — до самой узости водораздела между Янцзы и Хуанхэ, в самое сердце Империи Хань. Тьфу, вот ведь привязалась эта варварская Хань — в самое сердце Синь.

Задача непростая, но вполне выполнимая. Флот Дальнего Востока потихоньку строится. Разогнать всех пиратов в Восточных морях, как в Индийском океане, он пока неспособен, но конвои судов снабжения уже осуществляются по графику. «Тринадцатый Парный» уже сдаёт «подмандатные» территории на Хайнане прибывающей милиции и перебазируется на Тайвань, в помощь «Третьему Галльскому» и «Шестому Железному». Через три-четыре месяца, начнёт передислокацию «Двадцать первый Хищный». Вчетвером, да при поддержке постоянно прибывающих сил милиции (тоже весьма серьёзных сил, кстати говоря, наполовину укомплектованных ветеранами легионов, а на вторую — служащими четвёртого года, не прошедшими конкурсный отбор в боевые легионы) сопротивление на севере Тайваня они подавят, максимум, за год. Максимум — это значит быстрее. Возможно, и за полгода. Такое вполне реально.

Речной флот в потребном количестве — пять сотен «Драккаров» образца Среднеазиатской кампании, построить к началу войны тоже успеем.

На конец 762 года, запланировано вторжение Русской кочевой кавалерии (больше ста тысяч всадников — латных копейщиков и лучников) в северные пределы Империи Хань, тьфу ты, зараза, Империи Синь, с целью оттянуть от внутренних районов (от столицы Чаньань) как можно больше войск (а их у Синь-Хань под пятьсот тысяч).

Дрянь у ханьцев-синьцев армия, собирают в неё всякие отбросы, которые не жалко потерять, но большая — в двадцать раз больше, чем у легионеров у Секста Гигната. И в четыре раза больше, чем легионеров вместе с ауксилиариями-кочевниками, так что заранее растянуть их силы — задумка отличная. Получится? В Средней Азии такое получилось.

Секст Гигнат участвовал в Среднеазиатской кампании ещё примипилом и отлично помнил, как большая и весьма боеспособная армия среднеазиатов вернулась к стенам своих городов, когда они были уже захвачены римскими легионерами. Уже тогда русские кочевники действовали безукоризненно, а теперь они гораздо опытнее и многочисленнее, так что повтор должен получиться. Повтор в масштабе четыре к одному и с другим командующим.

В этом-то главная проблема, себя Секст Гигнат выдающимся полководцем не считал. Он вообще себя полководцем не считал, свои таланты оценивал весьма критически: легат — это потолок компетентности; но командующим назначили именно его. Почему? Знать бы...

— А междоусобица у них не начнётся?

— Сразу — точно нет, — ответил «наш ханец», титулярный имперский барон, Мао Ли, — Ван Ман очень хорошо подготовил эту узурпацию. Но мы над этим работаем. После катастрофы на Хуанхэ, все вспомнят о пророчестве, в которое пока не верят. Тогда Ван Ману придётся ответить за всё и сполна.

— Их междоусобица нам самим сейчас невыгодна, — добавил Иерофей, — мы ведь за счёт торговли с ними строим флот. А какая торговля во время войны? Вот как только достроим — так и начнём нагнетать. Не беспокойся, легат-командующий, мы тоже действуем по плану. С нами Боги.

— Слава Марсу Победоносному!

В апреле 761 года от основания Города, в возрасте семидесяти шести лет, скончался Гай Цильний Меценат, экс-претор, экс-консул, покоритель и император Британии, триумфатор и богатейший человек Римской Ойкумены, не имеющий законных наследников. Именно поэтому всем было так интересно его завещание.

Завещание друга-Мецената, Счастливчика удивило не сильно. Всё своё имущество — движимое и недвижимое; капиталы, клиентеллу и обязательства; император Британии завещал, усыновлённому своей последней волей, Германику Августу Феликсу. Завещание удивило не сильно, а вот обязательства... Обязательства единственного совершеннолетнего мужчины в роду.

— Что-же получается, я теперь глава семьи? Теперь и ты в моей воле?

— Получается так, — бабушка-Октавия хоронила уже третьего мужа, но всё равно переживала очень сильно. Её брак с Гаем Меценатом был союзом политическим, союзом соратников и единомышленников, но союзом очень крепким, а потому его разрыв оказался весьма болезненным, — надеюсь, ты не планируешь выдавать меня замуж? Не планируй — не успеешь. Мне и полугодя, до окончания траура, не прожить...

— Заканчивай хандрить. Поживёшь ещё.

Октавии-младшей тоже семьдесят шесть. В той истории она прожила намного меньше.

Хотя, там она могла и не своей смертью умереть. Там вообще мало кто своей смертью умер. Параноик Октавиан Август и маньячка Ливия Друзилла убивали много и с удовольствием. С особенным удовольствием — самых близких, самых родных.

— Брось, подбадривать меня не нужно. Жизнь удалась, и уйду я отсюда с чувством выполненного долга и чистой совестью — так что твой «кузнец» сильно наказывать меня не станет, не за что. Похорони меня вместе с Гаем. Не хочу лежать рядом с «маленьким извращенцем» даже после смерти. Построй для нас отдельный мавзолей в Британском Риме.

— Построю, но ты всё равно не спеши уходить.

— Дела тебе передать успею — это обещаю.

Октавия, кроме всего прочего, возглавляет Службу Внутренней Безопасности. Она руководитель очень важной Службы, тайной Службы, о существовании которой теперь знают только трое — сама Октавия, Агриппа и он, Германик Август Феликс, пришелец из будущего, Счастливчик Майкл О Лири. Лишь эти трое знают всё, знают настоящий масштаб и настоящие возможности СВБ, остальные только в рамках необходимого, для исполнения своих полномочий.

— Надеюсь, ты подготовила себе хорошего заместителя.

— Подготовила. Стыдно мне за него не будет. Только он совсем безродный, римский гражданин всего в первом поколении.

— Первое поколение — самое сильное. Именно первое поколение создаёт династии, которые гробят уже потомки.

— Всё так, — согласилась Октавия, — но в твоих-же интересах его возвысить. Статус в этом деле важен. Гай обещал Захарии Менделю наследное владение и титул — это обещание придётся выполнить тебе. Это теперь твоё обязательство, хоть о нём и не упомянуто в завещании.

— Выполню.

Захария Мендель оказался расовым ближневосточником, невысоким, щуплым и лысоватым, но очень энергичным и очень трудоспособным. Можно сказать — трудоголиком. Про компетентность и упоминать излишне — Меценат умел подбирать исполнителей главных ролей. А роль Захарии Менделю досталась очень ответственная — он ещё и «Банк Богов» контролировал. Изнутри контролировал — возглавлял ревизионный отдел, тайный отдел, о котором даже один их трёх совладельцев Банка, Германик Август Феликс, до сих пор ничего не знал. Не знает о нём и главный банкир, исполнительный председатель — ещё один расовый ближневосточник, Давид Авигдор. Догадывается конечно, но без конкретики. Догадывается, что контроль осуществляется, что помогает ему воздерживаться от «потери берегов», а вот кем осуществляется этот контроль — не знает. Не знает, а значит опасается всех. Ближневосточной расовой солидарности здесь можно не опасаться, Мендель «своих» не любит. Он благонадёжный римский гражданин марсианского вероисповедания и верный своему патрону клиент. Теперь своему патрону Счастливчику.

Что-ж, только и остаётся, что снова и снова удивляться мудрости покойного Мецената.

Менделя Счастливчик наградил имперским графством Фюн* (*датские острова кроме Зеландии), пока не слишком развитым владением, но с большим потенциалом. Торговля во Внутреннем (Балтийском) море уже довольно бойкая, а большая часть торгового грузопотока теперь проходит через канал Друза мимо островов. Одним словом — не тупик.

— Чего мне следует опасаться в ближайшее время?

— Полагаю, смерти нашего славного Принцепса, Марка Випсания Агриппы. Вряд ли ему долго осталось, Патрон. После его смерти, наше болото забурлит. Вам будет непросто стать новым Принцепсом. Ваш дядя Тиберий — очень серьёзный конкурент.

— Я и не собираюсь становиться Принцепсом. Я планирую низвести политическую роль Принцепса Сената до того уровня, какая у неё была до Октавиана. Это снова будет почётная, но только церемониальная должность для старейшего из сенаторов.

— Если не секрет — почему, Патрон? Принцепсом вам будет стать непросто, но шансы есть, хорошие шансы. У вас возможности Службы, газеты и влияние Церкви. Недостаток у вас один — вы ещё слишком молоды.

— Такова воля Богов, Захария. Принцепс — это не титул, а должность, и титулом стать не должен. Титулы имеют свойство обращаться в наследственные — а это конец Республики.

— Вы считаете Республику лучшей формой власти? Покойный Патрон так не считал.

— Не бывает лучших и худших форм власти, Захария. Беда любой коллегиальной власти — коррупция с круговой порукой, а авторитарной — дурак на троне. С коррупцией и круговой порукой бороться можно законными методами, а вот дурак на троне — настоящее бедствие. Законно его не отстранишь, а в беззаконие стоит только сделать шаг — уже не остановишься.

— А как-же Империи? Ведь в них власть наследственная.

— Придумаем что-нибудь и для Империй. Боги подскажут. Пока главная наша задача — сохранить Республику. Она больна серьёзно, но не смертельно, шанс у нас есть. Задача понятна?

— Всё понятно, Патрон. Приложу все силы.

«Вот и славно».

Империя Британия — главное, но не единственное наследство Гая Цильния Мецената. От покойного приёмного отца, Германику Августу Феликсу досталось множество владений в Римской Республике. Имеются очень интересные активы — никелевые рудники в Греции, медные и цинковые в Малой Азии, мраморные каменоломни в Италии, доходные латифундии в Испании, на Сицилии и в Сирии, но навалом и всякой никчёмной статусной недвижимости — шестнадцать вилл-дворцов, которые только на своё содержание требуют по два «меркурия» в год. Каждый год, их содержание обходится в сумму равную содержанию боевого легиона. А ведь Меценат, по словам Октавии, избавился от трёх четвертей этой разорительной роскоши, то есть раньше она ему обходилась как четыре легиона. С ума сойти.

Всей собственностью покойного Гая Цильния Мецената за пределами Британии, управлял расовый грек Полиандр. Клиент, конечно, чужих Меценат к себе вообще не подпускал.

— Я правильно понимаю — что в обслуживании этих вилл состоит девятьсот пятьдесят рабов?

— Девятьсот семьдесят два раба, Патрон.

— Это ещё лучше. А проживают там за наш счёт всякие бездельники, творцы-неудачники?

— Правильно, Патрон. Именно бездельники и неудачники, Пользы они никакой не приносят, хоть покойный и считал иначе.

— А как он их считал?

— Он считал, что взаимное обогащение творческими идеями — это большая польза.

— Я так не считаю, Полиандр. Ставь всем бездельникам задачи — до конца 762 года представить материальный результат своей деятельности, а мы их творчество оценим по достоинству. Может так оказаться, что они не способны на большее, чем убирать на конюшнях навоз, а мы их содержим как сенаторов.

— Благодарю, Патрон.

— За что Полиандр?

— Вы решили исполнить мою мечту.

Саркофаг, с залитым воском телом Гая Цильния Мецената, временно установили в мавзолее Друза Германика. Приёмного отца с родным. При жизни они не конфликтовали, так что вряд ли им это неприятно, тем более что соседство временное.

Британский Рим. Город не слишком большой, едва сто тысяч жителей, но очень богатый. Здесь, на верфях, строятся корабли Атлантического флота, здесь, на ткацких фабриках производится треть всей шерстяной ткани, здесь работает половина огранщиков-ювелиров, две трети всех известных скульпторов, здесь главная биржа драгоценных металлов и много чего ещё.

Всё управляется клиентами — секретарями по делам Британии, Нового Света Британского Рима, промышленности, животноводства, торговли и так далее. В руководящем аппарате работают семь тысяч клиентов. Работают только клиенты, без каких-либо исключений, даже курьерами.

Никаких новшеств в отлаженный процесс, Счастливчик вносить не стал. Не нужно пытаться усовершенствовать то, что и так хорошо работает. Лучшее — враг хорошего. А работает аппарат управления хорошо, раз результаты его деятельности устраивали очень требовательного Мецената. Покойный потакал всяким творческим никчёмностям, имелась у него такая слабость, но в сферах управления и экономики результат требовал и получал — иначе он не стал бы самым богатым человеком Рима.

Германик Август Феликс поручил своим новым клиентам-сотрудникам освободить всех рабов в течение двух лет, по максимуму обеспечив вольноотпущенников работой. Рабов в Британской Империи не так много, всего семьдесят тысяч, так что задача не слишком сложная, так что по результату исполнения этого поручения и будем судить, а пока пусть всё остаётся на своих местах.

Счастливчик выбрал место под мавзолеей-монумент, утвердил внешний облик статуи, поставил первые задачи архитекторам и скульпторам-монументалистам и всё. Больше ничего не успел. Из Рима пришла хоть и ожидаемая, но всё равно очень печальная новость — умерла Октавия. Как и обещала — ещё до окончания траура по мужу.

В Рим, Германик Август Феликс отправился морем, на яхте Гая Мецената, настоящем плавучем дворце, хоть и небольшом — покойный знал толк в роскоши и очень ценил комфорт. «Мы не должны жить как дикари даже на войне», да-да = это его кредо, его понимание обязанности цивилизованного человека. Обязанности перед кем? Прежде всего — перед самим собой. У Гая Цильния Мецената в жизни был только один непререкаемый авторитет — сам Гай Цильний Меценат. Мнение избранных он мог учесть, а на остальных ему было наплевать. Мнения остальных для него просто не существовало. Правильно ли это? Тут, как говорится — сначала сам добейся подобного, а потом берись судить. Меценат в этой жизни добился очень многого.

Из Британии, Германик Август Феликс забрал мать Йешу, ту самую Деву Марию, мессь которой Счастличик Майкл О Лири заказывал в той жизни себе на удачу. Удача стороной его не обходила, а это значит, что те мессы срабатывали. Только за одно это, благодарность Мария уже заслужила. Да и вообще, раз уж даже мессы срабатывали, то прямая благодарность — непосредственно из рук в руки, без посредников — тем более должна сработать. Несколько меркантильно, зато честно. Добро должно быть взаимным. Взаимопольным.

Добро, да-да, именно добро. Развод Марии со стариком Иосифом, который продал её сына в рабство — это, безусловно, добро. Воссоединение с сыном состоялось — снова добро. Замуж её выдать? Молодая ведь ещё совсем. Сколько ей сейчас, лет двадцать пять — двадцать шесть? Почему бы и нет, если найдётся хороший кандидат в мужья, а пока пусть находится в свите.

В Риме, Счастличик первым делом распорядился отправить саркофаг Октавии в Германский Рим, в мавзолей Друза Германика. Уважил просьбу покойной бабушки и отправил её к мужу. Пусть это и временное их пристанище, но уже вместе. Вместе потом и переедут в собственную усыпальницу, строиться она начала. Статую над их мавзолеем сразу запланировали из двух фигур, так что всё по плану. Жаль, конечно, расставаться с близкими друзьями, тем более с такими друзьями — самыми доверенными, посвящёнными в главную тайну, но ничего не поделаешь.

Во вторую очередь, с согласия Агриппы, Германик Август Феликс взялся перестраивать стихийный амфитеатр Друза на Марсовом поле. Специалистов в строительной отрасли у него прибавилось втрое, а в римском дворце Мецената и Октавии, в котором они так и не успели отпраздновать новоселье, уже заканчиваются отделочные работы, теперь можно снова порадовать римлян. Римлян, восторженно встретивших известие о том — кто именно стал наследником состояния самого богатого человека и его обязательств. Обязательств прежде всего перед западным районом Большого Рима, примыкающего как раз к Марсовому полю.

Амфитеатр Друза строился без какого-либо проекта, никто не планировал делать это сооружение постоянным — первые трибуны возводились из дерева, только для одной битвы «за Бург» пленных германцев на триумфе папы-Друза, но римлянам это место полубилось, Игры здесь начали проводить по несколько раз в год* (*в Древнем Риме, Игры с гладиаторскими боями устраивались по любому радостному поводу — рождение детей и внуков, замужество дочерей и тому подобное), а для Триумфальных Игр Децима Понтиуса Пилата, когда на Марсовом поле устроили подобие рыцарского турнира, трибуны соорудили уже и на правом берегу Тибра, так что место теперь «намоленное», осталось только возвести на нём что-то приличное, что-то архитектурно ценное.

Места здесь много, обзор с обоих берегов отличный, пусть будет цирк* (*circus — круг) для гонок. Поначалу гонок квадриг* (*античная двухколёсная колесница с четырьмя запряжёнными конями) — эти гонки сейчас олимпийский вид спорта, а после дойдёт и до автомобилей. Поле большое, круг получается пятисотметровый в диаметре, больше полутора километров по окружности, да ещё и в центре останется место для уже полюбившихся римлянам ристалищ. В общем, цирку Друза-Мецената быть!

Кроме цирка (с двумя широкими мостами, замыкающими геометрически правильный круг), Счастливику затеял строительство терм Октавии. Чисто женских терм, своего рода женского клуба. Сейчас в римских термах женских два дня в неделю* (*римская неделя в этой альт. истории десять дней), что не очень-то справедливо. Не в плане равенства полов, на это наплевать, а в плане равенства прав потребителей — женщины платят точно такие-же деньги, вот и пусть себе платят каждый день в собственных термах. Поощрение феминизма? Как раз наоборот. Феминизм родился в борьбе с шовинизмом, в том числе и за термы, так что нате вам и успокойтесь. Боритесь внутри этого женского клуба друг с другом, тратьте в нём свои силы, тратьте там свой яд, нашим будет легче.

Накануне Марсовой недели, Флавий Лаэций Метелл сложил с себя консульские полномочия и, в компании со свояком, Гаем Страбоном Маурья, отправился на Дальний Восток, координировать действия конной армии Русского народа, при вторжении в Империю Западная Хань, то есть, теперь Синь. В общем, в Китай.

В каком именно месте Хуанхэ изменит своё русло — неизвестно, поэтому Русской армии надлежало держаться как можно ближе к западу, к предгорьям, которые значительно беднее равнины. Сами русские от соблазна могут не удержаться, а Метелла они своим командиром признают ещё со Средней Азии — он их точно удержит.

Зачем там Страбон? Его признаёт командиром русская «гвардия» Счастливику, тоже отправленная на Дальний Восток. Повидаться с родичами, поучаствовать в очередной эпической военной кампании и агитировать за оседлый римский образ жизни. Все шесть тысяч «гвардейцев» уже имперские бароны и рыцари, всем им есть, чем похвастаться — а это самая лучшая агитация. Не нужно оседать всем сразу — бескрайние степи Южной Сибири, Монголии и Уйгурии распахивать пока некому, а контролировать их нужно, при этом желательно что-то зарабатывать, но и города там нужны. Римские города — столицы герцогств и графств. Центры цивилизации и торговли, центры власти и обеспечения законности.

Да и веселее зятьям вдвоём. Путь на Дальний Восток долгий, месяцев девять-десять — вдвоём они не одичают. То есть, всё равно одичают, конечно, но уже поменьше, и то хорошо.

Во второй день Марсовой недели, родила тётушка-Антония-старшая. Родила в сорок восемь лет своего четвёртого ребенка, здорового (под четыре килограмма) сына — Гая Антония Азиния Бебия. Наследное имперское герцогство, Бебию обещал ещё Меценат, вот и подвернулся благовидный предлог исполнить это обещание. Нет, своими владениями, императоры в праве распоряжаться как угодно — благовидный повод нужен самому Гнею Азинию Бебию. Цензор Римского Сената должен быть вне подозрений, как жена Цезаря.

Получилось как нельзя лучше — герцогство Каледония* (*Шотландия), Германик Август Феликс жаловал своему новорожденному двоюродному брату Гаю, как единственному из внуков Октавии-младшей, не имеющему собственного наследного владения. Цензор Гней Азиний Бебий и получил обещанное, и не подмочил свою безупречную репутацию непримиримого борца с коррупцией и прочими злоупотреблениями.

Принцепс, Голос Марса, Марк Випсаний Агриппа, очень тяжело переживавший смерти друзей, не стал выдвигать свою кандидатуру в эдилы. Агриппе уже исполнилось семьдесят три, поэтому такое его решение сразу стало темой обсуждения номер один — все сходились во мнении, что Голос Марса готовится перейти в мир иной. Всё верно, он и на самом деле в

этому готовился. Хотел даже передать полномочия Принцепса Германику Августу Феликсу, но Счастливчику удалось уговорить старого друга этого не делать. Нынешний статус Принцепса Римского Сената (пожизненный и дополненный пожизненными полномочиями Народного трибуна, фактически диктаторскими полномочиями) созданный Октавианом Августом для себя, Агриппа должен забрать с собой навсегда, а иначе эта фактическая диктатура, со временем, обязательно станет наследной. И кто её унаследует через пару поколений? А если дурак? Облегчая себе жизнь сейчас, мы создаём проблемы будущим поколениям, собственным потомкам.

Сенат потихоньку очищается от скверны, Бебий свою работу делает. Сенат преобразился. Привычная всем двухпартийная система оптиматов и популяров, сменилась четырёхпартийной. К двум старым, добавились новые партии — Римской Марсианской церкви и Военно-феодалная. Никто эти партии не учреждал, никаких уставов они не принимали — эти партии сложились стихийно, по факту взаимных интересов.

Не совсем стихийно, конечно, осознать общность интересов, новым сенаторам-имперским феодалам (отслужившим легатам и трибунам) помогали авторитетные и уже опытные в политике товарищи, но такие интересы у них действительно имелись, так что процесс объединения всё равно бы пошёл, его просто немного ускорили.

В Сенате теперь представлены интересы всех главных сил Римского общества, и все эти силы приветствуют прогресс. При соблюдении своих интересов, конечно, но за прогресс выступают все. Зачем такому хорошему Сенату мешать работать фактической диктатурой?

— Ты же говорил, что именно Сенат мешает Риму развиваться.

— Говорил. Сенат мешал. Мешал и Цезарю, и Крассу, но это уже в прошлом. Этот вопрос мы решили имперской экспансией. Теперь Сенат нам нужен. Очень нужен в качестве арбитра прежде всего. Авторитетного арбитра, представляющего интересы всего Римского общества, а не чьего-либо марионеточного сборища.

— Ты изменился, Феликс.

— Конечно изменился. Только дураки не меняются, а я дураком себя не считаю. Ты должен забрать с собой нынешний статус Принцепса. Здесь он больше не нужен. Если собрался уходить уже скоро, лучше подумай — кому передать свой империум. Твоя идея с роспуском Восточной Империи мне совсем не нравится. Не будет Империи — не будет и её легионов, а кто в таком случае защитит наследные владения твоих детей? В каком статусе окажутся эти владения? Подумай хотя бы на пару поколений вперёд. А ещё подумай — как разделить свою долю в «Банке Богов». Вот это действительно очень важно.

— Подумаю.

Одним из консулов 762 года от основания Города (10 года Марсианской эры), отцы сенаторы избрали уже третьего подряд расового варвара — Фраата Парфянского, герцога Парна и Маргианы. Компанию ему составил Публий Квинтилий Вар, выбранный консулом Рима во второй раз.

Германик Август Феликс избрался курульным эдилом Рима с империумом на реконструкцию Вечного Города. Заменил Агриппу. Паровой двигатель до ума постепенно доводится, пора начинать улучшать санитарную обстановку в Риме и экологию Тибра. Городу нужна новая канализация с системой очистки сточных вод, а без империума такой грандиозный проект в жизнь не воплотишь.

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Дополнительные сведения.

Таймлайн:

738 (-15) рождение Феликса (Тиберия Клавдия Нерона-младшего)

741 (-12) Начало этой истории

744 (-9) Имперский раздел Мира — четвёртый пленум «Марсианского комитета»

746 (-7) Верховный понтифик Тиберий Август Феликс; начало его армейской службы

747 (-6) Германская война

748 (-5) Кампания в Боспоре и Понте; свадьба Мecenата и Октавии, триумф Друза

749 (-4) Британская кампания; Парфянская война; выход на Волгу; гибель Друза

750 (-3) «открытие» Нового Света; «Банк Богов», свадьба Децима Понтиуса Пилата и

Антонии-младшей

751 (-2) помолвка Германика Августа Феликса и Квинтилии Агриппины, Агриппины-младшей; деньги «Боги»

752 (-1) Римская Марсианская церковь, Среднеазиатская кампания

753 (1) первое консульство Германика Августа Феликса, Мавретанская кампания

754 (2) проконсульство Германика Августа Феликса в Мавретании; преторство Метелла;

помолвка Метелла и Ливиллы; в Китае проведена перепись населения (результаты: 12 233 062 хозяйства и 59 594 978 душ), Тиберием учреждено графство Магатхи в Индии

755 (3) второй год проконсульства; захват Сингапура; вторжение на Хайнань и Тайвань; разгром Цеком сингалов на Шри-Ланке, тамилы присягают Тиберию

756 (4) третий год проконсульства; посольство в Китай (Империю Западная Хань); второе консульство Пилата; аннексия Мавретании Атлантической; начало строительства Канала Варом; свадьба Метелла и Ливиллы; Гай Страбон усыновлён Шатругной Маурья, графом Магатхи; помолвка Страбона с Октавией Клавдией; начало службы Шатругны

757 (5) второе консульство Германика Августа Феликса в компании с Метеллом; храм Марса Победоносного, Колизей и триумф; помолвка Понтия Пилата и Октавии Випсании; смерть Агенобарба

758 (6) раскопки гиперборейского города Ленинграда; основание Шанхая; эдил Гай Страбон Маурья реконструирует храм Конкордии

759 (7) свадьба Германика Августа Феликса и Квинтилии Агриппины; дембелл германцев-клиентов, знакомство с Иисусом; смерть Максима; мавзолей Друза

760 (8) консул Комосик; Цензор Гней Азиний Бебий; претор Гай Страбон Маурья; свадьба Гая Страбона Маурья и Октавии Клавдии; триумф Децима Понтиуса Пилата

761 (9) консулы Маробод и Метелл; смерть Октавии и Мecenата; захват императорской власти в Китае Ван Маном; конец имперской династии Хань; провозглашение династии Синь

Действующие лица:

Марк Випсаний Агриппа (63 г. до н. э.) + Помпония Цецилия Атика + Клавдия Марцелла-старшая + Юлия-старшая + Клавдия Марцелла-старшая

— Випсания Агриппина (36 г. до н. э.) + Тиберий Клавдий Нерон; графство Ассирия

— Випсания Марцелла (27 г. до н. э.) + Публий Квинтилий Вар; графство Аравия Петра

— Гай Юлий Цезарь Випсаниан (20 г. до н. э.) герцогство Бактрия и Гедросия
— Випсания Юлия Агриппина, Юлия-младшая (19 г. до н. э.) + Марк Корнелий Цек (30 г. до н. э.); графство Кавказ
— Луций Юлий Цезарь Випсаниан (17 г. до н. э.) герцогство Аравия
— Випсания Агриппина (14 г. до н. э.) + Марк Валерий Мессала Барбат (22 г. до н. э.); графство Финикия
— Октавиан Випсаниан, Марк Випсаний Агриппа Постум (12 г. до н. э.) герцогство Месопотамия
— Октавия Випсания (6 г. до н. э.) + Понтий Пилат (8 г. до н. э.); графство Палестина
Тиберий Клавдий Нерон (16.11.42 г. до н. э.) + Випсания Агриппина
— Клавдий Нерон Друз-младший (7.10.13 г. до н. э.) + Домиция Лепида Младшая
— Ливия Клавдия (23.11.9 г. до н. э.)
Нерон Клавдий Друз Германик (14.01.38 г. до н. э.) + Антония-младшая
— Германик Август Феликс, при рождении Тиберий Клавдий Нерон-младший (24.02.15 г. до н. э.) + Квинтилия Агриппина
— Клавдия Ливия Юлия, Ливилла (13 г. до н. э.) + Флавий Лаэций Метелл
--?
— Октавия Клавдия, Клавдия (1.08.9 г. до н. э.) + Гай Страбон Маурья
--?
— Друзилла Германика Постума (11.01.3 г. до н. э.) +?
Публий Квинтилий Вар (46 г. до н. э.) + Випсания Марцелла
— Квинтилия Агриппина, Агриппина-младшая (7.08.9 г. до н. э.) + Германик Август Феликс
Луций Домиций Агенобарб (45 г. до н. э.) + Антония-старшая
— Домиция Лепида Старшая (19 г. до н. э.) + Сервий Корнелий Цетег (22 г. до н. э.)
— Гней Домиций Агенобарб (15 г. до н. э. — 6 г. н. э.)
— Домиция Лепида Младшая (9 г. до н. э.) + Клавдий Нерон Друз-младший
Гай Цильний Меценат, Британик (15.04.67 г. до н. э. — 9 г.)
Октавия-младшая (67 г. до н. э. — 9 г.) + Гай Клавдий Марцелл + Марк Антоний + Гай Цильний Меценат
— Марк Клавдий Марцелл (46–23 гг. до н. э.) + Юлия Старшая
— Клавдия Марцелла-старшая (44 г. до н. э.) + Марк Агриппа + Юл Антоний-старший + Марк Агриппа
-- Випсания Марцелла (27 г. до н. э.) + Публий Квинтилий Вар; графство Аравия-Петра
-- Юл Антоний-младший Випсаниан (24 г. до н. э.) герцогство Армения
-- Луций Антоний Випсаниан (22 г. до н. э.) герцогство Персидский Иран
-- Юлла Антония Випсания (16 г. до н. э.) + Маний Эмилий Лепид (24 г. до н. э.); графство Атропатена
-- Октавия Випсания (6 г. до н. э.) + Понтий Пилат (8 г. до н. э.); графство Палестина
— Клавдия Марцелла Младшая (43 г. до н. э.) + Марк Валерий Мессала Барбат Аппиан (45–12 гг. до н. э.) + Павел Фабий Максим (47 г. до н. э.)
-- Клавдия Пульхра (14 г. до н. э.) + Публий Петроний
-- Марк Валерий Мессала Барбат (12 г. до н. э.)
-- Павел Фабий Максим-младший (26.12.9 г. до н. э.)
— Антония-старшая (39 г. до н. э.) + Луций Домиций Агенобарб + Гней Азиний Бебий

-- Гай Антоний Азиний Бебий (9 г.)

— Антония-младшая (31.01.36 г. до н. э.) + Нерон Клавдий Друз Германик + Децим

Понтиус Пилат

-- Антоний Пилат Октавий (2 г. до н. э.)

-- Пилатия Антония (1 год)

Децим Понтиус Пилат (41 г. до н. э.) легат «Четвёртого Македонского», имперский герцог Ютланда и Скандинавии, претор, дважды консул, триумфатор, император Южной Африки

Понтий Пилат (8 г. до н. э.), трибун-ангустиклавий «Четвёртого Македонского»

Секст Гигнат (33 г. до н. э.) «Четвёртый Македонский» легионер, центурион, примипил, трибун, легат, командующий Дальневосточной армией

Гай Страбон (23 г. до н. э.) «Четвёртый Македонский» легионер, центурион, примипил, трибун, легат, претор + Октавия Клавдия

Флавий Лаэций Метелл (25 г. до н. э.) «Четвёртый Македонский» трибун, легат, герцог Средней Азии, претор, дважды консул + Клавдия Ливия Юлия, Ливилла

Тит Силекс (39 г. до н. э.) «Тринадцатый Парный» легионер, центурион, примипил, трибун, легат, претор, префект Претория

Гней Азиний Бебий (36 г. до н. э.) претор, префект Претория; Цензор Римского Сената

Тит Ливий (59 г. до н. э.) историк, писатель, учитель Иисуса

Публий Овидий Низон (43 г. до н. э.) поэт, учитель Иисуса

Маробод (27 г. до н. э.) граф Маркоманнов, трибун, легат, претор, консул

Комосик (31 г. до н. э.) граф Дакии, трибун, легат, претор, консул

Фраат Парфянский (29 г. до н. э.) герцог Парна и Маргианы, трибун, легат, претор, консул

Юба Второй (48 г. до н. э.) имперский граф Северной Понтиды

Птолемей Антоний (9 г. до н. э.) трибун-ангустиклавий «Четвёртого Македонского»

Чандрасекхара Ананхдумра, махараджа-герцог Тамилон (39 г. до н. э.)

Шатругна Маурья (32 г. до н. э.) граф Магатхи, трибун, легат, адъютант Германика Августа Феликса

Мао Ли (36 г. до н. э.), титулярный имперский барон, дипломат в Хань

Никодим Коринфянин (жрец Приапа) посол в Хань, глава церковной фракции в Римском Сенате

Агафон Фракиец (жрец Бахуса) дипломат в Хань

Ломан Галл (жрец Януса) дипломат в Хань

Иерофей Сириец (жрец Меркурия) посол в Хань, управляющий Шанхаем и другими Дальневосточными активами «Банка Богов»

Давид Авигдор, председатель «Банка Богов»

Гигин и Гермоген, ректоры Университета

Захария Мендель, начальник Службы Внутренней Безопасности, глава ревизионного отдела «Банка Богов», граф Фюн

Полиандр, управляющий активами Мецената в Римской Республике, секретарь Германика Августа Феликса

Савмах, вождь сарматов

Игдумпай, вождь роксоланов

Абавх, вождь скифов

Вадургарих, граф Зеландии

Римские легионы в 12 г. до н. э. (все участники войны в Германии)

Legio I Germanica (I Германский легион) 48 до н. э. Юлий Цезарь (Бык) + Германский

Рим + Северная Америка

Legio II Augusta (II Августов легион) 43 до н. э. Октавиан Август + Россия

Legio III Cyrenaica (III Киренаикский легион) 36 год до н. э. Марк Эмилий Лепид

расформирован в Британии в 3 г. до н. э.

Legio III Augusta (III Августов легион) 43 до н. э. Октавиан Август

Legio III Gallica (III Галльский легион) 49 до н. э. Юлий Цезарь (эмблема Слон) + Понт +

Сингапур + Тайвань + Китай

Legio IV Macedonica (IV Македонский легион) 48 до н. э. Юлий Цезарь (эмблема Бык) -

Понт + Британия + Кавказ и Меотида + Средняя Азия + Мавретания + Сингапур + Китай

Legio IV Scythica (IV Скифский легион) 42 до н. э. Марк Антоний + Британия

Legio V Alaudae (V легион Жаворонков) 52 до н. э. Юлий Цезарь + Скандинавия

Legio V Macedonica (V Македонский легион) 43 до н. э. Октавиан Август

Legio VI Ferrata (VI Железный легион) 52 до н. э. Юлий Цезарь (эмблема Капитолийская

волчица) + Понт + Сингапур + Тайвань + Шанхай

Legio VI Victrix (VI Победоносный легион) 41 до н. э. Октавиан Август + Британия

Legio VII Claudia (VII Клавдиев легион) 58 до н. э. Юлий Цезарь + Россия + Канал

Legio VIII Augusta (VIII Августов легион) 59 до н. э. Юлий Цезарь

Legio IX Hispana (IX Испанский легион) 58 до н. э. Юлий Цезарь + Россия

Legio X Fretensis (X Охраняющий пролив легион) 41 до н. э. Октавиан Август -

Причерноморье

Legio X Gemina (X Парный легион) 58 до н. э. Юлий Цезарь + Россия

Legio XI Claudia (XI Клавдиев легион) 58 до н. э. Юлий Цезарь

Legio XII Fulminata (XII Молниеносный легион) 58 до н. э. Юлий Цезарь + Британия

Южная Америка

Legio XIII Gemina (XIII Парный легион) 59 до н. э. Юлий Цезарь (эмблема Лев) + Понт

Британия + Кавказ и Меотида + Средняя Азия + Мавретания + Сингапур + Хайнань -

Шанхай

Legio XIV Gemina (XIV Парный легион) 57 до н. э. Юлий Цезарь

Legio XV Apollinaris (XV Аполлонов легион) 41 до н. э. Октавиан Август + Британия

Legio XVI Gallica (XVI Галльский легион) 41 до н. э. Октавиан Август + Россия

Legio XVII Augusta (XVII Августов легион) 41 до н. э. Октавиан Август

Legio XVIII Augusta (XVIII Августов легион) 41 до н. э. Октавиан Август + Россия

Legio XIX Augusta (XIX Августов легион) 41 до н. э. Октавиан Август

Legio XX Valeria Victrix (XX Победоносный Валериев легион) 31 до н. э. Октавиан

Август + север-запад Германии

Legio XXI Rapax (XXI Хищный легион) 31 до н. э. Октавиан Август (эмблема Единорог

+ Сингапур + Хайнань + Шанхай

Legio XXII Deiotariana (XXII Дейотаров легион) 47 до н. э. Дейотар + расформирован

Британии в 3 г. до н. э.

Итого: 28 — 2 (распущены) = 26

Воссозданные Агриппой легионы Красса:

Legio IV Parthica (IV Парфянский легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio V Syriaca (V Сирийский легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio VII Paterna (VII Старейший легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio VIII Syriaca (VIII Сирийский легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio XI Pia Fidelis (XI Верный и Преданный легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio XII Antiqua (XII Старый легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Legio XIV Martia Victrix (XIV Марса Победоносного легион) 11 до н. э. Марк Агриппа

Итого: 7

Новые легионы:

Legio XXIII Germanica (XXIII Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXIV Germanica (XXIV Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXV Germanica (XXV Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXVI Germanica (XXVI Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXVII Germanica (XXVII Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXVIII Germanica (XXVIII Германский легион) 8 до н. э. Марк Агриппа (в основном клиенты Друза Германика)

Legio XXXIII Martia Victrix (XXXIII Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXIV Martia Victrix (XXXIV Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXV Martia Victrix (XXXV Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXVI Martia Victrix (XXXVI Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXVII Martia Victrix (XXXVII Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXVIII Martia Victrix (XXXVIII Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Legio XXXIX Martia Victrix (XXXIX Марса Победоносного легион) 7 до н. э. Марк Агриппа

Итого: 13

Кавалерийские легионы:

Legio XXIX Hispana (XXIX Испанский легион) 7 до н. э. Марк Агриппа (лёгкая кавалерия)

Legio XXX Gallica (XXX Галльский легион) 7 до н. э. Марк Агриппа (лёгкая кавалерия)

Legio XXXI African (XXXI Африканский легион) 7 до н. э. Марк Агриппа (лучники и верблюды)

Legio XXXII Scythica (XXXII Скифский легион) 7 до н. э. Марк Агриппа (латная кавалерия)

Legio XXXIII Parthica (XXXIII Парфянский легион) 5 до н. э. Марк Агриппа (латная кавалерия)

кавалерия, дружины Вигитора и Комосика, маркоманны, даки, геты и герулы)

Legio XXXIV Parthica (XXXIV Парфянский легион) 5 до н. э. Марк Агриппа (латная кавалерия, дружины Вигитора и Комосика, маркоманны, даки, геты и герулы)

Итого: 6

Легионы имперских графов Германии:

Legio XXXV Marcomanica (XXXV Маркоманнский легион) 5 до н. э. Друз Германия (Мавретания)

Legio XXXVI Dacia (XXXVI Дакийский легион) 5 до н. э. Друз Германик (Мавретания)

Итого: 2

Всего: 54 боевых легиона

Деньги:

Монеты:

«сатир»

«бахус» = 10 «сатиров»

Банкноты:

«сатурн» = 10 «бахусов» = 1 денарий = 5 гр. серебра (суточное жалование легионера)

«юпитер» = 10 «сатурнов»

«марс» = 100 «сатурнов»

«нептун» = 1.000 «сатурнов»

«венера» = 10.000 «сатурнов»

«вулкан» = 100.000 «сатурнов»

«меркурий» = 1.000.000 «сатурнов» = 5 тонн серебра